

Е.П. Блаватская

**ПИСЬМА
А.П.СИННЕТТУ**

Составитель А.Т.Баркер

Перевод с английского А.П.Исаевой и Л.А.Маклаковой

Издательство «Сфера»

Письма А.П.Синнету. Сборник. Перевод с англ. — М.: Сфера, 1996. — 528 с. — (Серия «Белый Лотос»).

Настоящее издание представляет собой полное собрание писем выдающегося теософа XIX века Е.П.Блаватской одному из своих ближайших сподвижников А.П.Синнету, бывшему в тот период (наряду с самой Е.П.Б.) главным теоретиком теософского движения.

Эти письма проливают свет как на философские взгляды Е.П.Блаватской как апостола современной теософии, так и на историю развития основанного ею Теософского Общества.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	Письмо 27	Письмо 61	Письмо 91
Предисловие	Письмо 28	Письмо 62	Письмо 92
Письмо 1	Письмо 29	Письмо 63	Письмо 93
Письмо 2	Письмо 30	Письмо 63а	Письмо 94
Письмо 3	Письмо 31	Письмо 64	Письмо 95
Письмо 4	Письмо 32	Письмо 65	Письмо 96
Письмо 5	Письмо 33	Письмо 65а	Письмо 97
Письмо 6	Письмо 34	Письмо 66	Письмо 98
Письмо 7	Письмо 35	Письмо 67	Письмо 99
Письмо 8	Письмо 36	Письмо 68	Письмо 100
Письмо 9	Письмо 37	Письмо 69	Письмо 101
Письмо 10	Письмо 38	Письмо 70	Письмо 102
Письмо 10а	Письмо 39	Письмо 71	Письмо 103
Письмо 10б	Письмо 40	Письмо 72	Письмо 104
Письмо 10в	Письмо 41	Письмо 73	Письмо 105
Письмо 10г	Письмо 42	Письмо 73а	Письмо 106
Письмо 10д	Письмо 43	Письмо 74	Письмо 107
Письмо 11	Письмо 44	Письмо 75	Письмо 108
Письмо 12	Письмо 45	Письмо 76	Письмо 109
Письмо 13	Письмо 46	Письмо 77	Письмо 110

Письмо 14	Письмо 47	Письмо 77а	Письмо 111
Письмо 15	Письмо 48	Письмо 78	Письмо 112
Письмо 16	Письмо 49	Письмо 79	Письмо 113
Письмо 17	Письмо 50	Письмо 80	Письмо 114
Письмо 18	Письмо 51	Письмо 81	Письмо 115
Письмо 19	Письмо 52	Письмо 82	Письмо 116
Письмо 20	Письмо 53	Письмо 83	Письмо 117
Письмо 21	Письмо 54	Письмо 84	Письмо 118
Письмо 21а	Письмо 55	Письмо 85	Письмо 119
Письмо 22	Письмо 56	Письмо 86	Предметно-именной
Письмо 23	Письмо 57	Письмо 87	указатель
Письмо 24	Письмо 58	Письмо 88	Географический
Письмо 25	Письмо 59	Письмо 89	указатель
Письмо 26	Письмо 60	Письмо 90	Указатель печатных
			изданий

ОТ РЕДАКЦИИ

Представленные вниманию читателя письма, написаны основательницей современной теософии между 1880 и 1888 годами в адрес одного из главных своих сподвижников А.П.Синнетта. Поскольку г-н Синнетт в тот период выступал одним из первых и главных теоретиков и популяризаторов теософского учения, а также входил в число лидеров теософского движения, — то в письмах к нему Блаватская подробно освещает многие теоретические проблемы оккультной философии. Кроме того, эти послания содержат бесценный материал по истории развития Теософского Общества во многих пока еще малоизвестных русскому читателю подробностях, а близкие доверительные отношения между этими людьми обусловили полную откровенность их переписки.

Совершенно особую ценность этим письмам придает живой язык Е.П.Блаватской, блестяще отражающий неординарный образ мысли этого замечательного человека, проникнутый тонким юмором и едким сарказмом, искренним возмущением любой несправедливостью и трогательным сочувствием чужим бедам.

По замыслу составителя, это письма должны взаимодополнять известный сборник «Писем Махатм». Письма расположены, насколько это возможно, в хронологическом порядке.

Указатели в конце книги составлены, на основе сводного индекса первого английского издания этих писем.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Из всех проблем, с которыми сталкивается каждый изучающий теософию, нет ни одной более актуальной в настоящее время, чем доскональное понимание и правильный взгляд не только на личность Основательницы Теософского Общества, но и на характер дела, которым она занималась, и истинные взаимоотношения, которые оно привносит в Теософское движение. Теперь начинают сознавать, что ее труды содержат ключ к разгадке глубочайших тайн Человека и Вселенной, а те, кто выступали против нее, оказываясь неспособными опровергнуть значимость и истинность ее философии, пытались с помощью направленной лично против нее клеветы и обливания ее грязью создать предвзятое общественное мнение и отвлечь таким образом внимание от тех сокровищ знания, средством передачи которых миру она была и которые при беспристрастном рассмотрении, по существу, должны были бы принести с собой убежденность в честности писательницы.

В «Тайной Доктрине» госпожа Блаватская привела слова Гамалиила¹ как особо применимые к ее собственной работе: «Если эта доктрина ложная, она канет в вечность сама собой, но если она истинна, то ее невозможно истребить». И как ее труд выдержал испытание временем и критику читателей, так и эта книга являет собой средство оправдания ее как личности. Пристрастный и не заслуживающий доверия характер написанного Ходжсоном «Отчета Общества психических исследований», ставшего основой для невежественной и злобной критики вплоть до настоящего времени, отчетливо обнаруживается на этих страницах.

Совершенно новый свет проливается и на фальшивки, известные как письма Куломбов, а также на ее отношения с печально известным Вс. Соловьевым, который в ярости и негодовании по поводу того, что ему было отказано в привилегии стать челою, делал все возможное, чтобы повредить ее репутации.

Понадобилась бы целая книга, чтобы в достаточной мере разобраться со всеми доказательствами по этим важным вопросам. Поэтому читателю предоставляется возможность сделать свои собственные выводы относительно того, была ли героическая личность, столь живо выступающая на этих страницах, лжецом, мошенницей и кем-то хуже бесчестного медиума, чему Общество психических исследований и спиритуалисты, как правило, заставляют нас верить, или она была такой, какой считала себя, — конечно, никаким не

¹ Гамалиил — знаменитый иерусалимский фарисей и законник.

медиумом, а тонко чувствующим посредником Учителей, пославших ее выполнять непомерно трудную задачу в условиях, которые остановили бы и храбрейшего, оккультисткой, торжественно поклявшейся хранить молчание по поводу истинных мотивов многих своих поступков, вечно опасавшейся сообщить слишком много, но всё же, несмотря на всё это, работавшей столь неистово и беззаветно ради тех немногих, кто имели право на благодарность ее Учителя.

Как она сама пишет в Письме 45: «Те, кто не находят никакого противоречия в идее... отвратительной лжи и мошенничества даже для *пользы дела*, — будучи связанными с выполнением работы для Учителей, — прирожденные лицемеры... дураки от рождения... Будь я виновна *всего только раз* — в преднамеренной, специально состряпанной фальшивке, и особенно когда обманутыми оказались бы мои лучшие, *самые преданные* друзья, — никакой “любви” к таким, как я! В лучшем случае — *жалость* или вечное презрение. Жалость, если бы оказалось, что я не несущая ответственности за свои действия психопатка, подверженный галлюцинациям *медиум*, которую заставляли заниматься подобным обманом ее “руководители”, коих я выдавала за *Махатм*; презрение, если всё это — сознательный обман...».

Пусть те, кто настолько ограничен, что утверждают, будто Учителя и их учение являются выдумкой Е.П.Блаватской, прочтут отчет о ее путешествии в дебри Сиккима, в котором она описывает *личную* встречу с Махатмами М[орией] и К[ут] Х[уми]. Истинная природа этих Адептов как *живых людей* или, как называла их Е.П.Б., «величайших смертных, а не невежественных нелепых богов», остается здесь в сфере догадок.

Вряд ли найдется хоть одна страница, которая не проливает несколько неожиданный свет на тайны взаимоотношений между Адептом и челою, и это дает возможность достичь некоторого понимания жизни тех, кто, живя в миру, служит целям Великой Ложы Адептов, обитель которой находится за Гималаями, в северной Индии. Где бы ни находились эти челы, их сердца отзовутся более горячим и быстрым биением, когда они прочтут рассказ о сокровенных связях Е.П.Б. с ее Учителями. По мере того как они будут читать далее об испытаниях и муках, которые неизбежно выпадали на долю других чел сорок лет тому назад, они отнюдь не будут склонны осуждать тех, кто пали с высот своего положения втянутые в трясину той или иной слабостью человеческой природы. Но, несмотря на то, что неудачи не должны вызывать ничего, кроме жалости и сочувствия, пусть ни один из изучающих священную науку не впадает в грубейшую ошибку

стремления от имени Братства оправдать потворство своим желаниям и слабостям в этическом или моральном отношении.

Есть несколько упоминаний о написании «Тайной Доктрины», которые показывают, до какой большой степени сами Учителя были ответственны за этот труд. Вот почему учение Е.П.Б. «остаётся для нас проверкой и критерием теософии», с помощью которых следует оценивать любое другое учение в той же области. Ведь если Учителя не знают, что такое теософия, то этого не знает никто, потому что в своей сущности, чистоте и полноте она одна содержится в тайном учении, хранителями которого являются сами Учителя. Это учение, как утверждала Е.П.Б., «есть не фантазия одного или нескольких отдельных индивидуумов, но результат труда тысяч поколений Адептов-провидцев», через которых оно было передано от первых Божественных Наставников нашего человечества. Это субстрат и базис всех мировых религий и философий, но ее доктрины не являются исключительной собственностью ни одной из них. И миссия госпожи Блаватской заключалась в том, чтобы по поручению этих Адептов сообщить миру некоторые положения этого древнего учения.

Следует помнить, что Адепт-Учитель — это тот, кто достиг бессмертия и поэтому обладает способностью постигать истину такой, какова она есть, и *по своему желанию* отражать ее без искажения. Однако никто из находящихся на более низкой ступени духовного развития не может всегда и с уверенностью претендовать на эту способность, а потому свидетельство Учителей должно пользоваться наивысшим авторитетом по всем вопросам оккультной доктрины и практики. Здесь необходимо прямо заявить, что с точки зрения «первоначальной программы» Общества никакая теософская ассоциация не имеет *права на существование*, если она не верна Учителям и их учению. Некоторые считают, что можно быть преданными Учителям, отвергая даже теоретическую истинность их учения. И именно за это старое Теософское Общество несет серьезную ответственность.

В предисловии к «Письмам Махатм» автор уже имел повод указать, в каких важных отношениях это Общество продемонстрировало своими действиями серьезное отклонение от духа и буквы подлинного учения. Эта книга несомненно доказывает, что произведения Е.П.Б. полностью согласуются с доктринами Учителей, и ни в чем это не заметно более отчетливо, чем в ее толковании теорий, касающихся жизни после смерти. Достаточно важной стороной дела является то, что Теософское Общество основывает свою пропаганду этой важной темы не на

откровении Е.П.Б. и Учителей, как читатели могут ожидать, а на личном исследовании тех, кто изучал это позднее, и чьи взгляды, например, на продолжение существования личного сознания *после смерти* настолько отличны от первоначального учения, что представляют прямую *ему противоположность*.

Никто из глубоко изучавших труды Е.П.Б. не будет отрицать силу или истинность этих аргументов, но есть много и таких, кто считают своим долгом оставаться в старом Теософском Обществе и в то же время быть верными исходному учению. Они тотчас же сталкиваются с определенными трудностями, которые надо испытать, чтобы понять, но которые, к счастью, структура Общества позволяет разрешить. Пусть читатель обратится к Письму 100 и поймет из него, как Е.П.Б. столкнулась с очень похожей ситуацией и какие меры она рекомендовала, чтобы справиться с нею. Она придает особое значение тому факту, что Общество было основано как всемирное Братство, в котором никто не имеет права навязывать свои взгляды другим, но каждому должно быть позволено свободно выражать собственное мнение. Она дает точное определение тому, что есть ядро Братства, цитируя Учителя К.Х. почти дословно: «Группа или отделение, каким бы маленьким оно ни было, не может быть *Теософским Обществом*, если его члены не связаны друг с другом магнетически одинаковым образом мыслей или, по крайней мере, мышлением в *каком-то одном направлении*». Она считает, что те, кто хочет во что бы то ни стало сохранить верность первоначальной программе Общества, — то есть *Учителям и их Учению*, — должны основывать ложи, посвященные исключительно этой цели. То же самое следует предпринять и для преодоления нынешних трудностей.

Поэтому пусть приверженцы Мудрости Е.П.Б. во всем мире объединяются в Теософском ли Обществе или вне его; пусть они создают ложи, которые будут обособлены и освящены беззаветной преданностью Истине и делу братства человечества, обращаясь за знанием к ее произведениям, в которых есть всё и гораздо больше, чем нужно, для образования теософов, пока не пробьет обещанный час в начале последней четверти нашего столетия, когда можно будет ожидать, что появится еще один посланец Великой Ложи и продвинет дело Е.П.Блаватской на следующую ступень раскрытия.

А.Тревор Баркер
Лондон
Декабрь 1924 г.

«...То было лишь твое упорство, что неизменно сопровождало каждый твой шаг по непроторенному пути и спасло **моего** друга для лучших дней. На что только не способно упорство. ...Великий замысел редко постигается сразу, именно **упорство** раскрывает его глубины...»

К.Х.

ПИСЬМО 1

Мой дорогой хозяин!

Завтра отбываю — *хвала судьбе!* Лишенный наследства рассказывает мне, что Вы живете в сыром месте и пострадаете от этого. Вы что, живете в палатке? М-р Хьюм просит вложить в письмо эту записку для Вас от «C[ivil] and M[ilitary] Sewer»².

Получили ли Вы письмо князя Дондукова ко мне? М[ория] хочет, чтобы я велела Вам показать его как можно большему числу Ваших говорящих по-французски друзей и моих врагов, а также продемонстрировать его м-ру Ратигану. Он говорит, что *внушит Вам, что делать*. Может, Он хочет превратить Вас в *медиума*? Нарыв мой болит страшно, и все-таки говорю Вам, я — Иов в юбке!

Мой поклон м-ру Тиреллу и Струиту — или как там пишется его имя? Сердечный привет миссис и м-ру Паттерсонам.

Ваш осиротелый друг и...

Е.П.Б[лаватская].

² «C. and M. Sewer». — Возможно, Е.П.Блаватская, выражая свое отношение к «C. and M. Gazette» — «Калькуттскому и Мадрасскому вестнику», заменяет в его названии «Gazette» — «вестник» на «Sewer» — «клоака».

ПИСЬМО 2³

25 марта

Мой дорогой м-р Синнетт!

Вы правы. Их девиз: *«Всё или ничего»*. И с какой стати Вам нужно подвергать себя ежедневным пыткам? К.Х. будет переписываться с Вами так же, как и теперь, если это всё, чего Вы хотите.

«Вега»? Не та «Вега» Норденсьельда, которая ходила к Северному полюсу и побывала в Сибири, а «Вега» Эглинтон, на которой он плывал в Англию. Сейчас, когда я пишу, Вам всё известно из полученной этим утром телеграммы от миссис Гордон о том, что пришло письмо от Эглинтон, свалившееся ей на нос прошлой ночью, с пометками Хозяев и меня смиренной. Простой ночью, между 8 и 9 вечера, я получила два письма от Эглинтон *прямо* с крыши в присутствии семи свидетелей. Одно — для меня, другое — для миссис Гордон. Он просил переслать ей это письмо *обычным путем*, причем К.Х. потребовал, чтобы я отослала его *немедленно*, что я и сделала. Письмо от Э[глинтон], 2 визитные карточки, написанные мною вчера вечером в 8.30 в присутствии гостей, и замечания Хозяев — всё это через несколько секунд было в Хауре. Вот и всё. «Только это и ничего более».

К.Х. сообщает, что видел Эглинтон и *гарантировал ему поддержку*. Теперь остается посмотреть, *каких «проводников»*⁴ Э[глинтон] понавешает на К.Х.

Я чувствую себя неважно. Нездоровится, раздражена, подавлена и рассержена на весь свет. Не знаю, как с такой температурой смогу поехать в Мадрас.

Сердечный привет дорогой хозяйке. Если бы только я умела писать так, как она, я была бы счастливой женщиной.

Ваша, в игре воображения,

Е.П.Блаватская.

Между тем новый «проводник» хочет сказать Вам несколько слов. Если Вас хоть сколько-нибудь заботят наши будущие отношения, то Вам лучше постараться заставить Вашего друга и

³ Письмо 2 — После этого письма Е.П.Блаватской приводится послание Махатмы Кут Хуми, напечатанное жирным шрифтом.

⁴ Проводник — спиритический термин для обозначения духа-руководителя.

коллегу м-ра Хьюма отказаться от безумной затеи поехать в Тибет. Неужели он и в самом деле считает, что *если мы сами не позволим*, он или армия пелингов⁵ получат возможность отыскать нас или вернуться с известием, что мы, в конечном счете, всего лишь «игра воображения», как она это называет. Безумен тот, кто воображает, что уж британское-то правительство достаточно сильно, богато и могущественно, чтобы помочь ему в осуществлении его безрассудного намерения! Те, кому мы пожелаем открыться, обнаружат нас у самых границ. Те же, кто восстановил, подобно ему, против себя Коганов, не нашли бы нас, даже если бы пришли в Лхасу с целой армией. Осуществление им этого плана послужило бы сигналом к полному отделению вашего мира от нашего. Его идея обращения к правительству за разрешением отправиться в Тибет смехотворна. Он будет сталкиваться с опасностями на каждом шагу и не получит ни малейшей весточки о нас или нашем приблизительном местопребывании. Прошлой ночью ему и миссис Гордон должны были передать письмо. Коган это *запретил*. Вы, добрый друг, предупреждены — действуйте соответственно.

К.Х.

ПИСЬМО 3⁶

9 августа

Тендрил, Симла

Знаете ли Вы, какого числа опубликована Ваша статья в «Индо-британской Индии»? Седьмого. А известно ли Вам, что Вы нашли в Мории друга навек? Благодаря нескольким добрым словам, впервые высказанным в «Pioneer», Вы сделаете больше добра, чем совершили до сих пор. Я не понимала, почему он выказал столько беспокойства по поводу посылки Вам своего портрета. Ах, как я теперь это понимаю!

Сегодня я посылаю Вам копии *двух этих писем*. Пожалуйста, как можно скорее перешлите их обратно.

Ваша в индо-британской Индии,

Е.П.Б. — Маллиган⁷.

⁵ *Пелинги* — так называли в Тибете всех чужеземцев, особенно европейцев.

⁶ *Письмо 3* — Открытка, адресованная «А.П.Синнету, эсквайру».

ПИСЬМО 4

Мой Хозяин приказал передать Синнету, эсквайру, следующее:

1. Не упустить возможность сегодня вечером познакомить Р.С[котта] с *каждой подробностью* ситуации, которая может сложиться для него в связи с Обществом или обуревающими его матримониальными идеями.

2. Настаивайте на получении точной копии написанных до сего момента небольших очерков о космогонии с тибетскими терминами, заметками М. и т.д. Е.П.Б. велено приобрести один экземпляр, ибо она должна досконально узнать, на что обратил внимание м-р Хьюм и как много он извлек из объяснений. Иначе, когда наступит реакция и м-р Хьюм возьмется за повторное изучение, ни м-р Синнетт, ни Е.П.Б. не будут в курсе его мыслей и он снова — подобно квартету музыкантов из басни Эзопа — примется ругать *инструменты*, на которых не умеет играть.

3. М-ру Синнету, раз уж он находится в Аллахабаде, надо бы объявить о создании Аллахабадского Общества под названием Англо-индийское [Теософское] Общество исследований или дать ему любое [другое] название, лишь бы оно не действовало на нервы скептически настроенного общества. Пусть оно будет непохожим на другой филиал в Аллахабаде, названный Теософским Обществом Прайяга, хотя входящие в него индусы могли бы оказаться весьма полезными м-ру Синнету, и он, если хорошенько поищет, обнаружит там личности, обладающие удивительными *месмерическими* способностями.

4. М. советует м-ру Синнету особо проследить, чтобы его маленького сына не заставляли есть мясо, даже птичье, и написать об этом миссис Синнетт. Раз уж мать отдала ребенка под покровительство К.Х., то пусть она не обнаружит в нем ничего, что может загрязнить его естество. Ребенок в ближайшем будущем может стать мощной движущей силой добра. Пусть его воспитывают так, как подсказывает его *собственная натура*.

5. М-ру С[иннету] напоминают о необходимости послать О[лькотту] телеграмму с запретом отвечать на что бы то ни было м-ру Хьюму, пока он не получит письмо от м-ра Синнетта.

6. М-ру С[иннету] теперь, когда он останется один, следует связаться через Адитьярума Б. с некоторыми индусскими мистиками,

⁷ Маллиган — шутовское прозвище Е.П.Блаватской, данное ей Г.С.Олькоттом.

причем не ради философии, а чтобы выяснить, какие могут быть произведены ментальные феномены. В *Меле* можно встретить некоторых из завсегдатаев этих мест.

7. Как только м-р Синнетт почувствует желание написать М. или обратиться к Нему за советом, он может начинать действовать без всяких колебаний. М. всегда ответит ему, причем не только из-за К.Х., а ради него самого, ибо м-р С[иннетт] доказал, что даже англо-индиец может иметь в себе подлинную... **Искру**, которую не в состоянии погасить никакое количество ни бренди с содовой, ни другой дряни и которая время от времени будет вспыхивать, и притом весьма ярким светом.

Хотелось бы, чтобы она прочла Ферну письмо, написанное вчера вечером. Вы, если захотите, можете показать и прочитать его Р.С[котту]. Всё, о чем сказано выше, верно.

Ваш М.

ПИСЬМО 5

2 ноября 1880 г.

Лахор

Дорогой хозяин!

Боюсь, что я взялась за выполнение непосильной задачи. Но я, если только не выдохнусь, всё же твердо решила силой пролагать себе путь до конца и никогда не оставлять моим врагам ни единого шанса доставить мне беспокойство. Именно поэтому я умоляю Вас опубликовать несколько слов в ответ на глупые и низкие инсинуации (а еще лучше, если бы это можно было сделать в виде трех или четырех строк на первой странице «Pioneer»).

В «Bombay Gazette» от 6 ноября сказано, что «корреспондент от “Englishman” проливает еще немного света на оккультизм в Симле. Он говорит: “Я не думаю, что хотя бы в одной из всех публикаций о Т[еософском] О[бществе] было упомянуто, что госпожа Б[лаватская] работает корреспондентом русской газеты”. В *антианглийской* газете “Московские ведомости” появился ряд писем... якобы полученных из Индии и написанных женщиной, состоящей членом Т[еософского] О[бщества] и подписавшейся как Радда-Бай. Письмо начинается словами: “Из пещер и дебрей Индостана”. Автором, по всей видимости,

не может быть никто иной, кроме госпожи Б[лаватской]. Волшебные сказки о змеях и тиграх Индии, рассказанные в этих письмах, вполне теософские и пропитаны оккультизмом».

На это я дала краткий ответ, заметив, что весь свет, когда-либо пролитый этим фактом (что я корреспондент русской газеты, хотя и *антианглийской*) на феномены в Симле, сводился к разоблачению возможности новой иллюзии правительства Индии — вероятно, в форме подозрения, что тайные русские политические шпионы были моими сообщниками. Что я никогда не делала тайны из того, что являюсь корреспондентом русских газет, ни одна из которых никогда не была только антианглийской (хотела бы я отыскать хоть одну, которая таковой не является!), или пишу под псевдонимом Радда-Бай. И что слишком мало было тайного в том, что необходимую информацию для моего последнего письма из Симлы в русские газеты я получила, собственно, от некоторых чиновников и т.д. (Вы знаете о Рамчундре).

Вот что я послала Вам, горячо умоляя Вас всё это напечатать, ибо страстно желала сломать шею хотя бы одному из моих идиотских врагов. К.Х. на это заметил, что было бы гораздо лучше, если бы я позволила Вам написать несколько слов в форме редакторского примечания к этой *глупой* газетной заметке (приведена выше). Я сказала «нет». Я знала, что Вы не любите, когда Вас просят о чем-то написать, если только это не касается улучшения моего письма и придания большей точности языку. Итак, я посылаю Вам вот это. Но Ему, по-видимому, обязательно всё надо переиначивать на свой лад. Иначе как могло потеряться мое письмо? Именно Махатма К.Х. был способен на подобного рода выходку только потому, что Он мудр, силен и здоров, а я глупа, а теперь еще и слаба и больна. Я считаю, что с Его стороны это не по-дружески. Если я столь бесполезна и глупа, то почему бы Им меня не уничтожить? Доктор [Лори] не позволит мне отправиться в путь завтра. Он настоятельно советует мне сменить место жительства. Сильное нервное расстройство, лихорадка и т.д. — вот его заключение. Ох и натерпелась же я от этой старой туши!

Сердечный привет вам обоим.

Вопреки всему, ваша

Е.П.Блаватская.

Дух силен, но слаба плоть, и порой слаба настолько, что даже берет верх над сильным духом, «который знает всю истину». И теперь, избавившись от его контроля, это бедное тело в бреду. И так как даже мне в ее глазах не удалось быть выше всяческих подозрений, Вы едва ли сумеете проявить избыток терпимости или принять слишком большие меры предосторожности, пока не прошел опасный нервный кризис. Он был вызван потоком незаслуженных оскорблений (которых люди, подобные Вам и полковнику Олькотту, даже бы и не заметили, а ее тем не менее подвергли невыносимым мукам), и единственным средством исцеления для нее могут стать отдых и душевный покой. Если когда-нибудь Вам на собственном опыте случится познать двойственность человека и возможность посредством оккультного знания пробудиться ото сна, в состоянии которого он пребывает, к независимому существованию, невидимому, но реальному «Я», не упустите такой возможности. Наблюдайте и учитесь. Случаи, подобные этому, ставят в тупик биологов и психологов. Однако стоит лишь познать эту двойственность, как сразу же всё становится ясным как день. К моему большому сожалению, теперь я могу действовать через нее только в крайне редких случаях и с величайшими предосторожностями. Письмо к ней м-ра Хьюма, письмо, полное подозрения и скрытых под маской благожелательности оскорблений, оказалось «последней каплей». Ее пенджабская лихорадка — раз уж исчез симптом брюшного тифа — сама по себе ничуть не хуже тех многих болезней, что перенесли в Индии европейцы; хотя теперь я могу Вам сказать, что кризис миновал — ее разум, равно как и ее жизнь были в опасности в субботу вечером. Что касается меня самого, то Вы должны всегда доверять мне, Вашему верному и искреннему другу.

Кут Хуми Лал Синг

ПИСЬМО 6

Приблизительно во вторник

Получила от Вас два послания. Ну теперь-то уж будьте уверены, что читатели будут основательно напичканы *окультной* доктриной. Статья м-ра А.П.Синнетта, два письма под номерами 1 и 2, заметки м-ра А.О.Хьюма в 11 колонках!!! Транспривиденческие измышления Оксли — 8 колонок!!! Критика Вашего обзора Мейтландом и миссис Кингсфорд — и т.д., и т.п. И, наконец, критический разбор лекции полковника Олькотта «Что такое электричество — сила или материя?» и ответ Махатмы К.Х., который становится настоящим *писакой, корректором* посредством астрального света и т.д. Только как раз теперь он пребывает в крайне мрачном настроении, и, мне кажется, я знаю почему. Ну что ж, я его не виню. Я давно ходила бы на голове, чтобы хоть *таким способом* добиться признания своих усилий и заслуг.

Итак, каковы Ваши намерения относительно моего неугомонного Хозяина? Три дня назад Он разыгрывает свое появление столь неожиданно, что мне показалось — это гора обрушилась на мою голову и *ругает меня*(!!) за то, что я не послала Вам Его портрет! Но с какой стороны, черт возьми, это *меня-то* касается? За месяц до отъезда из Бомбея Олькотт отдал Его портрет пастелью фотографу; и должна ли я возлагать на себя ответственность еще и за грехи фотографа? Вот это мило! Я послала за портретом и с величайшим трудом получила всего один, а Он стоял у меня над душой, пока я упаковывала его, заворачивала в бумагу и надписывала Ваш адрес. Избыток любви и нежности портит характер ребенка. Неужели Им обоим так и не попадет — Вашему тибетскому Оресту и Его Пиладу⁸, за то, что Они обнимают Вас как два дурака! Неужто мне не доведется порадоваться этому? Будьте уверены, что я, как истинная дочь своего отца, права, и Коган однажды Их за все это спокойненько прикончит. И зачем вообще Вам потребовался Его портрет? Он совсем на Него не похож, так как теперь Он больше не носит свой легкий белый тюрбан, а просто приклепывает на макушку желтый соусник, подобно К.Х. Все это лишь томление духа и суета сует и ничего более. Лучше попросите Когана оказать Вам любезность, подарив *Свое* изображение, а затем смотрите, как мило Он выглядит, каждое воскресное утро.

⁸ *Орест и Пилад* — в греч. мифологии — верные, неразлучные друзья, Е.П.Блаватская сравнивает их дружбу и дружбу Махатм Мории и Кут Хуми.

Я чувствую, что умираю. Ну как, теперь *Вы* довольны? Раздражение и работа по двадцать шесть часов в сутки убивают меня. Голова моя кружится, зрение притупляется, и однажды я наверняка свалюсь на свою рукопись и стану трупом прежде, чем Т[еософское] О[бщество] с неодобрением воскликнет: «Фу!» Впрочем, меня это не волнует. И какого черта это вообще должно меня волновать?! Ничего другого мне больше и не осталось, а в таком случае лучше сразу стать призраком и вернуться, чтобы схватить за нос моих врагов. Вашу корректуру я Вам вышлю. Прошлой ночью К.Х. заявил, что и *Вы*, и м-р Хьюм писали об одном и том же и *тем же* языком он [Хьюм] описывает участь самоубийц и т.д. Разберитесь в этом получше. Но потом К.Х. со своей недопустимой терпимостью вновь заявляет, что лучше бы м-ру Хьюму убрать это из [своих] заметок, так как у него 11 колонок, а Ваших всего около 7 (двойка). Я отошлю Вам Ваши корректуры, как только они будут готовы. У меня не было времени прочитать их, но всё должно быть в порядке, ибо К.Х. говорит, что именно так и есть. Но в таком случае Он признает хорошим даже то, что *Вы* отправите в свою мусорную корзину. Я теряю к Нему доверие. Прощайте,

(так-то вот)

Е.П.Б[лаватская].

Вам не стоит утруждать себя, обращаясь ко мне с просьбой направлять Ваши письма К.Х. в запечатанном виде. По части извлечения корреспонденции из запечатанных конвертов Он превосходит русского чиновника из министерства тайной полиции. Я обнаружила лишь *Ваше* письмо *ко мне*. Ему нечего опасаться моего любопытства. Меня крайне мало интересует ваша переписка, и мне вполне хватает чтения собственных писем, которым я от всей души пожелала бы провалиться в такое пекло, о котором миссионеры могут только мечтать. Так как теперь Вам, возможно, доставляет удовольствие лезть, которой Вас пичкает К.Х., *Вы*, по всей вероятности, с наслаждением прочтете мнение людей (индусов) о своих «Усердных богомольцах».

ПИСЬМО 7

Сахаранпур

Прибыла вчера вечером, нет, — вчера утром (это Скотт приехал вчера вечером из Мултана). Фишер и Вильямс встретили меня и горят желанием присоединиться. Прошлым вечером обедала с миссис и м-ром Фишерами в их доме и оставалась у них до часу ночи. Сегодня весь день проведу с Вильямсом у него дома, а завтра утром отправлюсь со Скоттом в Дехра-Дун.

Почему Вы называете меня ленивой? Почему упрекаете в молчании и отсутствии писем? Почему Вы клеветеете на меня и говорите, что я сквернословлю? Ничего похожего. Я писала Вам нежнейшие и в высшей степени изысканные письма и за две недели не получила от Вас ни одного ответа. Видела Хозяина? Конечно, видела. Но как я смогу повторить Вам всё, что Он говорил, ведь мне очень трудно написать нормальное письмо, а Вы не проявляете снисхождения к ненормальным. Там никогда не присутствовал гений, а был кто-то чокнутый. А я «гений» — по крайней мере, так выразился Вильямс. Но к делу, в течение трех дней я не слышала, не видела и не ощутила даже запаха Хозяина. Он, должно быть, назойливо домогался Вашего письма, хотя, как я понимаю, Он знает, что Вы делаете. Сколько раз Вы Ему писали? Он очень раздражен — по крайней мере, был, когда я в последний раз видела Его в Лахоре. Еще и обозвал меня помешанной за мое желание высказать свое мнение редактору «C. and M. Sewer». Последний опять выступил не с клеветническим, но в высшей степени глупым и наглым посланием. Воистину, я не умру счастливой, пока не увижу, как хоть кто-нибудь хорошенько выпорот его хлыстом, и есть несколько англичан, стремящихся поступить подобным образом.

Что я могу сказать по поводу незамедлительного приема Вами новых членов? Ну конечно, Вы должны их принять и прислать их заявления мне, а не Олькотту, так как в данное время здесь представляю его я. Сам он вместе с 50 буддийскими жрецами сейчас находится в Тиневелли, где производит невероятную сенсацию. Как только увижу Хозяина, сразу же спрошу у Него разрешения. Но где, черт побери, мой Хозяин? С тех пор как Он устроил мне нагоняй, я Его так и не видела. Мне кажется, Он, должно быть, пристраивается где-нибудь поблизости от нашего К.Х. М-р Хьюм? Почему после Вашего отбытия м-р Хьюм ни слова не сказал о *Братьях*, если не считать того, что он разок-другой посмеялся над Ними. Перед отъездом он заявил мне: «Через неделю

будет готова моя работа “Разбросанные перья”, и если Мориа хочет продолжения, я должен получить от него послание». Вот и всё, а сейчас за мной зашел м-р Вильямс, чтобы забрать отсюда. *Лишенный наследства* хочет написать Вам, причем, как он заявляет, если Вы ему разрешите, — через Дамодара. Хозяин что-то говорил по поводу желания увидеться с Дамодаром. Но Д[амодар] не говорит ни слова.

Итак, прощайте, я напишу или постараюсь написать более подробное и нормальное письмо из Дехры.

Ваша во Христе

Е.П.Блаватская.

ПИСЬМО 8

Четверг

Дехра

Мой дорогой младший хозяин!

Я намеревалась остаться здесь до понедельника, как вдруг сегодня на рассвете получила *распоряжение* в субботу утром 12-го двинуться дальше и в воскресенье быть в Мируте. Распоряжения эти явно не шутка, а посему я повинуюсь и лучше поступить просто и не в состоянии.

Что Вас дернуло написать мне так, как если бы я определенно подъезжала к Аллахабаду? Как это я могу подъезжать, когда мне придется проехать через Бароду, и сейчас я пребываю в неведении более чем когда-либо прежде. Вы ни слова не пишете мне о Падшахе. Я и не знала, что он уже уехал в Лакхнау, а теперь вдруг получила оттуда телеграмму с просьбой об *Уставе*. Я отправила ему один экземпляр и осталась в полном недоумении. Существуют, как я слышала, около семнадцати членов, принятие которых должно состояться в Барейли, причем это как раз те, кто присоединились уже давно, но всё еще не прошли обряд крещения во имя Святого Духа. А посему я и не знаю, должна ли я ехать в Барейли или нет, надо ли мне ехать в Лакхнау или нет и поеду ли я *так* или *иначе* в Бомбей. Как знать? Всё это зависит от прихоти моего Хозяина; и я истинно верю, что, несмотря на Его юношескую внешность, Он стареет и впадает в детство (при всем подобающем к Нему уважении). Вы считаете меня неспособной принять наконец решение и относитесь ко мне почти что как к безумной. А что я могу сделать? Как я могу заявить, что поеду туда-то или куда-нибудь в

другое место, если обычно в одиннадцатом часу появляется Он и меняет все мои планы — как в случае с Лахором. И зачем я должна ехать в Аллахабад? Чем я могу Вам помочь? Ничем. Если я поеду к Вам, значит, я должна отказаться от Бароды, если, конечно, Вы не сможете найти для меня способ поехать туда из Аллахабада, не возвращаясь в Тундлу или Дели, что привело бы к ужасным расходам. Пишите мне в Мирут. Если Вы незамедлительно отошлете туда свой ответ, он меня там, конечно, застанет. Пишите по адресу Бабу Балдео Прасада (члена Теософского Общества), директор Государственного педагогического училища.

Сейчас здесь Черч, коллектор, и его жена (старая воздыхательница Гриффита) со Скоттом, причем среди всех сквернословящих, злых, распускающих клевету и порочных женщин — она царица. Говорят обо мне, изредка подпускают непристойности, пользуясь моей природной наивностью и несовершенным знанием английского. Она рассказывает такие вещи, которые заставляют меня краснеть до корней волос и сгорать со стыда! Лишь раз болтнув языком, она с величайшим равнодушием опозорит любую женщину. И как она может быть подругой миссис Паттерсон?! У нас новый член, капитан Бэнон 39-го полка из Гвалиора. Большой ученый, знает санскрит и другие языки. Чиновник, связанный с политикой. Он горит желанием познакомиться с Вами и быть принятым в члены Общества, и теперь Скотт пишет ему для Вас рекомендательное письмо. Нарочно для этого он поедет в Аллахабад, а в своем письме Скотту замечает: «Будущим летом я, вероятно, поеду в Гунготри. Там в Толинге есть большой монастырь, где пребывают высшие ламы, обладающие огромными оккультными способностями». И К.Х., когда писал Вам, находился именно в Толинге. Но ведь там только *челы* первой ступени, и я сомневаюсь, станут ли они ему что-нибудь рассказывать или показывать. Однако это всё же здорово, если он туда съездит.

Спасибо за то, что Вы ради нас сделали с «Englishman». Это вонючая дрянь, подобно «C. and M. Gazette», ну прямо-таки ее кузен. Что, как Вы думаете, сделал Хьюм? Он заказал 200 экземпляров Устава с печатью сверху и теперь, когда они прислали ему счет на 4 рупии, отказался его оплатить, заявив, что *раз нам это ничего не стоило*, то и он не будет за это платить. Ну что ж, я хочу, но, конечно, не стану вымаливать эти 4 рупии, жалкие, как и я. Однако это хорошо сказано, что Устав ничего нам не стоил. Ведь на Уставе, заказанном и оплаченном Тукарамом Таттей, нет печати, и он полностью отличен от нового. К тому же вначале он заказал сто пятьдесят, а затем 500 экземпляров

«Фрагментов оккультной истины», сказав, что он взял бы 200. Потом он (до Вашего отъезда) опустился до 100, а еще позже, когда я собралась уходить, заявил, что, по его мнению, «вполне хватит и дюжины». И зачем теперь, ради всего святого, он ввел нас в эти ненужные расходы? Безусловно, их можно распродать по 4 анны, но на это потребуется год или более, а печатнику надо платить сейчас. Мне нужно было всего 100, да я никогда больше бы и не заказала. Но, я, конечно, не скажу ни слова; только буду более осмотрительной. Определенно он странный человек: готов из прихоти выбросить тысячи, а как только страсти улягутся, «*se faisant tirer par les cheveux*» [«его придется тащить за волосы» — (лат.)] ради нескольких рупий.

Бедный Лишенный наследства очень болен. Он упал, поскользнувшись на жвачке, и чуть не сломал обе ноги. Хорошо, что он не оказался на месте другого чела, у которого хватило времени и присутствия духа совершить всё необходимое, чтобы *остановиться, падая в пропасть* — весьма кстати! — с высоты 2800 футов, иначе он разбился бы вдребезги. М. говорит, что это дело рук дьявольского «красношапошника», который в какое-то мгновение застал юношу врасплох и, конечно, моментально этим воспользовался, и не за этим ли он несколько недель бродил вокруг дома, где сейчас нет ни одного Адепта, а только три чела и женщина? Лишенному наследства, несомненно, скоро будет лучше, просто это еще одно доказательство того, что даже чела первой ступени иногда можно застать врасплох и что несчастные случаи происходят и в наилучшем образе опекаемых семействах.

Прилагается еще одно доказательство высших добродетелей наших христианских братьев. Посылаю Вам только конверт, содержимое которого состоит из пакостной статьи из «Saturday Review» и еще одной прошлогодней из «N[ew] Y[ork] Times». Предназначенная Олькотту часть письма всё Вам объяснит.

Если будет время, напишу из Мирута. Ну как, написал ли Вам мой Хозяин?

Ваша во Христе

Е.П.Б[лаватская],
урожденная Ган фон Роттенштерн-Ган.
Черт подери!

Росс Скотт передает сердечный привет. Как жаль, что Вы не слышите, как ругается жена коллектора Черча!!

ПИСЬМО 9

14-20

Мирут

Только что получила Вашу телеграмму. Ну и что это значит? Я знала, что она пришла для М., уже намекавшего, что в этой поездке мне следовало бы отказаться от Бароды и ехать туда из Бомбея. Но почему ради озорства Он требует моего пребывания в Аллахабаде — это выше моего понимания. Во всяком случае завтра поехать я не смогу. Вначале мне придется отправиться в Барейли, ибо там ждут принятия в члены Общества одиннадцати теософов, которые уже давно готовятся к встрече со мной. К тому же я обещала *мирутцам* остаться здесь до завтрашнего вечера, так как сюда, специально чтобы повидать меня, приехали несколько человек из Дели. Я не могу разочаровать их и не думаю, что Хозяину нужно, чтобы я нанесла людям подобное оскорбление, полностью обманув их ожидания. За последние 48 часов я не видела и не ощущала Его присутствия. О том, что Его беспокоит, мне ничего не известно. Он хочет, чтобы я поехала к Вам. Так почему бы Ему не сказать мне об этом *прямо*; и какое право Он имел превратить Вас в посредника, будто для Вас я это сделаю охотнее, чем для Него! Он понимает, что я всего лишь **раб** и что Он имеет право помыкать мной, не сообразуясь с моими вкусами или желаниями. Весьма забавно. Ну ладно, ладно, я приеду и телеграфирую Вам, когда это произойдет, 18-го или 19-го.

Ваша Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 10

[Письма и замечания,

посланные А.П.Синнеттом А.О.Хьюму]

Май-июнь 1882 г.

Бомбей — Симла

Мой дорогой Хьюм!

При сем прилагаются разные письма, с которыми Вам желательно ознакомиться. Несколько дней назад я получил их от Дамодача.

ПИСЬМО 10а

5 июня 1882 г.

Брич Канди, Бомбей, Индия

Редакция «Theosophist»

А.П.Синнету, эсквайру.

Глубокоуважаемый сэр!

Когда госпожа Блаватская уезжала в Калькутту, она оставила у меня (30 марта) письмо для м-ра О'Конора, распорядившись переслать его адресату в первую неделю июня, если не последует никаких других указаний. Таким образом, я должен был отправить его с завтрашней почтой, однако только что мне было приказано отослать его Вам. Итак, я запечатываю его в конверт и направляю Вам. Прошу извинить невольную спешку, но почта вот-вот закроется и нельзя терять ни минуты.

Надеюсь, Вы получили обе телеграммы.

Ваш Дамодар К.М.

В письмо был вложен запечатанный конверт, адресованный О'Конору. Я отправил телеграмму, намереваясь выяснить, как я должен с ним поступить. Мне было велено вскрыть его, прочитать, а затем уничтожить. Однако позже я, представьте себе, получаю разрешение показать его Вам. Вот это письмо:

ПИСЬМО 10б

30 марта [1882 г.]

Бомбей

Секретарю Т.S.A.S.

Дорогой м-р О'Конор!

Меня ничуть не удивляет, что Ваше письмо пришло ко мне в тот же день, как Вы его написали, то есть 24-го марта. И вот уже целую неделю я предаюсь размышлениям, отвечать мне на него или нет. Если я отвечу, то сначала раздадутся вопли протеста по поводу этого феномена, а затем последуют обычные комплименты вроде: «обман»,

«мошенничество», «вздор», «преступный сговор». Теперь же, поскольку Вы являетесь членом Теософского Общества, хотя и не самым активным, я, к сожалению, должна сказать, что мне не хочется терять Вас из-за одного только неудовольствия. Сегодня даже мои лучшие друзья колеблются между «быть или не быть», между «мошенница *она* или *нет?*». Так что я лучше подожду выхода «Заметок об эзотерической теософии», которые м-р Хьюм готовит к публикации, и посмотрю, откуда ветер дует. Если он будет благоприятным — отлично, если нет — Вы никогда не получите этого письма. Завтра я через Аллахабад еду в Калькутту, где сейчас пребывает миссис Гордон, которая уже получила письмо от Эглинтон. Я просто напишу ей: «А что, м-р О'Конор уже путешествует на борту "Веги"? Я и не знала, что он уехал». И посмотрю, что она ответит. Потом, уже в Калькутте, я могу ей рассказать, что мне сказал Кут Хуми, а именно, как Он смеялся над Вашим упорным желанием поставить каббалистический символ на конверте с письмом м-ра Эглинтон и Вашим недовольством, когда он был стерт, а также о том, что Вы обо всем этом *думаете*. А это, как бы там ни было, не слишком лестно. Ну ладно, в тот раз всё же обмана не *было*, и хотя Вы, возможно, уверены в обратном, я расскажу ей о многом, *ни словом не упомянув о Вашем ко мне письме*, поскольку сама хочу испытать «Эрнеста». Я покидаю Бомбей и оставляю это письмо в руках Гуала К. Деба с указанием: если от меня не последует других распоряжений, переслать это письмо адресату в первые дни июня. Когда Вы его получите — если, конечно, получите — я подожду и выясню, что Вы обо всем этом думаете, а потом расскажу Вам об этом при встрече.

Нет, я получила Ваше письмо не в то же время, что и миссис Гордон, а часом позже и в присутствии двух теософов.

Надеюсь, Ваша малышка не забыла свое очаровательно миленькое восклицание — «черт побери!», — которое вырвалось у нее, когда она упала, зацепившись за порог. И да озарит Вас и Ваших близких сияние Владыки нашего Будды! Не забывайте старой приятельницы.

Ваша Е.П.Блаватская.

P.S. Я, конечно, и не надеюсь, что Вы поверите моему рассказу, но так или иначе хочу понаблюдать за развитием событий. Что за *мошенничество* кругом, Боже милосердный!

Примечание А.П.Синнетта к предыдущим и последующим письмам.

Конечно, до крайности раздражает тот факт, что это письмо не отослали сразу, как только оно было написано. С точки зрения здравого смысла, следовало бы переслать его через одного из нас, но сокрыть его подобным образом — это просто перейти границы экстраординарного, причем не только со стороны С[тарой] Л[еди], но даже и Их светлостей, которые, кажется, иногда берут на себя огромный труд возбуждать подозрение людей, не слишком расположенных верить. В известном смысле это, возможно, и прекрасно: Они могут стремиться отвлечь задающих вопросы полнейшим равнодушием, но тогда что Они ни делают, всё представляется сделанным будто бы для удобства постороннего! Однако мы можем поговорить об этом в другой раз.

Вчера вечером я получил от Старой Леди следующее письмо, посланное в ответ на одно из моих и содержащее кусок из письма м-ра Скотта и письмо О'Конора, которое Вы просили меня отослать сразу, как только мы впервые услышим о письме от О'Конора.

ПИСЬМО 10в

Четверг, 8 мая 1882 г.

Брич Канди, Бомбей, Индия

Глубокоуважаемый хозяин!

Только что прибыла домой экспрессом из Мадраса, откуда мы выехали во вторник вечером, и первое письмо из тех, что я получила,— Ваше, с приятным вложением от миссис Скотт и м-ра О'Конора. Ну что ж, не могу сказать, что это было точно гром среди ясного неба (известие о том, что миссис Росс Скотт *подозревала* меня). Я это предвидела уже четыре месяца назад, то есть с февраля. Своим мужем она обязана *Братьям и мне*. И что может быть естественнее, чем ее клевета на Братьев и меня! В своей мелочной подозрительности она опасается, что Они или я сохраним свою власть над ее мужем, — отсюда политика *des finesses comme de fil blanc!* [хитростей, где всё шито белыми нитками! — (фр.)] М. определил и предсказал эту ситуацию четыре месяца назад, через две недели после Своего последнего письма Р.Скотту. Сама его женитьба должна была в будущем послужить нам обоим уроком и показать, сколь изменчива человеческая натура. После того как я неоднократно потревожила Их просьбами осчастливить Р.Скотта, вылечив ему ногу, мне посоветовали снабдить его женой — «мисс Хьюм

обеспечит ему первоклассный уход», а затем К.Х. сказал: «Если он окажется искренним и верным, а влияние его жены не поколеблет в нем веры и он останется предан старым друзьям, вот тогда Мы и позаботимся о его ноге». *Скотту назначили шестимесячный испытательный срок. Только шесть месяцев* — хотя он и не знал об этом, — а теперь нате-ка полюбуйте на результаты! Неужели М. не написал ему до женитьбы, чтобы тот вступил с Ним в переписку *лишь после того, как женится*, по причинам, которые Он не мог ему сообщить и не раскрыл даже мне, пока не уехал отсюда 12 января. Однако, после того как во время обеда на нос Скотта свалилось то самое письмо (от М., в котором Он называет его «безукоризненно преданным»), М. несколькими днями позже заявил мне, что это было последнее из всех полученных Скоттом от Него писем, а *через месяц* — что Скотта *подвергли испытанию* и нашли, что он *ненадежен*. Что же касается К.Х., то намного раньше, еще в Симле, Он однажды спросил меня, готова ли я пожертвовать дружбой Скотта (до той поры *действительно настоящей дружбой*), если бы могла тем самым обеспечить его счастье, *добыть ему хорошую жену* и увидеть его ногу исцеленной? Вначале я заколебалась, но всего лишь на секунду и от всей души ответила: «Да, я готова, потому что он молод и полон жизни, а я — я стара и долго не протяну. Пусть уж хоть он будет счастлив». «Очень хорошо, — сказал К.Х. — *Да будет так*». И вот этому настало время.

Я не знаю, насколько и в чем Скотт меня подозревает. Достаточно того, *что это так*. Хватает вполне, что капля желчи упала в чистые воды нашей дружбы (простите за эту по-дурацки поэтичную метафору), чтобы отравить их навсегда. Я чувствую лишь искреннюю жалость к бедному юноше, ибо теперь — **Они не будут лечить его ногу, что сделали бы**, останься он верен делу если и не в течение года, то хотя бы шести месяцев! Вот и исполнилось пророчество миссис Гордон. Она настоящий медиум — скажите ей об этом.

Что же касается письма О'Конора, то, на мой взгляд, это столь очевидная глупость, что и не стоит о нем говорить. Я получила его письмо *часом позже* миссис Гордон, которой пришло письмо от Э[глинтонa], с указанием поступить с ним по моему усмотрению, то есть отвечать на него или нет, но *держат язык за зубами* по поводу его получения, подождав дальнейшего развития событий. Я оставила его у Дамодара и Деба 30 марта со всеми необходимыми распоряжениями. И чтобы доказать Вам это (до других мне и дела нет), позвольте мне, уважаемый хозяин, Вас успокоить. Как раз в пятницу я написала Вам об

этом письме О'Конора (в Мадрасе) — так посоветовал мне сделать Лишенный наследства. И в пятницу я его и отправила. В субботу, в 135 пополудни, я получила Вашу телеграмму с расспросами по поводу письма О'Конора. Я, как *мне было велено*, написала Вам, что должна телеграфировать Дамодару, у которого оставила свой ответ О'Конору, с тем, чтобы он немедленно переслал его Вам. Я отправила телеграмму в субботу вечером, однако была ли она послана в тот вечер или нет, [не знаю], но Дамодар получил ее только в воскресенье, когда было уже слишком поздно отправлять Вам — как он это всегда делает — *заказное* письмо. Итак, он послал его в понедельник, и Вы, должно быть, получили его. Не отсылайте его О'Конору. Я не буду иметь теперь никаких дел с друзьями миссис Скотт. И больше никаких *испытаний* и *оскорблений* — хватит с меня *унижений и оправданий*. Покажите его м-ру Хьюму, а потом порвите.

Вы вольны в своих действиях и можете показать ему и *это письмо*. Если Ваши друзья и скептики это потребуют — после получения Вашей телеграммы с запросом у меня между субботой и понедельником было достаточно времени, чтобы послать моему «союзнику» Дамодару распоряжения, — ну что ж, покажите им телеграмму, которую он получил от меня в воскресенье. Этим, по крайней мере, будет доказано, что ответ О'Конора был у него еще в марте. А если это доказательство сочтут недостаточным,

Qu'ils aillent se promener, [Пусть все они проваливают,
Qu'ils aillent tous au diable Пусть все убираются к черту

— (фр.)]

— мне всё равно!

Сердечный привет дорогой хозяйшке! Когда же она или *Вы предполагаете изменить мне и Братьям*? Мне кажется, я слышу, как поет петух... Надеюсь, что не услышу, как он прокукарекает трижды, и, видит Бог, — ради вас, а не ради меня.

Всегда ваша, со всеми своими горестями,

Е.П.Блаватская.

Кстати, во что бы то ни стало покажите это м-ру Хьюму. Именно его семейство принесло мне «счастье» с тех пор, как я впервые пересекла порог их дома. Возможно, к тому времени миссис Минни Скотт вспомнит, что *она сама* и была тем человеком, кто подарил мне *последнюю брошь*? Я бы не удивилась.

ПИСЬМО 10г

Дамодару К. Маваланкару для передачи в Теософское Общество Брич Канди.

Мадрас, Сент-Том

От Е.П.Блаватской

Письмо О'Конору, переданное Вам 30 марта, отправьте Синнету.

п/о Малабар-хилл, 4 июня 1882 г.

ПИСЬМО 10д

Бедная Старая Леди! Я приеду и увижусь с Вами завтра днем.

Ваш А.П.Синнетт.

ПИСЬМО 11

20 июня [1882 г.]

Барода

Уважаемый хозяин!

Получила Ваше второе письмо от 13 июня со следами горьких слез, пролитых на бумагу, и мне хотелось бы сначала ответить на это письмо, а уж потом всерьез поговорить о деле. Оставим пока в стороне «грубятину», как Вы называете Скотта, — эта грубость совсем *не* то, что когда-либо *меня* волновало, меня скорее мучит мысль, что он сам по собственной вине лишился всех шансов на выздоровление и защиту. И всё же я чувствовала по отношению к нему ничуть не меньшие, чем прежде, дружелюбие и привязанность. Я обвиняю его в том, что он сделался жертвой дурного влияния, не более чем стала бы обвинять, подхвати он оспу, проявляя самозабвенную заботу о своей жене (что бы там ни было, этого недостойной), когда ее поразила эта болезнь. Помните мои слова, *он расскается*, и когда я приеду в Бомбей, я пошлю Вам нечто такое, что заставит Вас изменить свое мнение о нем.

Однако есть и кое-что еще, что беспокоит меня уже на *Ваш* счет, но в этом деле существуют два аспекта. Во-первых, Ваша непреклонная

решимость раскрыть народу вообще и англо-индийцам в частности тайну каждого происходящего феномена; и, во-вторых, Ваша в корне ошибочная позиция и крайне враждебное отношение к тем, *кто пока еще управляет судьбами и К.Х. и М.*

Возможно, сейчас я говорю всё это, *находясь под неким воздействием*, и Вам лучше не пренебрегать моим советом. Тогда в отношении первого вопроса: я весьма *решительно, настойчиво и бескомпромиссно* протестую против Вашего непоколебимого желания делать всё, что делаю я (по части дурацких феноменов), с целью просвещения общественности относительно этого предмета. **Мне нет никакого дела до общественного мнения.** Я до глубины души презираю миссис Гранди⁹ и мне в высшей степени наплевать и на семейство Бересфордов, и на Хана. Все эти «как бишь их там?» в отношении производимых феноменов придерживаются высокого или низкого мнения обо мне. Я отказываюсь обращать их в свою веру ценой той малости самоуважения и чувства собственного достоинства, которые оставил во мне мой долг по отношению к *ушедшим* и к делу. Уж лучше я не обращаю их в другую веру, чем имена Братьев окажутся впутанными в какой-то там феномен. Их имена достаточно полили грязью; ими злоупотребляли и их поносили все писаки Индии. Ныне люди называют своих собак и кошек именем «Кут Хуми», а «уважаемая Старая Леди» вместе с «Гималайскими Братьями» стала ходячей карикатурой. Теперь ни «уважаемая Старая Леди» *per se* [сама по себе — (*лат.*)], ни К.Х. и М. — еще меньше, все ОНИ не обращают внимания на эту чертовщину с насмешками, однако за нашими спинами есть и другие, кто в соответствии с общим правилом скорее всего не допустили бы, чтобы имена, связанные с Великим Братством, были замараны в глазах *местного большинства* (до *пелингов* им и дела нет). В течение двух лет мы — Вы и я — ведем упорную борьбу, отстаивая свои позиции в этом вопросе; Вы всегда настаивали на том, что без *Братьев* для Теософского Общества нет спасения, что исключение их имен из рассмотрения равносильно отделению принца Датского от *Гамлета*, и — были неправы. Вы можете хоть до дня Страшного суда настойчиво утверждать, что Вы были и до сих пор остаетесь правым, я же всегда буду оспаривать Ваше мнение, ибо знаю, о чем говорю, и знаю своих закулисных действующих лиц, а *Вы — нет*. А значит, как только мне

⁹ *Миссис Гранди* — персонаж вышедшего в 1798 г. романа Т.Мортона; законодательница общественного мнения в вопросах приличия.

представится возможность избежать бросания публике косточки, чтобы она обгладывала ее, действуя через мою и *Братьев(!)* головы, я именно так и сделаю.

Письмо О'Конора оказалось приятным сюрпризом, и никто этого не ожидал. О'Конор, пошли я тотчас же ему ответ, лишь усмехнулся бы, даже поверив в это, и в лучшем случае приписал бы это *медиумизму*, любезному «Эрнесту» и К°, а именно с этим-то я **никогда** и не соглашусь. И если, поняв, что он там усмотрел, Р.Скотт, лучший и самый искренний и честный из всех, изменив свое мнение, выступает против Братьев и бранится, а иногда даже полностью *перестает верить* в Их существование, чт'о можно ожидать от члена земельного союза — друга миссис Минни Хьюм Скотт!! Ну ладно, «прикусываю язык», извиняясь за свое неучливое «грубятинское» выражение. Вы знаете, что я люблю и уважаю Вас превыше всех англичан в Индии. И особенно люблю за всё, что Вы для меня сделали, уважаю за Вашу стойкость, бесстрашие и независимость в борьбе за Братьев и Общество. Однако в Вас есть некое безрассудство, та наиболее опасная черта, которая способна *порушить всё* раз и навсегда, а именно — *жажда* швырять то, что свято, псам и метать бисер перед свиньями, а кроме того, Вами владеет совершенно несбыточная идея, что Вы когда-нибудь сможете заставить **Руководителей** — по ту сторону — писать и думать в присущей Вам манере. Сотни раз я Вам говорила, и даже К.Х. намекал на это в своем письме, что, несмотря на всё свое к Вам уважение, Он — по первому же знаку Когана — навсегда исчез бы из поля Вашего зрения, и более того: *Вы за всю свою жизнь так ни разу о Нем и не услышали бы*. Насколько ошибочно Ваше замечание, что никакое Теософское Общество невозможно без предъявления Братьев, «подобно красной тряпке перед мордой быка», по Их определению, — будет Вам доказано в приложении к «Theosophist», печатание которого заканчивается. Если его содержание не раскроет Вам реальную практическую пользу, приносимую Обществом — *оставим на время Братьев* — коренным жителям (помните, что это и есть *главная* цель К.Х. и М.), тогда уж ничего не поделаешь.

№ 2. «Всё это дело с проверкой и испытательным сроком...» Ну что ж, допустим, это «слишком омерзительно для решительных и честных европейских натур» (Вам, вероятно, не стоило бы столь полно отождествлять свой характер с европейским, что явно более соответствует истине), допустим, что так, ну и что Вы можете с этим

поделать? И волнуют ли вообще **Руководителей** К.Х. и М. Ваши или даже *мои* протесты? И Они ли старались с боем пробить себе дорогу к Вам, или это как раз Вы последовали за Ними? Разве Они когда-либо поощряли Вас или кого-то еще? Разве Они когда-нибудь выказали хоть малейшую благосклонность к Олькотту — своему скромному, покорному, терпеливому и всегда безропотному рабу? Для Вас — это «*быть или не быть*». Вам придется или принять Их такими, *какие Они есть*, или же — расстаться с Ними. Всё это похоже на то, как если бы Вы отчитывали вершину горы Эверест за холодность и суровость. Идеи и жалобы вроде тех, что выражены в Вашем ко мне письме, не сократят дистанцию между Вами и К.Х., а скорее расширят пропасть. Вы «окружены сетями проверок и испытательных сроков, опутаны невидимыми нитями» — уж это как пить дать. Ну так почему бы Вам не сделать попытку и ценой величайшего усилия не выпутаться из них? Порвите их — *это очень легко*, но только с ними вместе Вы разорвете и ту нить, что связывает Вас с К.Х., — только и всего. И не Им так устроено, что Вам приходится подвергаться «омерзительному» ужасу (*не*) возможного (а *несомненного*) испытания, ибо и про Него можно сказать, что Он сам проходит *испытание* — только на гораздо более высоком уровне и несоизмеримо более трудное. В течение первых лет **Руководители** не проводят никакого различия между «англичанами высшего сорта» и любым другим англичанином или местным жителем. На самом же деле Они, по правде говоря, проявляют б'ольшую благосклонность к аборигенам. Они опасаются англичан (как нации) и не доверяют им, и в Их глазах русский, француз, англичанин или любой другой представитель христианского мира и цивилизации — это человек, которому едва ли можно или вообще стоит верить.

А знаете ли Вы, кто именно в настоящий момент среди *шаберонов*¹⁰ наиболее непримиримо настроен против вас, английских теософов? Англичанин, мой дорогой хозяин, — это Ваш соотечественник, жертва ваших британских законов и «миссис Гранди»; тот, кто когда-то, сорок лет назад, был высокообразованным эсквайром, богатым человеком и главным судьей в своем графстве, знатоком греческого и латыни. Насколько позволяет мне сообщить Вам, а он рядом со мной — и кто теперь самый беспощадный враг цивилизации и *звезды Христа*, как он

¹⁰ *Шаберон*. — Согласно «Теософскому словарю» Е.П. Блаватской, монгольские Шабероны или Хубилганы в ламаизме являются перевоплощениями Будд, т.е. великими Святыми и Аватарами.

называет Европу? Именно *он*, а не родившиеся тибетцами или индусами шабероны, не доверяет уставу Эклектического Теософского Общества, и это всё, что мне позволено Вам сообщить.

«И теперь выбирайте сей же день, сыны Израиля», будете ли вы поклоняться богам своих отцов или новому богу, найденному вами в пустыне!

И подумать только, что для несправедливых взаимных обвинений, направленных против Их устава и законов и Их освященной временем политики, Вы избрали именно тот момент, когда бедный К.Х. из всех сил добивается разрешения помочь «Эклектику» в лице м-ра Хьюма и Вашем, и когда Эглинтону *предоставляются полномочия* без расширения Их собственных! Вы, мой хозяин, тонкий дипломат! А теперь идите и жалуйтесь, если у Вас хватит на это наглости, когда мы вместо согласия получим — **отказ**. Интересно только, как это человек с Вашим умом мог оказаться неспособным трезво и непредвзято оценить ситуацию! Кому, собственно, они нужны, *Им* или *Вам*? Кто, Вы или Они, беспокоится о дальнейшем общении? Они могут осознавать и, в чем я лично не сомневаюсь, в полной мере осознают ту пользу, которую Вы можете принести «Эклектику» и Теософскому Обществу. Однако на сегодняшний день Вам следовало бы понимать, что лично для *Них*, для Их Братства, Вы всегда будете *бесполезны*. Что Вы не из того теста, из какого Они творят *чел*, и что если даже Вам позволят общаться с К.Х., — это исключительно из уважения к *Нему*, наилучшему и самому перспективному из Их кандидатов в Будды или, вернее, в Бодхисаттвы; и что Вы делаете Его работу гораздо более трудной и даже ставите под угрозу Его собственное положение, презрительно критикуя Их действия. Но Вы истинный англичанин, и как в *политическом плане* Вы обычно обращаетесь с Бирмой, навязывая ей свою волю и вмешиваясь в ее дела, так, по вашему мнению, вы можете обходиться и с *оккультным Тибетом* — путем вмешательства в его внутреннюю политику в сфере психологии. Ну что ж, я должна сказать, что вы как нация высокомерны и бесцеремонны, если уж Вы, один из лучших ее сынов, видимо, не способны осознать полную бесполезность того, что вы делаете, и, так сказать, инстинктивно стремитесь взвалить на *тибетских Адептов* груз вашего вселенского вмешательства! Надеюсь, Вы мне простите грубость моих замечаний — если она там есть, а я думаю, что нет, — ибо говорю я

это для Вашей же пользы, опасаясь, как бы Вы не создали новых трудностей в сфере общения с К.Х. и моим Хозяином.

Я не могу передать Ваш вопрос К.Х., потому что сейчас совсем Его не вижу — разве что иногда, да и то на секунду-другую, и по той же причине так же мало вижу и Джуал Кула. Но как раз теперь я перевожу для «Theosophist» связанные с этим вопросом тибетские послания и заставлю Деба переписать их для Вас, как только вернусь в Бомбей. Не могу понять, как Вы не поняли <...>¹¹

ПИСЬМО 12

Для Вас имеется только что полученная любовная записка. Думаю, что мой Хозяин «колется» благодаря *haut fait de magie* [необычайному чарующему воздействию — (фр.)] Эглинтон и дает объяснения, как и обещал. Вы, безусловно, не поверили бы мне — если бы открытка была такой «хорошей подделкой моего почерка», и притом я уверена, что м-ру Ч.К.М[эсси] следовало укрепить Вашу веру в то, что это было в некотором роде новое мошенничество, состряпанное миссис Биллинг и мною. К тому же имеется еще и письмо от Махатмы К.Х. Ох уж эти затеи м-ра Мэсси, не был ли он, и *только он один*, тем, кто предлагал и устроил ее [миссис Кингсфорд] избрание как единственно возможного спасителя Британского Теософского Общества? Что ж, теперь благодарите его и не мешайте ей превращать всех вас в «студень». И уж, конечно, она более чем когда-либо будет вилять вами, как своим хвостом. Не сомневаюсь, что это кончится скандалом. Итак, Олькотт прибывает, и тогда Вам *volens volens* [волей-неволей — (лат.)] придется принять решение номинального президента. Мой Хозяин дал ему наставления и уже поторапливает.

Ваша, а не миссис Кингсфорд,

Е.П.Б[лаватская].

¹¹ <...> — Здесь и далее таким образом обозначены утраченные фрагменты текста.

ПИСЬМО 13

21 июля [1882 г.]

Мой дорогой м-р Синнетт!

Consummatum est! [Свершилось! — (лат.)] Прибыла почта, и я получила указ от М. распечатать письмо от Мэсси и послать его Вам для прочтения, прежде чем отослать Олькотту. Прекрасный *финал!* А что еще можно было бы ожидать во главе с таким фанатичным ослом, как Уайльд? О моем и Олькотта «атеизме» им было отлично известно в течение последних пяти лет, с тех пор как мы стали буддистами. Привожу всё это в качестве оправдания, и *богоданная* или божественная Мудрость — это совсем не «Мудрость Бога». Ну так что же нам делать? Именно на Мэсси и Ст.М[озеса] опирается вся эта стройная система взглядов. Мэсси — и так уже настроенного против меня тремя этими фактами, которые он понимает совершенно неправильно, — еще можно убедить, но это под силу только *Вам, а не Олькотту* — так говорит Хозяин. Что касается Ст.М[озеса] — на него рассчитывать бессмысленно. Прочтите его последнее «Учение Духа» в «Light» и скажите мне, будет ли высший развоплощенный Дух говорить о святом Павле и даже о духах-элементариях — термин, *изобретенный и введенный мной в «[Разоблаченной] Изиде»* для обозначения оболочек, которым никогда не пользовался никто, *кроме нас*, так как на Западе уже целую вечность и в каббалистических и в оккультных книгах этим термином обозначали саламандр, гномов и т.д., которых мы называем *элементами*, в чье существование не верит ни один из спиритуалистов, ни — причем в еще большей степени — Ст.М[озес]. Внимательно прочтите стр. 319 «Light» и скажите мне, не является ли диалог между +¹² и Ст.М[озесом] мысленной беседой с самим собой — между его эмоциональным «я» и его интеллектуальным, *разумным* «я». Мэсси говорит, что Ст.М[озес] объявляет утверждение, будто + является Братом, «явной, чистейшей и наглой ложью» — ну и прекрасно! Однако К.Х., М. и старший Коган говорят, что + в его раннем медиумизме — это Брат, и я вновь и вновь буду отстаивать это даже на смертном одре. Но, несомненно, + тех времен — это *не* + сегодня! *Passons!* [Не стоит об этом! — (фр.)] И бессмысленно об этом спорить!

¹² + — здесь этот знак обозначает «Императора», «проводника» Стэйнтона Мозеса.

Ох, ну почему Вам в голову пришла однажды эта злосчастная идея написать ему о том, что сказал К.Х.? Он был теософом, в то время равнодушным, но всё еще открытым для убеждения, а теперь он *непримиримый враг К.Х.*; и Вы не знаете, не можете знать, как горько он смеется и глумится над одним только именем К.Х.! И именно он, Ст.М[озес] (как пишет мне миссис Б[иллинг]), восстановил против К.Х. всех теософских спиритуалистов, которые с почтением взирают на него как на авторитет, на *лидера*. Ну что ж, как Вы говорите, слезами горю не поможешь.

Я обманула его, Ч.К.Мэсси?! Да, я «обманула» его, как Скотта и еще многих других, сказав им правду, — хотя лишь часть *всей* правды, за которую меня не должны считать ответственной. Но посмотрите, что Мэсси говорит о визите К.Х. к Эглинтону. О моя вещая душа! Ведь я это предчувствовала. Насколько прав оказывается в таком случае Мэсси, и как низко, должно быть, упал наш К.Х. в их близоруких глазах. К.Х. смеется над этим, а за Ним и М. Они и в самом деле могут себе это позволить. Но что *Вы-то* скажете Мэсси? [Вы] что, дадите ему действовать, пребывая под тем невероятным мнением (позорящим всех нас), что К.Х. — ярчайший, лучший и чистейший из всех *Хутухту*¹³, действительно входил в его персону, чтобы понять этого тщеславного глупца?! Он [К.Х.] несколько раз писал Вам на эту тему. Возможно ли, что Он ни разу не упомянул об этом, не выдал Вам хотя бы крупицу истины? Как же Он потешался над самонадеянностью Эглинтонна! Как это просто, говорил Он мне, показать, что лучший на свете медиум весьма легко становится подверженным галлюцинациям вплоть до *майи*. Почему только вчера Мориа заявил, что захоти Они этого, и Стэйнтон М[озеса], невзирая на его «хранителя» и «проводника» +, можно было бы заставить принять нашего *пуди* (элементал) за Христа. И что после этого Ст.М[озес] стал бы непреднамеренно обманывать весь мир спиритуалистов, пребывая в твердой уверенности, что он лицезрел Христа и что м-р Иисус рассказывал ему и то, и другое, и третье. Неужели Мэсси столь слеп, чтобы не понять, что К.Х., давая Эглинтону свои «рекомендации», только смеялся над ним? Разве это обычная манера К.Х.? Похожи ли эти *излияния*, чей иронический тон оказался столь выразительным, что Олькотт почувствовал себя вынужденным смягчить интонации и высказаться лишь наполовину, — публикуя всё

¹³ *Хутухту* (тибет.) — воплощение Будды или Бодхисаттвы, как полагают в Тибете.

это в «Psychic Notes», так, говорю я, похожи ли *они* на то, что К.Х. пишет вполне серьезно? Ох уж эти лондонские дураки, неужели они не видят, что для всего этого был повод? Повод, который будет раскрыт в ходе дальнейших событий и, возможно, станет причиной сильнейшего удара из всех когда-либо полученных сп[иритуализ]мом и даже его частичного уничтожения. Спросите Эглинтон — это совершенно необходимо, — как выглядит К.Х. Пусть некоторые из наших друзей (Мэсси) зададут ему вопрос, какова внешность К.Х., и судят по имеющемуся у Вас портрету. Почему Эглинтон представляет Менджеса как К.Х.? Он устанавливает прямую связь Менджеса с К.Х. и «Прославленными» и т.д. И может от неверных духов стихий опуститься до *старого тряпья* — белого пеньюара миссис Николс и ночного колпака ее мужа, чтобы сфабриковать из этого К.Х. Кут Хуми пытался спасти Эглинтон, *лично* к нему *не* приближаясь, ибо, по Его словам, тот являет собой удивительной силы медиума. Однако Он обнаружил, что этот человек, хотя и достаточно честный по природе, попав под контроль, стал *лжецом* и *мошенником*, преднамеренно обманывающим людей, а затем полностью обо всем забывающим. Он *ничему* не поддается и ничего не принимает, и К.Х., который надеялся, что, притащив его в Симлу, сможет принести пользу Обществу, или, по крайней мере, феноменалистам, внезапно прекратил всякую деятельность, так как обнаружил, что сила, которую Ему пришлось бы использовать, чтобы уберечься от элементалов и особенно от оболочек, оказалась бы больше, и притом намного больше, той, которой Ему разрешено воспользоваться в подобных целях. И всё же Мэсси *прав*, и даже Бэнон *прав*, так как возвышенный идеал, созданный ими в воображении, разрушен и К.Х. *должен* явиться им как потерпевший неудачу. Пойти к Ст.М[озесу]? А зачем? Что толку в этом? Если бы один из наших Братьев явился ему в своем обычном состоянии, то Ст.М[озес] принял бы Его за лжеца, клеветника, духа колдуна, который *осмелился* поколебать в нем *уверенность в знании* +. А если бы Они пришли, когда Ст.М[озес] находился под контролем, тогда бы он ничего не помнил, всё бы перепутал и еще более ухудшил положение дел. «Он (Ст.М[озес]) слишком далеко зашел, — говорят Они. — В *майе* он живет, в *майе* умрет и пребудет в *майе* в течение долгого времени вплоть до своего следующего рождения». Так что не будем больше об этом говорить.

Когда Эглинтон уже находился в Англии, К.Х. велел мне поступить так, как просил Э[глинтон]: послать ему *соглашение* и *заявление*, а на

возражения Олькотта мой Хозяин заявил ему, что Э[глинтону] *никогда не позволят стать теософом*. И Они сдержали свое слово. Всё, что было сделано, совершалось с определенной целью, причем для этого имелся определенный *повод*. Я повторяю Вам слова моего Хозяина, а Вы можете сказать это Мэсси. Но разве Вы не собираетесь защищать своего друга К.Х.? Неужели Вы, м-р Синнетт, окажетесь столь неблагодарным, что позволите Мэсси в таком духе говорить о К.Х., который принес в жертву больше, чем Вам когда-либо удастся узнать, во имя будущего как Вашего, так и Общества? Я уверена, не откажетесь — просто *не сможете*. И пусть весь свет оскорбляет и подозревает *меня*, пусть они ругают меня и оскверняют саму почву, по которой я ступаю, — лишь бы они не позорили имен наших Братьев — и, Боже милостивый! — это именно то, что я и ожидала! Видите, чем это оборачивается для Них, святых и блаженных, когда Они имеют дело с вашими цивилизованными спесивыми пелингами! А Вы хотели бы, чтобы Они явились на всеобщее обозрение и швырнули свои личности на растерзание псам! Мне лучше умереть, чем увидеть поруганным нашего К.Х.! Я бы сама скорее предпочла, чтобы Они обратили свою бешеную ярость на меня с моей выносливостью, чем терпеть то, что я фактически терплю теперь, столкнувшись с подобной профанацией. И именно сомнения и подозрения м-ра Хьюма, его возражение Олькотту привели К.Х. и М. к необходимости доказывать ему, что нет для Них на свете ничего легче, чем убедить *медиума в Их существовании*. Нет, Вы подумайте, сколько раз Вы говорили, что если бы только м-ра Хьюма *можно было убедить*, что К.Х. и я совсем не одно и то же и что Они действительно обладают силами и могут проявлять их *совершенно независимо* от меня, он не стал бы спрашивать больше ни о чем. А теперь прочтите его полное отчаяния письмо ко мне. Посмотрите — согласен ли он предоставить событиям развиваться спокойно и постепенно, шаг за шагом. И разумно ли с его стороны просить К.Х. выдать ему *сразу, немедленно и целиком* всю доктрину, притом, что у самих Адептов уходят годы на ее изучение? А так как Они *не* выдадут ему доктрину, то не потерпит ли «Эклектик» неудачу и не скроется ли он из виду, как произошло с Британским Теософским Обществом? Нет, сэр; человеческая натура, и особенно западная, британская натура, — *ненасытна*. Делайте то, что могут наши Братья, — я не говорю — Вы, так как Вы, видимо, *вынудили себя* перейти в разряд исключений, — другие же теософы никогда не будут

удовлетворены. С каждой новой уступкой они шумно потребуют еще большего.

Поцелуйте...

Итак, что же нам делать? Прочтите письмо Мэсси и м-ра Хьюма и оцените для себя ситуацию. А ноябрь-то уже наступает нам на пятки. *Британские теософы отложили свое окончательное решение до ноября* — не дает ли это какой-то пищи для Вашего ума? В ноябре кончается наш семилетний период, но надежд у меня что-то слишком мало. Коган там, и Его нельзя сдвинуть с места никакими предложениями. Он суров и бесстрастен, как сама Смерть.

Простите меня за столь длинное письмо, но я никогда не пишу, не будь на то крайней необходимости, а мы — идем ко дну. И поверьте мне, было бы намного лучше, если бы нашим Братьям никогда и ничего не предлагали и не советовали. К.Х. слишком безупречен и к тому же чересчур человечен и активно добр, и это, возможно, Его и погубит. Он мучается — *я это знаю* — всякий раз, когда Ему приходится хоть в чем-нибудь отказывать вам обоим, а еще и потому, что вы, видимо, не понимаете: если Он поступает именно так, значит, тут уж ничего не поделаешь — это выше Его сил. О, если бы не тот злополучный, несчастливый день, когда я впервые согласилась установить между вами обоими переписку, а Он, с присущей Ему добротой и божественным милосердием, не отказал в моей просьбе! Уж лучше бы сгинуть и *Теософскому Обществу* и нам обоим — Олькотту и мне, чем сделаться средством такого унижения святых имен Братства в глазах общественности!

Оборотившись от великого к смешному, полюбуйте-ка на письмо Ч.К.М[эсси] в «Light». Посмотрите на эти злобные выпады когда-то преданного друга! Ну что ж, я ответила на это в выходящем завтра «Theosophist». Ваше «Письмо А.И.Т. [англо-индийского теософа] лондонскому теософу» великолепно, но в этом месяце оно уже опоздало и пойдет только в следующем.

Наше спасение в том, чтобы наводнить, пока это позволено, весь мир оккультными публикациями и нашими доктринами и тем самым вселить уверенность в сердца людей. К.Х. и М., конечно, помогут. Но останутся ли Они там для оказания помощи, когда минует ноябрь? Это еще вопрос.

Дж[уал] Кул говорит, что в Лондоне Теософское Общество следовало бы формировать исключительно из мистиков и не допускать туда ни одного предубежденного сектанта. Принять в Общество миссис Кингсфорд, Мейтланда, Изабель де Штайгер (ч[лен] Т.О.), мисс Ф.Арундейл (ч[лен] Т.О.), Мэсси, Палмера, Томаса и нескольких провидцев; а затем пусть бы послали чел, чтобы при каждой встрече развивать их, обучать, и уж тогда видимые результаты не замедлят сказаться. К.Х. был столь любезен, что вчера вечером продиктовал мне почти весь мой ответ Мэсси. Когда разделаетесь с письмом Мэсси, пришлите мне его обратно.

Пусть наши кармы защитят и спасут нас.

Ваша Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 14

4 августа 1882 г.

Мой дорогой младший хозяин!

Теперь уж Вам достанется на орехи, вот радости-то у меня будет! Видите, какая опасная штука *правда*, особенно если высказать ее провидцам, вдохновленным Иоанном Крестителем и Гермесом? В статье, адресованной в «Theosophist» (Вы найдете ее в «Light», где она опубликована Мейтландом и миссис К[ингсфорд]), Вас называют «ваш обозреватель» (мой, «Theosophist», обозреватель), и с моим несчастным обозревателем, явно чуждым авторам «Совершенного пути», обращаются хотя и учтиво, но всё же чересчур сурово в основном по причине его *отхода от христианства прежде, чем он смог понять скрытую эзотерическую прелесть христианства*. Суета сует! Потом эта бесконечная статья от слепой курицы В.Оксли — против Субба Роу, которого он называет фанатичным *ортодоксальным брамином!!* Публике он заявил, что его три раза посещал К.Х. «в астральной форме»!!! А философская доктрина, представленная в ней (в статье К.Х.) на обсуждение, вряд ли рассчитана на просвещение бедных смертных или подкрепление их уважения к силам Братства. Я собиралась отказаться от посланий, но К.Х. приказал мне не делать этого, а Д[жуал] К[ул] тут же подбросил длинное примечание в качестве приложения к статье, полученной мной в виде дубликата, каковой Вам, согласно приказу, и посылаю. К.Х. велел Вам внести в нее изменения, если,

конечно, она Вам понравится, и отослать Им до того, как она будет напечатана. Ну, как я говорю м-ру Хьюму, когда ее получают в Лондоне, это будет настоящая *a coup de theatre* [неожиданная развязка — *(фр.)*]. Вашим богомольцам роздано почти всё. То, что останется, опять отошлю американским подписчикам и нашим членам для разумного распределения. Я настаивала на том, чтобы это было напечатано так, как хотели *Вы*, а не как напланировал Олькотт в своей глупой башке янки. Оставшись в одиночестве и без его понуканий, убеждаюсь, что в деловом отношении я намного лучше, чем он. Со статьей отослала Деба в «Bombay Gazette Press» и не встретила никаких препятствий к ее напечатанию таким путем. Не представляю, каким будет счет, полагаю рупий 15, и оплачу я его из Вашего гонорара за «Оккультный мир», который (не гонорар, а «Оккультный мир») рвут прямо с руками. Вам, кто так часто обвинял *меня* в *неточности*, оказывается, лучше бы помолчать. Д[жуал] Кул указал мне на Вашу ошибку и здорово потешался над Вами. Посмотрите стр. 200 и 201. Соберитесь с мыслями, сын мой, и постарайтесь вспомнить, что подробности портретного описания К.Х. полностью отличаются от представленных Вами. Мы — миссис С[иннетт], *Вы* и я — сидели в гостиной, когда я в нескольких словах высказалась о портрете К.Х. и добавила, что не думаю, чтобы *Вы* его получили. *Вы* тут же начали приставать ко мне с просьбами попробовать. Я согласилась, но высказала некоторые сомнения. Тогда же *Вы* дали мне листок почтовой бумаги, который был положен в альбом для наклеивания вырезок. До обеда ничего не случилось, но что-то *произошло в тот же день во время обеда*, и никаких «ни того дня, ни той ночи» между этими моментами не проходило. Я была недовольна и портретом и бумагой и попросила Вас дать мне два листа бристольского картона с метками, которые я отнесла в свою комнату. После этого всё прошло как надо. Но позвольте, ведь если *Вы* со своей юной памятью можете забыть, что всё это потребовалось именно *Вам* и произошло *в один и тот же день*, так почему же *мне*, с моими старыми и ослабевшими мозгами, нельзя подчас забывать некоторые вещи и — подобно Павлу — «считаться грешником», когда я не лгу, как он, даже во славу Господа! Все вы сплетники и клеветники.

Бедный Битсон! Надеюсь, *Вы* не будете говорить, что с ним не обращались самым подлым и гнусным образом. Бедняга приезжает, чтобы изучать персидский язык для сдачи экзамена, не спеша устраивается на месте, как вдруг получает от генерала Мак-Ферсона

предложение сопровождать его в числе сотрудников штаба в поездке в Египет; он соглашается, готовится, тратит деньги, ломает свои планы и отказывается от учебы, а теперь, когда всё уже готово, оказывается брошенным на произвол судьбы! Подобная несправедливость просто возмутительна! И зачем ему только потребовалось заставить меня объявить о его отъезде в наших теософских новостях в приложении? И теперь из-за этого отродья, вице-королевского фаворита, он подвергается оскорблениям и рискует стать всеобщим посмешищем. Я это предчувствовала и говорила ему, что *ехать не стоит*, но он не поверил. И вот он не только не едет в Египет и теряет свой шанс продвинуться по службе, но к тому же теряет и время и уже не сможет в этом году сдать экзамен по персидскому языку. Это чудовищная низость, и бедный юноша выглядит совершенно подавленным. Вам следовало бы всё это высказать им в «Pioneer», если у Вас имеется хоть что-нибудь похожее на сердце и хоть сколько-нибудь любви или сочувствия к брату-теософу, за исключением Вашего К.Х., который *отказался* ехать в Египет и тем самым пошатнул свой авторитет.

Он [Битсон], про его словам, настроен оставить службу, хочет купить оккультную библиотеку, построить себе где-нибудь в Кашмире хижину и посвятить жизнь теософии. Но, по выражению Деба, это, конечно, «досадный вздор». Битсон *влюблен* в Деба. Говорит, что никогда не видел более прелестного и идеального лица, чем у этого *мальчика*. Хорош «мальчик» — это в 30-то лет!

Бедный Дамодар всё еще в Пуне, но теперь чувствует себя отлично. Братья помогли ему оправиться от болезни и даже наделили его такой месмерической силой, что он в течение нескольких дней исцелил некоторых безнадежных больных (*слепоту* у одного мальчика). Продолжится это или нет, не знаю. Собратья из Пуны жаждали чего-то феноменального, и он не обманул их ожиданий. Как мне хочется на несколько дней съездить в Пуну *поразмять* кости и выпустить из каждой поры тела всю влагу, скопившуюся во мне за этот сезон дождей!

Ко всем видам насекомых на нас вдобавок напали еще и *крысы*. Они пожирают в доме всё подряд — от моих платьев до шкафов и железных кроватей. *Семерых*, начиная со вчерашнего дня, я сразила насмерть, к великому ужасу задыхающегося от омерзения Деба. Но они сожрали мою несчастную маленькую канарейку, и я должна была отомстить за обиду и *отомстила* посредством хитро устроенных

ловушек. Я чувствую, что становлюсь злой и жестокой, и что если «Сам» будет удерживать меня от всего, хотя бы от желания отправиться домой, то я превращусь в Марута¹⁴, если не в Марутова брамина.

О, моя карма! Письмо м-ра Хьюма к мисс Грин — это нечто, по его словам, «одетое в бархатные перчатки». О, исчадия ада, неужели я не отдала бы [его] ей, если бы Они мне только разрешили! Я начинаю считать наших Братьев малодушными за Их отказ сделать максимум из того, что в Их силах, в отношении моего нынешнего воинственного настроения. То, почему Вы отослали мне обратно послание Кхандавалы, — это больше, чем я в состоянии высказать. К.Х. говорит, что Вы *действительно* знаете и должны знать и что только Ваша злонамеренность мешает Вам признаться, что Вы *и в самом деле* знаете, *но не расскажете*. По правде говоря, подобным образом заявляет вовсе не К.Х., но мне известно, что Он *должен* так *думать*, а это в принципе одно и то же. Однако Он в отношении их (Вашего письма и послания) и глазом не моргнул, *питая к Вам отвращение*, — я совершенно уверена в этом. Прощайте!

Ничья Е.П.Блаватская.

ПИСЬМО 15

Мой дорогой м-р Синнетт!

Так как К.Х. вполне дружелюбно съездил меня по носу целой «Илиадой» в Ваш адрес, Вам не стоит слишком беспокоиться по поводу прочтения моего письма. Так или иначе, о чем-то хорошем нечего и говорить. Мои планы *нарушены*. «Сам» не позволит мне поехать, Он во мне не нуждается. Заявляет, что для всевозможных «серенад» — неподходящее время; англичане будут за меня (ибо они больше верят в русских, чем в Братьев); их присутствие помешает любому из Братьев прийти ко мне *зримо* и *незримо*, и я с тем же успехом могу лицезреть Их, пребывая там, где нахожусь сейчас, нужная тут и там, но только не в Тибете, и т.д. Итак, я могу только просить прощения за то, что обеспокоила Вас и остальных. У меня всё было готово: из Калькутты прислали полный план маршрута, М. дал разрешение, и Деб был согласен. И Вы теперь уж не помешаете мне высказаться от всего сердца: **будь проклята моя судьба**, поверьте, уж лучше умереть! Работа, работа,

¹⁴ *Маруты* — братья-близнецы, боги бури ведийского пантеона.

работа — и никакой благодарности. Я не виню м-ра Хьюма — он прав. Ну что ж, если я и в самом деле помешаюсь, это будет *Их*, а не моя вина — не бедного М. или К.Х., а *Их*, бессердечных, надменных «тузов», и я должна сказать Им об этом, даже если за это Им пришлось бы стереть меня в порошок. Какое мне теперь дело до жизни! Аннигиляция в 10 тысяч раз лучше! В декабре я уезжаю из Бомбея в Мадрас, я имею в виду в штаб-квартиру, если буду жива.

Ваша Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 16

26 августа 1882 г.

Бомбей

Мой дорогой м-р Синнетт!

Посылаю Вам письмо, только что полученное от м-ра Хьюма. Прочтите его, если пожелаете, и составьте себе мнение. Я же отныне *настойчиво* и категорически отказываюсь получать подобные письма. Он может оставаться или не оставаться в Обществе — это дело Братьев. Он может под предлогом благотворительности причинить или не причинить Обществу и мне максимум вреда, о каком он только может помыслить, но он не сделает этого *через* меня и не превратит меня в свой рупор, чтобы передавать К.Х. заявления, да еще самые наглые на свете. Не знаю, как *Они*, но я по горло сыта и им, и его щедрыми пожертвованиями на благотворительные нужды, которые он навязывает нам, если за это я должна платить такую цену. Какого черта он сам не напишет обо всем этом К.Х.? Или они опять поссорились и переписка прекратилась? Я ожидала именно этого, и знала, что всё к тому и придет. Он посылает мне статью для публикации и говорит, что ее *нужно непременно напечатать*. Теперь я бросила бы эту статью в огонь, но не за то, что в ней сказано обо *мне* или против «[Разоблаченной] Изиды», которую он называет самым *неточным* произведением, пухлым и изобилующим *практическими ошибками* (много *он* об этом знает!), а за то, что в ней говорится о Братях, в то время, как он называет Их «себялюбивыми азиатами», обвиняет Их и критикует, предостерегает против Них общественность и т.д. Я, конечно, бросила бы это в огонь, но К.Х. дал знать через Морию, что ему

непременно хотелось бы видеть эту статью напечатанной, и мне, само собой разумеется, пришлось заткнуться. Но когда всё это закончится, он получит хорошенькую нахлобучку от Субба Роу и семи или более чел и заставит *ненавидеть* себя всех индусов, которые верят в Братьев, — и всё тут! Должна сказать, что если он стремится получить знания от К.Х., то выбрал для этого какой-то странный способ.

В своем письме, как Вы увидите, он передает мне еще два сообщения. Скажите Д[жуал] К[улу], чтобы не строил из себя *дурака с фальшивыми феноменами!* Полагаю, что он, пожалуй, уже сделал из себя дурака. Джуал К[ул] не имел никакого отношения к физиономии, *намалеванной* на полях его корректуры. Это сделала я и совсем *не оккультными* средствами, а просто пальцем и каким-то синим карандашом при полной комнате посетителей, прервавших мое чтение корректуры, а затем вечером, когда Деб получил письмо от Д[жуал] К[ула], я шутики ради попыталась скопировать его почерк, но не сумела. Это была *моя* корректура, а не его, и она была послана ему (я всё забываю, что *намалеванная* физиономия уже была там) потому, что типографы нарушили порядок или рассыпали шрифт, слабо связанный в форме, а тогда уже не было времени печатать еще один экземпляр. Потом я отдала свою корректуру Дебу, который, видимо, не заметил, что там была эта карикатура, и Хьюм тут же принял ее за «фальшивый оккультный феномен», а Дамодар собирается писать Ферну с намерением отказаться впредь получать его письма к М. Он не пойдет на риск получить клеймо *фальсификатора*, самозванца и Бог знает еще кого. *Дамодар мошенник!!* С тем же успехом я могу подозревать в подлоге или обмане Олькотта или Вас. Я не допущу, чтобы его оскорбляли, вот и всё! Я всегда говорила, что, несмотря на все его сентиментальные излияния и *пожертвования*, он, м-р Хьюм, явится *злым гением* Общества, каковым он теперь и стал. Он делает то, чего никогда не делали прежде; он стирает то, что, в его представлении, — причем весьма успешно заставляет поверить в это других — является *грязным бельем* священного Братства, делая это публично, на глазах обитателей городских базаров, и критикует в печати то, что не может и при своем эгоистичном характере просто *не способен* понять. Почему вот Вы, например, не ссоритесь с К.Х.? Почему Он, самый кроткий из смертных, столь сильно любит Вас, но доходит до того, что Его почти тошнит при одном упоминании имени Хьюма? Я не протестую против жестокого и оскорбительного обращения со мной, ибо уже давно

принесла в жертву свою индивидуальность. Но должна сказать, что с того самого момента как он начал писать якобы для пользы Общества и взял на себя роль его благодетеля, отца и покровителя, я получила от него больше оскорблений и пинков, чем от любого из всех, кого я знаю. В этих самых «Заметках» (которые он подвесил и сжег в адском пламени) он сделал из меня законченную лгунью и неисправимую мошенницу; а теперь вынуждает меня выступить в печати против самой себя и против моей книги, которой довольны и восхищаются сотни и тысячи людей, столь же интеллигентных, как и он, причем они никогда не стали бы заострять внимание на моем плохом английском и туманных заявлениях, исключая, конечно, посвященных, — и всё это для того, чтобы помешать ее продаже, за последние три-четыре месяца единственному *gagne pain* [источнику средств к существованию — (фр.)]. Общества, что дает ему жизнь и позволяет не быть в долгах. То, что он объявляет меня лгуньей и неисправимой мошенницей, уже принесло свои плоды в виде памфлета от некоего преп. Теофила, где он называет ее [книгу] «официальным документом, утвержденным Теософским Обществом и опубликованным под его покровительством». Однако позвольте спросить, а с какой это стати я должна рассеивать сомнения и успокаивать недовольство немногих, подобных Ч.К.М[эсси] и Ст.Мозесу и т.п., почему меня должны приносить в жертву и отдавать на уничтожение Богу Израиля, кем вроде бы считает себя м-р Хьюм, согласно его собственному убеждению? Наше Общество и без него неплохо жило и процветало, неважно, хорошо о нем думали или плохо, совершало оно ошибки или нет, и пока он не вошел туда, я весьма доброжелательно относилась к народным массам, исключая полдюжины «избранных интеллектов» вроде его и Вашего. И я предпочла бы скорее умереть в своей *заурядности*, чем в слишком большой известности, которой-то он сейчас и добивается. Чем выше положение, тем больнее падать. Я всего лишь тяжело трудилась с целью создания Обществу прочного положения, дабы после моей смерти — которая, по счастью, не за горами — оно продолжало бы процветать и стало даже лучше, чем если бы я сама пошла и заняла там свое место. Так почему же он должен врываться подобно африканскому самуму, повреждая и уничтожая всё на своем пути, мешая моей работе, показывая в ярком свете мою *заурядность*, критикуя всё и вся, находя у всех недостатки и вынуждая всю Индию с презрением указывать на меня пальцем и называть лгуньей, — и это он-то, о ком никогда не

говорили (см. миссис и м-р Ватсоны из Бароды) иначе как о величайшем лжеце во всей Вселенной, а справедливо или нет, я не знаю. Неужто *для Общества нет спасения помимо него*, «великого» Хьюма, эверестовой горы интеллекта, как он себя представляет? Как Вы думаете, правильно ли он поступает, внушая европейцам отвращение к Братьям (чтобы *выгородить одного себя* для будущих событий, если таковые последуют) и возбуждая против себя ненависть индусов? Европейцы не предлагали бы себя в качестве чел, да их и не приняли бы в челы, если бы он не указал им подводные камни. Мне кажется, на сегодняшний день Братьям хватает европейцев. *Только* Вы *один* никогда не оскорбляли Их и не ссорились с Ними, хотя, возможно, весьма часто чувствовали отвращение при существующем положении вещей. Ведь даже я, *полуазиатка*, без каких-либо Ваших тонкостей и не обладающая к тому же английским ханжеством и суетностью, даже я не раз впадала в уныние при крушении *своих идеалов*. Но всё это было давным-давно, многие годы назад, и с тех пор я научилась лучше понимать Их, и даже что-то и потеряв в моем *художественном описании*, Они всё же гораздо больше выиграли в моем истинном глубоком уважении. Я больше не сужу о Них по внешности, как это делаете Вы. Я знаю, существует множество вещей в Их *реальности*, которая не согласуется с нашим европейским восприятием или понятиями справедливости, — как высказывается Хьюм в своих статьях, но тогда, мой дорогой м-р Синнетт, Они имеют в сотни раз больше того, что Вы никогда не приобретете и не будете иметь в Европе, равно как Они лишены всех наших ужасных пороков и мелких грешков. По его словам, весь уклад Их жизни *отвратителен*! Ну что ж, ладно, но почему же тогда он Их обхаживает? Они в нем не нуждаются и вовсе не склонны преклоняться перед ним за его «Заметки» и написанное Шундрой Айером «Эссе», с которым он так носитя и которое этот самый Шундра Айер, вероятно, откажется признать своим, когда оно предстанет в новом облачении. Братьям в высшей степени наплевать, что он о Них думает, и я подозреваю, что его письмо, посланное для публикации, — для Них в каком-то смысле, большое облегчение. Письмо это, в лучшем случае, можно назвать жестоким, холодным, бунтарским и высокомерным, и челы во главе с Субба Роу готовят протест. Я никогда, **никогда**, не стала бы его публиковать, но того пожелали М. и К.Х., и мне оставалось лишь подчиниться. Письмо это — прекрасный ответ на вечно возникающий вопрос: «Почему европейцы в немилости у Братьев?». Они выказывают

большее предпочтение человеку, который называет Их почти что ослами, которые, по его словам, противоречат самим себе, невежественны или, что то же самое, *«интеллектуально ниже»* европейцев, как он заявляет в своей статье.

Вы чисто «ребенок» со своим пристрастием к Их портретам. Неужто м-р Хьюм *сделал бы лучше?* Без сомнения, при отведенном ему времени и материалах, и особенно если умеет рисовать, он, безусловно, сделал бы это лучше, чем Дж[уал] К[ул], который не имеет никакого понятия о европейской живописи и едва ли смог бы создать в воображении лицо *анфас* со своими китайскими представлениями о перспективе. Но пусть сделает это моментально, как мы. Пусть напишет *голову факира* и заставит лучших художников и искусствоведов заговорить о ней как о *единственной в своем роде*, не зная первого правила рисования, как делала я. Он *также* может совершить *подлог*. И я в этом не сомневаюсь. Но имей он хотя бы малейшее представление о том, как делается Их «фальсификация», он не стал бы ставить себя в дурацкое положение, рассказывая о своем большом микроскопе. Его микроскоп не раз будет показывать ему несколько слоев разных материалов — графита, проявителя, краски и т.п., ибо я часто видела М. сидящим с книгой самых замысловатых китайских иероглифов, которые Он хотел скопировать, и перед Ним всегда лежала книга с чистыми листами; при этом Он обычно сыпал перед собой щепотку черного графитового порошка, а затем слегка растирал его по странице, после чего поверх него осаждал краску и тогда, если изображение иероглифов было, по Его мнению, правильным, то скопированные иероглифы оказывались нормальными, а если же Его случайно отрывали от Его занятия, возникала путаница и вся работа шла насмарку. Я не видела письма с подделанным на нем именем Ферна и поэтому ничего не могу об этом сказать. Но если он думает выявить *подлог* на том основании, что его микроскоп показывает ему несколько слоев разных материалов, тогда — я сожалею о его умственном развитии. И без сомнения, когда К.Х. пишет *обычным образом*, м-р Хьюм может написать лучше, чем Он. Равно как и Вы. Но пусть попробует посоревноваться не с К.Х., а с простым чела, когда какая-то запись или письмо создаются действительно феноменальным способом, и тогда-то он наверняка потерпит поражение. Точно так же ему ничего и не покажут, если он будет обходиться с Братями как если бы Они были местными чиновниками. Нет, Они не **джентльмены**, а **Адепты**. И теперь меня не

удивляет, что он [Хьюм], видимо, никогда не был знаком с христианином, так как, если Иисус когда-либо жил, то 99 из 100, что Он, по своим манерам, был просто немывтым евреем, а не «джентльменом». Тем не менее Он являет собой Бога для 300 миллионов, среди которых есть умные головы, и не хуже, чем у Хьюма. Я знала, что он чересчур высокомерен, чтобы терпеливо относиться к нашим Братьям. Он предлагает себя в качестве чела, а Вы наивно верите в его обращение! Чушь! Юпитер, предлагающий себя козопасом богу Гермесу, чтобы обучить последнего манерам! Истинно — если ему не составило труда доказать, что я *ненадежная* дура и лгунья, то в случае с К.Х. ему придется столкнуться с гораздо б'ольшими трудностями. Вряд ли чела мог выказать склонность противоречить самому себе, называя что-то сегодня черным, а завтра белым по поводу таких элементарных вещей, каким Вас обучают, о чем я узнаю из Ваших трудов. И если К.Х. сказал, что Теософское Общество — это надежда человечества, а затем, что о нем заботятся всего лишь два Брата, я знаю, что Он имел в виду. Т[еософское] О[бщество] не собирается *скончаться вместе с нами*, и все мы только землекопы, работающие над закладкой его фундамента. Где же здесь противоречие? Он смеется над Их желанием заставить его заглотить идею, что все они «ангелы и Будды»!!! Очень Им интересно его мнение! И уж если Они всего лишь «слабовольные, хвастливые дураки», так какого черта он признаёт К.Х. своим Гуру! Почему он не откажется от Него и не покончит со всем этим раз и навсегда. Я буду первой, кто почувствует величайшее облегчение. И если у него есть гордость, чувство собственного достоинства и собственные идеалы, то и у меня тоже, и я считаю, что его письмо ко мне *хуже пощечины*. Я больше не намерена ни получать, ни читать его письма. Я написала ему всё то, о чем пишу Вам, но К.Х. *запретил* мне посылать ему это. Он может оскорблять и гневно осуждать Братьев, Общество и меня, публично и в частной беседе, но он не в состоянии сделать ничего хуже, чем то, что он уже совершил. М-р Хьюм, конечно же, бывший британский чиновник и *джентльмен*, а Братья *не джентльмены*, ну а я благодаря ему в глазах Англо-Индии выгляжу несчастной русской *авантюристкой* и неисправимой лгуней. Он «любит Братьев, и особенно К.Х.». Он изливает свою сердечность на всё Братство и «бедную, дорогую Старую Леди», он любит всё и вся, и с теми, кого он так сильно любит, он обращается подобно Богу Израиля, который любил своего сына так сильно, что послал его на муки распятия на кресте. Он похож на графа

Уголино, «*пожиравшего* своих собственных детей, чтобы *сохранить* им отца»! Он просто Пексниф¹⁵ этот ваш Хьюм, и вот — Вы только посмотрите! — он стал адвайтистом, не верующим *ни в какого Бога*. Он был адвайтистом последние двадцать лет, и как следует из заявлений, высказанных миссис Гордон, миссис Синнетт, Вами, мною, Дэвисоном, его женой и дочерью по этому поводу, он сотни раз за последний год отстаивал своего аспиранта. Разве он не ссорился с М. в письмах и со мной в музее из-за своего Творца и Вседержителя, духовного наставника и руководящего принципа Вселенной? И теперь мы, конечно же, все дураки, мы его *не* понимали, и он не противоречит самому себе. Так какого же черта он пишет мне, веля сообщить К.Х. то и это, и почему не напишет Ему сам? И черт его знает, что он хочет выразить своим «*l'Etre est l'Etre*» [существо есть существо — (*фр.*)] из Э.Леви и лицемерными ответами на вопросы, о которых мне ничего не известно! Я серьезно подозреваю, что он воспользовался моим именем как прикрытием, *подлогом* и что он в воображении писал К.Х. — а если это так, то что же случилось? Они что, поссорились? И он — **он** (!!!) — называет Братьев и К.Х. себялюбивыми! Ну и дела, черт побери! Он называет К.Х., — эгоистом (!); этого величайшего, благороднейшего, чистейшего из людей, искренней и лучше кого никогда не существовало за стенами их низкого ашрама; кто, будучи таким же молодым, как и он, мог бы стать Коганом или совершенным Бодхисаттвой, если бы не Его поистине божественное сострадание к миру. О грешник и богохульник! Он не доволен *Их системой*, он «много раз хотел порвать с Ними». Вот уж, прямо скажем, непоправимое несчастье для Братства, если он так и сделает! Жалкий сухой сорняк, скатившийся вниз с пирамиды Хеопса, причинил бы столько же вреда пирамиде, как он Братству, порвав с ним. Итак, блюдите свои интересы. Ну, хватит о нем! И если он причинит вред Обществу, мы уедем — в Китай или на Цейлон, вместо того, чтобы в декабре отправиться в Мадрас, — вот и всё.

Искренне Ваша

Е.П.Б[лаватская].

¹⁵ Пексниф — елейный лицемер, по имени персонажа романа Ч.Диккенса «Мартин Чезлвит».

ПИСЬМО 17

Доверительно, не для м-ра Хьюма

Понедельник

Мой дорогой м-р Синнетт!

Сегодня утром я впервые за всю прошедшую неделю встала с постели. Но не беспокойтесь *обо мне*. Ваше вчерашнее письмо с вложенной в него копией для м-ра Хьюма и сегодняшнее с его ответом свидетельствуют только о том, что Вы человек поистине больших достоинств, и мне остается лишь уповать, что я не умру прежде, чем Вы будете вознаграждены за всю Вашу преданность и любовь к К.Х. тем, что сможете Его увидеть. А как легко — о Господи! — увидеть его! Прочтите это:

«До 26 сентября я буду находиться приблизительно в двадцати трех милях от Дарджилинга, и если Вы приедете, то найдете меня на старом месте. Вы совершенно неправильно поняли то, о чем я прокричал Вам сегодня утром... в "Theosophist" написано как будто бы это было...»¹⁶

К.Х.

Я получила это вчера после операции. Меня не поразили ни один из двух ответов Хьюма. Я отослала их на потеху М. и чел. И попомните мои слова: Хьюм начинает *спячивать*. За время своей последней болезни я мысленно перенеслась на несколько лет в прошлое и теперь понимаю то, чего без Их помощи никогда бы не смогла понять две недели назад. По его словам, «К.Х. знает» то, что знает он, Хьюм. Ну что ж, я догадываюсь, что ему известно и это, и еще гораздо больше. Он сам себя обманывает, нелепо полагая, что быстро становится Адептом, он *видит некие картины* и принимает их за откровения. Он недостаточно чуток, чтобы понять, что К.Х. до конца останется добрым и учтивым. В тот день когда я послала Вам свое письмо с его «Заметками», К.Х. убедил меня ему не писать, а вместо этого послать письмо Вам. Я так и сделала; но, почувствовав, что задыхаюсь, встала с постели и написала короткое письмо, где высказала Хьюму всё, что о нем думаю. К.Х. против этого не возражал, но сказал, что поскольку Хьюм нужен Им для каких-то целей, то Он пошлет ему своего рода *противоядие*, дабы смягчить его гнев

¹⁶ «Как будто бы это было...» — В этом месте оригинала стоят не поддающиеся расшифровке тибетские знаки. Эта записка, написанная рукой Махатмы Кут Хуми, наклеена на письмо Е.П.Блаватской.

против меня. Противоядие пришло к Хьюму в виде телеграммы от К.Х., посланной из окрестностей Бомбея, а в ней, *насколько мне известно*, говорилось следующее: «...глупое письмо, посланное вопреки моему совету, но Вы должны простить этот взрыв чувств старой и очень, очень больной женщины», а на другой день посоветовал мне ради пользы Общества пожертвовать своими чувствами и, так как Хьюм уже однажды принес мне свои извинения, рекомендовал мне сделать то же самое. И поэтому я написала ему еще одно письмо, сообщая, что раз К.Х. и М. полагают, что мне лучше извиниться за некоторые грубые выражения, я так и делаю. Но при этом, посвятив полстраницы выражению сожалений по поводу того, что невольно задела его чувства, на трех следующих страницах я, кажется, наговорила ему кучу еще худших вещей, чем днем раньше. Но теперь — я больше не буду его бранить. Когда в Тибете преступник ожидает заслуженного наказания, там стремятся сделать его дни с момента вынесения приговора до приведения его в исполнение как можно более счастливыми. Я знаю, что *он приговорен, причем своими же собственными поступками*.

Он «за завесой»! Под ночным колпаком магии. *Он знает*, и К.Х. *известно, что он знает!* Подумать только! Как важно и таинственно. Он полагает «весьма возможным, что ничто, кроме ваших личных отношений с *этими* Братями, не сможет сохраниться, и всё же Движение, истинный его дух может получить ничуть не менее быстрое развитие. Здесь на сцену выходят другие силы — как известно им, если неизвестно «Старой Леди». А теперь, пожалуйста, сравните эту весьма таинственную сентенцию, пророческую и леденящую кровь, с другой фразой, завершающей заключенную в восьми столбцах статью Оксли в «Theosophist»: «...с глубоким уважением и признательностью за силу, которая, хотя ее и собираются заменить, пока еще находится на своем месте настолько же, насколько и та, что предшествовала ей и будет после» (стр. 303, 1-й столбец).

Хьюм, несомненно, должен состоять в переписке с Оксли. Говорю Вам, он рехнулся и даже хочет стать спиритуалистом. В один прекрасный день он, пожалуй, может обнаружить, что «другие силы» — это *дугна*, которые находятся в опасном с ним соседстве. Ему не мешало бы вспомнить универсальную каббалистическую аксиому: «*Знать, сметь, желать и хранить молчание*». Пусть прочтет впечатляющую фразу, переведенную Элифасом Леви из *Книги Чисел* в первом томе «Dogme de la Haute Magie» («Учение высшей магии»), стр. 115: «Нельзя

безрассудно вступать на путь высших знаний, но, *однажды пойдя по нему, надо дойти или погибнуть*. Усомниться — значит сойти с ума, остановиться — пасть, отступить — низвергнуться в бездну».

Вы избрали верный путь и научитесь всему, чему может научиться мирской чела, и даже еще большему, не подвергаясь никакой опасности. Он хотел *форсировать события, превзойти в чувстве братства самих Братьев*. Ну ладно, ладно, *посмотрим*.

Теософское Общество будет содействовать тому, чтобы «Движение, истинный его дух, безусловно, получило ничуть не менее быстрое развитие». Но это будет *наше* Общество или, вернее, *Общество М. и К.Х., а не его* — новое, которое он замыслил основать в Индии при содействии нескольких ненормальных мистиков-спиритуалистов, которыми он будет *продолжать распоряжаться*.

В этом-то вся разгадка. Он хочет потопить «старое Общество» и начать новое Движение против Братьев. Он вбил себе это в голову в прошлом марте и апреле. Теперь я всё знаю. Да, К.Х. знает, «если не знает С[тарая] Л[еди]» — и К.Х. *трепещет!* Счастливого пути!

Да. Сентябрь, октябрь — а потом *привет!* — и последний виток Колеса Цикла — «*сонни!*» [«ну знамо дело!» — (фр.)], но это меня никоим образом не запугает.

Одна половина натуры «Старой Леди», возможно, глупа, но если вторая ее половина пробуждает чуть ли не чудовищный интеллект противостоящей силы, называемой Хьюмом, то, право, не стоит слишком сильно ее задевать.

Итак, *адью!* Он исправляет и называет это «письмом, а не статьей». Ну что ж, для меня и тех, кто не так грамотны, как он, неважно, статья это или письмо, если оно помещено в журнале и имеет заголовок. В своем возражении «От редакции» я называю это *письмом*, а челы, со свойственным им безразличием, называют это же и «статьей», и «письмом», и я не цепляюсь к словам.

Прощайте, *единственный английский джентльмен* из всех известных мне в Индии; *единственный настоящий и преданный друг!* Теперь я понимаю разницу между *консерватором* и *либералом!* О Боже!

Мой сердечный и нежнейший привет миссис Синнетт и Дэнну.

Всегда Ваша

Е.П.Блаватская.

ПИСЬМО 18

19 сентября [1882 г.]

Бомбей

Мои дорогие друзья миссис и м-р Синнетт!

Боюсь, что скоро вам придется попрощаться со мной, но куда я отправлюсь — на Небеса или в Ад, *знать не знаю*. На этот раз мне досталось — Брайтова болезнь почек; а вся кровь превратилась в воду, и к тому же появились язвы в самых неожиданных и наименее доступных для исследования местах, причем кровь или то, во что она превратилась, скапливается в мешки *«а ля кенгуру»* и другие миленькие довески и *т.п.* Всеу этому причиной, *во-первых*, бомбейская жара и сырость, а *во-вторых*, волнение и суета. Я стала до глупого слабонервной, причем до такой степени, что достаточно Бабуле неожиданно прошлепать где-то поблизости от меня босиком, как у меня начинается отчаянное сердцебиение. Дадли говорит — *я заставила его мне это сказать*, — что я могу прожить год или два, а возможно, всего лишь несколько дней, так как в любой момент могу протянуть ноги от *сильного душевного волнения*. О венец творения! А что касается душевных волнений, так у меня их по двадцать на день — и как же я тогда вообще смогу хоть сколько-нибудь протянуть? Передаю все дела Субба Роу. В декабре или январе мы переносим нашу штаб-квартиру в Мадрас, а, значит, как же я смогу приехать в Аллахабад?!

Хозяин хочет, чтобы я подготовилась и поближе к концу сентября отправилась куда-нибудь самое большее на месяц. Он послал сюда из Нильгири челу Гарджья, который должен забрать меня отсюда, а куда — не знаю, но, конечно, куда-то в Гималаи. Хозяин ужасно рассержен на Хьюма. Говорит, что тот испортил всю Его работу (?!). Но, честно говоря, такой несчастной и возмущенной, как после его дурацкого и «развязного» (как Вы говорите) письма, я уже была несколько недель и до этого, и, значит, это вовсе не Хьюм натворил все эти пакости, но М. тем не менее при мысли о нем постоянно мрачнеет словно туча. А по правде, мне больше всего жалко мою бедную старую тетюшку, а еще беднягу Олькотта — *что он будет делать без меня?* Ну ладно, я едва могу писать, так как и в самом деле слишком слаба. Вчера меня отвезли в Форт к врачу: утром я встала и обнаружила, что *мои уши распухли настолько, что стали в три раза больше обычных!!* и к тому же мне встретилась миссис Страт с сестрой — ее экипаж медленно пересек

дорогу моему. Она не поздоровалась и никак не показала, что узнала меня, но имела очень презрительный и высокомерный вид. Ну а я оказалась слишком глупа и обиделась. Должна Вам сказать, что я очень и очень утомлена. Ах, как мне хочется еще раз увидаться с Вами, славной миссис Гордон и моим старым полковником, чью бабушку я могу повстречать где-нибудь в преисподней, куда я отправлюсь, если *Они* не подберут меня и не заставят торчать в Тибете.

Итак, всем до свидания; и когда я умру — если это случится до того как я вас увижу, — не думайте обо мне только как об обманщице, ибо — клянусь! — я говорила вам *правду*, хотя многое и скрыла. Надеюсь, миссис Гордон не опозорится, *вызвав* меня через какого-то медиума. Пусть сохраняет уверенность, что это никоим образом не может оказаться моим духом или хотя бы какой-то частью меня и даже *моей оболочкой*, ибо она и так давно перестала существовать.

Ваша, пока что живая,

Е.П.Б[лаватская].

Когда Вы пошлете свой ответ на «Совершенный путь»? Не собираетесь ли Вы использовать для этого письмо 3? Правда, у меня есть Ваша «Эволюция человека».

ПИСЬМО 19

9 октября [1882 г.]

Дарджилинг

Как Вы узнали, что я здесь? Вы, видимо, окружены очень болтливыми друзьями. Как хорошо, что теперь больше нечего опасаться со стороны вашего *чертова* правительства и его чиновников, и я собиралась сама написать Вам и растолковать, что послужило причиной этой *секретности*, «которая вообще столь *омерзительна* вашим европейским чувствам».

Всё дело в том, что не покинь я Бомбей в обстановке величайшей секретности — ведь даже некоторые теософы, посещающие нас, верят, что я дома, но занята и невидима, как всегда, — и не путешествуй я, так сказать, *инкогнито*, пока не добралась до цепи холмов и не пересела на поезд, чтобы ехать в Сикким, мне *никогда бы не удалось попасть туда*,

оставаясь в полной безопасности, и увидеть и М., и К.Х. *во плоти*. О Господи, к тому времени я уже была бы мертва! О, те два блаженно счастливых дня! Это было совсем как в старые времена, когда меня навел медведь. Очень похожая на прежнюю деревянная лачуга, домишко, поделенный на три закутка и стоящий в джунглях на четырех пеликаньих лапах; те же самые бесшумно скользящие желтые чела; тот же самый вечный звук «буль-буль-буль» неугасимой трубки-челум моего Хозяина, давно знакомый мелодичный голос Вашего К.Х. (чей голос еще мелодичнее, а лицо еще тоньше и более прозрачно), тот же самый мебельный *антураж* — шкуры, подушки, набитые хвостами яков, миски для соленого чая и т.п.

Итак, когда я уехала в Дарджилинг, куда Они меня отослали, чтобы оказаться «вне пределов досягаемости чел, которые могли бы влюбиться в меня, сраженные моей красотой», как заявил мой любезный Хозяин, то уже на следующий день получила прилагаемую мной записку от помощника специального уполномоченного с предостережением *от* поездки в Тибет!! Он запер ворота конюшни, когда лошади уже и след простыл. Очень удачно; потому что когда эти проклятушие шесть или семь чиновников-индусов, облепившие меня словно паразиты, отправились выведывать подходы к Сиккиму, им было наотрез отказано, а Теософское Общество подверглось оскорблениям и осмеянию. Но я всё ж таки отыгралась. Я написала помощнику специального уполномоченного и сообщила ему, что у меня есть разрешение от правительства — причем отсутствие ответственности за мою безопасность со стороны правительства не имело почти никакого значения, потому что в Тибете мне было бы гораздо безопасней, чем в Лондоне, — и что я, в конце концов, выйдя за пределы Сиккима, *действительно* прошла двадцать или тридцать миль, оставалась там два дня, и *ничего* плохого со мной *не случилось* — и точка!

Несколько леди и джентльменов в своем неумном желании увидеть «замечательную женщину» до смерти замучили меня своими визитами, но я упорно отказывалась встретиться хоть с кем-то из них. Пусть себе обижаются. Какое, черт побери, *мне* до всего этого дело! *Я не буду ни с кем встречаться*. Я приехала сюда ради наших Братьев и чел, а остальные пусть убираются к черту. Спасибо за Ваше предложение. Я действительно намереваюсь нанести Вам визит, но не могу покинуть Дарджилинг, пока мой Хозяин находится поблизости. Через неделю или дней через десять Он уедет, и тогда я смогу покинуть город и, если Вы

разрешите мне подождать Вас у себя дома, сделаю это с истинным наслаждением. Однако я не в состоянии попасть туда задолго до 20-го, так что если Вы письменно сообщите им об этом, то всё будет в порядке.

Через Бомбей я получила длинную статью м-ра Хьюма. Самую наглую и оскорбительную из всех, что когда-либо читала. И если он думает, что я ее напечатаю, то может на это не рассчитывать. Завтра, как советует мне Хозяин, я пошлю ее Вам вместе с адресованным ему письмом. Если Вы посчитаете мое письмо любезным, отправьте ему, а статью, *пожалуйста, сохраните* и верните мне при встрече. Я очень слаба и должна закончить. Хозяин передает Вам сердечный привет — я виделась с Ним прошлым вечером в доме ламы.

Всегда Ваша

Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 20¹⁷

7 декабря [1882 г.]

Уважаемый хозяин!

Честное слово, не могла сообщить. Пыталась в Америке, где украли тело старого миллионера Стюарта, и Братья тогда же сказали, что это не мое дело, но что тело не будет найдено *никогда* и — что оно никогда не существовало, несмотря на всяческого рода слухи о том, что оно найдено.

Вчера на рецензию прибыли Ваши книги, а с ними и мой Хозяин, явившийся с кратким визитом. Говорит: Он попытался бы сам продиктовать мне эти рецензии, не потребуйся и взаправду — совершенно *невозможный* подвиг — написать, будто я (Он) принадлежала к Англиканской Церкви! Благодарю покорно.

Олькотт прислал телеграмму в ответ на мою, посланную ему с просьбой сообщить Вам о дне его приезда, — ведь он был Вам нужен для миссис Синнетт. «Theosophist» пока что еще не выдохся, и сегодня мы восьмые! Почему? Потому что *без меня* всё пошло кувырком и 2000

¹⁷ Письмо 20 — Примечание, сделанное рукой Махатмы Мории, выделено жирным шрифтом.

рупий подписных денег истрачены на то, о чем лучше спросить у ветра в поле. Дамодар выглядит чокнутым, как мартовский заяц.

Вас, как вице-президента и члена Совета, необходимо уведомить о некоторых вещах. М-р Падшах, как мне стало известно, отправился в Лакхнау, чтобы открыть отделение и начать прием членов без санкции и даже без разрешения Совета. Он, ко всему прочему, забрал 125 рупий подписных денег — так как других и не было, — не спросив разрешения ни у меня, ни у Совета, и стоило мне вернуться, как тут же д-р Дадли и Совет извергли потоки жалоб, что ему до них дела, как до мертвого осла; что он всё время здесь хозяйничает, изображает Учителя, оскорбляет Совет и т.д., и т.п. Но худшим из всего была его лекция, которую он прочитал «в связи с Бомбейским отделением», хотя ни его президент (Дадли), ни кто-либо из Совета не дали ему на это ни санкции, ни разрешения. И как же теперь поступить в подобной ситуации? *Мой Хозяин* приказывает поставить Вас об этом в известность. Не считая восьми или девяти строчек, полученных как-то от Кут Хуми, и еще стольких же в другой раз, он от Братьев никогда не получал ни слова, но тем не менее унижает всех остальных членов и на своей лекции во Фрамджи-холле открыто хвастался, что принадлежит к числу тех *немногих «избранных», то есть, «полковника Олькотта, м-ра Синнетта и его самого!!»*, кто снискал расположение Братьев, которые поддерживали с ним постоянное общение. Его поведение полностью противоречит теософским принципам. А теперь не будете ли вы столь любезны подписать документ, который мы Вам пришлем (официальный документ), осуждающий его поведение? Ему наплевать на членов *местного* Совета, и на него произведет гораздо большее впечатление, если это подпишете Вы. Мы пошлем Вам этот документ с подробным описанием его *преступлений*, а Вы выскажете свое мнение. М. говорит, что пришла пора заставить уважать *Устав*; и если Совет превращен в такую дешевку, то в таком случае Общество и его организационная структура — это просто *фарс*. Я всем этим возмущена, ибо Падшах меня обманул. И сейчас он продолжает *прием* членов и не посылает сюда ни обязательств, ни денег, хотя, полагаю, исправно их тратит. Конечно, если мы не обеспечим соблюдение *Устава*, Общество так всегда и будет пребывать в затруднительном положении. Эта вечная доброта К.Х. и крайняя Его отзывчивость ко всякого рода страданиям и повлекли за собой подобные последствия. Он проявил жалость к собрату, лишенному наследства своим отцом, страдавшему эпилептическими припадками, и

считавшему себя несчастным, и — написал ему несколько строчек со словами утешения, а теперь вот вам благодарность! Братья опять выставлены на посмешище.

Ну что ж, такова наша и *моя* судьба. Салям.

Ваша, в куче неприятностей, вдовствующая

Блаватская.

Когда Вам нужны рецензии? Сообщите, пожалуйста. Получил ли молчаливый и презрительный «циник» «Tibet» от Трюбнера, только что посланный ему мною *вместо* него? Дайте мне знать, прошу Вас.

P.S. Вы ошиблись, предполагая, что спиритуалисты поднимут крик по поводу «Заметок» м-ра Хьюма. Ни одна из газет даже не упомянула об этом. «Light» — ни гласа, «Medium» — ни воздыхания, и только в одном «Spiritualist» появилась дурацкая короткая заметка, а сегодня — столь же длинная, сколь и бестолковая статья на эту тему. В ответ я послала м-ру Хьюму статью Терри из Австралии. Он заявляет, *что суть дела не раскрыта!!* Мне нечего больше сказать. Я сообщила м-ру Хьюму, что не смогу ответить на эту новую статью от Терри, так как мой стиль слишком расходится с тем, в каком написаны его «Фрагменты». Однако Хозяин всегда говорил, что «Фрагменты» — прекрасно написанная статья. О Боже, что за жизнь!

Ваша *Е.П.Б[лаватская]*.

«Хозяин» и продолжает говорить то же самое. Однако «Хозяин» больше не будет просить м-ра Хьюма что-либо делать для Общества или человечества. М-ру Хьюму впредь придется ездить на собственном «осле», ну и мы со своей стороны останемся в приятном сознании собственной независимости.

М.

ПИСЬМО 21

Мой дорогой м-р Синнетт!

Только что мне было велено выписать определенные слова (в точности как написано в письме Учителя) — которые посчитали *плагиатом*. Некто, кого Вы не знаете (и, слава Богу, на Западе не знает никто), хочет, чтобы я обратила Ваше внимание, что всё стоящее до слов «наши оппоненты» в конце первого абзаца — это просто слова, которые, будучи прочитаны отдельно, тысячами используются каждый день в печатных материалах. В них *не заложена никакая идея*, и кавычки в начале и конце последнего предложения: «Наши оппоненты-всезнайки» (т.е. спиритуалисты) поставлены Махатмой.

То же самое и во втором абзаце — отдельные слова и группы слов, сами по себе бессмысленные, вплоть до слов «феноменальные элементы, неожиданные и ранее невообразимые», которые хотя и составляют предложение, есть просто ряд слов, не содержащих в себе никакой мысли или новой идеи.

Он хочет знать, сочтут ли, согласно вашим канонам критики и литературным законам, плагиатом подобные слова и предложения, если обнаружат их (переданными слово в слово или очень на них похожими) в других книгах или произведениях разбросанными не по одной дюжине страниц? Он заявляет о своем желании узнать Ваше мнение по этому предмету до того, как сообщит Вам причину. И только в конце найденного Фармером абзаца, который, по его словам, *стоит непосредственно перед* приведенным выше отрывком», имеется длинное предложение, которое можно было бы назвать «плагиатом», хотя и в нем нет ничего нового или выдающегося, если там нет осадения.

Когда Вы на это ответите, я перешлю Ваш ответ *этому* Махатме.

Ваша Е.П.Б[лаватская].

И всё же — когда было написано «другое письмо», о котором Вы говорите?

ПИСЬМО 21a¹⁸

Термины <...> до сих пор использовались весьма <...> свободно <...> нечто <...> таинственное и аномальное, <...> распространяют на <...> восприимчивые умы <...> обрушиваются на <...> так же сводимые к закону, как простейшие феномены <...> физической Вселенной. <...> «Наши оппоненты» (т.е. спиритуалисты) говорят «век чудес прошел», а мы (притом) возражаем, что он «никогда не существовал»¹⁹.

Хотя и не единственная в своем роде или имеющая <...> аналоги <...> история <...> чрезмерно изливаемое влияние <...> как разрушительный, так и созидательный <...> разрушительный <...> этих <...> ошибок прошлого, <...> но созидательный из-за <...> установлений, <...> Феноменальные элементы, неожиданные и ранее невообразимые, <...> проявляя себя день за днем с постоянно возрастающей силой <...> раскрывают <...> секреты своих таинственных действий.

Дополнительное обвинение со стороны С.Фармера

Эти истины <...> действительно создают основу <...> духовного <...> вместе с тем глубокого и практического <...> и это не в качестве дополнения к <...> теории или спекуляции, которой они <...> увлечены <...> но ради их практической деятельности в интересах человечества.

ПИСЬМО 22

Приблизительно в июле

Утакамунд, Нильгири

Возлюбленная соратница и сестра!

Чтобы доказать Вам, что Вы как всегда дороги моему сердцу (я прошу разрешения высказать мнение, что Вы вовсе не «кто-то столь бесполезный» и что это *рыбацкая* байка), я отвечаю на Вашу долгожданную «милость» «язвительно и сухо», как говорят янки. Но что тут скажешь?

С Вашего отъезда я вечно попадаю впросак из-за этой проклятой статьи. К.Х. *использовал* меня (я не слышала о Нем около двух недель) как почтовую лошадь. Я расшевелила все наши шестьдесят девять

¹⁸ Письмо 21a — Заимствованные Махатмой Кут Хуми слова, выделенные курсивом при публикации в «Light» (20 июля).

¹⁹ ...«никогда не существовал». — Кавычки поставлены Махатмой Кут Хуми.

Обществ в Индии, и письма, посланные Вашему дорогому Хубу, покажут ему и Вам, что в этой атмосфере я брыкаюсь, словно «дьявол в святой воде». Эта отвратительная, грязная агитация убивает всё. Все, кажется, потеряли голову из-за законопроекта и этого *идола* — бизнеса! О Боже, как бы мне хотелось, чтобы Илберт, Рипон и ваши владельцы плантаций индигоносок — все утонули в собственной краске! Ваша политика доведет меня до безумия; и если Хозяин не приедет в Индию, я эмигрирую «*armes et bagages*» [забрав всё с собой — (*фр.*)] на Цейлон или в Бирму, — здесь, с Хьюмом, я не останусь.

Вы спрашиваете меня, дорогая, «прибудут ли деньги вообще». Откуда же я знаю? Силы небесные, что я могу сделать, если даже К.Х., видимо, впал в отчаяние и с отвращением махнул на всё рукой. Здесь, вне всякого сомнения, действуют некие дьявольские силы, и одна из этих сил — это *Джут-Синг* из Симлы, провидец с гор, «комнатный чела» Джаколета, Свами из Альморе.

Ах, если бы старший Коган только позволил нашим Учителям всего лишь один день использовать свои силы! Но **Он**, по Его собственным словам, никогда не будет мешать наказанию Индии «за истребление столь многих буддистов», хотя история умалчивает о подобном истреблении. Однако история была, вероятнее всего, написана Джут-Сингом, явившимся еще в одном воплощении. Ну что ж, нам, боюсь, это сулит мало хорошего. Лучше себя не обманывать. Мой Хозяин М. говорит, что м-р Синнетт приносит в Англии «огромную пользу». Что еще несколько месяцев — и Теософское Общество станет *большим аттракционом*. И — вот вам! — даже эта милая старая, но вечно юная Алиса — «дама сердца», сует свой нос в политику и подписывает протесты. Отчего уж *ей-то* бояться местных магистратов, если уж — но п'олно, молчание золото!

Олькотт на Цейлоне. Имел деловую беседу с губернатором!! который призвал его использовать свое влияние на буддистов в отношении скандалов с римскими католиками. Он отпустил бороду до седьмого ребра и волосы, которые рассыпаются серебряными локонами, как у патриарха. Полагаю, в январе он собирается отправиться в Лондон; буддийское духовенство посылает его туда по поводу некоторых своих жалоб. Но я всё же надеюсь, что Вы *не увидите* с ним, поскольку будете здесь. О, эти светлые и несбыточные надежды! Я нахожусь у Морганов, где генерал, генеральша, два сына, шесть дочерей, четыре зятя

составляют семейство жутчайших атеистов и самых болтливых или самых добродушных спиритуалистов. И кругом такая забота, столько сердечности и внимания к моей почтенной особе, что мне просто стыдно. Получила письмо от графини Катрин герцогини де Помар. Просит диплом обычного образца и грамоту. Избрана президентом нового Восточного и Западного Теософского Общества и пишет на бумаге с изображением на ней Богородицы Изиды-Нейт, «кормящей грудью младенческую душу», как она выражается, называя эту фигуру «Богоматерью Тео-Софией» в окружении семи голубей, или «божественными духами». Ну что же, она получит свою грамоту.

Послушайте, дорогая моя, не окажете ли Вы мне большое одолжение? Постарайтесь достать для меня изображение «божественной» Анны и какого-нибудь другого британского теософа, если, конечно, сможете, и скажите, что я очень об этом прошу. Сделаете?

Бедняжка Минни Скотт слепнет, сейчас она находится в отцовском доме Джут-Синга. Дэвисон здесь. Содержит две гостиницы вместо матери и зятя и получает 800 рупий в месяц. Ненавидит Хьюма и хранит его письмо, где тот повествует о своих длительных беседах в музее с К.Х. и М., пытаюсь теперь доказать, что они не существуют!!! Дэвисону он противен, и то же самое испытывают все, кто его знает. Прошу Вас, передайте прилагаемое «дяде Сэму»²⁰.

Какую цель преследовал м-р Мэсси, приняв резолюции и посылая мне через Керби протесты? С каких это пор отделения увещевают основные Общества?

Да, мне не по душе такая наглость. Не надо оскорблять религиозных чувств людей! Знает ли он, что Мадрасский епископ объявил «Совершенный путь» гораздо более опасным, чем атеистический «Theosophist», запретив читать это «творение *Сатаны*»? Это задевает чувства протестантского христианства гораздо сильнее, чем любое заявление или книги вольнодумцев. *Вздор!* Салям, и да сопутствует Вам любовь Владыки Будды. Сердечный привет хозяину, я напишу ему в другой раз. Слишком измучена.

Е.П.Б[лаватская]

²⁰ «Дядя Сэм» — американский бизнесмен Сэмуэль Уорд, ставший символом американского бизнеса.

ПИСЬМО 23

15 августа

Ути

Дорогой хозяин!

Мой *частный* ответ (пока) прилагается к «Протесту» достопочтеннейшей Лондонской ложи и К°. Вам, как тонкому иезуиту, только и выступать в поддержку подобных резолюций. «Миссис Гранди» и ее требования во имя *культуры и благовоспитанности* как будто специально созданы для Вашего выступления в оппозиции — не правда ли? Если бы антихристианские трактаты должны были исходить от кого-то в ореоле святости, как у этой престарелой дамочки, возразить было бы *нечего*. *Allez donc!* [Ну и ну! — *(фр.)*]. Вы — это множество слабых трусливых *грандистов*, панургово стадо, следующее за своими пахнущими жокей-клубом лидерами, и ничего более. Официальный ответ на *протесты* будет послан, если Совету удастся представить на хорошем английском свои «*гневные эмоции и дымящийся пароксизм бьющих через край желчных колкостей*» при том *уничижении* и новом *оскорблении*, которым они подверглись со стороны отделения Общества, члены которого, «*даже будучи Братьями, окажутся напыщенными и грозными правителями*». Вот Вам *переданная слово в слово* выдержка из письма, посланного полковнику Олькотту одним из членов Генерального совета — неким мадрасским мудельяром — в ответ на просьбу поделиться мнением по поводу антихристианских трактатов.

Разве не преисполнилось бы Ваше дружелюбное и еще более грандистское сердце гордостью и радостью, если бы Вы только увидели Старую Леди занимающей, наподобие Юноны и Минервы, председательское место среди всех высших чиновников Ути, Кармишеля и *великого Маффа* с его миссис Мафф включительно? Миссис Кармишель, миссис Г.Дафф[ерин], миссис Кенни Герберт и миссис «Все остальные», находясь здесь, бомбардируют меня приглашениями на приемы, балы, обеды и т.п. и, поняв, что гора не пойдет к Магомету, приходят как Магомет к горе, садятся у ее подножия и — целуют мои руки!!! А впрочем, они превратились в помешанных — архипомешанных! — и все это из-за несчастного кольца с сапфиром, вдвое большего кольца миссис Кармишель, которое тут же стало тоньше и уменьшилось, причем и сапфир в ее кольце определенно стал заметно

меньше (данное обстоятельство и было *главным образом* тем, что, несомненно, ошеломило и поставило в тупик м-ра Кармишеля, которого до той поры нельзя было обратить надлежащим образом); и еще из-за крайне любопытного звона в кармане м-ра Ф.Вебстера (генерального секретаря) и письма, написанного ему *его же собственным почерком*, которое я никогда не видела и которое он, готовый в том поклясться, не может *не* признать своим, хотя содержащаяся там чепуха явно не его, а также из-за нескольких писем, ниспосланных на аристократические носы высших властей в Ути Джуал Кулом (который шлет вам салям) и т.д., и т.д., и т.д. Вот Вам и *львица* эпохи!

Мой покой нарушен, мое существование — пытка, мои надежды на уединение разрушены. Имя мое вписали большими буквами в правительственную книгу в резиденции губернатора провинции, прежде чем я дошла до возвращения визита миссис Дафф[ерин]. Моя элегантная, величественная особа, одетая будто и по-тибетски, и вроде как в ночную рубашку, восседающая во всем великолепии своей калмыцкой красоты на званых обедах у губернатора и Кармишеля; Е.П.Б[лаватская], которую несомненно обхаживали адъютанты! Старая Упасика, повисшая как гигантская мара на изящно согнутых локтях членов Совета, в туфлях-лодочках, вечернем платье с раздвоенным хвостом и шелковых чулках, пахнущая бренди с содовой, да так, что хватит наповал свалить тибетского яка!! С другой стороны, как тень на яркой картине, *губительное и дьявольское* присутствие старухи Е.П.Б[лаватской] среди преданной паствы, медленно убивающее старого епископа; так как у Е.П.Б[лаватской], с той утонченной жестокостью, что отличает *варварские* души, возникла великолепная идея объявить об *увеселении* в ее апартаментах (у генерала Моргана) в воскресенье утром, то есть до полудня, между 10 и 12, как раз во время утренней церковной молитвы, и в этот благословенный день отдохновения бедняге епископу пришлось читать проповедь о спасении души пустым скамьям утийской церкви.

Пусть так — но где же польза от всего этого? Только в том, что стоило лишь попросить, как мне тут же устроили перевод Рамасвамира, челы М., из Тинневелли в Мадрас, да еще я получила одно-два места в секретариате для моих любимых *Читтьяров*. Говорят, я приношу пользу Обществу. Я приношу *вред* себе и *карме*.

И опять же, хотелось бы, чтобы новые члены вашей Лондонской ложи не обращались письменно с вопросами, требующими столь пространных ответов. Да ведь, Господи Боже мой! только *половина* ответов заполняет весь объем сентябрьского «Theosophist»! Ничего себе удовольствие! И это именно *мне* пришлось переписать большинство ответов, одна половина которых написана М., а вторая или челами, или почерками, которые я вижу в первый раз, так как ни один печатник в мире не смог бы разобрать почерк М. Всё это — более красное и неистовое, чем когда бы то ни было! И к тому же мне совсем не нравится Их манера ответов. Какая, собственно, необходимость исписывать три страницы на каждую строчку вопроса и растолковывать вещи, которые в итоге ни один из них, исключая, возможно, Вас, не поймет? Наука, наука и наука. Черт бы побрал эту современную физику! И в октябрьском номере, по-видимому, придется посвятить 15 столбцов ответам на остальные вопросы и *возражения* «английского члена Т[еософского] О[бщества]». М. велел Субба Роу ответить на его возражения по поводу даты рождения Будды и фантастических дат Каннингема. В этом месяце я была бы *не* в состоянии напечатать больше. С ответом Субба Роу это занимает от 15 до 16 столбцов! Боже правый! и кто такой м-р Майерс, что мой важный Хозяин должен расходовать полное ведро своих красных чернил, чтобы доставить *тому* удовольствие? А Он и не будет; узнайте, так ли это. Ибо м-р Майерс *не* удовлетворится доказательствами от противного и свидетельствами неудач европейских астрономов и физиков. Но неужели он и в самом деле полагает, что хоть кто-нибудь из Адептов раскроет в «Theosophist» Их истинное *эзотерическое* учение?

Если Вы приносите так много пользы и наделали столько шума с теософией в лондонских кругах, то почему бы Вам не пожаловать нам что-нибудь для «Theosophist», или Вы намереваетесь всё это время действовать *sub rosa* [тайно — (*лат.*)], как говорит К.Х.? «Да, они не выносят, когда их действия комментируют даже в “Theosophist” — их собственном журнале», — сказал мне К.Х., когда я в последний раз мельком видела Его, а это было уже давно, более двух недель назад. Чем Он занимается? Думаю, что я могла бы раздобыть для Вас три столь нужных *нынче* письма со сведениями о том, что м-р и миссис Кармишли *обожают* меня и что раджа *Визианаграма*, обожающий *их*, прибывает. Но тогда же К.Х. велел мне больше не принимать участия в этом деле, сказав, что у Него изменились планы. Я истинно верую, что Вы оказали

самое пагубное влияние на нашего благословенного К.Х., ибо пусть меня превратят в *оболочку* первого класса, если я узнаю Его после того, как Он попал в дурную компанию с Вами и остальными! Имеется короткое письмо, видимо, от Него для «дяди Сэма», посланное мне по почте из Дарджилинга Бхола Шармой, который живет теперь у тибетца и в Сиккиме, летая из одного места в другое. Пусть он («дядя Сэм», а не Бхола Шарма Дэва) считает себя счастливым и будет доволен. К.Х. становится *слишком* земным, и это Его погубит. В один прекрасный день Коган разжалует Его в простого теософа и — лишит наследства — хотя бы и *окультного*, причем как раз это стало бы благом для любого, но только не для Него.

Ну ладно, нужно одеваться для *большого приема* у Кенни Герберт, где я намереваюсь пофлиртовать с благоухающими бренди и жокей-клубом *адъютантами* и приготовиться стать ювелиром и звонарем всех и каждого. Хорошенькое положение в обществе! Разве я не вижу их всех насквозь?! Вижу, дорогой хозяин, вижу и *презираю гораздо сильнее, чем когда бы то ни было*, — вашу ограниченную, злословящую, вечно притворяющуюся и невежественную Изабель — «миссис Гранди». С этими любезными словами преданная Вам

Е.П.Б[лаватская].

Множество *саламов*, множество поцелуев моей «возлюбленной сестре» в Будде, миссис Синнетт, и Дэнни: для него есть письмо от мадам Куломб. Не могу его найти — куда-то засунула — пошлю после.

ПИСЬМО 24²¹

P.S. Если Вы хотите мира и покоя и хорошего взаимопонимания между Лондонской ложей и основным Обществом, Вам лучше бы позаботиться, чтобы с ее стороны не было нелепых претензий, высокомерия или неуместного выражения превосходства. Ибо, клянусь, если Олькотт и будет терпеть, — **я этого не потерплю**; я не допущу подобной нетеософской чепухи. Уже несколько месяцев мне известно нечто важное, что я похоронила глубоко в своем сердце, и до сих пор я

²¹ Письмо 24 — Эта записка написана рукой Е.П. Блаватской. По-видимому, она не имеет никакой связи с предыдущим письмом.

держала язык за зубами из одного только преклонения перед Махатмой К.Х. То, что Его осыпет бранью и обольет презрением тот, кто сам всецело нуждается в снисхождении неоскверненного и целомудренного из-за своего продолжающегося последние годы адюльтера, и то, что Его — К.Х. будет *поучать* в письмах к Олькотту некий Грандисон, имеющий 8 внебрачных детей, называющих его папой, — внушает мне глубокое отвращение. Никто не заботился о М[ейтланде], не любил и не уважал и не превозносил его больше, чем я. Но после того как я прочла его письма к Олькотту и увидела, что он взял тон святого целомудрия и благородства и, похоже, боязливо отступил перед воображаемой ложью или, скорее, видимостью лжи К.Х., когда он сам замарал свои *непорочные* крылышки в деянии, намного худшем того, в котором он обвиняет кого-то, кто неизмеримо выше его, я почувствовала к нему *отвращение*. Вспомните, что до сих пор никто в Лондонской ложе ничего не сделал ради теософии — не считая того, что Вы полагаете величайшей честью присоединиться к ней. Вспомните, что миссис К[ингсфорд] не верит, а если и верит, то не *ставит* Братьев *ни в грош*. Что пока у нас есть только некие Уайльд, Оксон (вечно противодействующая сила), Мэсси, д-р Картер Блейк и т.д., кем хвастаться в этом отделении. Что, кроме Вас, вообще никто и пальцем не пошевелил ради *Теософского Общества*. Что единственным, кто — после Вас — сделал для Общества все возможное, был *американец* — «дядя Сэм». Тогда почему, черт возьми, мы должны слать им салямы? Пусть завтра откажутся от всего, мне-то что! Пусть выкажут нам расположение и уважение, и мы поступим так же, но не иначе.

Здесь Браун и Паркер. У них постоянные перебранки, и я прямо заявила им, что здесь они ссориться больше не будут, ибо я не потерплю в Обществе семейств Монтекки и Капулетти. Я готова сделать всё, что могу. Я обставила и подготовила для м-ра Брауна прелестную отдельную квартиру с ванной и верандой недалеко от дома мадам Куломб. Я делаю и буду делать для него всё, что могу, он вправе пользоваться всем, что у нас есть, но ссоры и *важничанье* не дозволены никому. *Баста*, и ни слова больше.

ПИСЬМО 25

23 августа

Ути

Итак, я получила от Вас три письма подряд, как Вы говорите, с нагоняем в мой адрес и — даже хуже; ибо наплевать на *головойойку*, но меня действительно беспокоит и заставляет *переживать*, когда со мной обходятся *несправедливо*. А Вы несправедливы.

Вначале Вы браните меня и упрекаете за предчувствие и *понимание* того, что это письмо в «Times» будет превращено в предлог для расстройств проекта. И я вовсе не обвиняю и никогда не обвиняла Вас за дух Вашего письма или выраженные в нем взгляды — ибо я еще не совсем сошла с ума, — а всего лишь за его слишком раннее появление, за то, что Вы вообще его написали. Оно только доказывает, что я знала индусов лучше, чем Вы, и что Вы, со всей Вашей редакторской и политической *проницательностью*, всё же думали о них лучше, чем они есть. Разница в том, что я не могу претендовать на объяснение этой ситуации по-английски, равно как и на любом другом языке, так как никогда не обладала бойкостью речи и даже не смогла бы написать сама, а только под диктовку. Надеюсь, однако, что Вы меня поймете. Итак, в нескольких словах: Ваше письмо было *великодушным, благородным, благонамеренным*. Всё это в нем было, и тем не менее оно *пришлось* не ко времени — или слишком поздно, или чересчур рано. Напиши Вы его, находясь в Мадрасе, — оно принесло бы Вам тысячи друзей, так как было всего лишь началом, настройкой оркестра, а занавес пока еще не был поднят. Но написанное среди бушующего урагана, когда индусы, обиженные, оскорбленные, публично оплеванные настроенной против Илберта толпой, доведены до крайности, безумия и бешенства, — оно *неуместно*. Они как раз оказались в одной из тех ситуаций, когда *любой* человек — не говоря уже о полуцивилизованном индусе, думает и чувствует: *кто не со мной сердцем и душой, тот против* меня. Это абсурд, ребячество, но такова человеческая натура. Так вот, мне известно всё, что Вы говорите об индусах, и даже значительно больше. Никто лучше меня не знает об их подозрительности, рожденной веками рабства, их коварстве — часто *низком* коварстве по той же самой причине — и их неблагодарности, причем только в отношении *иностранцев*, ибо нет на этом свете людей более благодарных, если они в ком-то *уверены*, — а относиться так к

иностранцам, и особенно к англичанам, они ну уж никак не могут, ибо на одного добропорядочного человека, джентльмена, в Индии приходится девять снобов и неджентльменов, как Вы и сами знаете. Я осознаю *все* их недостатки, но не могу ставить им это в вину, ибо слишком сильно *жалею* их, чтобы поступить подобным образом. И не от народных масс ожидали мы денег, а от угнетателей этих народных масс и бедняков; от земиндаров и раджей, а этим скотам нужен был только предлог. Так, [раджа] Дурбонга, который торжественно обещал двадцать пять тысяч Олькотту и своему управляющему полковнику Мэсси, у которого Олькотт останавливался в г. Дурбонга, первым не сдержал своего обещания, когда появилось Ваше письмо; а за ним и Гайквар²², так что в итоге было потеряно пятьдесят тысяч. Их примеру последовали раджи Визианаграма и Венкатаджери, а деньги у них были наготове. Для них это *был* только предлог. Но это как раз то, чего я боялась, и этому суждено было случиться. Теперь Вы упрекаете меня в том, что я торжественно ручалась в *своей уверенности в успехе*. Да, ручалась — я и некто, гораздо более великий, чем я, ничтожная, — Ваши К.Х. и М. — хотя последний был менее уверен. И всё это потому, что тибетцы и — нужно сказать правду — сам Коган, были против Них. Разреши Он им воспользоваться Их силами, Они, конечно, не потерпели бы неудачу, как это произошло в действительности. Они бы предвидели этот страшный скандал в будущем, эту раскрывшуюся бездонную пропасть. Вы говорите, что потеряли деньги. Мой дорогой м-р Синнетт, мы тоже достаточно их потеряли; и для нас одна рупия — больше, чем 100 для Вас. Но ни Вы, ни мы ничего не потеряли, послав агентов во все уголки Индии (даже Субба Роу потратил несколько сотен, а еще судья Муттасвами и некоторые другие, кого определили в услужение Махатмам). Всё это *вздор*. Мы все потеряем в тысячу раз больше, если провалится последняя и решающая попытка К.Х.: *ибо в этом случае мы неизбежно потеряем Его*. Я это знаю, а Вы должны быть к этому готовы. Он никогда никому не явит своего лица и не вступит в общение ни с одним из нас. Он и тогда-то, перед тем годом в Симле, имел к нам слишком мало отношения, если вообще есть о чем говорить, а уж теперь Он снова и еще больше погрузится в *неизвестность* и безвестность. Вы не знаете, как глубоко Он всё переживает, — *а я знаю*. Он никогда ни слова не сказал мне о Вашем письме, но это сделало Его второе «я», Д[жуал] Кул, причем он сказал именно то, что я теперь говорю Вам. Так

²² Гайквар — имя и наследственный титул властителя княжества Барода.

что если в раздражении я, возможно, написала Вам какие-то глупости и наговорила неприятных вещей, Вы должны отнести мои высказывания на счет их *истинной причины*, а не приписывать их моей нелояльности или крайнему раздражению в отношении Вас. Я чуть не зарыдала, увидев это злосчастное письмо. Я всегда презирала и *от всей души презираю* Хьюма, но к Вам неизменно испытывала чувства благодарности и любви. Так что если я и говорила что-то по поводу политики Хьюма, то это чтобы наглядно продемонстрировать, что даже такая дрянь, как он, оказалась более изворотливой, чем Вы утверждаете. А Вы меня неправильно поняли. Теперь я, конечно, не вспомню слово, которое написала, — как через несколько дней забуду и это письмо — (ничего не поделаешь, такая уж у меня голова); но уверена, что не могла сказать *Вам* ничего плохого. Не мог, я уверена, и К.Х., ибо мне известно наверняка, что Он никогда не написал бы Вам что-нибудь неприятное. Так почему же Вы на Него намекаете?

Теперь по поводу жалобы «дяди Сэма» — что, черт побери, *мне* известно о канцелярской возне? Какое отношение я имею к управлению делами Дамодаром, если это обязанность Олькотта? Он послал Уорду *печатное* уведомление, как посылал тысячами, а так как Олькотт — американский бизнесмен, как и Уорд, то не в духе *янки* протестовать против жесткого бизнеса, как они это называют. Мне было безумно *стыдно*, когда я получила Ваше письмо и телеграмму Уорда. Но я почувствовала себя душой, так как Олькотт, которого я за это изругала и дала хорошенький нагоняй (он только что прибыл сюда, чтобы организовать англо-индийское отделение), говорит, что они всем посылают такие печатные приветствия, и Дамодар в то время не знал, что я должна была или, вернее, рассчитывала получить эти 20 рупий, посланные м-ром Уордом в частном и даже *незаказном* письме на мое имя. Ему, конечно, следовало бы проводить различия, но он этого не делает, поскольку он мальчик и не был обучен конторскому делу, и стоит ли из-за этого С.Уорду думать обо мне плохо или еще хуже? Разве я не посылала ему «Theosophist» весь последний год и не запретила Дамодару даже спрашивать деньги за него? «Что заставляет меня думать, что он разорен?» *Он сам* — в нескольких письмах, что я сохранила и могу Вам послать. Я никогда не заявляла, что ему нечего есть. Я говорила только, что он потерял некую сумму, если не всё свое состояние, хотя именно таковы были его собственные слова, обращенные ко мне. Если он наврал, полагая, что удачно пошутил, то это

явно говорит не в его пользу. Но и *мне* к тому же *известно*, что он потерял кучу денег из-за Джаджа в Нью-Йорке и даже своего друга, Гаррисона, а С.Уорд говорил мне, что лишился их из-за Ски, и считал или, по крайней мере, писал, что считает это *испытанием*, ниспосланным К.Х., — притом, что К.Х. до сих пор ни разу не вмешивался в денежные дела — и, полагаю, никогда этого делать не будет. Мне очень жаль Уорда, и я говорила Вам об этом; и Д[жуал] К[ул], если я правильно помню, рассказывал о его денежных потерях, и мне даже кажется (хотя я и не помню этого наверняка), что К.Х. говорил нечто в том смысле, что с *деньгами* или *без них* С.Уорд — лучший из мира живых. И еще К.Х. рассказал мне, что С.Уорд теряет всё свое состояние *далеко не в первый раз* — и это я помню достаточно хорошо. Но потерял ли он много или все свои деньги, об этом я не знаю ничего, кроме того, что в то время он сам мне написал. Спросите его. Однако я полагаю, что даже К.Х. никогда не обращал на это никакого внимания; ибо М. спрашивал *меня*, слышала ли я что-нибудь о поведении *Ски*, и я отдала Ему для прочтения адресованное мне письмо С.Уорда. Но знали ли *Они* или верили в это, понятия не имею, если только Они не занимаются специально чем-то Их интересующим — но, конечно, даже Они иногда могут доверять или находиться под ложными впечатлениями. М. несколько раз подозревал меня в том, что я неправильно сообщаю Ему о разных вещах, пока не заглянул в мою голову и не узнал правду. Так же и в отношении всего остального. Но если С.Уорд потерял только часть своего состояния, зачем же он писал мне такие письма? И вынудил меня написать о моих чувствах, а именно, что его, *разоренного*, я люблю больше всех, ибо ненавижу и боюсь слишком *богатых* людей? Но всё это вздор, и мне наплевать, кто он — Крез или нищий. Мне нет никакого дела до этих жалких 8 рупий или 1 фунта подписного взноса, и непонятно, зачем Вам нужно укорять *меня*, будто я боюсь, что теперь он, потеряв свое состояние, не станет платить подписной взнос! Ведь я никогда и не думала, что он должен это делать, пока он сам не послал Дамодару эти деньги. Для меня всё это гораздо более «прискорбно» и «отвратительно», чем для Вас.

И подумать только, что именно я, мерзкая старая дура, я, идиотка века, первая привлекла внимание к К.Х.! Это я послужила причиной того, что теперь Его оскорбляет и бесчестит всякий старый осел из «Light»! Это *моя* работа, и я не прощу себе своего греха. Неужели Вы думаете, что Коган и другие не слышат каждое слово брани по **Их** поводу,

произнесенное или напечатанное? Что все Они не знают, когда против Них направлен злой ток? К слову о злых токах, зачем Вы пригласили на свой *прием* 17-го числа *злых* критиков и дураков, зачем Вы метали бисер перед столькими свиньями? Почему у Вас было всего 63 заинтересованных человека — теософов вместе с Вами, вегетарианцев с миссис К[ингсфорд] и спиритуалистов (немногих) с вами обоими — и более или менее дружелюбных; а остальные — которых было вчетверо больше — все заклятые враги или ехидные, лицемерные святоши. А что касается дам, то большинство из них до такой степени *раздеты*, что ни один из живущих здесь не смог бы на них смотреть. Была там лишь одна представительница женского пола, на которую всегда можно смотреть, не краснея в толпе, — и это — хозяйка (комплимент в ее адрес) *и вторая после нее* — миссис Кингсфорд. Скажите — почему она была одета в платье, которое выглядело как «черно-желтая шкура зебры из зверинца кашмирского раджи?» И правда ли, что в ее волосах, «подобных пламенеющему закату, отливающему золотом», были розы? И зачем — милосердный Боже! зачем «кисти рук и руки у нее были окрашены в черный цвет, *черный как уголь* — до самых локтей»? Или то были перчатки? И еще, правда ли, что в тот вечер спереди у нее был сверкающий металлический карман с пряжками и бубенчиками и чем-то там еще, а в ушах — сделанные в форме «полумесяца позвякивающие серьги» — символ растущего великолепия Лондонской ложи? Эта луна заимствовала свет от сателлита. И вот разговор о лунах, помилуйте, зачем же говорить о *запретных* вещах! Разве я не говорила Вам тысячу раз, что Они никому не разрешали узнавать или высказываться об этой *восьмой* сфере, и откуда Вы *знаете*, что это луна, как все мы ее видим? И зачем Вам понадобилось печатать о ней, и теперь «некий английский соратник по Т[еософскому] О[бществу]» вылезает со своим вопросом, а этот старый осел Уайльд называет ее «мусорным ведром». В «Light» я его голову назвала мусорным ящиком. Вы оба, как пить дать, получите нагоняй в ответах; ибо они (ответы) прибыли, причем последние из них сегодня вечером, и *вы получите по заслугам*, как говорят французы — быть вам с *нахлобучкой*. Когда Субба Роу прочел вопрос, обсуждаемый в Вашей книге, он чуть не упал в обморок, а когда прочел его (вопрос м-ра Майерса) в гранках — то, как пишет Дамодар, *позеленел*. Ну что ж, это дело Ваше и К.Х., а не мое. Но почему же — почему на *ней*, «мистичке века», было так много драгоценностей! Как может она дружески беседовать с невидимыми Богами, если выглядит «как витрина

магазина английского ювелира в Дели»? Ну, полагаю, я тоже видела ее и хотела бы иметь ее портрет для сравнения. Ибо *ее* мне *показали*. Разве она не достаточно высокая, узкая в талии и широкая в плечах, очень белокурая, с легким румянцем на щеках и ярко-красными губами и носом, который, когда она говорит, становится больше или толще, чем когда она отдыхает? У нее светло-голубые глаза. Она обворожительна; но в таком случае, почему же ее прекрасные волосы выглядят как митра дугпы Дашату-ламы? Ну ладно, всё это вздор. Мне смертельно грустно и отнюдь не до шуток. Передайте сердечный привет миссис Синнетт и всем, а также и мошеннику-янки — «дяде Сэму», который в своих письмах разыгрывает из себя *нищего*. И всё это, чтобы испытать меня? Хорошая мысль. Ну, раз уж Вы говорите мне, что он всё еще богат, я *никогда* не напишу ему снова. Можете ему об этом сообщить. Олькотт собирается в Лондон, полагаю, в январе. К нему присоединился полковник Стронг, хочет войти с ним в компанию и миссис Кармишель, но ее — «Давид» боится, также и м-р и миссис Кенни Герберт и леди Саутер.

Да, еще один упрек — № 3, а именно, *невнимательность* «теософской канцелярии» — *неблагодарность* за те десять фунтов, присланных мисс Арундейл, состоящая в том, что мы не отослали ей никаких дипломов! Не будете ли Вы любезны перво-наперво выяснить, не следует ли нам послать их в лондонский Скотланд-ярд или почтовый отдел для невостребованных писем — ибо мы едва ли смогли бы выслать дипломы тем, об *именах которых* ничего не знаем? Разве кто-нибудь представил нам кандидатуры членов, не считая их *заявлений*? Дамодар ни разу не получал из Лондона ни единого заявления и ни одного имени. До сих пор *нам ничего не известно* ни о числе членов, ни об их качествах, мы не знаем даже их имен, — вот так-то! Пусть действуют *официальным путем* и в соответствии с нашими законами, и мы поступим так же. Лондонскую ложу следовало бы назвать критикующей Т[еософское] О[бщество]. Критиковать-то очень легко. Как бы там ни было,

Ваша в Господе

Е.П.Блаватская.

ПИСЬМО 26

14 сентября

Ути

Мой дорогой м-р Синнетт!

К.Х. велел мне в течение 2-х месяцев не соваться в газетное дело — я, разумеется, подчинилась. Почти 6 недель назад Он послал через меня Вам письмо, и между Норендро Бабу из «[Indian] Mirror» и мной произошел обмен телеграммами.

В то время меня крайне удивила надежда Норендро, *что Вы когда-нибудь согласитесь служить делу земиндаров* — тому, которое сам К.Х. объявил **постыдным**. Ну ладно, поскольку я женщина, не сведущая в политике, и, возможно, как Вы неоднократно заявляли и намекали, — «дура» во многих вопросах, то я сохраняю спокойствие. Но теперь Норендро телеграфирует, что *Вы согласились* и приняли *предложение земиндаров*, а М. велел Олькотту послать Норендро телеграмму с запретом высылать Вам хоть одну страницу или предложение без того, чтобы сперва показать это Олькотту. Существуют факты и слухи, будь они Вам известны, Вы, я уверена, *никогда бы* не унизились до принятия подобного предложения. Я обсуждала эту тему с Кармишелем и Форстером Вебстером, секретарем правительства, и несколькими другими членами Совета и поняла, что дело земиндаров — это обычный тайный сговор, чтобы *обмануть* и заморить голодом миллионы бедных земледельцев. Если так, а К.Х. должен знать об этом, то как же Вы *можете* мириться с такой ужасной вещью? Я сделала всё возможное, чтобы прежде всего добыть деньги (думаю, мне это удалось). Никто более страстно, чем я, не желает, чтобы Вы вернулись в Индию. Но если Вам придется возвращаться ценой своей чести и репутации — тогда, что ж, *мне нечего сказать*. Мне известно одно, а именно, что *мои* представления о чести и справедливости, видимо, сильно отличаются от представлений других людей. Я предупредила Вас о том, что говорят здесь люди об этом тайном сговоре богатых с целью обмануть бедных, и, полагаю, выполняю свой долг. Я предпочла бы не видеть Вас *больше* в этой жизни и охотнее разрушила бы Теософское Общество, чем стала соучастницей столь страшной несправедливости — такой *дьявольской* сделки, как доведение до голодной смерти несметных полчищ для удовлетворения прожорливости нескольких шейлоков. Я не понимаю, согласны ли Вы принять это предложение или нет. Но вот что я только

что получила. Бхавани Роу, кажется, добился успеха, значит, в западных провинциях собрано двести тысяч рупий. Я отправила Вам телеграммы. Имей Вы терпение, деньги были бы в конце концов собраны. А теперь я не знаю, что делать. Именно М. велел написать Вам об этом так много и — чтобы *больше не вмешиваться* — теми же словами, как высказался К.Х.!

Je donne ta langue aux chiens. [Я отказываюсь разгадать что-либо. — (фр.)]. Не вините *меня*, я сделала всё, что было в моих силах, но так как предпочтение отдано земиндарам, то мне больше нечего сказать. И все же Бхавани Роу — чела К.Х. **Он** [К.Х.] должен знать обо этом, поскольку Б[хавани] Р[оу] действует согласно приказам своего Учителя. Что всё это значит? Олькотт тоже напускает на себя таинственность. Он телеграфировал Вам, я знаю, и, значит, Вы должны теперь знать больше, чем я. *Целую.*

Ну и путаница же возникла по поводу дела этого Эллиота, или Эллиса, или как там его зовут! Что такого ужасного я сказала м-ру Уорду, что он счел своим долгом поднять из-за этого такой шум? Что мне за дело, если весь Лондон двинет в Гималаи, а оттуда съедет прямо в Тибет? Если Они их туда впустят — это *Их* дело, а не *мое*. Я просто кое-что сказала Уорду по поводу того, что им здорово влетит за то, что они живут на территории ламаистского монастыря — занимаясь охотой. Что К.Х., несомненно, скрылся бы или что-то в этом духе. А теперь Уорд жалуется Вам, Вы браните *меня*, миссис К[ингсфорд] (!) пишет К.Х., а К.Х. выражает свое недовольство М. — и всё это сваливается на мою голову!

Я больше не буду писать. С меня хватит. Если каждый мой поступок будет неправильно истолкован и меня будут считать ответственной за всё, да еще М. будет меня ругать, то я уж лучше умолкну. Уорд поступил бы лучше, если бы написал в американские газеты, чтобы поменьше поносили теософов, Общество и особенно меня. К тому же появилась претендующая на остроумие сатирическая статья об экс-теософе — некоем Фр. Томасе, который сделал вид, что срывает маску со Слейда и разоблачает всё и вся, и который теперь поливает нас бранью, как на рыбном рынке в Хангерфорде, а *господа* репортеры добросовестно принимают ее за правду. Вместе с биографией попугая Томаса в бульварной газетенке, «N.Y. Telegram», появляется биография нашего Общества и моя собственная. Там меня, помимо других приятных эпитетов, называют «самым невежественным и

богохульствующим шарлатаном века». А «Bombay Gazette» полностью это перепечатывает. И теперь я снова вынуждена подать в суд. М-ру Б.Г. придется доказать, являюсь ли я «шарлатаном».

Должна сказать, что Вы, вероятно, сделали не самое худшее, когда позаимствовали у России ее *законы в отношении пасквилей*: ведь Англия в этом смысле и вправду представляется гораздо более варварской и нецивилизованной страной, чем Россия. В России любой редактор получил бы три месяца тюрьмы за употребление в печати такого клеветнического и оскорбительного выражения, а вот *джентльмены*, подобные Греттону Гиери, повторяют грубое оскорбление и, кажется, без какого-либо возмещения. Однако, там будет видно. Это опять выдумка «Statesman».

Передайте, пожалуйста, всем мой сердечный привет.

Ваша Е.П.Блаватская.

ПИСЬМО 27

27 сентября

Адъяр

Только что вернулась домой из Ути через Пондишери, и первым, что ожидало меня, оказалось Ваше письмо с новыми и неожиданными протестами. Я, по Вашему выражению, «взъерошила перья» не на себя, а на других, посчитав это *долгом и делом чести*, и определенно должна постараться запечатлеть в Вашем воображении, до какой степени они взъерошены.

Когда же Вы, запомните, что, рассказывая мне обо всём совершённом полковником Олькоттом во время его путешествий, Вы просто сообщаете мне *сведения*, о которых мне ничего *не известно*; или что говоря о конторских делах, Вы приписываете мне знание вещей, о которых я имею понятия не больше, чем человек, свалившийся с луны. Почему на *меня* должна возлагаться ответственность за всё, что случается в Обществе, — это что-то чрезвычайно странное. Однако Ваше письмо до такой степени полно *несправедливых и жестоких* сентенций, столь пристрастно, что я немедленно докажу Вам это, потому что я должна постараться и указать Вам на это в последний раз. Когда Вы

писали это, мой дорогой м-р Синнетт, у Вас, должно быть, было расстройство пищеварения. — Отвечаю на Ваши обвинения *по пунктам*.

1. Что же именно «раздражает» Вас в миссис Паркер? Я знаю ее почти восемь лет. Она — человек восторженный, безрассудна во многих вещах, но никогда ирландский корпус не содержал в себе женщины лучше, искренней, порядочней и добродетельней. Она — настоящий теософ, бескорыстна и готова расстаться с последней одеждой в пользу других. Не очень *культурна*, «грубятина», как Вы это называете. Возможно и так, но не больше чем я. Она была лучшей подругой мисс Кислингбери. И хотя мисс К[ислингбери] покинула нас, перейдя в лагерь Римско-католической Церкви, она тем не менее остается лучшей *женщиной-теософом* из всех когда-либо живших в Лондоне. Мнение с первого взгляда — всегда предвзятое. Вечное суждение по внешнему виду. И снова история с Беннетом, Бэноном, Скоттом и некоторыми другими. О, м-р Синнетт, сколь же поверхностна Ваша теософская проницательность! М-р Браун не мог бы сделать ничего лучшего и более ценного, как взять ее под свою защиту, — и я уважаю его за это. (Он прибыл с ней, теперь я знаю его лучше, а — уважаю *меньше*). Он выручил из беды несчастную женщину, которая отдала всё, что имела: стала нищей, чтобы спасти от голодной смерти своих бедных соотечественников в Америке. Он был добр к ней, тогда как все остальные в Лондоне — жестоки и равнодушны, начиная с Вас, и еще Уайльда, этого старого осла, который со своей стороны делал всё возможное, чтобы восстановить ее против теософии и нас, и т.д., и т.п. Нет, в самом деле: то, что оскорбительно для *Вас*, часто необходимо для *меня* и — *pour cause* [не без основания — (*фр.*)]. Давайте оставим это. Мы вряд ли когда-нибудь поймем друг друга. Но Вам следовало бы знать, что я, питая крайне малый интерес к теософам, обвешанным драгоценностями, как греческий покойник, и одетым в напоминающие тигровые шкуры платья из атласа и бархата, чрезвычайно пекусь о тех, у кого теософия глубоко в *сердцах*, а не только на словах.

Ничуть не менее забавно и то, что, хоть мне это известно уже два года и даже более, Олькотт состоит в весьма дружеской переписке с фрау Гебхард, и что я знаю, сколь глубокое чувство уважения и привязанности испытывает он к ней, Вам вдруг приспичило придраться к нему за *его тон*. Кто Вам сообщил это? Это Ваша собственная *интуиция* или фрау Гебхард? Если она, значит, она не та женщина, за которую я ее принимала. Снова Вы говорите мне о вещах, за которые я не несу ни

малейшей ответственности и которые меня никогда нисколько не интересовали. Исключая книгу, снабженную на полях примечаниями К.Х. и отосланную Хьюму, и послание с толкованиями Джуал Кула, я не проявляла никакого интереса к посланиям Элифаса Леви. Что, у Олькотта *властная* манера держаться? Возможно, это и так в отношении тех, кто его не знает, как, моя манера оказывается чрезвычайно грубой в глазах незнакомцев, а Ваша — *неописуемо* заносчивой и сдержанной в глазах остального человечества, *которое не знает Вас*. Олькотт попросил ее отправить послание, поскольку всегда думает о том, чтобы приносить пользу Обществу. И она действительно взяла на себя это дело, что было бы очень любезным и достаточно великодушным с ее стороны, как *не-теософа*, но оказалось всего лишь естественным и соответствующим *ее долгу* как теософа. То, что он благодарил ее за это, и очень сердечно, мне известно, так как я прочла его письма, по крайней мере два или три из них. Что он, возможно, забыл или несколько замешкался и вовремя не поблагодарил ее и не подтвердил получение конкретного письма, так это весьма возможно и не такой уж большой грех. Мне кажется, будь фрау Гебхард индуской, а не европейкой, Вы никогда не усмотрели бы в такой задержке никакой вины. Нам, что, дают нагоняй за то, что они еще не опубликованы? А кому, скажите на милость, было их там *переводить*? Да кто там еще, кроме нас двоих — заезженных почтовых кляч, переведет такие вещи? На них не обратили должного внимания? Каким образом? Путем публикации благодарности в «Theosophist»? Но я не знала, что последнее вообще было отослано, и кроме того, они прибыли самое меньшее два месяца назад, а так как Олькотта здесь не было, то их очень долго никто даже не вскрывал. И что толку благодарить, когда никто не знает за что, если это прежде не перевести? «Пример достойного сожаления управления делами Общества в штаб-квартире». Вынесен весьма справедливый приговор и вполне в соответствии с остальным. «*La critique est aisee mais l'art est difficile*». [«Критика — труд легкий, искусство — тяжелый». — (фр.)] Разве Вы забыли, что обращаетесь к двум европейским нищим с двумя другими индусскими бедняками, чтобы помочь им в руководстве, а не к богатому «Pioneer» с поддержкой в сотни тысяч рупий? Хотелось бы мне посмотреть, как Вы возьмете на себя руководство и редактирование «Phoenix» с двумя пенсами в кармане, в окружении толпы врагов и не имея друзей, готовых прийти Вам на помощь; представить Вас — редактором, управляющим, клерком и даже очень часто *поденщиком*, с

единственным, кто помогал бы Вам в течение трех лет, несчастным и полусломленным Дамодаром, мальчиком, прямо со школьной скамьи, имеющим представление о ведении дел, не лучше чем я, и вечно — по семь месяцев в году — отсутствующим Олькоттом! Хорошенькая постановка дела, нечего сказать! Зачем мы творили чудеса, становясь на дыбы в одиночку и наперекор подобному антагонизму, газетам, Обществу и делу в целом? И фрау ли Гебхард выражала недовольство его властным тоном? И что Вы имеете в виду, когда проводите некое различие, говоря: «Прежде всего, учреждение Общества не оправдывает хоть сколько-нибудь властный тон со стороны президента *в обращении с любимыми иностранными членами*»? Учреждение Общества, *прежде всего*, не оправдывает малейших различий в тоне, предоставленных привилегиях или чем-то еще между иностранцами и индусами, чужеземными и местными членами. Президент не имеет права невежливо и в повелительном тоне обращаться к любому отделению или члену. А он этого, насколько мне известно, *и не делает*. Его тон — это его обычный тон, который может показаться «авторитарным», тогда как он просто дружеский и прямой.

От американца (коли на то пошло, и от русского тоже), конечно, нельзя ожидать культурного обращения, присущего благовоспитанному англичанину, да мы и не претендуем на что-либо в этом роде. Но заявлять, что Олькотт в письме к фрау Гебхард, которую он высоко ценит, «обращался в повелительном тоне», судя по всему, столь же несправедливо, сколь и абсурдно. Что же касается обвинения в том, что «его положили под сукно и не извлекли из послания никакой пользы», — то не будете ли Вы, *как теософ*, любезны взять на себя перевод? И если ни Ваш досуг, ни Ваши наклонности не позволят это сделать, то, очень прошу, не забывайте, что в то время как посреди трудов праведных в качестве редактора «Pioneer» Вы имели обыкновение регулярно покидать свою работу в 4 часа дня, начав ее в 10 утра, — и отбывали или на теннисную площадку или покататься, Олькотт и я начинаем в 5 утра при свечах и заканчиваем где-то около двух ночи. У нас, в отличие от Вас, нет времени поиграть на травке в теннис, на клубы, театры и общение с людьми. Нам едва хватает времени, чтобы поесть и попить.

Жаль также, что Вы, наверное, осудите, и притом «решительно», «письмо, адресованное секретарю Лондонской ложи Рамасвамиром». Равно как я не вижу ни одного достойного внимания довода, почему,

если сообщение Лондонской ложи *было послано через секретаря*, ответ Олькотта не мог быть точно также отослан через *его* секретаря?

Вы употребляете очень странные слова: например, заявляете, что «Лондонская ложа, выбрав... это название, оказывает Олькотту, как *номинальному (!) главе Общества в целом, любезность (?)* в виде формального отчета о ее деятельности для получения его одобрения». 1) Если Олькотт в глазах Лондонской ложи не больше чем *номинальный* глава, то, значит, чем скорее она перестанет называть себя Теософским Обществом, тем будет лучше для всех заинтересованных сторон. Пусть, если хочет, называет себя Кингсфордским обществом; но пока она существует по нашему разрешению и Учителя держат Олькотта в качестве своего агента и представителя, он, с Вашего позволения, не *номинальный*, а *действительный* глава Общества. И до тех пор пока Вы не найдете в Лондонской ложе кого-то для его замены, со всеми присущими ему редкостными добродетелями *минус* несколько его американизмов (которых немного, если они вообще есть, чтобы учтивый человек среди истинных теософов мог что-нибудь на это возразить, ибо ни один из нас не совершенен) — он, надеюсь, до своего смертного дня останется *действительным* президентом. Лондонская ложа «оказывает ему *любезность*»!! Лондонская ложа исполняла **свой долг**, свой служебный долг и ничего более. В Лондонской ложе есть много людей культурных и с высоким интеллектом, и все мы уважаем их за это и ценим *как личностей* — и я в первую очередь. Но *как отделение* Лондонская ложа ничуть не лучше и не наделена какими-то б'ольшими привилегиями, чем любое другое отделение. Если она будет выполнять теософскую работу, которая окажется лучше и более важной в сравнении с остальными, общим числом около ста, отделениями в Индии, Америке и Европе, тогда она сможет потребовать дополнительные привилегии и необыкновенное к себе уважение. Меня лично в высшей степени удивляет, как Вы с Вашим умом можете рассуждать подобным образом! Как Вы можете идти тем путем, каким шли, и хватать за глотку *самый дух* нашего Общества — полное равенство, братство и взаимную терпимость! Если Олькотт вместо того, чтобы ответить через своего секретаря, лез, как Вы говорите, (никогда не отвечая всем остальным отделениям кроме как через своего секретаря) из кожи вон, «чтобы написать длинное, сочувственное и признательное письмо президенту Лондонского отделения», я назвала бы это *ловкачеством, низкопоклонством* и прочистила бы его мозги за

такое отсутствие чувства собственного достоинства и благородства и угодничество перед *аристократией*. Олькотт написал миссис Кингсфорд и м-ру Мейтланду ответ на их письма и ценит лично их за присущие им как индивидуальностям достоинства. Как *президент и вице-президент* Лондонской ложи *они не имеют права* ожидать, что с ними будут обращаться с б'ольшим уважением и симпатией, чем с любыми другими теософами, — хотя он и отрицает подобные чувства к кому бы то ни было. И кто, черт побери, такие эти британские теософы, чтобы требовать подобных беспримерных почестей? Они, что, боги, или императоры, или кто-то еще? Со своей стороны я, бесспорно, предпочту для Общества какого-нибудь сведущего в санскрите пандита, индуса, *трудящегося на ниве теософии*, российскому императору или самой владычице Индии. Думать, что вы заставите свободнорожденного американца, который никогда не гнул шею перед такими символами рабства, как данное от рождения положение и богатство, но преклонялся только перед истинным личным достоинством, и русскую, которая *резко порвала* со всей аристократией, чтобы принять свою судьбу, на радость и горе, с лишенными наследства, беднотой и несправедливо обойденными людьми земли — демократку в душе, — плясать на задних лапках и *приветствовать* своих английских собратьев, — просто нелепо!! Если они чем-то недовольны, то могут завтра же все сложить с себя полномочия. И им придется это сделать, если они или кто-либо из них когда-нибудь открыто заявят, что считают Олькотта только «номинальным» главой Общества. Нам нужно, чтобы *теософы* не являли собой аристократических олухов, рассчитывающих на уважение и почести лишь только потому, что их род пересекается с родами лордов и М.Р.²³ Что они до сих пор сделали, чтобы заслужить их? Оказали нам *великую честь*, присоединившись к Обществу? Это честь для них, но ни в малейшей степени для Учителей или даже для нас, Их верных последователей; и меньше всего для меня, чье положение от рождения ничуть не ниже, чем вашей королевы, а происхождение, возможно, еще безупречней, и которая тем не менее презирает любые претензии, основанные на подобном положении в обществе. Олькотт проявляет «нелепую аффектацию по поводу тона *de haut en bas* [свысока — (фр.)] при обращении начальника к подчиненным»!! В нашем Обществе нет *начальников* и *подчиненных*; никого, кроме *братьев* и соратников; однако весьма сомнительно, продемонстрирует ли когда-

²³ М.Р. — Возможно, Members of the Parliament — члены парламента.

либо на деле хоть кто-нибудь из наших английских членов, что он считает своими *братьями* людей ниже его (как он полагает) по рождению, образованности или *происхождению*? Какие уж такие великие достижения имеются у них в теософии или *ради* теософии? Нет в Лондоне ни одного человека, который вступил в Общество из каких-то других, а не чисто *эгоистических* побуждений; чтобы выжать из Махатм всё, что он только сможет, а затем повернуться спиной к Их незадачливым соотечественникам и, возможно, посмеяться над Ними. Как говорит М., «остается посмотреть, как м-р Ф.В.Майерс примет их *ответы*», — не окажется ли он первым, кто (а если не он, тогда другие члены) назовет их невежественными дураками, безграмотными *азиатами* «с ограниченным восточным умом», как выражается Уайльд, в стремлении заставить поверить, как мне кажется, в то, что его Иисус был англосаксонским арийцем. А я говорю, что эти *ответы* «Английскому соратнику по Т[еософскому] О[бществу]» — это потеря времени; они не примут истину, причем ответы занимают половину каждого выходящего номера «Theosophist», вытесняя другие материалы. Вы сделали для Общества больше, чем всем им вместе взятым когда-либо удастся совершить. И тем не менее даже Вы сделали это не для Общества, не ради теософии, а просто будучи лично преданным К.Х. И если бы Он завтра оставил Общество или прекратил переписку, Вы стали бы первым, кто последовал бы Его примеру, и мы бы о Вас больше не слышали.

«Выглядит глупой отговоркой его очень большая занятость, чтобы самому написать что-нибудь на данную тему, когда на карту сейчас поставлено нечто столь важное, как развитие Общества “Лондонская ложа”». Отвечая сначала на конец предложения, я спросила бы, какое отношение развитие Общества имеет к изменению его названия? И что, собственно, в этом такого *важного*? Полагаю, это просто Ваше личное преклонение перед президентом, у которой вообще ничего нет ни для Вас, ни для Братьев; на кого она, конечно, смотрит *de haut en bas* [свысока — (*фр.*)]. Я с самого начала была против ее назначения, но мне пришлось попридержать язык, так как это был выбор К.Х. и поскольку Он прозревает в ней столь дивные задатки, что даже не обращает внимания на ее выпады в Его адрес. Я также была против назначения Уайльда, и мое мнение о нем оказалось верным. Какая же он безобразная, нетерпимая, завистливая и бестактная скотина! Многие сотни подписей наших индусских собратьев, посланных в форме

протеста против его свинской *критики* «Эзотерического буддизма», покажут им благоговение, которое индусы испытывают перед своими Махатмами; и если бы его не вышвырнули из Лондонской ложи, то в наших отделениях поднялась бы революция против самой ложи. Это угрожало обернуться еще одним законопроектом Илберта. Остается посмотреть, обратит ли внимание на эти протесты ваш прекрасный «Light» с председательствующим гением М.А.Оксоном. Полюбуйтесь, как скалит зубы и дьявольски ухмыляется М.А.Оксон в «Light» от 8 сентября на обвинение Киддла! Олькотт ответил на это до отъезда и любезно высказал это «Императору» — великому «посреднику» К.Х., *занимающемуся плагиатом* из Киддла!!! Кроме того, у меня есть письмо, написанное за год до того, как я познакомилась с Вами, и в статье профессора А.Уайльдера («Phrenological Journal»), написанной *семью или восемью месяцами позже*, я обнаружила около двадцати строк, *слово в слово* переписанных из письма К.Х.; и теперь Олькотт в последнем «Nineteenth Century» (полагаю, июльском или августовском) нашел статью Нормана Пирсона (или что-то в этом роде) «После смерти», а в ней отрывок о Боге где-то из восемнадцати строк, взятых *слово в слово*, вплоть до каждой запятой, из письма К.Х., написанного три года назад. Неужели же Норман Имярек заимствовал всё это из письма, которое никогда не видел? Это мерзкое, непристойное и подлое замечание Оксона направлено в такой же мере против Вас, его друга, как и против меня, кого он тайно ненавидит. Подумать только, какое философское значение имеют эти строчки Киддла, чтобы быть достойными плагиата! После «Джон, неси-ка мне обед» *«идеи, что направляют или управляют миром»* — упоминались со времен Платона тысячи раз. **«Вечное теперь»** — это выражение я могу показать Вам в лекциях миссис Хардинг Бриттен и моей статье в вышедшем девять лет назад «Spiritual Scientist», из которого она это и позаимствовала или, возможно и вероятнее всего, *не* позаимствовала, а просто почерпнула из астральных впечатлений. Мне смертельно надоела вся эта ваша западная дикость и злоба.

Вернемся к нашим баранам: слишком большая занятость Олькотта, чтобы писать собственноручно, выглядит глупой — неужели? — отговоркой. Ну что ж, дорогой мой сэр, позвольте сообщить Вам, что только что пропутешествовав с ним 3 недели, я видела и являюсь свидетелем тому, был ли он с утра до ночи свободен хоть минуту. В 5 часов утра весь внутренний двор и веранда дома, где мы остановились,

были битком набиты парализованными и калеками. На каждой железнодорожной станции все платформы были переполнены больными, которые лежа ожидали его появления. Я наблюдала, как он лечил паралика (обе руки и нога) между первым и последним ударами колокола. Я видела, как он начинал лечить больных в 6 утра, так ни разу не сумев даже присесть до 4 пополудни; видела, как он перестал есть овощной суп, будучи вынужденным оторваться от еды, чтобы исцелить одержимую бесами женщину, а его тарелка супа так и оставалась недоеденной до 7 вечера, а потом он обычно садился и диктовал своему секретарю до 2 ночи, оставляя на сон всего лишь 3-4 часа, и т.д., и т.п. Хотелось бы мне увидеть вашего президента Лондонской ложи приносящей себя в жертву ради *прокаженных* и *страдающих чесоткой*, как это делает он. Я была бы счастлива найти в вашей Лондонской ложе хотя бы *одного* члена, который без вознаграждения выполнял бы одну четвертую работы, сделанной Дамодаром или Баллойей Бабу.

Вы просите меня принять то, о чем говорите, «в интересах всего предприятия», а я знаю, что «всё предприятие» сосредоточено для Вас в Лондонской ложе. И я говорю, что Вам придется принять то, что заявляю я, в интересах истины, честности и справедливости — «и не взъерошивайте перьев»! Я знаю, что Вы и не будете. Почти уверена, что в глубине души Вы назовете меня дурой и идиоткой. Воля Ваша. Но теперь, по крайней мере, Вы знаете, чт'о я обо всем этом думаю. Что касается моего дружеского расположения и благодарности за то, что Вы сделали, то в этом можете не сомневаться. Но я сочла бы себя подлеишим из существ, если стала бы читать, как унижаете бедного Олькотта — шнурки на ботинках которого недостойн развязывать ни один из ваших образованных теософов — и не сообщила бы Вам, чт'о я об этом думаю. А я считаю, что Вы нечестны и несправедливы. Вы постоянно забываете о нашем положении без гроша в кармане; беспомощном положении двух людей, в одиночку и без посторонней помощи сражающихся с целым миром, и что нас некому поддержать; и, забывая редкую преданность, бескорыстие, безупречность и целомудренный образ жизни Олькотта, его возвышенное человеколюбие и наиболее ценные качества, Вы замечаете лишь одно! Он американец, янки, тогда как Ваши английские симпатии были во время войны на стороне Юга, и Вы, я поистине уверена в этом, ненавидите и не в состоянии простить его только за то, что они — северные янки — а значит, Вы видите на солнце лишь (якобы) черные

пятна. Олькотт в тысячу раз выше, благородней и бескорыстней, чем я есть или когда-либо была. А поэтому я, хорошо его зная, заявляю: с его стороны не было «ошибочной политики», равно как он никогда не примет ничего другого, кроме как в высшей степени беспристрастного и справедливого отношения ко всему на свете, если я, конечно, вообще его знаю. Никогда он не позволял себе «принимать надменный вид» — ибо это совсем не в его характере. Что он, возможно, лишен высокого эстетства вашей страны — так это естественно: он не англичанин, а настоящий американец, и за это я люблю его еще больше. Целую, как говорит мой Хозяин. А Ваше замечание, что ему следовало бы самому почтительно ответить на каждую строку лондонского секретаря, ранило меня в самое сердце. Это попросту оскорбление.

Растолковать Вам «немного побольше об Элифасе Леви»? Что, черт побери, мне о нем известно? Я никогда его не видела. Всё, что я знаю, — это сведения с чужих слов. Он был самым эрудированным *теоретиком-каббалистом* и *окультистом*. Но разве кто-нибудь когда-нибудь говорил Вам, что он был *Адептом-практиком*? Только не я. Он сам в своих трудах заявляет, что никогда не занимался церемониальной магией, хотя однажды в Лондоне вызвал Аполлония Тианского. Он был католическим священнослужителем — отсюда его подлость и безнравственность. Будучи членом Ордена, он умирал от голода во время поста — отсюда его обжорство и пристрастие к спиртному. В своих книгах он пытается подогнать эзотерическую доктрину под римский католицизм — как раз то, чем теперь занимается «незапятнанная» Анна (и Вы будете проклинать этот день, пока Коган не сможет или, скорее, не позволит обуздать ее). То, что в истинном католическом христианстве присутствует много эзотеризма, — сущая правда, однако еще больше там ложных, искусственных толкований. Но, несмотря на это, его ученость и познания несомненны, и для любого, сведущего в эзотеризме, его труды являются *признанным авторитетом* — в части их теоретического учения. В отношении самого себя он мог бы заявить: «Поступайте, как я велю вам, а не как действую сам». Прежде я никогда не слышала, что он столь низок и обжорлив. Но раз фрау Гебхард так говорит — ей лучше знать, поскольку я никогда с ним не встречалась. Моя тетушка ездила повидаться с ним в Париж и была неприятно поражена этой встречей, ибо он взял с нее 40 франков за

одну минуту беседы и толкование карт *Таро*. Хозяин говорит, что он был обычным *дугпа* со знаниями *гелугпа*²⁴.

Позавчера Олькотт отбыл в свое северное турне. За ним послал махараджа Кашмира, и К.Х. приказал ему отправляться к некоему перевалу, куда его проводит специально для этого посланный Им чела. Брауна здесь уже нет, но я получила от него телеграмму из Коломбо. Послезавтра они оба будут здесь. Полагаю, что м-р Браун где-нибудь присоединится к Олькотту. Пускай, раз уж некуда деться, поедет с ним и таким образом посмотрит Индию и многому для себя научится.

Ну ладно, а Вы-то появитесь здесь или нет? Или со всем покончено? К.Х. ничего мне не говорит, и раз Он так себя ведет, тем хуже для всех, но меня это не касается. А я только радуюсь, что Олькотт встретится и пообщается с Ним. Он приходит в восторг от одного только предвкушения. Видимо, это именно Маха Сахиб (важная персона) вместе с Коганом настаивали на том, чтобы Олькотту позволили встретиться *лично* с двумя-тремя Адептами, помимо его Гуру М. Тем лучше. И меня, возможно, не назовут единственной *лгуньей*, начини я отстаивать реальность Их существования. А самое смешное во всем этом то, что Хьюм время от времени сообщает мне, что теперь он знаком с К.Х. *лично*, и отрицает существование М., хотя, кроме меня, Его созерцало немало людей. Я и в самом деле глубоко сочувствую этим «Ответам», что появляются в «Theosophist». Ну что ж — Их пути неисповедимы.

Остаюсь с искренними заверениями в любви к миссис Синнетт и к Вам, если Вы примете ее.

Всегда Ваша, с совершенным почтением, но не **по-холопски** ни на йоту,

Е.П.Блаватская.

²⁴ *Дугпа* — красные шапки, одно из направлений в тибетском буддизме. Е.П.Блаватская рассматривает *дугпа* как синоним колдуна, адепта черной магии. Им она противопоставляет *гелугпа* — желтые шапки — последователей Цзонкапы.

ПИСЬМО 28

Адьяр

Мой дорогой м-р Синнетт!

Я чувствую себя крайне разбитой, страдаю от мучительных болей, а два дня назад меня чуть не лишили жизни, сделав инъекцию морфия. Этим и объясняется мое молчание. Я в состоянии писать лишь с трудом преодолевая сильнейшую боль; хвораю весь последний месяц и даже больше и ковыляющая на костылях на праздновании годовщины. Вчера получила от миссис К[ингсфорд] письмо длиной в три ярда и ее секретный адрес; первые плоды доброты К.Х.! Ну, это уж карма Когана. Но как бы то ни было, все здесь — от Субба Роу до Брауна — невыразимо шокированы этим в высшей степени наглым и высокомерным памфлетом или критической статьей Мейтланда. Она требует от К.Х. сделать ее «апостолом *восточной и западной* эзотерической философии в Европе»!!! Она, по ее словам, *интуитивно поняла* аллегория. Всё, включая Атлантиду (!), есть некая аллегория. Я слишком больна, чтобы волноваться по поводу ее дурацких толкований. Однако она едва ли может оказаться непогрешимым провидцем, иначе Мейтланд не приписал бы «госпоже Блаватской» сентенцию, письменно выраженную Махатмой из Тиравеллума в «Ответе № 2», стр. 3 в октябрьском номере; у меня есть его послания. Я, должно быть, чертовски умна, чтобы написать «Ответы» в «Theosophist», а я не понимаю и десяти строчек в этой оккультной и научной тарабарщине. И если это правда — как она жалобно стенает — насчет Вашего настойчивого утверждения, что в «Эзотерическом буддизме» раскрыта **вся** эзотерическая доктрина (чему я не верю) и что Вы «заставили бы лондонских теософов принять ее буквально, тогда, конечно, в том, что она говорит, есть нечто похожее на правду. Однако я не верю, что Вы когда-либо совершали подобное. Вы должны понимать, что вместо эзотерической доктрины у Вас есть всего лишь полдюжины разрозненных страниц, наугад выдернутых из 36 томов тайной книги «*Kiu-te*»; что существуют пробелы между всеми догматами, ни один из которых не заполнен; и Вам ведь Махатма уже указывал в письмах, которые Вы нам показывали, и притом указывал неоднократно, что *Вы не можете надеяться* на раскрытие того, что имеет отношение только к посвящению. Ни один *мирской* чела не в состоянии постичь этого, равно как ни один не может правильно понять

суть дела. Я вижу, что даже о Дэвакхане, о котором Вам толковали более досконально, чем о любых других вещах, Вы имеете весьма смутное представление. С точки зрения «Фрагментов» оккультной науки, Вы замечательно преуспели и можете объявить, что выдали миру крохи подлинных оккультных доктрин. Что же касается *всего* — «Эзотерический буддизм» нельзя считать таковым, да Вы, насколько мне известно, никогда и не утверждали, что он есть альфа и омега нашего учения. Всё это очень печально и запутанно. А в результате я, охромевшая и полумертвая, теперь снова должна просиживать ночами, переписывая всю «Разоблаченную Изиду», называя ее «Тайной Доктриной» и делая из первоначальных двух томов три, а то и все четыре, а Субба Роу помогает мне и пишет б'ольшую часть комментариев и пояснений. Зачем Махатме К.Х. понадобилось навязывать вашему Обществу такого шпика, каким, видимо, является миссис К[ингсфорд], — заносчивое, деспотичное, пустое и упрямое создание, уйма западного чванства — «Бог» ведает, а я нет. По-моему, неожиданно вмешался, как Он часто это делает, Коган. И теперь там разразится крупный скандал. Ну а что же дальше? Седьмого декабря Махатма К.Х. послал из Сананджерри письмо своим челам Дамодару и Дхарани Дхар Каутхуми с копией некоторых отрывков из своего большого письма к Вам. В нем Он сообщал, что уведомил Вас и тех своих сторонников, которые сохранили Ему верность, что пока Общество (Лондонская ложа) не создаст эзотерическую секцию во главе с Вами, притом, что миссис К[ингсфорд] остается прекрасной и сверкающей вывеской «Ложи», представляя эзотерическое христианство или любую другую ерунду, — Они (Махатмы) не будут больше иметь ничего общего с английскими собратьями. Что все отделения нужно известить о том же самом и чтобы ни один чела не писал ей или в Ложу писем без согласия Учителей. Мой Хозяин с удовольствием поймал меня на слове в моем к ней излиянии № 2 и к тому же доверил Субба Роу определенную работу — унижение, к которому я привыкаю. Субба Роу вне себя и свирепеет. Он готовит предназначенный для *неофициального* распространения памфлет, адресованный членам Лондонской ложи и тем, кто изучает эзотерические науки во всех остальных отделениях. Его пошлют Вам на следующей неделе. Пралая, пралайя! обычное *запутывание* тайной доктрины.

Что касается конечного результата стремительной атаки Мейтланда, представленного Вам 16 декабря, то это точное эхо, *пришедшее к нему с высот Симлы*, тайный глас *Джут-Синга* — как Вам и было предсказано в отношении его действий, невзирая на его теперешние излишне сентиментальные и слащавые письма ко мне. *Consummatum est!* [Свершилось! — (лат.)]

Семнадцатого февраля Олькотт, вероятно, отплывает в Англию по разным делам, а Махатма К.Х. отправляет своего челу под видом Мохини Мохана Чаттерджи, чтобы растолковать лондонским теософам эзотерической секции каждый или *почти* каждый спорный вопрос и поддержать Вас и Ваши предположения. Вам лучше показать Мохини все письма Учителя неличного характера — *говорит Повелитель*, мой Хозяин, — чтобы, зная все темы, на которые Он писал Вам, Он мог бы более действенно отстаивать Вашу позицию — чт'о Вы сами, не являясь обычным челой, сделать не в состоянии. Не совершайте ошибки, принимая Мохини, который прибудет, за *Мохини, которого Вы знали*. В этом мире есть не одна майя, о чем ни Вы, ни Ваши друзья и критикан Мейтланд не осведомлены. Посланник будет окутан как *внутренним*, так и *внешним* покровом. *Dixit.* [Он сказал. — (лат.)]

Что касается меня, то дайте мне спокойно почить среди моих ларов и пенатов²⁵. Я очень стара, слишком больна и разбита, чтобы быть еще хоть сколько-нибудь полезной. Не переставая тянуть ляжку, я умираю медленной смертью. Прощайте и передайте мой сердечный привет миссис Синнетт.

Всегда Ваша, *здесь и — там*,

Е.П.Блаватская.

²⁵ ...*почить среди моих ларов и пенатов*. (Иноск.) — Умереть на родине. В древнеримской мифологии *лары* — божества-покровители общин и их земель, а *пенаты* — божества-хранители домашнего очага.

ПИСЬМО 29

17 ноября 1883 г.

Адьяр, Мадрас

Сэр Ч.Тёрнер заявил на банкете, что Вы совсем сошли с ума и что однажды это непременно закончится Вашим обращением в католика. Он сильно нас ненавидит.

Мой дорогой хозяин!

Конечно, я старая дура — как всегда; но это не мешает Вам быть дипломатом — детищем вашей эпохи и цивилизации. Я нисколько не сомневаюсь в Вашей преданности К.Х., абсолютной вере в него и любви, но не могу при всем этом отделаться от мысли, что все мы кажемся Вам всего лишь людишками, барахтающимися где-то на самой окраине *кутхумианского* света. Ну что ж, я не жалуюсь, я не тщеславна, а честна и откровенна, признавая свои ошибки, но готова при этом бросаться вперед и становиться на дыбы, подобно старой калмыцкой кляче, несправедливо вытянутой кнутом. Вот уже который день от Вас сюда приходит письмо за письмом, не содержащие ничего, кроме *протестов* и нападок на меня, как если бы я несла ответственность за всё, что в мире вообще носит название теософии; а также требований (как я и полагала, не имеющих никакого оправдания) относиться с уважением к Теософскому Обществу «Лондонская ложа», которого последняя *в моих глазах* вообще не заслуживает, ибо всё это время я не заблуждалась, какой невыносимой *парвеню* была «божественная» Анна. Я знала и повторяла это и с начала и до конца продолжала протестовать, пока мой Хозяин М. не назвал меня занудой и «недальновидной особой» (в одном из Его «алых писем», переданных через Субба Роу) и не приказал мне «заткнуться» — изысканное выражение, заимствованное Им, вероятно, из американского лексикона Олькотта. Однако Он никогда не говорил мне, что я неправа, а просто заявлял, что эту выраженную зеброй Кингсфорд выбрал Ваш руководитель и покровитель К.Х. и что **Он** знал, что делал — несмотря ни на что. И это, я полагаю, было одним из Их обычных окольных экспериментов над человеческой природой, а значит, я *затыкаюсь*. Но теперь мой язык вновь развязывается. Хорошенькие дела! И месяца не прошло с тех пор, как К.Х., наверняка зная, куда она гнет, заявил мне тем не менее — сообщив прежде, что она наилучшим образом использовала рекламирование мною сочинений Брэдли и Безант и воспрепятствует распространению «Theosophist» в

Англии: «Напишите провидцам Лондонской ложи, что Вы готовы изъять тот *неприятный* памфлет, раз уж он так оскорбляет их христианские чувства, но что Вы не прекратите рекламирование вольнодумной литературы вообще». И Он заставил меня это сделать. Ибо, разумеется, всё, что говорит Махатма К.Х., — имеет силу божественного авторитета для М., и я это знаю.

Итак, я имела право думать, что в своем к Нему письме она жаловалась на нас; однако теперь я полагаю, что она ничего подобного Ему не писала. Я рада, что Ваши собратья доказали свою *лояльность*. Станьте их президентом, и нет ничего такого, чего я не сделала бы для всех вас. Но эта самая Анна оказалась змеей, рогатым аспидом среди роз, и, хоть убей, не могу понять, зачем К.Х. ее выбрал, если не для того, чтобы продемонстрировать *интуицию* Ч.К.Мэсси. Ну что ж, пусть себе учреждают Кингсфордское Общество и бьют поклоны у подножия своего кумира. Мэсси *не тверд* в своей вере, бедный, славный впечатлительный малый. Бесстыдный *плагиат* нашел себе в нем доверчивого поклонника. К.Х. занимался *плагиатом* из Киддла! Боже милостивый! А предположим, *нет*? И уж конечно, *они*, проницательные метафизики, не поверят подлинной версии этой истории, *известной мне теперь*. Тем хуже для глупцов и саддукеев. Если бы они знали, что должно было быть *мысленно продиктовано в осаждении*, как утверждает Дж[уал] Кул, — на расстоянии в триста миль, и видели, как все мы — генерал Морган, я и находящиеся здесь челы (у нас было трое из них) — подлинные обрывки, на которых было сфотографировано осаждение и с которых молодой глупец чела делал копии, будучи неспособным понять и половины сентенций, а посему благополучно их пропуская, то не были бы такими идиотами, чтобы обвинять не только *Адепта*, но двоих «западных шутников» в таком абсурдном поступке. Заниматься плагиатом из «Banner of Light»!! — помойной чаши этих душек — глупцы! К.Х. бранит меня за излишнюю болтливость — говорит, что Он не нуждается в защите и что мне не стоит беспокоиться. Но если бы Ему даже пришлось убить меня, я не могла бы держать язык за зубами — из общих принципов и как свидетельство *лояльности* по отношению к Ним. Само собой разумеется, что если Он так сказал, ничего Вам не объяснив, значит, Он должен был иметь на то достаточно серьезные основания. Но с того самого момента как Субба Роу принес нам подлинный клочок кашмирской бумаги (которую дал ему мой Хозяин), где проявилась целая страница из опубликованного Вами

письма, — я догадывалась, чт'о это, собственно, означало. Почему то письмо составляет *всего одну треть* продиктованного письма и никогда не публиковалось, поскольку Вы его не получали? *Нет никакой связи*, каковая теперь усматривается, между первой частью и той, которая начинается словами «Идеи управляют миром», и это выглядит <...>²⁶

Подлинное доказательство ее рассудительности! Я сам расскажу вам обо всем, как только у меня появится час свободного времени.

К.Х.

Но так как Они не хотят, чтобы я об этом распространялась, я уж лучше не скажу больше ни слова, а то как бы М. вновь на меня не набросился!

Теперь о другом. Я была сердита на Вас и поэтому написала о бедном Брауне, что теперь «узнав, уважаю его еще меньше». Всё это глупая болтовня. Он прекрасный молодой человек, Олькотт нежно его любит, и он очень привязан к Олькотту. Сара Паркер — неблагодарная, глупая, себялюбивая и смешная старая кобыла. Она прикидывается, что питает ко мне великую любовь и преданность, а за моей спиной злословит на мой счет — «удивляясь, неужели *это правда* то, что старик Уайльд рассказывал ей о госпоже Б[лаватской]». Она задолжала Брауну визит и те 60 фунтов, которые он ей дал, — а теперь называет его *грубияном*, «скупым шотландским мерзавцем», чьи деньги никогда не смогут оплатить всё, *что она для него сделала* (!) и чему научила, кто обязан ей всеми своими знаниями, и т.д. Здесь они, каждый раз встречаясь за столом, ежедневно воевали и бранились, так что я выпроводила его к Олькотту. А она, поскольку я никогда не захожу в помещения для прислуги, держала себя с челами столь вызывающе, что они не потерпели ее присутствия в доме. Она приспособилась вламываться в подобные помещения и усаживаться там, повторяя: «О, я наслаждаюсь, впитывая их магнетизм, — ведь он такой чистый!!» И когда Браун пошел к раке и достал оттуда письмо от К.Х., а я не позволила ей туда войти (из боязни их новой перебранки прямо перед ракой), она, выйдя из себя, пришла в такую ярость, что назвала Их

²⁶ <...> — В этом месте несколько строчек, написанных рукой Е.П.Б., видимо, были полностью стерты, а следующее осажденное замечание написано почерком Махатмы Кут-Хуми.

(Учителей) «неблагодарными дворняжками» (а ля Хьюм), на которых она трудилась в Америке, ради которых она прибыла сюда и которые ныне предпочитают ей этого идиота Брауна, и т.д., и т.п. Челы, будучи этим сверх всякой меры оскорблены, заявили, что если полковник примет ее в Общество, все они его покинут. (Она не посвящена и никогда таковой не будет.) Дхарани Дхар Каутхуми (чела К.Х.) задал ей перцу, да такого, что она ужасно перепугалась, получила разлитие желчи и отправилась прямо в Калькутту, где первым делом потребовала от Нарендры Натх Сена, чтобы Калькуттское Общество сняло для нее за свой (Общества) счет пышные апартаменты, платило за них и содержало ее на должности «лектора Общества». Я дала ей короткую рекомендацию для Нарендры, Гордонов и Гоусала исключительно из жалости к ней, ибо у нее нет ни денег, ни ума, ничего, кроме энтузиазма и — *наглости*. Однако я всех их предупредила, чт'о она собой представляет. Итак, радуйтесь. Вы — пророк, а я — дура. Но всё же должна сказать, что я никогда не повернусь спиной ни к одной женщине, которая хотя бы *кажется* преданной нашему делу. Ее мне рекомендовала мисс Кислингбери, и для Америки она подходит вполне. Мой Хозяин заявил между двумя трубками: «*Дерзай*», и, как всегда, бросил меня на произвол судьбы. А теперь Они и Вы смеетесь надо мной. Воля ваша, джентльмены, не обращайтесь на меня, старую, внимания. Я, само собой разумеется, телеграфировала в Общество в Калькутту с указанием не тратить на нее ни пенни, ибо она, не чувствуя ни малейшей признательности, будет только компрометировать Общество. А Олькотт отказался принять ее в число членов. Итак — *вот вам и конец* всему этому. Отныне празднуйте вместе с Брауном победу.

Посылаю через Аллена Ваш чемодан с его содержимым. Бумага, которую они послали нам для «Theosophist», на один дюйм короче нашего журнала! и восемьсот рупий, посланных им!! Всё это Олькотта и Ваши дела. Что скажут подписчики, понятия не имею.

Браун, кажется, становится любимчиком Учителя. Браун написал мне из Джабалпура и Аллахабада бредовое письмо о том, что видел К.Х. и узнал Его — на лекции! Самые удивительные феномены происходили среди путешественников — Олькотта, Брауна, Дамодара и двух секретарей мадрасца. Дамодар развился до такой степени, что по желанию может выходить из своего тела. 10-го они направили его ко мне, вручив ему послание и устное приказание для меня передать им по телеграфу ответное сообщение в качестве надежного свидетельства, что

он действительно пребывал в своем астральном теле. В тот же час Куломб в моей комнате слышал его голос, а я и видела и слышала его и немедленно телеграфировала то, о чем он меня попросил. Всё это Вы найдете в приложении. Затем Браун кладет письма и вопросы под подушку Дамодара и несколькими минутами позже получает ответы, написанные почерком К.Х. и на Его обычной бумаге, а также еще и от моего Хозяина. Теперь они заявят, что на этот раз именно Дамодар и есть третий *шутник*, «восточный». Олькотт наконец видел К.Х., и, как говорит Д[жуал] К[хул], то же ожидает в Джамму и Брауна. Попросите теперь Брауна описать, чт'о он видит, ибо если Вы не видели там К.Х., у Вас будет, по крайней мере, один английский свидетель, что Он вовсе не миф — *порождение* двух «западных шутников». Харрисон — дурак, а его собрат по Т[еософскому] О[бществу] Дитсон — второй. Все они глупцы, и Карлисл был прав. Что Вы имеете в виду, говоря, что «их лордства» слишком много написали для вашего Лондонского Общества? Это мой Хозяин и еще двое других, кого Вы не знаете. То, что они пишут, — это *против* науки, а не ради ваших членов. И я всегда говорила, что это бесполезно и является напрасной тратой времени, ибо никто в это не поверит и очень не многие поймут, лично я — *нет*. Какую цель Вы преследуете, ругая Субба Роу? Ну прочтите то, что он приберег под конец против Каннингема, — старик написал ему и засыпал сотней вопросов *во имя науки и археологии*, на которые Субба Роу, по его словам, *не будет отвечать*. Амины!

Бог мой, что за ослы пишут в «Light»! Он хороший малый, этот Ст.Мозес. И к Вам очень дружески расположен. Жалкий неудачник, безответственный и *тщеславный* медиум. И вот Вам теперь: «“Будда” — это всего лишь еще одно название *лингама*, имя идола», согласно некоторым английским пустомелям. (См. «Light» от 27 октября — полагаю, Хамфрейса.) Прощайте, с моей ногой опять очень плохо, и я едва могу удерживать ручку. Мой сердечный привет миссис Синнетт и Дэнни.

Ваша, к Вашему сожалению,

Е.П.Блаватская.

ПИСЬМО 30²⁷

26 ноября 1883 г.

Адьяр

Мой дорогой сэр и брат и уважаемый хозяин!

Мы оба придуманы — и Вы, и я. Ну конечно, с тем житейским предвидением, что столь превосходно характеризует Вас в отношении обнаружения фактов, хорошо известных и давно раскрытых, у Вас должно было бы возникнуть пророческое предчувствие, что я, получив Ваше письмо от 26-го октября, начну кипеть от злости, ругаться, метаться и бурно выражать недовольство. Ну а мне, как я уже сообщала, это было давно известно. Она [миссис Кингсфорд] в моих глазах всегда была эгоистичным, пустым и *медиумичным* созданием, слишком любящим лесть и наряды и полагающим, что драгоценности — это как раз то, что нужно в жизни. К тому же Вы говорите, что начали мучительно осознавать ее недостатки — хотя это и можно назвать *moutarde apres dinez* [горчицей после обеда — (фр.)], поскольку в июле 1881 года Вы, подобно всем остальным, были ею просто очарованы. Возможно, она и известный теософ, — а Вы и я состряпаны неисправимыми, — поскольку в **ней**, по-видимому, имеется лучшее из того, что есть в Вас. Послушайте.

Три дня назад я получила от нее письмо — восемь страниц ее красивого четкого почерка и, как обычно, небесная юная дева, окруженная семью голубками и прижимающая к сердцу незаконнорожденный плод своей *faux pas* [оплошности — (фр.)], отштампованной на бумаге. Разумное и изысканное письмо, выразительное и ясное до ужаса; письмо, пропитанное духом беззаветного служения теософии (разумеется, ее «тео-софии» простофиль), «глубокого и разумного» *почтения* к Махатмам, «высокого уважения» ко *мне*, несчастной, — и всё это с подписью и выражением в заключение «сердечности и полного сочувствия».

О женщина — *коварство*, да вдобавок и слабость — вот твое имя! Итак, я знала и понимаю, что всё это письмо — чепуха. Полагаю, то небольшое «недоразумение» между Мейтландом и собратьями из Лондонской ложи возникло, как Вы пишете, 26-го числа? Ее письмо датировано 30-го октября. Ясно, каковы должны были оказаться ее

²⁷ Письмо 30 — Комментарии Махатмы Мории выделены жирным шрифтом.

чувства, ее воистину женская злоба, когда она писала это рассудительное *жалобное* письмо, выступая против «безрассудства» м-ра Синнетта, его «рвения убедить нас в первостепенной важности Махатм», ее усилия «сохранить равновесие благоразумия в этой голове» и ее «наставления», никоим образом не принятые «спокойно значительным числом наших собратьев». Она «последнее время боялась увидеть наше Английское отделение опускающимся до некой разновидности идолопоклонства *«перед этими милыми и добрыми Адептами, вместо сохранения уважительного к Ним отношения и только»*. Это «должно быть не по вкусу самим Махатмам». Это «неразумно», потому что происходит в стране, «где любое новое движение находится под пристальным оком критики и градом враждебных насмешек», и «со стороны нашего Общества явно неразумно выставлять себя перед миром под видом *секты*, имеющей во главе руководителей, которым приписываются громадные сверхчеловеческие возможности». Всё это привело к тому, что «Standard» называет «нас Обществом, *основанным на мнимых подвигах некоторых индийских плутов*». «Это происшествие и другие подобные эпизоды сильно раздражали и беспокоили» ее. Как бы она ни уважала м-ра Синнетта, она считает, что «он совершает ошибку, проводя *в этой стране* ту же политику, какой придерживается Общество в Индии. Это неизбежно разрушит все наши надежды на привлечение внимания лидеров Мысли (Ланкастер и Донкин?) и Науки, сотрудничество с которыми было бы для нас неоценимым», и т.д., и т.п.

Итак, у меня достаточно оснований процитировать ее высказывания. А в таком случае имейте терпение. Далее она заявляет, что хочет лишь, чтобы широкая публика поняла, что «основой нашего Общества является философская школа, выстроенная на древнем герметическом базисе, следующая научным методам и строгой аргументации независимо ни от каких непререкаемых авторитетов извне, хотя и принимающая с уважением учения, исходящие из компетентных источников». В противном случае, хотя подобная политика наша в Индии и совершенно уместна, так как здесь «положение и влияние Адептов и Гуру понятны», — в Лондоне ваше Общество при такой ошибочной политике, как ваша, — «могут считать, с одной стороны, проявляющим необыкновенную доверчивость и незнание научных методов; а с другой стороны, системой, обладающей — для протестантского ума — поразительным сходством с

католической системой духовных отцов и исповедников, с подчинением, требуемым от неопита по отношению к его Гуру или Махатмам... «Я надеюсь, — заключает она, — что вполне прояснила свою позицию, не подвергая себя опасности неправильного понимания. *И мне придаст силы и поможет, если Вы будете столь любезны, чтобы представить это письмо самому К.Х. и спросить Его совета*». Затем она жалуется, что старалась лично установить «отношения с Махатмой К.Х., но потерпела полную неудачу», и заключает просьбой к К.Х. укрепить ее своим влиянием, а посему, полагая, что «Махатме К.Х. может помочь в этом — магнетически или как-то иначе — то, что Он увидит мое лицо (?!?!), и я посылаю мою фотографию. Это может помочь ему правильно проанализировать мою нынешнюю личность...» и т.д., и т.п.

Полагаю, что этот «анализ» был полностью проведен и давно. Я, по крайней мере, должным образом проанализировала это милое, обворожительное создание и собралась дать соответствующий ответ. Я подготовила длинное, вежливое и, на мой взгляд, дипломатичное письмо, безусловно, в каком-то смысле защищая Вас и обвиняя лишь в погоне за феноменами и испытаниями. Увы, увы! Я ошиблась в расчетах. Мне не представилось случая «предложить это Махатме К.Х.», поскольку в тот же день Он сам взялся за это, не говоря ни слова.

Теперь отступление. В своем последнем письме Вы заявили — что сделали бы всё, что только не повелел бы К.Х., и добавили: «и Вы тоже». Ну а я говорю, что в данном случае я вовсе не уверена, что это так. К.Х. *не мой* Учитель, как бы высоко я Его ни читала. И вот, не раньше чем я закончила переписывать свое письмо (мой английский исправлял Мохини), — работа, выполненная на моей лучшей бумаге и новым пером и занявшая у меня всё утро в ущерб другой деятельности, — произошло следующее. Мое восьмистраничное письмо было спокойно, страница за страницей, порвано моим Хозяином!! Его огромной рукой, возникшей на столе прямо под носом у Субба Роу (который хотел, чтобы я писала совершенно иначе), а *Его* голос произнес комплимент по-телугски, который я не стану переводить, хотя Субба Роу перевел его для меня, кажется, с великой радостью. «К.Х. хочет, чтобы я писала совершенно иначе» — таков был приказ. Они (Хозяева) посоветовались и решили, что «божественную» Анну нужно ублажать. *Она им необходима; она удивительно умиротворяюща* (что же в конце концов означает это слово в данном случае?), и к тому же Они намерены *ее использовать*. Ее, должно быть, заставят остаться президентом, *создающим сияющий*

ореол, а Вас — *образующим ядро*. Вам двоим придется встать друг против друга как двум полюсам и рискнуть, под руководством *Учителей*, раз и навсегда провести ради Общества между собой истинный меридиан. И не воображайте, что я смеюсь или шучу. Я пребываю в состоянии немоты и беспомощного отчаяния — ибо на этот раз будь я проклята, если понимаю, к чему *Они* клонят! Я просто передаю Вам, в выражениях Джуал Кула, распоряжение не писать ей, но чтобы я непременно «проводила в жизнь и понимала Их (Учителей) политику». Черта с два я Им проведу! И пускай Они тогда вложат мне в голову новые мозги, потому что я, хоть убей, не могу понять, каким образом она после столь неуважительного злоупотребления Ими в свою пользу — может оставаться президентом! К.Х. над этим только посмеялся. «Слова женщины, самолюбие которой было оскорблено, разозленной пренебрежением со стороны Учителя (К.Х.), — это лишь мимолетное дуновение легкого бриза. Она может говорить всё, что ей заблагорассудится. Собратья выполнили свой долг в отношении протеста, теперь она будет иметь лучшее представление, но притом должна остаться, а м-р Синнетт должен стать лидером и президентом *внутреннего* круга». Вот вам почти *точная*, насколько я помню, *передача слов* Д[жуал] К[ула], что бы ни означал этот *внутренний* круг. Предполагаю, что это означает вот что: миссис К[ингсфорд] будет президентом *экзотерического* Теософского Общества, равно как и внутреннего Общества, номинально, а в рамках основного Общества будет существовать некий *внутренний эзотерический круг*, или круг собратьев, занятых, подобно Вам, изучением эзотерических доктрин. Итак, в результате мне приходится писать ей и рассыпаться во всевозможных лицемерных и лживых комплиментах, на самом деле ничего подобного не ощущая. И пусть карма всего этого падет на голову Хозяина — ибо во всем этом я была лишь орудием или не несущим никакой ответственности посредником. Полагаю, Махатма К.Х. играл первую скрипку, а мой Хозяин, как всегда, — *вторую*. А я, как Вы говорите, вынуждена только повиноваться.

Несомненно, ибо это — лучшая политика.

Вот и всё, а теперь я умываю руки. Раз Учителя взваливают это на себя, что тут скажешь? Они желают, чтобы она описала в «Theosophist» свои оккультные переживания — как она сама говорит, — и она любезно соглашается.

Я и в самом деле не представляю, как ответить на Ваш вопрос о фрау Гебхард. Если хотите знать, она, конечно же, заслуживает того, чтобы получать прямые указания от Учителей. Но как может К.Х. обратиться к ней — женщине? Разве Вам не известно о строгом запрете? И кроме того, Хозяин запрещает мне говорить на подобные темы. Он уже несколько раз бранил меня за излишнюю болтливость и за то, что я рассказываю Вам о вещах, о которых сама имею не слишком большое представление, — как например, об этой проклятой «лунной» проблеме. И меня за это ругали как никогда раньше, как вдруг наружу выплыл этот вопрос о луне — «мусорном ведре». И всё из-за этого несчастного Уайльда. Его ответ настолько глуп, что я вообще не буду обращать на него внимания. Неужто и в самом деле «м-р Б.»? М-р Б. — это, конечно, Даянанда, к которому обращаются как к м-ру Б. в его дурацком письме в «Light». Ах да! «М-р Б. ... быстро распадается на части и разлагается и должен, без сомнения, вскоре полностью исчезнуть», и «м-р Б., то есть Даянанда, очень быстро распался на части и как раз 30-го октября умер окончательно, как и было предсказано 18 месяцев назад. Уайльд может веселиться. Но ведь он и сам распадается на части и быстро исчезает — дурак!

Ну а здесь опять кое-что новенькое. Позавчера я получила телеграмму из Джаммара от Олькотта: «Учителя забрали Дамодара». Пропал!! Именно этого я ожидала и боялась, хотя это и весьма странно, ибо едва ли прошло четыре года, как он стал челою. Посылаю Вам обе телеграммы — от Олькотта и вторую от м-ра Брауна. Почему Браун пользуется такой благосклонностью — вот чего я никак не могу понять. Возможно, он хороший человек, но что, черт побери, совершил он такого праведного и полезного! Вот и всё, что мне о нем известно, так как, по-видимому, это второй визит К.Х. к нему *лично*. Его ожидают здесь или поблизости два челы, прибывшие, чтобы встретить, из Майсура. Он собирается куда-то к буддистам Южного храма. Увидим ли мы Его? Не знаю. Однако здесь среди чел наблюдается некоторое смятение. И происходят странные вещи. Землетрясения, синее и зеленое солнце; Дамодар похищен, и приезжает Махатма. И что же мы теперь будем делать в конторе без Дамодара? Ради всего святого и пропади всё пропадом, неужели мало у нас было трудов и забот! Ну ладно, ладно, Их воля будет исполнена, не моя.

Всегда увешанная неприятностями Ваша

Е.П.Блаватская.

Передайте мой сердечный привет дорогой миссис Синнетт и поцелуй Дэнни. Как там он и хозяйка? Кто такой м-р Финч? Кандидат в челы? Что говорит м-р Майерс по поводу «Ответов»? Полагаю, *возмущен*? Именно так я и думала. Ну что ж, это всё, что достанется на долю Адептов за Их хлопоты. Прощайте!

М-р Синнетт, Вы не должны удивляться. Мы храним в глубине души всё то доброе, что приносят Общество и Движение в целом. Как раз желания большинства не должны преобладать — ведь необходимо принимать во внимание и чувства менее просвещенного меньшинства. Должен наступить такой день, когда все будут знать больше. Тем временем Акху²⁸ пытается очаровать К.Х. своим портретом.

М.

ПИСЬМО 31

25 января 1884 г.

Адъяр, Мадрас

По указу моего Хозяина посылаю Вам письма Кингсфорд, чтобы Вы с любовью прочли их и сохранили для Олькотта — он прибудет к Вам 15 или 20 марта. Ответ Субба Роу (по приказу) президенту и вице-президенту Лондонской ложи Т[еософского] О[бщества] уже готов, и я тороплю владельца типографии, чтобы завершить работу на этой неделе. Всё закончить на одной и той же неделе, как хотел Хозяин, оказалось невозможным, так как ответ был в 3 раза длиннее враждебного выпада и требовал тщательного пересмотра, потому что Субба Роу щедро распахал повсюду такие *некультурные* слова, как «глупый», «нелепый», «введение в заблуждение» и т.п., что никак не годится для памфлета, предназначенного для утонченного слуха членов Лондонской ложи. Но я и в самом деле верю, что он успокоил их обоих, — и вице-президента, и *порочного* президента²⁹ — чья тень да будет

²⁸ Акху — имя Махатмы Мории для миссис Кингсфорд.

²⁹ ...*порочного президента*... — Здесь использована игра слов, так как английское «vice» означает приставку «вице-» и «порок, зло», а «vicious» — «порочный, злой», т.е.

попрана! А это показывает, какими же глупцами они оказываются со всей их культурой, гениальностью и самомнением. Она, как говорит Хозяин, в высшей степени неразумная женщина, сразу раскрывшая все свои самые слабые стороны, а значит, самая подходящая, чтобы стать президентом большинства потенциальных членов из жителей Запада.

Когда я прошлым вечером писала это письмо, мне стало так худо, что я не смогла продолжить, мне и теперь не лучше, но я решила писать дальше только ради того, чтобы многое сообщить Вам. Вчера Субба Роу показал адресованное ему письмо на языке телугу от нашего *общего* Хозяина М. (как Вам известно) с указаниями сообщить в *ответе* К[ингсфорд] и М[ейтланду] несколько больше сведений. Помимо всего прочего, были и забавные новости. Вы, видимо, действуете вопреки совету моего Хозяина, что в вашей ложе должно быть четырнадцать советников — семь для Вас и семь для Кингсфорд, ибо в этом-то и состоит *Его* хитрость. Теперь Он описывает все подробности для Субба Роу, чтобы у того имелись необходимые сведения для написания памфлета, и делает это следующим образом: «Я считал моего друга пелинга сахиба Синнетта более проницательным — скажите ему, что для светловолосой женщины Я посоветовал взять только семь советников, ибо знал, что *четверо были лишними*. Она нужна в Обществе, но не в качестве главы, если это возможно».

Так что же всё это значит? Нужна *Им* миссис К[ингсфорд] или нет? *Je suis au bout de mon Latin* [Я в тупике. — (фр.)] и давно уже махнула на это рукой. Они мне ничего не сообщают, а я — ничего не спрашиваю.

Ну а теперь кое-что такое, что наверняка изумит Вас, потом заставит рассердиться и, наконец, побудит изругать меня, но ничего не поделаешь.

Я, кажется, *смертельно больна*, и, так как Учителя уже много раз лечили меня и у Них просто нет времени носиться со мной, а еще из-за того, что требуется мне всего лишь постоянная атмосфера, пронизанная чем-то (какое-то дурацкое научное слово), чего нельзя ощутить здесь, в Индии, — мой Хозяин велел Олькотту забрать меня отсюда на юг Франции — в какую-нибудь уединенную деревушку на берегу моря или в Альпы, по меньшей мере, месяца на три для длительного и полного отдыха. Ну, я, конечно, сопротивлялась, однако Общество вопило и

дословно: «президента порока и порочного президента», поэтому Е.П.Блаватская и выделила курсивом эти слова.

рыдало и упрашивало меня остаться с ними живой, ибо они не желают моей смерти, а поэтому уехать и вернуться. Рагонатх Роу и Субба Роу должны взять в свои руки руководство «Theosophist», Дамодаром и новым челою, которого пришлют сюда в мое отсутствие. Посему я согласилась со следующим условием (которое, ко всему прочему, навязано им моим Хозяином): *я не обязана, не должна и не поеду в Лондон*. Поступайте, как знаете. Я и близко к нему не подойду. Даже прикажи мне это мой Хозяин — полагаю, что предпочла бы вызвать Его неудовольствие, но повиноваться отказалась бы. Не считая вас обоих, кого я искренне люблю, сама мысль о Лондоне и ваших группах (теософских и спиритуалистических) — вызывает у меня отвращение! Только подумаю о М.А.Оксоне, Ч.К.М[эсси], Уайльде, Кингсфорд, Мейтланде и некоторых других, как меня охватывают ужас и чувство невыразимого *магнетического омерзения*, от которого по всему телу начинают ползти мурашки. Короче говоря, я бы не приблизилась к Лондону ради спасения и семнадцати своих жизней, а значит, и не просите меня об этом. Я остановлюсь в Марселе на 2 недели или около того, съезжу в Париж повидаться кое с кем из родственников, а потом отправлюсь прямо в некое уединенное местечко в горах, где смогу, когда захочу, хватать моего Хозяина за фалды его астрального фрака. Если умру, от меня отделаются безо всякой суеты и скандала и — *адью!* Если мне станет лучше, я вернусь тем же путем через Италию или Францию и продолжу свою работу. Из Бомбея мы отплываем около 20-го февраля, так как перед отъездом я пообещала заехать в <...>.

Передайте мой сердечный привет дорогой миссис Синнетт и поцелуй Сладенькому. Надеюсь, он пока еще не стал раскольников. Пишите мне в Марсель, на мое имя до востребования — пусть дожидаются моего приезда. Если Мохини закончил в Лондоне свою работу с полковником, он присоединится ко мне, чтобы сопровождать меня в качестве секретаря, — его расходы оплачивают Общества в Мадрасе и Калькутте.

А теперь до свидания. Посылаю Вам свое фото — последнее из всех, что у меня есть. Не говорите чепухи. Мои «Мемуары» не появятся **никогда**.

По-тибетски Ваша

Е.П.Блаватская.

ПИСЬМО 32

27-го [января 1884 г.]

Адьяр [Мадрас]

Мой дорогой м-р Синнетт!

Вынуждена написать еще раз. Я принесла в жертву свою репутацию и честь, и в течение нескольких месяцев мне придется существовать, хотя меня и мало заботит, что со мной станется. Но я не могу допустить нападок на репутацию бедного Олькотта, что, собственно, сейчас и происходит, со стороны Хьюма и м-ра Ходжсона, которые вдруг помешались на своих гипотезах мошенничества, более феноменального, чем сами феномены. Остальные будут Вам писать и объяснять причину столь внезапного резкого изменения чувств. Вместе с тысячью других теософов я протестую против путей и способов, какими проводит расследования м-р Ходжсон. Он опрашивает *только* наших величайших врагов — негодяев и разбойников вроде Харричанда Чинтамона, который вернулся, чтобы служить Гайквару, и показал Ходжсону несколько новых писем (я должна была написать — тысяч!), полученных им, как он уверяет, семь лет назад из Америки. Ходжсон переписывает из них те абзацы, которые считает наиболее очерняющими, и воздвигает на этом теорию, что я *русская шпионка*, а к тому же еще и мошенница, с самого начала одурачивавшая Олькотта. Например, в письме об «Арья Самадж»³⁰ я, *вероятно*, говорю это, не отрицая: не обращайтесь внимания на Олькотта и его высказывания (по поводу слияния двух Обществ), я заставляю его это сделать. Я могу *«психологически обработать старика одним взглядом»* и т.п. Да просто нечто вроде поддразнивания шутки ради. Однако м-ром Ходжсоном это было истолковано с полной очевидностью как способ — на основании *моего собственного признания* — доказать, что с самого начала я морочила Олькотту голову, *психологически его обрабатывала*, а, следовательно, что *его* свидетельство никакой ценности не имеет. Затем Ходжсон уверяет Оукли, что видел мое письмо, адресованное всё тому же Харричанду, в котором имеются следующие слова: «Отыщите мне несколько членов, не *лоялистов*, а *нелояльных*» (по отношению к англо-индийскому правительству, конечно).

³⁰ «Арья Самадж» — религиозно-реформаторское общество в индуизме. Создано свами Даянандой Сарасвати в Бомбее в 1875 г.

Но ведь эти слова, если они и стояли там, никоим образом не могли быть написаны серьезно. *Вы же знаете*, как я старалась примирить индусов с англичанами. Я делала всё, что было в моих силах, дабы заставить их осознать, что их правительство, как им казалось, плохое, было лучшим из всех когда-либо возможных, и т.д. Я тщу найти хотя бы одного приличного и заслуживающего доверия индуса, который мог бы сказать, что я хоть когда-нибудь шепнула им предательское слово. Пусть Харричанд покажет м-ру Ходжсону письмо, которое я написала ему в ответ на содержащийся в его письме вопрос: «Дорогая сестра, скажите мне, неужели русское правительство столь же плохо, как и наше? Так же ли они грубы со своими подчиненными, как наши правители с нами?» и т.п. Я ответила ему: «Спаси и защити вас Бог от русского правительства. Любому индусу уж лучше было бы сразу утопиться, чем оказаться под властью русского правительства» или что-то вроде этого, и я отлично помню настроение, в котором им писала. И всё же из-за этого письма и некоего документа, украденного у меня мадам Куломб, и показанной ему миссионерами бумаги, частично или полностью *написанной шифром*, м-р Ходжсон публично объявил меня *русской шпионкой*. Прочтите прилагаемое письмо, которое я хочу отослать ему, и вы поймете, какая складывается ситуация. По словам Оукли, он просто *ополоумел*. Назвать на банкете кого-то русским шпионом, когда эти, черт бы их побрал, мои соотечественники выкидывают номера по ту сторону Гималаев, достаточно, чтобы англо-индийцы из-за одного только подозрения упрятали меня в тюрьму. Даже Хьюм пришел в ужас от его высказываний и предупредил, что тот не в Англии. И теперь, когда адвокат и Субба Роу устроили ему перекрестный допрос, а Оукли и Олькотт отправились к нему с требованием объяснений, все свидетельства того, что я русская шпионка, не стоят и ломаного гроша. Куломб стянула «странного вида документ» и передала его миссионерам, заверив их, что это некий шифр, используемый русскими шпионами (!!). Они отнесли его комиссару полиции, привлекли к расследованию лучших экспертов, затем отослали в Калькутту, где в течение пяти месяцев лезли из кожи вон, чтобы выяснить, что же означал этот шифр, и, — наконец, впад в отчаяние, сдались. «Это одна из Ваших глупостей», — заявляет Хьюм. «Это одно из моих посланий *на сензаре*³¹, — отвечаю я. И я абсолютно в этом уверена,

³¹ *Сензар* — Тайный жреческий язык или «язык мистерий» посвященных Адептов во всем мире.

так как пропал один из листов моей книги с нумерованными страницами. Ручаюсь, что никому, кроме тибетского оккультиста, не разобраться в нем, если всё обстоит именно так. Во всяком случае, миссионеры сделали всё от них зависящее, дабы доказать, что я русская шпионка, и потерпели неудачу — хотя м-р Ходжсон и объявил меня таковой публично.

Ну разве это благородно и порядочно или честно? Спросите, пожалуйста, м-ра Майерса. И теперь в теорию м-ра Хьюма об отсутствии каких-либо Махатм впутана вся штаб-квартира. Все мы мошенники и все фальсификаторы почерка Махатмы К.Х. Бедный Олькотт близок к самоубийству. Это конец феноменам навсегда — по крайней мере, преданию их гласности — и все вы можете теперь попрощаться с учением и Махатмами. Субба Роу повторяет, что священная наука осквернена, и клянется, что никогда в присутствии европейца не проронит ни слова об оккультизме. Оукли Вам напишет. Миссис О[укли] так больна, что возвращается в Лондон, а м-р О[укли] остается здесь.

Ну что ж, я знала об этом еще до своего отъезда. Я это предчувствовала, о чем и заявила на вашем приеме м-ру Стеду, или Стейку, или как его там.

Прощай всё — и Лондонская ложа, и оккультизм — Общество психических исследований вас погубит. Пусть себе идут к Эглинтону и исследуют тайны природы за его счет.

Всегда Ваша

Е.П.Б[лаватская].

Прошу Вас, передайте уверения в моей любви, если она всё еще ее принимает, дорогой миссис Синнетт.

Как раз в этот самый момент я получаю письмо для Вас. Вкладываю его в конверт — и прошу меня простить, но твердо надеюсь — это последнее, ибо у меня больше нет сил страдать.

ПИСЬМО 33

17 марта [1884 г.]

Ницца

Дорогие друзья!

Получила ваше любезное приглашение от миссис и мисс Арундейл, миссис Гоуинг и некоторых других. Глубоко тронута подобным доказательством сильного желания лицезреть мою презренную особу, но не вижу смысла сопротивляться судьбе и пытаться из невыполнимого сделать выполнимое. Я больна и чувствую себя хуже, чем когда покидала Бомбей. На море мне было лучше, а на земле — плохо. Сразу после высадки на берег в Марселе я весь день провалялась в постели, лежу и теперь. Там, откуда я только что уехала, была отвратительная эманация европейского цивилизованного первоклассного отеля с его свиньями, нытьем и старыми ведьмами вперемешку с лягушками, а здесь — ну что ж, здесь за всё надо благодарить ласковую руку провидения. Так или иначе, я разваливаюсь на части, крошусь, как старый морской сухарь, и самое большее, что буду в силах совершить, это собрать и соединить вместе мои увесистые обломки и, кое-как слепив их, перенести эти руины в Париж. Что толку просить меня приехать в Лондон? Что я должна, что *могу* сделать посреди ваших вечных туманов и эманаций высочайшей цивилизации? Я покинула Мадрас *против воли*. Я не хотела ехать — вернулась бы в эту минуту, если бы только могла. Не прикажи этого «отец», я бы даже и не шевельнулась, чтобы оторваться от своего жилища и привычного окружения. Я чувствую себя больной, жалкой, раздраженной и несчастной. Буквально на днях скончался мой бедный дядюшка, генерал Фадеев, и мне, видимо, придется облачиться в траур. Затем я ожидаю приезда моей сестры, чтобы повидаться после почти 20 лет разлуки, а еще, вероятно, двух старушек — моих тетюшек. Я ни за что не приехала бы в Ниццу, если бы не госпожа А.Хаммерл, наш уважаемый теософ из Одессы. Леди Кейтнис — воплощенная доброта. Она и в самом деле делает всё, чтобы меня ублажить, а я приехала всего на 2 дня вместо того, чтобы провести у нее 6 недель, как хотела она. Но я крупно просчиталась: *мистраль* Прованса и холодные ветра Ниццы приковали меня к постели. Вчера Мохини и Боваджи (два *так называемых* «секретаря») уехали в Париж, а Олькотт и я приехали сюда, понимая, что не имеем права проигнорировать любезное приглашение, содержащееся

в 36 телеграммах и письмах. Она милая, хорошая знакомая и вскоре станет *настоящим* другом — и тем не менее, что бы я там ни чувствовала, я просто не имею права оставаться здесь более нескольких дней, и как только мне станет лучше, мы (Олькотт и я) намереваемся присоединиться к «секретарям» в Париже только для того, чтобы начать, стоит мне там оказаться, беспокойно ерзать на месте и всей душой стремиться поскорее попасть в Иерихон вместо этого мерзкого Парижа. Что за компанию я могу составить таким цивилизованным существам, как вы? Это очень, *очень* любезно со стороны миссис и мисс Арундейл, что они меня приглашают. Я недостойна столь сердечного проявления доброты и симпатии. Я опротивела бы им через семь с четвертью минут, прими я их приглашение и высадишь всей своей хмурой громадой в Англии. Расстояние создает определенный шарм, а мое присутствие непременно разрушило бы даже последнюю его малость.

Лондонская ложа пребывает в острейшем кризисе. Олькотт с указаниями от своего Махатмы («отца») и Мохини с приказаниями от Махатмы К.Х. — это лучшее из того, что вообще можно придумать, чтобы всё вошло в свою колею. Я бы сделала наоборот. Я не смогла бы (особенно в моем теперешнем нервном состоянии), оставаясь безучастным зрителем, спокойно стоять и выслушивать потрясающие сведения (от Гауфа) о том, что Шанкарачарья *был теистом*, а Субба Роу не знает, о чем говорит, без того, чтобы вконец не разбушеваться; или еще более поразительное заявление, что Учителя, вне всякого сомнения, — «свабхавики»³²! О Боже правый, и нужно ли мне начинать бороться против гауфов и ходжсонов, которые исказили буддизм и адвайту даже в их эзотерическом смысле, и подвергаться риску, что в Лондоне у меня лопнет кровеносный сосуд после неоднократных выслушиваний подобных аргументов? Если и нужно, то только не мне. Я испытываю величайшее уважение к необычайным способностям м-ра Мэсси «ясно и безупречно логически мыслить», однако мне остается только удивляться, что такой проницательный метафизик ставит свои убеждения — отвергнув *даже* такого авторитета, как Субба Роу, — в зависимость от дурацких *изречений* в неопишимо безграмотном переводе и архаичных толкованиях Гауфа и К°. *Vade retro Satanas!* [Изыди, Сатана! — (лат.)] Дайте мне спокойно отойти в мир иной —

³² *Свабхавики* — согласно Е.П.Блаватской, последователи древнейшей из существующих школ буддизма.

если мне суждено умереть, или вернуться в Адьяр к моим ларам и пенатам, если мне предопределено увидеть их вновь. Вам придется заставить Олькотта и Мохини — *облобызаться*. Да право же, я совсем не чувствую охоты ехать в Англию. На расстоянии я всех вас люблю, но, будучи обязанной приехать, я смогла бы *возненавидеть* кое-кого из Лондонской ложи. Разве вам не понятно *почему*? Неужели вы не в состоянии, так хорошо зная меня и *правду* (последняя игнорируется лишь теми, кто не желает ее видеть), проникнуться мыслью, что мне невыразимо мучительно было бы видеть превратное понимание Учителей и Их философии? Разве я смогу стоять там и наблюдать, как Их учения проверяют и исправляют, вставляя грандиозные нелепости Ходжсона, который столь самоуверенно знакомит своих читателей с созданием, называемым им «Богом, то есть абсолютно нематериальным существом». «Существо» — и **абсолютно нематериальное!!** (см. стр. 22 нового памфлета Ч.К.М[эсси] «Метафизическая основа эзотерического буддизма»). О милосердный Боже и «нематериальные» ничто! Уж лучше бы мне навсегда погрузиться в вечную *нирвану*.

Однако покончим с этим. Вы должны понять мою позицию, большего я всё равно не скажу. Пригласите, пожалуйста, к себе домой на встречу в узком кругу всех тех, кто добром помянул меня, приветствуя мое прибытие в Европу. Это действительно очень любезно с их стороны, и я никогда не забуду подлинной благожелательности, коей пронизаны их письма. И скажите миссис и мисс Арундейл, миссис Гоуинг, мадам Изабель де Штайгер, миссис Голиндо, миссис Э.К.Нолис, м-ру Финчу и м-ру Эд.Уэйду, как глубоко я им благодарна за их приглашение и гостеприимство. А также сколь глубоко я сожалею о том, что не в состоянии, во всяком случае на этот раз, воспользоваться всем этим и таким образом удовлетворить их желание встретиться со мной. И еще обязательно скажите им всем, что они скорее приобретут, чем потеряют, если не будут вступать в более близкое в сравнении с нынешним знакомство с моей непривлекательной особой. Не каждый осчастливлен характером моей «возлюбленной сестры» (Пейшенс Синнетт), позволяющим сквозь пальцы смотреть на многие мои недостатки и слабости. А посему сообщите другим моим будущим «возлюбленным братьям и сестрам», что я, исключительно из любви к ним и уважения к их цивилизованным чувствам, отказываюсь предстать перед ними «при свете дня» хотя бы ненадолго, как следует из недавней статьи в Лондоне.

А теперь — прощайте! Ведите себя как истинные теософы — дети Света и Праджны³³ и примите искренние благословения и добрые пожелания вашего скоро отбывающего в мир иной несчастного друга и брата

Е.П.Блаватской

Сердечный привет Сладенькому. *Mea culpa*. [Моя вина. — (лат.)] Ваш друг и Учитель послал вам через меня локон (я получила его от Джуал Кула, как минимум, из вторых рук), чтобы заменить тот, который был у Дэнни (что уж такого плохого могло случиться с тем локоном, он что, потерял его или испортил?), только вот не знаю, куда я его сунула. Он, верно, где-то в моем чемодане. Я найду его и отошлю вам.

Е.П.Б[лаватская]

ПИСЬМО 34

Пятница

Ницца

Мой дорогой м-р Синнетт!

В доме нет ни одной живой души, все ушли в театр — даже Олькотт. И вот я, больная и в дурном настроении, сижу в одиночестве в своей тихой комнате с новым «Ответом» Субба Роу в лежащих передо мной неугомонных «Близнецах Совершенного пути». Итак, мне последовал вполне определенный указ от Хозяина составить для Вашей же пользы следующие вопросы для обсуждения:

1) Собираетесь ли Вы среди этой литературной мешанины, этих непроходимых дебрей трюкаческой логики и ожесточенных споров хранить молчание?

2) Если мы станем дожидаться «Ответа» Субба Роу на этот «Ответ», то нам придется в течение трех месяцев *исходить желчью* и больше ничего, но даже и после этого, десять к одному, что он только посмеется, а так как меня нет там, чтобы стоять у него над душой и *заставлять* писать ответ, — он на это просто не обратит никакого внимания.

³³ Праджна — синоним слова «Махат», или Вселенский Разум, Сознание.

3) Никто не отважится взять на себя обязанность заново исследовать (не я во всяком случае) всю подоплеку неправильных пониманий и, как я теперь вижу, умышленных искажений, которые начались с их «Манифеста» № 1 и ныне заканчиваются этим новым «Ответом». Вся подоплека прекрасно раскрыта Субба Роу: он объяснил сложившуюся ситуацию и их ошибки так ясно, как это вообще только возможно сделать по-английски; тем не менее даже теперь они выискивают недостатки и выставляют С[убба] Р[оу] непоследовательным — а может, и того хуже. Возможно я не очень большой знаток английского, чтобы правильно и в *любом* случае разобраться в *глубоких логических выкладках* и возражениях как м-ра Мейтланда и миссис Кингсфорд, так и Ч.К.Мэсси, — но, провалиться мне на этом месте, если в этом мире существует такой дурак, причем достаточно безмозглый, чтобы не суметь понять главного — что это просто безнадежный случай самых нелепых пререканий, напяливших маску логики и философии, помимо каковых последнее произведение содержит явное переименование наших убеждений. *Когда, где, как и что* имеется в созданных объединенными усилиями трудах Махатмы (да простит мне Он, что Его святое Имя брошено таким образом на пастбища пророков и *посвященных* XIX столетия!), Субба Роу, моих и кого бы то ни было еще, что дает им право заявлять о нашей вере в реального *Сатану*? (Стр. 16, 17 и последующие.) Мы, кто всеми силами души отвергаем абсурдную идею *личного* Бога, стали бы верить в *личного Сатану*!! Они что, шутят, или всё это всерьез? Они в самом деле считают, что таково наше представление, или это не более чем книжная *уловка*? Провалиться мне на этом месте, если я что-нибудь здесь понимаю!

4) А потом, что они подразумевают под словами «Учитель пока еще не достиг высших таинств, и в этом вопросе (то есть о Сатане) истина Ему не известна»? А уж это я назвала бы просто «наглостью» и «бесстыдством» (см. стр. 16).

5) И какой-такой скрытый смысл содержится в последнем абзаце на стр. 17 и в первом на стр. 18? Уж не хотят ли они сказать, что в то время как Махатма, возможно, пока еще не достиг «степени посвящения, которой приличествует раскрытие подобной истины», он, м-р М[ейтланд], и она, миссис К[ингсфорд], этого уровня уже достигли? И не собираетесь ли Вы сообщить мне, что среди ваших теософов в Англии может найтись хотя бы один человек, *достаточно тупой*, чтобы больше полагаться на якобы имеющееся посвящение в *предыдущей* жизни, а

значит, на непогрешимую просвещенность в *настоящей* жизни миссис К[ингсфорд], чем на учения Махатмы К.Х.? *Phor pudor!* [О стыд! — (лат.)] Дорогие мои «братья и сестры», наслаждайтесь своей кармой за избрание ее президентом! Это *Ваших* и м-ра Мэсси (*Вашего друга*) рук дело. А теперь даже он выступает против Вас и Вашего Учителя. *Vade retro Satanas!* [Изыди, Сатана! — (лат.)] Как смогу я когда-либо с открытой душой относиться к Обществу, в котором некоторые его члены таят в себе столь оскорбительные мысли, а затем высказывают их в печати? Вот почему я *не могу* приехать в Лондон. Если бы я последовала зову любви к вам обоим и уступила страстному желанию лично познакомиться с такими очаровательными сотрудниками, как миссис и мисс Арундейл, м-р Финч, м-р Уэйд и другие, я знаю, *что из этого получилось бы*. Я при первом же случае вскочила бы и разбушевалась, перевернув всё вверх дном, или мне пришлось бы взорваться подобно бомбе. Я *не в состоянии* сохранять спокойствие. Я накопила желчи и затаенной обиды почти что за шесть месяцев, пока продолжалась эта *путаница* с двумя спорящими сторонами Кингсфонд — Синнетт, я держала язык за зубами и была вынуждена писать вежливые письма, которые теперь выставляют в виде «благожелательной и воодушевляющей переписки». Я — ну ладно, неважно что, но сколько же я страдала из-за этих *coleres rantrees* [подавляемых приступов гнева — (фр.)]; и за мои нынешние болезни я более чем отчасти должна благодарить именно их. Но я не рождена для дипломатической карьеры. Я испортила бы всю кашу и не принесла бы никакой пользы — во всяком случае до тех пор, пока все бы не уладилось и не *equilibre-theosophique est retabli* [восстановилось теософское равновесие — (фр.)].

Теперь, почему бы *Вам* не организовать встречу до приезда Олькотта? И почему бы не привлечь внимание каждого здравомыслящего человека к очевидной *нелепости* последнего «Ответа»? И отчего бы Вам не постараться устранить трудности с его пути? Но самое худшее здесь — это вечные ссылки на переводы Гауфом санскритских текстов! Допустимо ли, что м-р Мэсси полагается на мертвую букву санскритских текстов, искаженных переводами Гауфа или даже Макса Мюллера, тогда как сокровенный смысл этих текстов доступен понимаю только *посвященных*! Однако всё это бессмысленно. Лилли теперь «авторитет» — а Гаутаму Будду он выставил *теистом*, да

еще Гауф преобразил Шанкарачарью в верящего в Ишвару, *личного* Бога, Существо!!!

Мне неизвестно, что конкретно Учитель приказал сделать Олькотту. Он держит свои дела в секрете и ничего не говорит. Я, однако, уверена, что даже Коган не навязал бы ее [миссис Кингсфорд] Обществу насильно *против* воли большинства. Пусть бы она обрела некое Общество отдельно от Вашего — какую-нибудь особую «Лондонскую ложу эзотерического христианства», а уж Вы устроите Общество на свой собственный лад. Как же можно допустить столь явный фарс со стороны Теософского Общества, которое якобы черпает свое учение у наших Махатм, если ст'ойт только последним заявить о чем-то, *что не вполне согласуется с вдохновляющей идеей и пророческими высказываниями миссис К[ингсфорд]*, — как сразу же Их учения начнут относить к «умышленному искажению доктрины» или толковать, исходя из того, что конкретный Учитель «пока еще не достиг того уровня посвящения, когда раскрывается подобная истина». Кто, собственно, должен проверять высказывания и возражения миссис К[ингсфорд]? Кто может убедиться в правильности ее утверждений и предположений? Она изречет: «*Это не так, и я это знаю*, ибо была посвящена во времена царствования фараона Псамметиха (или Сесострата)», а слушателям придется раскрыть рты и умолкнуть. Невероятно! Смешное положение. О, как невыразимо выше нее стоит по своему интуитивному пониманию, сердечности и скромности моя дорогая леди Кейтнис!

Ну, пока.

Ваша, в отрепьях,

Е.П.Блаватская.

Можете прочесть это своим друзьям и всем, кому захотите.

P.S. Еще одно. Она изображает Вас как жуткого фанатика, нетерпимого материалиста и человека, который будет навязывать свой «Эзотерический буддизм» как *законченную* систему, а это, по словам Учителя, глупая болтовня. От Него мне известно, что Вы не делаете ничего подобного. Вы надежный, верный и бескомпромиссный друг и чела Махатмы К.Х. и преданы Ему, как я теперь вижу, так же искренне, как Его ближайшие челы. Но мне также известно, что «небесные

близнецы»³⁴ переписываются с А.О.Х[ьюмом] (лишившимся теперь своего умершего Гуру, алморского мудреца, который должен был выставить наших Учителей как дугпа), и я узнаю далеко не единственный росчерк его пера в их писаниях и необоснованные оскорбительные предположения относительно того, что *могут представлять собой* наши Учителя. Почему бы тогда, спрашивает Хозяин, Вам не написать и не опровергнуть все ее выдумки и не разоблачить злобные обвинения? «Он вредит Обществу и своему собственному делу, — говорит Хозяин. — Передайте ему это от меня». Итак, мой Хозяин желает, чтобы она — так как старший Коган без ума от ее вегетарианства и любви к животным — оставалась президентом, *но необязательно нашего Общества*. Коган хочет, чтобы она была в Обществе, но не позволил бы добиваться силой нужного мнения или голоса хоть какого-то одного члена Лондонской ложи. Он *не* будет оказывать влияние на самого последнего из них, ибо тогда Он был бы ничем не лучше Папы [Римского], который думает, что может добиться слепого повиновения, а затем избежать принятия на себя *кармы* личности. Вот что сообщил мне сейчас Хозяин, чтобы я написала об этом Вам. А значит, Вам бы лучше заранее подготовиться, узнать мнение и спросить совета каждого члена, чей образ мыслей совпадает с Вашим, и быть готовым разделить на два Общества, поскольку именно это, как мне сказали, и должен сделать полковник. Мне кажется, что Вы неверно поняли телеграммы и письма Махатмы К.Х., — так говорит мне Мохини. Ибо что касается *Их*, то они хотели оставить ее президентом и показать, что Им наплевать на ее косвенно и прямо высказанные оскорбления. Махатме К.Х. *пришлось* выдвинуть это в виде *sinequanon* [непременное условие — (лат.)] преподавания Вам, пока существует только одна Лондонская ложа и одно Общество. Но так как Коган жаждет, чтобы их было два, причем созданных на основании статьи 1 (Устава), то есть «состоящих исключительно из единоверцев», — пусть она себе председательствует в своей Лондонской ложе и правит *эзотерическими христианами*, а Вы — в Тибетской ложе, управляя *эзотерическими буддистами*. **Dixit.** [Он сказал. — (лат.)] **Правильно. М.**

Два слова о себе. В Марселе после высадки на берег — гастрит; в Ницце после выхода из поезда — бронхит (уволокли во французский театр, где я уснула в углу герцогской ложи, проспала три акта напротив

³⁴ «Небесные близнецы» — братья-близнецы Вальтер и Герман Гебхарды.

открытой двери и, конечно, схватила простуду). Теперь — флюсы, невралгия, ревматизм и ишиас с лихорадкой сверху и дифтерией снизу. Славный образчик здорового человечества! После 26-го [апреля] мы едем в Париж, а после 4-го или 5-го [мая] Олькотту приказано отправиться в Лондон. «Дядя Сэм» телеграфирует мне, что у него пневмония и он валяется в постели в Риме. *Карма*. В самый день своего приезда я случайно столкнулась с колонией русских аристократов — Челищев, Демидовы, Львовы, князь Долгорукий и *tutti quanti* [все до одного — (*um.*)] титулованные особы. Они меня извели и, невзирая на флюсы, тащат на свои обеды и завтраки, в роскошные дворцы и т.д., милясь с моими пеньюарами и халатами, вечерним *desabilie* [дезабилье — (*фр.*)], сигаретами и комплиментами и принимая всё с Христовым терпением, что делает великую честь их патриотическим чувствам. По их словам, они гордятся мною; приглашают меня вернуться на родину (хотелось бы, чтобы они дождались этого счастья), приглашают и Бабулу и, пребывая от него в полном восторге, позволяют ему открыто выражать протест против обязательной для присутствующих на обеде пары белых бумажных перчаток ради удовольствия полюбоваться его пылающим золотым одеянием и серьгами. До отбытия в Париж приобрету еще одну серьгу, чтобы вставить ему в нос. Встретила здесь некую госпожу, с которой, бывало, часто играла, когда мы обе были детьми и жили в Саратове в бытность там моего деда генерал-губернатором. Она узнала меня по фамилии, прослышав о моем «счастливом» браке с папашей Блаватским, и бросилась этим утром в мои объятия, рыдая и вытирая свой нос о мою переполненную состраданием грудь. Это было очень трогательно, очень. Вот так я или, скорее, Бабула стали здесь сенсацией дня. В Марселе он приобрел не менее пятисот восторженных и весьма напористых поклонников, несущихся за ним вслед, чтобы восхищаться его золотыми серьгами и теософским нарядом. Герцогиня, когда едет покататься в одиночестве, берет его с собой, сажая рядом с кучером, и болтает с ним без умолку.

О боги — вот вам и милейшая цивилизация!

Е.П.Б[лаватская]

Только собралась отправить Вам всё это, как сегодня (в субботу) обнаружила Ваше письмо. Ну что ж, полагаю, если не К.Х., то мой Хозяин ответит на Ваши вопросы — разве это не одно и то же? Целую вечность не получала известий от К.Х.!

ПИСЬМО 35

27 апреля [1884 г.]

46, рю Нотр-Дам де Шамп [Париж]

Моя дорогая миссис Синнетт!

Ваши — в порядке. Передайте, пожалуйста, мои нижайшие поклоны А.П.Синнету, эсквайру, Вашей «худшей» половине, сообщите ему, что, во-первых, обоими Учителями мне строго воспрещается впредь служить почтальоном, и во-вторых, пояись у меня хоть раз желание послушаться, я не смогла бы так поступить, так как в его письме ко мне — как известно фрау Гебхард — не было никакого другого письма, ни для Махатмы К.Х., ни для Махатмы Мории — моего Хозяина (а теперь исчез еще и кусок Его письма, и я никак не могу его найти, чтобы привести Его слова). Это доказывает, что мой Хозяин, вероятно, опять напроказил, чему я чрезвычайно рада. И прошу Вас, *чтобы больше через меня не было ни одного* письма. Дайте мне почить в мире и внутреннем блаженстве. Ранее я уже написала м-ру Синнету в ответ на его письмо, где он, в сущности, подстрекает меня воспротивиться приказу моего Учителя. Даже забавно, почему это до *него* никак не доходит, что когда мой Учитель *приказывает*, — я должна лишь повиноваться, независимо от последствий. К тому же он не выказал должной учтивости или рвения выполнить то, о чем его попросил Учитель, поскольку от него, сохраняя полное дружелюбие, ожидали не совета, чт'о мне делать с «Тайной Доктриной», которую он *бросил*, а простой помощи. Ну ладно, когда он понял, что сделать этого не сможет, то зачем надо было, не сказав об этом прямо, настроить еще 4 страницы *против* приказов Учителя? Я написала ему, возможно, чересчур резкое письмо, за которое прошу меня извинить, но я просто не могла сдержаться. Ведь он знает, что я не принадлежу ни к тем, кто скрывает свои чувства, ни к тем, кто в личных отношениях обнаруживает изысканную вежливость и притворство, которыми столь прославились вы, люди Запада, и которые вы вынуждены проявлять уже с молодых ногтей.

Случай с «привидениями» у Эглинтоня меня отнюдь не изумляет, ибо я начинаю всерьез сомневаться, а не имели ли отношения к этому делу исключительно его элементалы, или привидения. Бесспорно одно, что это не был ни один из двух чел Учителя. Им бы не позволили высказывать кому бы то ни было злобные упреки или обращаться с резко насмешливыми замечаниями, а менее всего — принимать участие

в публичных медиумических представлениях. Однако ведь есть и другие челы иных Учителей — *чистокровные* «скользкие тибетцы»: я знаю кое-кого из этих джентльменов, *сливок* будущего Адепства или — полнейшего *провала*, как многие из них могут испытать на собственном опыте. И мне известно, что они любят ваших западных метафизиков еще меньше, чем ортодоксальных браминов. И это именно они пытались противоречить «Phoenix» — равно как и своим Учителям — по поводу того, кто являются чистокровными монгольскими буддистами. И это они называют вашего Господа и Учителя «трехглазым пелингом» и назвали бы еще хуже, если бы не боялись Махатмы К.Х. и моего Хозяина. Но они, в конце концов, *челы*, и в них еще очень много от смертного человека. И что уж такого «замечательного» в том, что они сказали? Почему Вы не пишете всего? Если это те, о ком я думаю, — они большие друзья с Адептами и челами из коренных перуанцев, мексиканцев и индейцев. *Следовательно* и со *Ски* (покровитель миссис Биллинг — то ли *Адепт*, то ли призрак, которого он использует как своего заместителя). Джуал Кул мне, конечно, не скажет, а то я бы спросила. Но расскажите же [мне], что он или они написали?

Печать восхитительна. Дайте заказ, чтобы ее проставили на всей бумаге, почтовой и для записок, толстой и тонкой и различного формата — на очень больших или очень маленьких листах, а также на конвертах. Мне бы себе домой заполучить такой бумаги гиней на две-три. Сообщите мне, сколько я должна заплатить, и я немедленно отошлю нужную сумму. Мой шутовской колпак, вероятно, остался у Вас в холле, там, где его забыл Артур, а я без него как без рук и всё никак не получу. Бедной мисс Арундейл доставило столько хлопот купить его для меня, а вы медлите с отправкой. Боже правый, как мало кому можно доверять!

Происшествие и скандал в Лондонской ложе «скучнеют и приобретают однообразие». Хозяин смотрит на это крайне неодобрительно. Давайте-ка я Вам об этом расскажу. Он говорит, что тогда как вначале всё это явилось результатом *кармы* миссис К[ингсфорд], теперь все вы пытаетесь разделить последствия и освободить ее от выпавшей ей тяжелейшей доли. Олькотт был виновен в некоторых дурацких измышлениях. По словам Учителя, Они (ни Гуру Дэва К.Х., ни Он сам [Мория]) никогда и не собирались водить какое-то Общество за ручку или держать его под своим башмаком. Вам известны правила, законы и регламент — вот и действуйте в соответствии с ними. Теперь, когда «Герметик» потерпел крах, Коган будет осуждать Вас, а в

первую голову, Олькотта, кто, по словам Учителя, *слишком уж безволен*. «Почему бы им не прибегнуть к собственному здравому смыслу»? — заметил прошлым вечером Дж[уал] Кул. Вместо того чтобы вести себя как подобает *мужчинам*, они словно дети ссорятся и пытаются сделать даже из Мохини свою *защиту* и опору. Но ведь Мохини не может дольше оставаться с Вами. Он, насколько мне известно, должен приехать сюда вместе с полковником и оставаться в Париже где-то до 7-го или 9-го [мая]. У них намечена потрясающе грандиозная *конференция* в географическом зале, подготовленном для Олькотта к тому дню, который он назначит по своему усмотрению, но не позже 15-го, причем Мохини здесь нужен *так же и даже больше*, чем Вам в Лондоне. Ведь мальчик сидит с Вами уже 3 недели, и у Вас к этому дню было достаточно времени, чтобы выучить наизусть всю *Ригведу*. Почему же Вы не использовали его на полную катушку? Вы позволяли ему попусту болтать языком и терять время. Его Учитель хотел, чтобы он ходил в Британский музей, посещал публичные библиотеки и даже Оксфорд. А он, вместо того чтобы с пользой потратить время, таскает собак за хвосты на улицах Лондона. Кроме того, хотя он, как истинный индус и чела, и не говорит ни слова, однако явно недолгобливает Мэсси, равно как и миссис К[ингсфорд], и М[ейтланда], оскорбивших его Учителя. Мэсси становится невыносимо *идиотским*. Наконец-то я назвала вещи своими именами. Сегодня Джадж сообщил мне, что получил от него два письма, где о Махатме К.Х. сказано так, как если бы Он был простым карманником, и выражено подозрение в том, *что я прочла некоторые из его писем*, которые, как заявляет Джадж, я никогда и в глаза не видела. Этот ваш Ч.К.М[эсси] не подходит для *Лондонской ложи* и вовсе не из-за его мнения обо мне, ибо **теперь** мне *в высшей степени наплевать* на то, что он может говорить и думать, хотя прежде меня это здорово задевало, — а из-за его отношения к Учителям. *Этого я ему никогда не прощу*, о чем ему могут сообщить немедленно, потому что мне это в высшей степени безразлично. Жалкий, слабый, безвольный, вечно сомневающийся простофиля — вот кто он теперь, — судящий о человеческой натуре и ее слабостях по себе, превратившемся в тошнотворную смесь сахара с касторкой. До чего же он мне противен! Как раз в этот самый момент Учитель говорит: «Сообщите ей [миссис Синнетт], что они могут ожидать Олькотта и Мохини 7-го, однако до 11-го [мая] оба они должны быть здесь, и посоветуйте ей — пусть это будет моим дружеским предостережением — лучше не переходить из одной

комнаты, где жарко пылает камин, в другую, холодную и сырую. Она бы хорошо сделала, если бы уехала из Лондона на май, июнь и июль. В августе она может чувствовать себя в безопасности». Ну а это как раз то, что Он сообщил мне раньше. Ради Бога, позаботьтесь о своем здоровье! Когда фрау Гебхард рассказывала мне, как глубоко она сожалела, что Вы не уехали вместе с ней, вдруг прозвенел колокольчик Учителя и подтвердил ее правоту. Это пошло бы Вам на пользу.

А теперь, прощайте. С 1 июля я в Вашем распоряжении и к услугам лондонцев. Раньше это, видимо, просто неосуществимо.

Искренне преданная Вам — ибо *в самом деле* люблю Вас,

Е.П.Блаватская.

Сердечный привет господам Финчу, Худу, Уэйду и пр., и пр.

ПИСЬМО 36

25 апреля [1884 г.]

46, рю Нотр-Дам де Шамп, Париж

Мой дорогой м-р Синнетт!

Вы рассуждаете, как Иоанн Златоуст, — кем бы ни было это создание, — но слова Ваши в то же самое время звучат крайне эгоистично. Среди погрязшей в перебранках Лондонской ложи Вы отнюдь не являетесь альфой и омегой теософии, равно как Вас нельзя назвать *единственным* и самым милым теософом сердцу Учителей. Мохини провел у Вас три недели и пробудет еще до 8 или 9 мая — то есть на две недели больше.

Сейчас здесь находятся несколько человек, хорошо говорящих по-английски; все преданные теософы, но, будучи истинными философами и метафизиками, идущие ложным путем из-за отсутствия того, кто направил бы их на путь истинный. Им тоже нужен Мохини, а его Учитель, Кто служит воплощением справедливости, посулил им еще и *челу*, чтобы объяснить многие из таинств, и явно не склонен нарушить свое слово. И здесь он уже сделал и еще должен сделать несколько больше «полезной работы» и поощрить их рвение. Вероятнее всего, «он приехал из Индии не для того, чтобы переписывать письма» для меня;

но *одна* из причин его приезда заключается в том, чтобы помочь мне справиться с санскритской частью «Тайной Доктрины». А поэтому Мохини *не может* оставаться в Лондоне после возвращения полковника в Париж, равно как их «лордство» не в состоянии следить за правильностью выполнения всего необходимого для одного Общества — хотя бы даже и для Лондонской ложи, — ничего не делая для другого.

А кроме того, Вам не удастся вытянуть из Мохини ничего нового. Ему дан строгий наказ держаться в рамках того, что Вам уже раскрыто, и ни в коем случае из них не выходить. Безусловно, никто не виноват, что Вы были поглощены *дебатами*. А ведь я прямо и честно предупреждала Вас, что *ему не разрешат* сообщить нечто такое, что позволит Вам приступить к работе над неким новым литературным произведением *для широкой публики*. Всё, на что Вы можете рассчитывать, — это разъяснения, уточнения и в заключение — наведение внешнего лоска на всё, что Вы попытались выдать в «Эзотерическом буддизме», — теория о луне — «мусорном ведре», само собой, решительно изымается. Подводя итог этой части спорных вопросов из Вашего письма, можно заключить, что Вы определенно ошибаетесь, если думаете, что Мохини прибыл из Индии *единственно* для принятия на себя ведущей роли в работе вашей ложи — какой бы важной она ни была — и «учреждения Лондонского Теософского Общества на прочной основе». Ничего подобного. Мною получены указания, и я буду точно их выполнять. Мне неизвестно, чт'о Махатма К.Х. мог рассказать Вам, но зато я знаю, чт'о Махатма М. сообщает и приказывает *мне*, а также чт'о было велено сделать через Джуал Кула, а именно — Мохини должен приехать с нами: 1) чтобы представлять Махатму и Его мнение в исключительно важный критический момент в Лондонском Теософском Обществе; 2) чтобы объяснить и исправить, во-первых, ошибки, забившие умы некоторых собратьев по причине их неправильного понимания доктрины, на которую намекается в «Эзотерическом буддизме», и, во-вторых, искажения, допущенные миссис К[ингсфорд] и М[ейтландом]; 3) чтобы не допустить несправедливости ни в какой форме, а равно и проявления любого вида незаслуженной благосклонности и т.п.; 4) чтобы вывести из заблуждения умы *всех членов в Европе* (а не только в Лондонской ложе) во всем, что касается природы Махатм; показать Их сущность в ее истинном свете — *как высших смертных*, а не как вымышленных глупцами *низших богов*. Короче говоря, чтобы выполнять работу как в Лондоне и Париже, так даже и в Германии, *если я туда поеду*, ибо в эту

поездку, как ему, видимо, указано, за мной должен последовать Мохини. **Целую.** Покажите это Мохини и спросите его, так это или нет. Теперь перейдем ко второму вопросу.

Благодарю Вас за намерение написать предисловие к «Тайной Доктрине» — я Вас об этом не просила, присутствия Махатм и Мохини здесь, а Субба Роу *там* вполне достаточно, чтобы оказать мне нужную помощь. Если сомневаетесь, что «замысел осуществим, как это объявлено», то мне жаль и Вас, и Вашу интуицию. А так как Гуру считает иначе, я рискну последовать скорее Его указу и совету, чем Вашим. Так я решила с искренне дружеским к Вам расположением, но и с не меньшей твердостью.

Сказать, что я «поступила бы *мудро*, если бы распорядилась вернуть деньги за подписку и объявила о ее отмене», — значит нести полнейшую чушь. Я не бралась переделывать и возиться с этой чертовой книгой исключительно ради собственного удовольствия. И если бы я могла уничтожить этот мерзкий труд, зашвырнув его в 8-ю сферу, то так бы и поступила. Но все мои наклонности и желания ничто в сравнении с моим долгом. УЧИТЕЛЬ приказывает и желает, чтобы он был переделан, и я *буду* его переделывать — тем лучше для тех, кто хочет помочь мне в этом нудном деле, и *тем хуже для тех*, кто не хочет и не будет. Кто знает, ведь с Божьей помощью и благословением эта вещь может как-нибудь обернуться и «блестящим творением». Точно так же я, конечно, с Вашего разрешения и добившись Вашего прощения, никогда не соглашусь с Вами в том, что «это безумие — стараться написать такую книгу для ежемесячных выпусков», *раз уж Гуру распоряжается ею таким образом*. Несмотря на глубочайшее уважение, которое я испытываю к Вашей западной мудрости и деловой хватке, я никогда не сказала бы в отношении того, чт'о мой Учитель (в частности) и Учителя (в целом) повелевают мне исполнить, что это чистейшее безумие — выполнять Их приказания. Но как бы там ни было, одна глава «о богах и питри, дэвах и демонах, элементариях и элементалах и других подобных духах» уже закончена.

Я следовала сообщенному мне очень простому методу, и с его помощью очень быстро переделаю главу за главой и часть за частью. Ваше пожелание, что работа не должна выглядеть как простая перепечатка «[Разоблаченной] Изиды», — ничто по сравнению с анонсом (будьте добры, прочитайте его на последней странице

«Theosophist»), так как там обещается всего-навсего довести до всеобщего разумения содержание «[Разоблаченной] Изиды», а также разъяснить и показать, что «более поздние откровения», то есть, к примеру, «Эзотерический буддизм» и другие материалы в «Theosophist», не противоречат основным принципам раскрытой доктрины, сколь бы *туманной* последняя ни оставалась в «[Разоблаченной] Изиде», и еще — сообщить в «Тайной Доктрине» всё то *важное*, что есть в «[Разоблаченной] Изиде», группируя вместе материалы, относящиеся к каждой отдельной теме, а не оставляя их разбросанными по всему второму тому, как сейчас, — из чего следует, что я обязана передать *целиком отдельные страницы* «[Разоблаченной] Изиды», только приводя при этом больше примеров и сообщая дополнительные подробности. И если я не приведу на самом деле многочисленные перепечатки из «[Разоблаченной] Изиды», вся работа превратится в *Осируса* или *Гора*, но ни в коем случае не в то, что поначалу было обещано в «Заметках издателя», которые я Вас очень прошу прочитать.

А теперь, открыв один из предохранительных клапанов в моем паровом двигателе, позволю себе, Вашему всегдашнему другу и доброжелателю, подписаться

вдова Блаватская.

Будьте осторожны! Что Вы делаете, заставляя свою жену жить в сырости и туманах Лондона! Вам следовало бы отослать ее вместе с фрау Гебхард. Помните, *она нуждается в солнечном свете и полном отдыхе*, если Вы хотите поставить ее на ноги ровно через 6 месяцев. Воспримите это как *очень серьезное предупреждение*.

ПИСЬМО 37

46, рю Нотр-Дам де Шамп, Париж

Мой дорогой хозяин!

Убеждаюсь, что я дура, и приговор этот сомнению не подлежит, поскольку начиная письмо к Вам с ужасающих слов: «Мой Хозяин М. хочет, чтобы я сообщила Вам то-то и то-то», я чересчур доверилась Вашей интуиции и вообразила, что можно обойтись без черточки или какой-нибудь там закорючки, указывающей, где кончаются предложения Хозяина и начинается моя собственная трескотня, и продолжала размышлять и советовать и таким образом, естественно,

ввела Вас в заблуждение, вынудив принять мои слова за высказывания Учителя! И теперь, прочитав Ваше письмо и сразу же осознав, как это важно для нас — не предоставить этой «божественной» свистушке такой удачный повод, который появился бы у нее в противном случае (раз уж она должна была остаться президентом Лондонской ложи даже если бы та состояла только из четырех членов), я понимаю всю нелепость и опасность моего легкомысленного писательства. Слова Учителя были такими (и теперь я переписываю всё *слово в слово* с астральных записей, при помощи Его старшего челы): «Она должна остаться президентом (ибо таково желание Когана, чтобы она не оставила Общество, если этому можно поспособствовать) Общества, даже если бы этим двум группам пришлось изменить свои названия». Предложение по поводу названий «Лондонская ложа» и «Тибетская ложа» исходило только от меня, но даже написав это и едва успев опустить письмо в почтовый ящик, я раскаялась, так как вспомнила, что сказал Учитель, а также письмо Махатмы К.Х. по этому поводу. См. стр. 44 «Ответа» Субба Роу на это предложение. Однако название «Тибетская ложа» предложил еще и Мейтланд, и в тот момент я очень разозлилась. Не знаю, что меня дернуло написать такое! Мне было так мерзко, что любая перемена, любой способ выставить ее из вашего Общества казался лучше ее пребывания в нем. Но как всегда — пришел Учитель, Его голос произнес: «Вы напишете ему то-то и то-то» — и Он удалился. И я, передав Его руководящее сообщение — а именно, что как раз пришло время, когда Вам следует решительно отвергнуть и разоблачить ее ложь, — напутала с остальным, написав в Его духе, но не Его словами, а, как я теперь понимаю, именно эти-то *слова* и были самыми важными. Вы правы, абсолютно правы, а я опять скажу, что я *дура*, жалкая сломленная идиотка, настолько физически обессиленная, что это делает меня придурковатой.

Боже правый! ну почему *вообще* Коган *так нуждается в ней!* Неужели это за наши или Ваши грехи? Я знаю, что все остальные (К.Х., Хозяин и челы в Тибете и вне его) не испытывают в ней нужды. Это кажется фатальностью, но старый почтенный джентльмен, который никогда не вмешивается ни во что теософское, и менее всего в европейское, обратил на нее свои взоры! В Мадрасе Джуал Кул рассказывал мне, что никогда не видел своего Учителя в таком смятении. Не значит ли это, что Коган Римпоче хочет внушить всем вам отвращение этими возражениями, несоответствиями и

противоречивыми указаниями? Я спросила Д[жуал] К[ула], а он только взглянул на меня и ничего не сказал. Итак, пока мне известно, что Учитель не поручал Олькотту ничего такого, что шло бы вразрез с Вашими желаниями. Совсем наоборот. У меня есть сведения, что его миссия состоит в том, чтобы избавить Вас от нее, не разлучая ее с Обществом полностью. Я *знаю*, *Они* желают, что *бы Вы* и никто другой стали президентом группы лондонских оккультистов, и что Они *вынуждены* ее терпеть, принимая во внимание и уважая волю Когана, — да будет благословенно Его имя! Итак, мой дорогой Синнетт, всё это *неестественно*. Разбитая и лишенная сил во всем, что касается моего физического состояния и интуиции, я всё же *не потеряла способности* понимать, что во всем этом что-то есть.

Пометки «по доверенности» имеют силу в среде собратьев вашего Общества, но недействительны в других отделениях. Герцогиня *не имеет права* голосовать в вашей Лондонской ложе, и Учитель велел мне сообщить ей об этом, когда она упомянула, что послала миссис К[ингсфорд] свой избирательный бюллетень, причем то же самое Учитель сказал и Олькотту. См. Правило VIII — «ни одно отделение не имеет права пользоваться полномочиями вне установленных Уставом пределов». Что же до мадам де Морсье, то она решительно настроена против миссис К[ингсфорд] и не станет за нее голосовать — да, собственно, она на это и не имеет права. Она целиком на стороне Мохини, ведь Мохини — «посол Учителя», как она его называет.

Вот так это и уладилось. <...>

ПИСЬМО 38

М-р Синнетт!

Я выполняю свой последний долг и сделать это обязана. Миссис Холлоуэй спросила меня, могла бы она поехать в Виндзор, а я ответила, что не вижу причины, почему бы ей не отдохнуть — ибо единственным *приказом, который я получила* и который, как мне известно, содержался в письме моего Учителя к Вам, было то, что ей следовало *спать* у миссис Арундейл *каждую ночь*, одним словом, что ей нужно было *жить* в их доме, если она хотела написать свою книгу. Если она нарушит приказы Учителя, то есть Махатмы К.Х., я умываю руки. Однако скажу Вам откровенно, что миссис Х[оллоуэй] послана сюда из Америки по воле

Учителя, у которого были на этот счет свои планы. И *если Вы введете ее в заблуждение* и нечаянно вынудите вступить на путь, идущий вразрез с желанием Учителя, — всяческое общение *между Вами и Учителем К.Х. прекратится*. Мне велено сообщить Вам об этом.

Вы даже не представляете, что творите! Вы руководите Теософским Обществом «Лондонская ложа» и льете воду на мельницу миссис Кингсфорд и Ваших врагов.

И помните, я никогда еще не была столь серьезна, как сейчас. Если бы Обществу суждено было погибнуть, я всё же *должна* исполнить свой долг.

Ваша Е.П.Блаватская.

Поистине кажется, что Вы хотите докатиться до краха.

ПИСЬМО 39

Суббота, утро

Дорогой м-р Синнетт!

Только что уехала миссис Холлоуэй, оставив для Вас, в присутствии мисс Арундейл, несколько прощальных слов. «Воздайте мне должное, — сказала она, — и скажите м-ру Синнету, что я до последнего часа жила здесь на двух планах — физическом и духовном. Если он будет судить обо мне исходя из вещественного, то, конечно, не сможет меня понять, ибо я обитала в духовном. До последнего момента я *действовала согласно прямым приказам Учителя*, а значит, не могла поступать так, как ему (м-ру Синнету) хотелось бы. А в этом он никогда не согласился бы дать себе полный отчет».

И, в качестве подтверждения с моей стороны (которое, разумеется, дальше Вас не пойдет, но я обещала ей и должна выполнить обещание), позвольте сказать Вам, мой дорогой м-р Синнетт, что помимо того, что я, возможно, ей сообщила, и кроме посланных мне Учителем писем о ней, *она еще имела от Него прямые указания, согласно которым и поступала*. А по ее словам, Вы заявили, что я представила всё это Вам в ином свете, а именно, что запрет кончился, когда Вы приехали в Эльберфельд. Могу только сказать, что я ничего подобного никогда Вам не говорила и что Вы опять меня неверно поняли. Лично я говорила, что меня *совершенно*

не интересовало, остановится ли она в Вашем доме или нет, но знала, что если выполнять ясно выраженное желание Учителя, то ей этого делать не следовало, и что она сама, обязанная подчиняться Его приказам, отказалась это сделать и несколько раз умоляла меня поддержать ее в этом. И я столько же раз шла на это, но Вы мне никогда не поверите. Всё это время она была крайне встревожена (в мыслях), а в результате этого пострадало ее развитие. Но надеюсь, теперь она успокоится и отдохнет.

Может быть, я Вас больше не увижу, а поэтому позвольте мне сообщить Вам еще кое-что о планетах, кольцах и кругах. Эти сведения Вы можете переписать и отослать их Хьюббе-Шляйдену и Франку. Я говорила, что не существует никаких таких гирлянд из сосисок, как они думают в отношении планет; что подобное представление даже не графическое, а скорее всего аллегорическое; что наши 7 планет разбросаны там и сям; что круги означают именно то, о чем Вы говорили, хотя толкование и было далеким от совершенства, но что кольца, как Вы их называете, то есть 7 коренных рас и эволюция человека при его вечном семеричном воспроизводстве, *были неправильно поняты* и не только Вами, но и, видимо, недоступны ясному пониманию *непосвященных*, и что даже то, что Вы *могли бы* сообщить, Вы не сообщили, так как неверно поняли одно из писем Учителя. И это Вам в любой день подтвердят Субба Роу и Мохини, приведя в качестве доказательства одно из писем Учителя.

А теперь займемся тем, что Вы обнаружите в «Человеке» миссис Холлоуэй и поймете сами. Это трудный предмет, м-р Синнетт, и раскрыт полностью он может быть только при двух условиях: нужно или *слушать голос Учителя*, как она, или самому быть посвященным. Учитель (мой Учитель) и Махатма сообщили Вам только то, что позволено, но даже это считают трудным для выражения, если конкретное понятие как следует не внедрится в сознание субъекта. А теперь до свидания. Мой искренний, сердечный привет миссис Синнетт и лучшие пожелания Вам. И всё же я надеюсь, что в один прекрасный день Вы лучше, чем теперь, поймете «дела оккультные» и меня.

Искренне Ваша

Е.П.Блаватская.

ПИСЬМО 40

На борту

[Ноябрь 1884 г.]

Мой дорогой м-р Синнетт!

Вначале несколько слов по поводу дела вообще и всех нас в частности. Как я и думала, сегодняшний день был днем откровения и возмездия везде и всюду: великое испытание, ибо дело подходит к концу, и теперь нам остается только ждать *результатов*. Первый — это письмо от м-ра Финча и признание Мохини, что «Апокалипсис», который должен был заменить «Эзотерический буддизм» и прямо-таки вытеснить его, причем не только с рынка, но даже вообще из реального существования, — *ни на что не годен*. М-р Финч заявляет, что это такая работа, которая «может только унижить Учителей». Четыре главы, полностью написанные Мохини, безусловно, хороши, но там, где родник вдохновения терял питающие его живительные воды, текст становится шероховатым, теряет стройность и читается как косноязычный лепет школяра, местами обнаруживает явные огрехи и, уж конечно, не сделает чести «двум чела́м», якобы написавшим всё это, испытывая вдохновение человека, непосредственно изучающего какой-либо предмет. Итак — испытательный срок, кажется, подходит к концу, по крайней мере первый акт. Учитель желает, чтобы труд был издан до Рождества, и мы вынуждены делать так, как Он хочет. Только бедному Мохини придется переписать целую главу и переделать все места, где его *сотрудник* высказал оригинальные мысли. Хорошо бы Вам повидаться с Мохини и поговорить с ним об этой работе. Он расскажет, КАК это было написано, ибо теперь ему разрешено говорить.

Мой Учитель, чей голос я только что выслушала, приказывает мне сообщить Вам, что, раз Мохини, по всей вероятности, останется в Лондоне до января, неплохо бы Вам воспользоваться его присутствием, чтобы завершить свой литературный труд, который не продвигается из-за отсутствия материала, что абсолютно недопустимо. Seriously, Вам следует видаться с ним как можно чаще, чтобы он растолковал и преподал Вам предметы, затронутые в Вашей новой книге, поскольку теперь Учитель велит ему сделать как раз нечто в этом роде. До сего времени он не мог приехать к Вам и сообщить или объяснить всё до мельчайших подробностей — по причинам, которые Вам может подсказать Ваша интуиция. Теперь же он *может и сделает это*. Итак, я

к Вашим услугам и отныне буду согласна вновь служить для Вас почтальоном. Но только для Вас одного и очень попрошу не разглашать этой *тайны* обо мне. Я напишу или из Алжира, или с Мальты и всё объясню. Ответьте мне обязательно. Сердечный привет миссис Синнетт.

И вновь искренне Ваша

Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 41

[1884 г.]

Копия письма, пересылаемого через Олькотта. Пожалуйста, откорректируйте его. Я настроена возбудить *из-за него* дело против Куломбов.

Ходжсону, эсквайру.

Сэр!

Я всегда считала, что, по английскому закону, до тех пор пока законным путем не доказано, что некто является виновным, этот некто считается невиновным, а также, что односторонние свидетельские показания — особенно явных врагов — могут быть не приняты во внимание даже в суде. Вы, видимо, действуете согласно другим принципам и вольны поступать, как хотите.

Что же касается вопроса о феноменах, то меня мало заботит, назовут ли меня в «Отчете О[бщества] п[сихических] и[сследований]» мошенницей и лгуньей в 20 раз больше или нет. Хотя я и сомневаюсь в истинности и благородстве Ваших обо мне заявлений, а также ожидаю, что Вы заранее повесите на меня все эти ярлыки для Ваших мадрасских знакомых, однако, это мне совершенно безразлично.

Но Вы пошли дальше. На днях на обеде у м-ра Гарстина Вы отзывались обо мне как о «русской шпионке». Вы отстаивали это утверждение, несмотря на смех и возражения м-ра Хьюма, а также м-ра [Оукли] и миссис К[упер]-О[укли], так серьезно и с такой настойчивостью, что для меня становится чрезвычайно важным

публично доказать, являюсь ли я «шпионкой» или нет. А так как я ручаюсь, что ни один смертный не представит веского доказательства, что я когда-либо написала хоть одну строчку российскому правительству или нечто подобное от него получила за последние 15 лет, когда у меня было американское гражданство, и что я так же, как, может быть, и Вы, лояльна к британскому правительству, то я имею все основания обратиться с ходатайством в суд и потребовать Вашего ареста за низкую и опасную клевету, если бы не три нижеследующих обстоятельства:

1) Вы друг семейства Оукли, которых я люблю и уважаю и предпочла бы избежать их привлечения в качестве невольных свидетелей.

2) Всего две недели назад я чувствовала искреннее расположение к Вам, кого считала человеком беспристрастным и справедливым.

3) Люди могли бы и наверняка сказали бы, что это было местью за то, что Вы «меня разоблачили» и выставили «законченной мошенницей», как Вы сами выражаетесь.

И прошу Вас, не вообразите даже на секунду, что кто-то передал мне Ваши обвинения и разговоры у м-ра Гарстина. Мне известно каждое слово, что было произнесено за столом благодаря той моей способности, которая известна и не может отрицаться даже вашим О.П.И. Я благодарю Вас также и за еще один камешек в огород ни в чем не повинной, и притом в ее отсутствие, женщины, которая никогда не причинила Вам никакого зла, а именно за слова о том, что Вы считаете ее *женщиной, способной на любое преступление*. Вы лично можете считать меня кем угодно, но не имеете никакого права высказывать клеветнические измышления публично.

Однако, может статься, я рассчитываю получить письменное и за Вашей подписью изложение всего того, что Вы слышали от Куломбов по поводу моей принадлежности к *шпионам*, что и привело Вас к подобному заключению. Я также попрошу у Вас описание документа или документов, которые она [мадам Куломб] Вам показывала, ибо на этот раз я намерена подать на нее в суд и положить конец подобной низости. Это дело серьезное, м-р Ходжсон, и именно Вы заставили меня поступить подобным образом.

Ваша Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 42

16 июня

Дорогие миссис и мисс Арундейл!

Если бы у нас были дюжины две таких, как вы *обе*, и дюжина таких, как Синнетт, — Учителя уже давно были бы с вами и Обществом. Я *разбираюсь* в том, о чем говорю, более того — *я знаю это*.

Слушайте: *постарайтесь насколько сможете сильно разобичить* Лондонскую ложу со штаб-квартирой. По существу вы можете быть — *едины*. Стремитесь стать *двумя* в отношении руководства. Карма идет своим чередом. И мы ничего не можем поделать. Но невинные и искренние не должны страдать за виновных и *лживых*. И, дорогие мои, как же много у нас изменников и предателей всех цветов и оттенков в самом сердце Общества! *Честолюбие* — страшный советчик! Покажите это м-ру Синнету. Ему бы, честно говоря, «поддать страсти» в своей работе, а не только в проявлении интереса к Обществу. Пусть, *не колеблясь*, при необходимости жертвует — друзьями, и *мною* в том числе. Олькотт превращается в переполненного тщеславием болтуна. Но не вините его. Он попал под влияние *того*, кто стал для него тем, кем обычно в прошлом бывала я. Несмотря на свою большую бороду, он ужасно *обидчив*. Я жалею и люблю его как и прежде. Он бросает обвинение мне одной — забывая свой показ Будды, свою глупую болтовню, забивающую голову *психистов* феноменами, и т.д. Учитель никогда не станет презирать его, ибо никто в этом мире не будет работать столь преданно и бескорыстно, как это делал он. Но зачем же нужно Лондонской ложе, *мозговому центру* Т[еософского] О[бщества], мучиться и подвергаться риску распада из-за бурных биений его сердца — адьярской штаб-квартиры? Такие, как Субба Роу — бескомпромиссные *посвященные* брамины, никогда не раскроют даже то, на что им дано разрешение. За это они так сильно и ненавидят европейцев. Разве он на полном серьезе не сообщил м-ру [Оукли] и миссис К[упер]-О[укли], что отныне я «представляю собой оболочку, которую покинули и от которой отказались Учителя»? Когда же я попеняла ему за это, он ответил: «Вы были виновны в самых ужасных преступлениях. Вы раскрыли тайны оккультизма — самые священные и самые сокрытые. Скорее *следовало бы принести в жертву Вас*, чем раскрыть то, что никоим образом не предназначалось для европейских

умов. Люди *слишком сильно верили в Вас*. Пришло время заронить в их сознание искру сомнения. Иначе они выкачали бы из Вас всё, что Вы *знаете*». И теперь он действует по этому принципу.

Прошу Вас, дайте знать об этом м-ру Синнету.

Остаюсь всё так же навсегда Ваша

Е.П.Блаватская.

ПИСЬМО 43

Воскресенье, 17 мая [1885 г.]

Торре-дель-Греко [Неаполь]

Дражайший Мохини!

Вы можете показать это письмо или сообщить м-ру Синнету следующее. Габорьо умолил меня представить его в качестве челы Махатме К.Х. или моему Учителю, и первый принял его на испытание. А значит, *он был челой*, и нельзя истолковывать как ложь мои слова м-ру Синнету о том, что «Учителя имеют чел повсюду». В тот момент, как много раз до и после этого, я приняла решение больше не вмешиваться в пересылку писем от Махатм. Если бы только **Учитель** позволил мне осуществить это решение, я, вероятно, не жила бы здесь изгнанницей и не погибала бы вдали от Индии! Но Он запретил мне это, заявив, однако, что я могла бы посылать письма Махатмы К.Х. через какого-нибудь другого челу, раз уж я оказалась столь малодушной. Затем Д[жуал] К[ул] пытался поставить эксперимент на м-ре Синнете, чтобы выяснить, сумел бы он внушить тому идею ехать через Францию, и заявлял: «Хочу посмотреть, смогу ли я свести этих двоих вместе (имея в виду Синнетта и Габорьо). Габорьо чрезвычайно восприимчив и медиумичен, и мне, возможно, удастся чему-нибудь его научить, хотя боюсь, что он просто дурак».

Это натолкнуло меня на мысль: 1) что м-ру Синнету могли внушить намерение остановиться в Нанте и 2) что я в любом случае попрошу его препроводить это письмо в Лондон и таким образом *отделаюсь* хотя бы от одного письма, — и я передала его через Габорьо.

Опыт не удался. М-р Синнетт не очень восприимчив и отправился по какой-то другой дороге. *Я не пыталась сбить его с пути ни тогда, ни*

когда-либо еще. Я просто хранила молчание, как и во многих других феноменальных и полуфеноменальных случаях, имеющих отношение к полученным им письмам. Он же, подходя к оккультизму с мерками повседневной жизни и с присущими ей нормами, не делает различий между умышленной ложью и сильным желанием или, скорее, печальной необходимостью утаивать некоторые факты. Когда он заявил мне, что получил письмо из Нанта (это забавно), я пришла в жуткое замешательство и поняла, что Дж[уал] Кул потерпел неудачу, о которой мне ничего не сообщил. Я просто сказала «Неужели?», и эти слова о челах, существующих повсюду, он в точности передал Вам, не считая того, что я воспользовалась ими в письме, в чем у меня нет никакой уверенности. Доказательство отсутствия у меня желания вводить его в заблуждение как раз и заключается в том, что я никогда не просила Габорью делать из этого *тайну*. Он *был* челою, а исключили его только во время подготовки к отплытию в Адьяр, когда ему не позволили туда отправиться по причине признания его совершенным тупицей. Если м-р Синнетт каждый раз в подобных обстоятельствах будет усматривать мою вину и *нечестность*, тогда — ибо теперь я говорю ему напрямик, что существуют сотни вещей, которые я вынужденно от него скрывала, — он волен полностью вычеркнуть меня и даже мое существование из своей жизни. Я *никогда не обманывала его, не сбивала с толку и не подводила*. Я старалась сделать всё возможное, чтобы стать ему полезной, и за мою нынешнюю неудачу и якобы крах Т[еософского] О[бщества] надо поблагодарить его независимый образ мышления, тот способ, каким он навязывал оккультизм и его тайны, публикуя обе свои книги, не считаясь с тем, что общество не подготовлено и погрязло в предрассудках. Если бы сведения о феноменах и *Учителях* были предназначены только для теософов и свято ими охранялись, всего этого не случилось бы. Но это моя вина, равно как и его. В своем рвении и преданности делу я допустила открытость и, как правильно заявляет Субба Роу, «совершила *преступление*, разгласив самое сокровенное и святое, что ранее не было известно непосвященным», — и вот начинает действовать моя карма. Я всегда видела в м-ре Синнетте самого преданного и полезного члена нашего Общества, сообщала ему то, о чем никогда не говорила даже Олькотту, но всё же не могла раскрыть ему *всего*. Раз Махатма К.Х. заверяет, что его не *покинул* и так же, как всегда, к нему расположен, что ему еще надо? Они могут, если захотят, найти другие — помимо меня — каналы общения с ним. Пусть

выкинет меня из своей жизни как вконец пропащую и откажется от меня, как и многие другие, именно теперь, когда я погибаю из-за *следствий* симлских *причин*. Я сделала всё возможное, больше не в состоянии быть ему полезной и прошу только об одном: чтобы меня, подобно шелудивому псу, бросили спокойно и в одиночестве подышать в своем углу. Да благословят и защитят всех вас Учителя, и да будут известны мои страдания и муки, возможно, лишь одним Учителем — приносите известную пользу Обществу и помогите ему начать новую жизнь. Но если окажется, что все эти страдания пропали даром, значит, Т[еософское] О[бщество] обречено и основание его было *преждевременным*.

Ваша до последнего часа

Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 44

21 июня [1885 г.]

Торре-дель-Греко [Неаполь]

Отель «Везувий»

Моя дорогая миссис Синнетт!

Так приятен вид Вашего знакомого почерка, а содержание письма и того больше!

Нет, дорогая миссис Синнетт, мне никогда не приходило в голову, что Вы хоть раз могли поверить в то, что я занималась трюкачеством, в котором меня теперь и обвиняют, — ни Вы, ни кто-либо из тех, кто хранят Учителей в своих *сердцах*, а не только в сознании. И тем не менее вот я перед Вами, стою обвешанная обвинениями, не имея никаких средств доказать обратное, — в самом грязном и гнусном мошенничестве, на какое когда-либо был способен полуголодный медиум.

Что я могу и что я должна делать? Не имеет никакого смысла ни писать, дабы убедить кого-то, ни пытаться спорить с теми, кто вбили себе в голову считать меня виновной, чтобы изменить их мнение. Пусть будет так. Горючее в моем сердце сожжено до последнего атома. И впредь уже ничего не отыщешь в нем, кроме холодного пепла. Я столько

страдала, что больше просто не в состоянии — и теперь только смеюсь над каждым новым обвинением.

«Несмотря на заключение специалистов», говорите Вы. Да уж, они, должно быть, знамениты, эти эксперты, которые сочли подлинными письма Куломбов. Весь мир может склониться пред их решением и проницательностью; но есть в этом огромном мире, по крайней мере, один человек, кого они никогда не смогут убедить, что эти дурацкие письма были написаны мною, и этот человек — Е.П.Блаватская. Если бы даже Бог Израиля и Моисей, Магомет и все пророки, да еще Иисус и Дева Мария впридачу пришли и сказали мне, что я написала хоть одну строчку из этих постыдных указаний Куломбам, — я бы заявила им прямо в лицо: «Вздор! *Не писала*».

Теперь [будьте] повнимательней, мне нужно, чтобы Вам стали известны эти факты. *До сегодняшнего дня* мне ни разу не было позволено увидеть хотя бы одно из этих писем. Почему м-р Ходжсон не мог прийти и показать, по крайней мере, одно письмо. Подозреваю, что некоторые из них он привез в Лондон — иначе как могла бы состояться та самая экспертиза? Ну почему он никогда не показывал мне ни одного письма в Адьяре? А теперь враг, твердо уверенный в своей безнаказанности, явился на свет Божий с еще б'ольшим количеством писем, и притом еще более поразительных. Оставляю судить об этом Вам и всем вашим. Имеется письмо, видимо, предъявленное, которое они пока еще не осмелились опубликовать, но содержание его кратко передано Паттерсоном в апрельском номере «C[eylon] C[atholic] M[essenger]». Там, а еще и словесно, меня обвиняют *в написании в 1880 году письма Куломбам*, а они тогда были на Цейлоне, в котором мои слова явно доказывают, что с 1852 по 1872 год я двадцать с лишним лет посвящала свое время чему-то иному вместо приобретения знаний в оккультизме. Да кто же теперь поверит (хотя в мое жульничество с феноменами должна была поверить вся Вселенная), что в 1880 г. я, находясь в Бомбее и думая только, как *доказать* существование Учителей, настроилась на осуществление своих *планов с подлогом* — если бы у меня был хоть один, — уже вполне созревших, и что мне приспичило написать такое письмо некоей особе, кого за 8 лет до этого я едва знала, кто была не моим другом, а лишь случайной знакомой, с которой я, уехав в 1871 году из Каира, никогда не поддерживала никаких связей и само имя которой я благополучно забыла! В том пакостном письме я тем не менее якобы заявляла, что покинула своего

мужа, *полюбила и сожительствовала* с неким мужчиной (чья жена была моей ближайшей подругой и умерла в 1870 году — человеком, который и сам скончался через год после жены и был мною похоронен в Александрии) и *ИМЕЛА трех детей от него и от других!!! (так)*, и т.д., и т.п., завершив все эти признания просьбами не рассказывать обо мне ничего, потому что ведь она меня знает, и т.д.; весь текст был составлен с целью показать, что я никогда не знала Учителей, никогда не была в Тибете и оказалась попросту самозванкой.

Оспаривать всё это — только зря терять время. У тех, кто сочли опубликованные письма подлинными, нет оснований не верить этому, и если в этом мире существуют такие глупцы или люди, настолько хитрые, чтобы играть роль глупцов, которые могут вообразить меня способной написать *подобное самоубийственное признание* такого рода женщине, совершенно мне чужой, если не считать тех нескольких недель моего с ней шапочного знакомства в Каире, — ну что ж, эти люди вольны поступать подобным образом. И во всё это впутаны еще и Учителя, а я, принявшая решение скорее умереть тысячью смертей, чем произнести Их имена или ответить в суде на заданные о Них вопросы, — что я могу тут поделывать? Ах, миссис Синнетт, интриганы оказались слишком коварными, слишком ловкими для Т[еософского] О[бщества] и особенно для меня. Она — эта дьяволица — отлично знала, что я *не буду и не смогу* защищаться в суде из-за того, что все обвинения меня и моих друзей и вся моя жизнь сокровенно связаны с Махатмами. И подумать только, как это меня угораздило оказаться такой дурой, чтобы какое-то время воображать, что в Индии это устроено, как в России, — что я могла бы отказаться отвечать на вопросы, касающиеся вещей, слишком для меня священных, чтобы обсуждать их при всем честн'ом народе? Я никак не подозревала, что судья может, если сочтет это нужным, *приговорить меня к тюремному заключению за неуважение к суду*, хотя я всего лишь ответила на все мерзкие вопросы об Учителях, которые заготовили *падре*. А я-то скандалила и шумно требовала, чтобы мне позволили пойти в суд, дабы покарать злодеев и доказать их лживость. Теперь я поумнела. И на собственном опыте поняла, что ни справедливости, ни правды, ни милосердия не существует для тех, кто отказывается следовать проторенными путями. Я поняла в целом масштаб и значимость тайного заговора *против веры в Махатм*; это был вопрос жизни и смерти для миссионерских групп в Индии, и они полагали, что, уничтожив меня, они уничтожат и теософию. И это им

почти удалось. Они весьма преуспели в одурачивании Хьюма и Общества психических исследований. Несчастный Майерс! И еще более несчастный Ходжсон! Как ужасно посмеются над ними в один прекрасный день! *En attendant* [В ожидании — (*фр.*)] они, видимо, займутся смешиванием меня с грязью. Воистину *психические* исследования! Скорее, «исследования Ходжсона»! Но, умоляю, объясните мне! Законное ли это дело в Англии — публично обвинять, хотя бы даже и подметальщика улиц, *в его отсутствие?* не давая ему возможности сказать *хотя бы одно слово* в свою защиту? не позволяя ему узнать даже то, *в чем* его, собственно, обвиняют *и кто* именно выступает в качестве обвинителя и представлен главным свидетелем? Ибо я просто не представляю, чт'о на всё это можно сказать. Ходжсон прибыл в Адьяр, где его приняли как друга, он всех, кого только пожелал, подверг допросу и перекрестному допросу; а бои — (слуги-индусы) в Адьяре сообщили ему всю необходимую информацию. И если теперь он в *их показаниях* обнаруживает расхождения и противоречия, то это всего лишь доказывает, что все они, полагая чистой нелепостью (с их точки зрения) сомневаться в феноменах и Учителях, не *подготовились* к этому *научному* перекрестному допросу и, возможно, запомнили многие обстоятельства; короче говоря, не чувствуя *вины* и не будучи ни моими сообщниками, ни жертвами моего обмана, они не *отрепетировали*, что должны говорить, а поэтому, весьма вероятно, у них — с их *предубежденностью* — возникли вполне обоснованные подозрения. Но вся неприятность для нас состоит в том, что первое время мы никогда не смотрели на м-ра Ходжсона как на *предубежденного* судью. Совсем наоборот. Итак, я стала первой, кто должна была понести наказание за свою уверенность в его справедливости. Подумать только, что пока я лежала прикованной к *своему смертному ложу*, он ежедневно на правах друга приходил к Оукли, обедал в штаб-квартире, каждый день меня оскорблял, поливал грязью и предавал в их присутствии, а я до конца так и не знала истинного положения дел! Спросите его: ставил ли он хоть раз меня лицом к лицу с моими обвинителями? Пытался ли он когда-либо узнать хоть что-нибудь от меня или дал ли мне возможность защититься или что-то объяснить? **Никогда.** С самого первого дня он вел себя так, как если бы *в моей виновности не существовало ни тени сомнения*. Он смотрел на меня как на *предателя* и поступал не как подобает *задающему вопросы порядочному человеку*, а как *государственный обвинитель*, главный прокурор или как там

называется его титул по юридической терминологии. Теперь полюбуйте-ка на результаты! Ведь это же просто отвратительно, **тошнотворно** смотреть, как он играл на руку разным *падре*, а *падре* — ему. О моя *пророческая душа*! Воистину я предвидела всё это в Лондоне.

Ну, довольно. Всё это дело прошлое. *Consumm atum est!* [Свершилось! — (лат.)]

Итак, я здесь. Куда я поеду в следующий раз, мне известно не более чем любому свалившемуся с луны. И единственные друзья, которые у меня есть и в жизни и в смерти, — это бедный, славный изгнанник Боваджи Д. Натх в Европе и несчастный дорогой Дамодар в Тибете. Д.Натх неотлучно сидит в ногах моей кровати и по целым ночам не спит, гипнотизируя меня, как предписано его Учителем. И зачем только Им нужно оставлять меня пока в живых — вопрос слишком для меня странный и пониманию моему явно не доступен; но ведь Их пути *есть* и всегда были — неисповедимы. Что теперь от меня пользы делу? Облитая грязью, оплеванная, вызывающая сомнения и подозрения всей Вселенной, за очень малым исключением, — разве я не принесу больше пользы Т[еософскому] О[бществу] умерев, чем продолжая жить? Но всё равно будет по-Их, а не по-моему.

Ваша в жизни и всегда

Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 45

23 июля [1885 г.]

Торре-дель-Греко [Неаполь]

Моя дорогая миссис Синнетт!

Не содрогайтесь при виде этой «скатерти». В последнее время у меня сильно ослабло зрение и так дрожат руки, что, как мне почему-то кажется, писать письма мне проще на больших листах бумаги.

Надеюсь, Вы простите меня за задержку моего ответа более чем на неделю; просто мне пришлось закончить работу для газет, а делать это я была *вынуждена* ради презренного металла и барышей, ибо теперь на моей шее еще и бедная Мэри Флинн и Боваджи, так что мне приходится

работать, добывая средства к существованию себе или, скорее, *нам*. А пишу я сейчас так медленно! Один час с пером в руке, два часа — в постели, когда зрение начинает терять остроту, замирает сердце (чисто физическое ощущение) и немеют пальцы. Ах, ладно уж, такова моя карма; и сказать мне нечего. Нет, милая, я — рассуждая о *карме* — не видела новой книги Вашего мужа, сейчас до меня не доходят никакие новости, но я просила Боваджи послать за ней в Лондон.

Я была немало поражена Вашими словами о том, какое *впечатление* произвело мое письмо на Вас и Вашего дядюшку, но при этом испытала и приятное удивление; всё же это был *настоящий* сюрприз, поскольку я, хотя и не помню из него ни слова, тем не менее не могла написать Вам нечто такое, что так или иначе отличалось бы от того, что я писала десятки раз другим и притом сотни раз именно этими же словами. Но то, что Вы говорите, заставляет меня опечалиться еще больше. Не сражайтесь за меня, моя добрая, милая миссис Синнетт, не надо меня защищать; Вы только потеряете время, да к тому же Вас еще и назовут сообщницей, если не чем-то похуже. Вы навредили бы себе и, возможно, *делу*, а *мне* не принесли бы никакой пользы. Слишком глубоко въелась клевета в этого злосчастного индивидуума, известного как Е.П.Б, и слишком сильны оказались или, скорее, оказываются химикаты, использованные для очернения, и поэтому, боюсь, сама смерть никогда не смоет в глазах тех, кто меня не знает, ту грязь, что была брошена и прилипла к личности «дорогой Старой Леди».

Ах, да, теперь «Старая Леди», Вы только гляньте, *добродетельна*, гордость своих друзей и, если хотите знать, украшение общества. Только в «Оккультном мире» содержится ключ к ситуации и истине. Однако «Оккультный мир» ныне не в ходу даже в штаб-квартире. На этот раз бедняга полковник надежно спрятал его, замкнув на три оборота, в самой глубине своей исстрадавшейся доброй души и не отваживается до поры до времени упомянуть о нем хоть словом. Реакция и преувеличение с его стороны — как обычно. Он напичкал Общество психических исследований тем, что большинство может воспринять как всего лишь *небылицы*, и неоднократно воевал со мной, когда я просила его не выбирать *их* в качестве верховных судей и не иметь ничего общего с *главарями*, а теперь, когда их третейский суд завершился для нас столь восхитительным образом, он перепугался и стал брамином, обычным Субба Роу, дабы сохранить секретность. Он забывает, что от «тех, кто отречется от меня перед людьми, я отрекусь перед моим

(тибетским) отцом». Он, конечно, не отказывается от Учителей, но смертельно боится даже произносить Их имена, не считая случаев, когда остается наедине с самим собой. Ах! Если бы ему хоть половину той сдержанности и осторожности, когда он Владыку Будду толкал на колесиках перед *интуитивно* собравшимися на заседание Общества психических исследований! Однако слишком поздно. *Consumm atum est!* [Свершилось! — (лат.)]

Да мне ведь и в самом деле в высшей степени наплевать на мою личную репутацию, но только вот каждая выпущенная в меня и пронзающая меня *насквозь* отлитая из грязи пуля забрызгивает несчастное Теософское Общество вонючими ингредиентами.

Вы не можете себе «представить, что кто-либо знающий Вас (меня) в состоянии поверить в Вашу (мою) виновность» — виновность в дурацких поступках, ответственность за которые возлагают именно на меня.

Не могла и я — *шесть месяцев назад*, зато могу теперь. Когда это было, чтобы люди принимали и помнили правду, а *лжи* и *клевете* не удавалось пустить глубокие корни в их сознании? Мир состоит из миллионов тех, *кто меня не знают*, кто никогда меня не видели и не слышали, но зато слышали обо мне; а то, что они слышали — даже в лучшие для теософии времена, когда она, можно сказать, вошла в моду, — никоим образом не способно *расположить их ко мне*; и среди этих миллионов — несколько сотен, ну, скажем, тысяч, — кто встречались со мной лично, то есть с этой весьма неприятной особой в ее «черном балахоне» и с грубой манерой выражаться.

Тех же, кто действительно знают меня и, мельком взглянув, распознали *внутреннее* существо, — всего несколько дюжин. А если Вы их всех разделите на тех, кто *на самом деле* верят, но боятся потерять свое положение в обществе; тех, *кто знают*, но их интерес кажется сомнительным, и еще на тех, кого *наши* феномены вышибли из седла — как спиритуалистов — и свернули голову их собственным любимым занятиям, — то что же останется? Дюжина-две личностей, кто подобно Вам имеют **мужество** быть *честными с самими собою*, и даже очень немалое, дабы показать, что они и в самом деле его имеют, под носом и перед лицом идиотов и эгоистов этой эпохи!

Разумеется, все вы, кто верят в Учителей и уважают Их, не могут, не потеряв в Них веры, считать меня виновной. Те, кто не находят

никакого противоречия в идее (Хьюм один из таких) отвратительной лжи и мошенничества даже для *пользы дела*, — будучи связанными с выполнением работы для Учителей, — прирожденные *лицемеры*. Люди, способные допустить, что столь чистые и святые руки могут коснуться и взять, не чувствуя никакой брезгливости, управление таким *грязным* инструментом, каким меня теперь представляют, — дураки от рождения или не видят ничего особенного в работе по принципу «цель оправдывает средства». А поэтому, выражая Вам свою благодарность и по достоинству оценивая безмерную доброту Вашего сердца, которая продиктовала такие слова, как «и если бы завтра я убедилась, что Вы написали эти гнусные письма, я *всё равно любила бы Вас*», я отвечаю: *надеюсь, что Вы бы так не поступили*, причем ради самой себя.

Напиши я хоть одну из этих идиотских и, по сути, *позорных* вставок, не без посторонней помощи появившихся теперь в упомянутых письмах; будь я виновна *всего только раз* — в преднамеренной, специально состряпанной фальшивке, и особенно когда обманутыми оказались бы мои лучшие, *самые преданные* друзья, — никакой «любви» к таким, как я! В лучшем случае — *жалость* или вечное презрение. Жалость, если бы оказалось, что я не несущая ответственности за свои действия психопатка, подверженный галлюцинациям *медиум*, которую заставляли заниматься подобным обманом ее «руководители», коих я выдавала за *Махатм*; презрение, если всё это — сознательный обман, но в таком случае где же тогда так называемые *Учителя*? Ах! дорогое дитя моего многоопытного сердца, я была, *действительно была* виновной лишь в одном *преступлении* с точки зрения нормального человеческого восприятия. Много есть такого, что я обязана была *скрывать*, держа язык за зубами; немало и того — хотя и меньше, — что я допустила выйти в *неисправленном виде*, согласно мерилу общества и мнению моих друзей; но всё это было *не нашими феноменами*, а только ошибками и галлюцинациями, *преувеличениями* других людей, также вполне честных. И если я поступала подобным образом, то лишь потому, что всегда боялась повредить делу; к тому же, если бы я «пересмотрела и исправила» те первые издания, передо мной могли поставить задачу истолковать остальное, *что я никоим образом не смогла бы сделать, не выдавая того, что не имела позволения разглашать*.

Никогда, никогда Вам не удастся, да Вы и не сможете постичь, со всей Вашей искренностью и расположением ко мне и Вашим от природы тонким восприятием, — всё, что мне пришлось выстрадать за последние

десять лет! Чт'о люди могут знать обо мне? Внешняя оболочка, раскормившаяся на животворном источнике *внутренней* несчастной узницы? А люди-то воспринимали только первую, даже не подозревая о существовании второй. И та, первая, выслушивала обвинения в честолюбии, любви к дешевой славе, корыстных намерениях, мошенничестве и трюкачестве, коварстве и беспринципности, одурачивании и обмане — от среднего обывателя; и в лицемерии и лживости, будучи притом подозреваема в подсовывании умышленно *фиктивных* феноменов, — от моих лучших, самых дорогих друзей.

Связанная, как и было в действительности, по рукам и ногам своим обещанием, клятвой, усложнившей всю мою будущую жизнь — увы, даже *жизни*, — чт'о я могла поделать, поскольку мне запретили объяснять *всё*, предоставив лишь отстаивать истинность того малого, что мне было дозволено раскрыть, и просто отрицать несправедливые обвинения? Но, надеясь на исправление в своем будущем существовании, когда, побледнев, растает этот жуткий период кармы; почитая Учителей и поклоняясь **моему Учителю** — единственному творцу моего внутреннего «Я», которое — если бы не Его призыв, разбудивший это «Я» ото сна, в каком оно пребывало, — никогда бы не перешло к сознательному бытию (во всяком случае в *этой* жизни), и по достоинству оценивая всё это, я клянусь, что никогда не была виновной *ни в одном бесчестном поступке*. Возможно, я часто казалась бессердечной, изредка позволяя людям жертвовать собой, как это делала я, понимая, что у них — в этой жизни — нет ни одного из предоставленных мне шансов продвинуться очень далеко вперед, но делалось это для их пользы, не моей. И неважно, развились они или нет, награда за это благое намерение сохранилась их кармой; тогда как в моем случае, чем больше я совершенствуюсь в делах оккультных, тем меньше остается у меня шансов на счастье в этой жизни, поскольку для меня все б'ольшим долгом становится принесение себя в жертву ради пользы других и во вред себе самой. Но таков *этот* закон. Ах, если бы только знали они, некоторые из моих «друзей», кто, если и не выступают против меня открыто, всё же испытывают весьма серьезные сомнения в моей честности, если бы они только могли понять *теперь* — о чем именно они обязательно однажды узнают, когда меня не будет в живых и память обо мне будет полностью осквернена, — сколько я сделала им истинного добра! Я не собираюсь заявлять, что поступала подобным образом *ради них самих*; потому что вообще даже и не думала

об их личных «я». Но раз уж они случайно попали в круг, где была пролита кровь бедного старого пеликана, и получили причитающуюся им от этого *долю* благ, зачем же некоторые из них проявляют *такую жестокость*, если не сказать — *неблагодарность*!

Дражайшая миссис Синнетт, *мое сердце разбито* — физически и морально. До первого мне нет дела, пусть Учитель позаботится о том, чтобы оно не разорвалось, пока во мне испытывают нужду; а в отношении второго, — так тут уж ничего не поделаешь. Учитель может, но не будет вмешиваться в карму.

Мое сердце разбито не из-за того, что натворили мои *истинные, открытые* враги — их я презираю; а из-за эгоизма и малодушия, когда требовалось выступить в мою защиту, явно выказанной готовности принять и даже *вынуждать* меня на всякого рода жертвы, когда — Учителя в том свидетели — я готова отдать всю свою жизнь до последней капли, отказаться от самой малой надежды — не скажу на счастье, но хотя бы на покой и благополучие в этой жизни, ставшей для меня пыткой, — ради дела, которому я служу, и ради каждого *истинного* теософа. Вероломство — эта атмосфера, сотканная из ласковых и полных сочувствия слов, скрывающих крайнее себялюбие, то ли от безволия, а может, от честолюбия, — просто внушало ужас. Я не стану упоминать этих людей. С некоторыми, даже с большинством из них я до своего смертного часа останусь в хороших отношениях. Да и не позволю им заподозрить, что с самого начала читала их, как открытую книгу. Но я никогда не забуду — не смогла бы, даже если бы и постаралась, — ту достопамятную ночь наступившего в моей болезни кризиса, когда Учитель, до того как добиться от меня определенного обещания, раскрыл мне некоторые факты, о которых, по Его мнению, мне следовало бы знать прежде, чем я дам Ему слово по поводу работы, которую Он *попросил* меня (а отнюдь не *приказал*, на что имел право) сделать.

В ту ночь, когда миссис Оукли, и Гартман, и вообще все, *кроме Боваджи* Д.Н[атха], каждую минуту ожидали, что я испущу последний вздох, — я узнала всё. Мне показали, кто был прав, а кто неправ (невольно), кто был абсолютно ненадежен, и обрисовали в общих чертах картину того, что мне следовало ожидать.

Да, скажу Вам, немало *узнала* я в ту ночь — причем такого, что навсегда оставило след в моей душе; черная измена, притворное

дружелюбие в корыстных целях, *вера в мою виновность* и даже *решимость лгать в мою защиту*, так как я была удобной ступенькой, чтобы подняться выше, да Бог знает что еще! За то короткое время я разглядела человеческую натуру во всей ее мерзости, чувствуя на *своем сердце* одну руку Учителя, *не позволяющую ему остановиться*, и наблюдая, как другая развертывала передо мной *прекрасное будущее*. При всем этом, когда Он раскрыл мне *всё-всё* и спросил «Готовы ли Вы?», — я ответила «да» и таким образом расписалась в своем страшном конце *ради тех немногих, кто имел право на Его благодарность*. Поверите ли Вы мне, если я скажу, что среди этих немногих два ваших имени занимали видное место? Вы можете не верить или сомневаться — однако это так. Сколь долгожданна была смерть в тот час, покой так необходим, так желанен, а жизнь, что надвигалась на меня неотвратимо, ныне оказалась такой жалкой; но как же я могла сказать «нет» Ему, кто хотел, чтобы я продолжала жить! Для Вас, возможно, всё это и непостижимо, хотя я надеюсь, что это и не совсем так. <...>

Я не хочу жить ни в одном крупном центре Европы. Но мне просто необходимо иметь теплое и сухое жилище, несмотря на холод снаружи, ибо я никогда не покидаю своих комнат, а здесь и здоровые люди, если не живут в особняках, схватывают простуду и ревматизм. Мне по душе Вюрцбург. Он находится неподалеку от Гейдельберга, и Нюрнберга, и всех центров, где живет один из Учителей, и это именно Он посоветовал моему Учителю отправить меня туда. К счастью, я получила из России несколько тысяч франков, а некие благотворители прислали мне из Индии 500 и 400 рупий. Я чувствую себя достаточно состоятельной и богатой, чтобы жить в тихом и спокойном немецком городке, а моя бедная старая тетушка приедет туда меня навестить. Хотелось бы иметь со вкусом отделанную квартиру, и счастливым будет тот день, когда я увижу Вас за моим *самоваром*, если Вы действительно намереваетесь спуститься (или подняться?) до встречи со мной. Это, мне кажется, недалеко от Эльберфельда, менее дня пути. И тогда я буду жить в распоряжении моего Учителя и как Ему угодно, или, вернее, прозябать в течение дня, а жить *только* ночью и писать весь остаток моей (не)естественной жизни.

Куломбы, я слышала, покинули Индию и приезжают в Лондон, где, полагаю, они или, скорее, она нанесут Вам визит. Они ни перед чем не остановятся, пока на свете остается хоть один верящий в меня человек, притом и миссионеры обещали выплачивать им ежегодно по 5 тысяч

рупий, если они продолжают ничем не прерываемую деятельность по уничтожению Е.П.Б. Они вольны поступать и говорить, как и что им заблагорассудится.

Мой сердечный привет и поклон всем. Как там славный крошка Дэнни?

Остаюсь всегда Ваша

Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 46

19 августа 1885 г.

6, Людвиг-штрассе, Вюрцбург

Мой дорогой м-р Синнетт!

Когда неделю назад я была в Люцерне, мне определенно стукнуло в голову написать Вам. Почему не написала? Не знаю. Возможно потому, что месяцами не получала вестей от Вас и как-то не могла снова приспособиться к писанию писем, что теперь становится для меня пыткой в силу причин, вряд ли требующих объяснения.

Но едва прибыв в этот маленький тихий городок, выбранный мною в качестве нового местожительства, я получила Ваше письмо от 1 августа. Оно тронуло меня больше, чем можно выразить словами. Мой дорогой м-р Синнетт, если во всем этом мире когда-либо и существовал человек, которого я неправильно поняла, — возможно, потому, что никогда не обращала особого внимания всего лишь на одну черту его натуры, — *так это Вы*. Я никогда не сомневалась в Вашей великой преданности Махатме, Вашем неподдельном интересе к делу, хотя последний всегда оставался у Вас вроде бы и независимым от Т[еософского] О[бщества], причем не только в душе, и в то же время тесно с ним связанным. Но можно было оставаться навеки верным и Движению, и его главным силам и всё же уклоняться от любых дальнейших контактов с таким опозоренным, таким отвратительным на вид человеком, как я сейчас. Но Ваша личная доброта показывает мне, что я, как обычно, осел на этом плане существования, и что хорошо сделано то, что делают только Махатмы, и только то, что Они знают и

говорят, обоснованно и правдиво, а это, в конечном счете, всегда может выяснить тот, кто умеет ждать. Однако не буду терять времени и испытывать Ваше терпение личными излияниями. Я намереваюсь ответить на Ваше письмо, вопрос за вопросом.

Вы правы — я не видела «Кармы»³⁵ до того дня, как Вы послали ее мне, за что — большое спасибо! Я прочла ее, не отрываясь, от первой строчки до последней. Боялась, что она будет похожа на «Родственные души», в которых кусочки настоящей трепещущей плоти, вырванные из живых и реальных личностей, всунуты в *манекены*, рожденные воображением автора и вынужденные сходить за героев, «списанных с натуры». В «Родственных душах» герои представляют собой либо карикатуры, либо идеалы, красота и значение которых преувеличены до крайности, как, например, Колхаун (полагаю, Оскар Уайльд). В «Карме» прототип миссис Лэксби вовсе не приукрашен, а ее недостатки отнюдь не преувеличены. Вы взяли только реально существующие характерные черты словно из жизни, обойдя все наиболее бросающиеся в глаза недостатки *снисходительным* молчанием. Но только ли это «снисходительное молчание», дорогой мой м-р Синнетт? Боюсь, что Вы всё еще слегка очарованы. Ну что ж, уж лучше быть верным своим друзьям со всеми их недостатками, чем изменить свое мнение о них и отказаться или бросить их при первой же смене декораций. Это не для меня — сделать Вам выговор за постоянство, когда, возможно, именно этой Вашей черте я теперь обязана получением доброго письма, когда я знаю, до какой степени немыслимо для Вас считать меня совершенно безупречной *в вопросе мошенничества* — оставим мои собственные врожденные недостатки и, может быть, пороки.

Да, я отдаю себе отчет, как трудно было Вам говорить обо мне в Лондоне и особенно в Париже. Махатма всегда говорил: «Всё так, как должно быть, и он не может поступать иначе», а теперь мне приходится убеждаться в том, что Он был прав, а я, как обычно, ошибалась. Я могла бы рассуждать с Вами о «Карме» до завтра — до того она мне нравится; но есть другие, более важные для нас дела, о которых надо побеседовать; однако я всё же добавлю кое-что еще.

Д.Н[атх] просил «Карму» у Мохини; но Мохини теперь крупная фигура, и у него, вероятно, нет времени, чтобы заниматься всем, что его

³⁵ «Карма» — повесть А.П.Синнетта.

ни попросят сделать. Как бы то ни было, она у меня есть, и еще раз спасибо Вам за это. Вы принесете больше пользы фантастическими романами, в которых правда и *подобные факты* обнаруживаются в очевидной выдумке, чем такими трудами, как «Оккультный мир», каждое слово в котором рассматривается сейчас сведущими теософами как небылицы и галлюцинации соучастников.

Я — «объект постоянного внимания и пересудов» в ваших кругах. Жаль, что это так: ибо или доверие и дружба — или недоверие и возмущение; ни друзья, ни недруги никогда не познают всей правды. Так какой же толк? Положите руку на сердце, дорогой мой м-р Синнетт, и скажите: произнес ли кто-нибудь из моих врагов с прошлого (1884 года) мая ну хоть что-нибудь или хотя бы самое пустяковое обвинение, которое бы не было предварительно обмусолено ими в частной беседе или в газетных сплетнях и намеках? Единственная разница между теперешними обвинениями, выдвинутыми Куломбом — Паттерсоном — Ходжсоном, и теми, что предшествовали скандалу в Адьяре, заключается в следующем: тогда газеты только *намекали*, теперь они — *утверждают*. Тогда их удерживал в определенных рамках (однако слабо) страх перед законом и чувство приличия; *теперь* они перестали бояться и утратили всяческие представления о приличии. Взгляните на проф. Сиджвика. Он явно джентльмен и по натуре честный человек, справедливый, как большинство англичан. А теперь скажите мне, осмелится ли какой-нибудь неспециалист (мнение отцов Общества психических исследований, разумеется, ничего не стоит) утверждать, что *его печатное мнение* обо мне является *беспристрастным, законным или честным*? Если бы вместо *фиктивных* феноменов меня обвиняли в залезании в карман моих так называемых жертв или еще в чем-нибудь «поддельном», — а *выдвижение подобных обвинений за недоказанностью наказуемо по закону*, если они полностью не доказаны, — Вы думаете, у проф. Сиджвика найдется, на что опереться в суде? Конечно, нет. *Нет ни одного феномена, в отношении которого может быть доказано — на основании закона, если бы феномены представляли собой нечто признанное по закону, — что это сплошь обман от начала до конца.* Тогда какое он имеет право публично рассуждать (и *печатать* свое мнение) о моих *жульнических, мошеннических, нечестности и фокусах*? Не будете же Вы утверждать, что с его стороны честно, или порядочно, или даже *законно* злоупотреблять своим исключительным положением и характером затронутого вопроса, чтобы клеветать на

меня, или, если Вам так больше нравится, — я бы сказала, *обвинять* меня таким образом и позорить мое имя — на основании таких гнусных доказательств, как те, что они получают через Ходжсона? Единственное право, имеющееся у Общества психических исследований, — это право объявить, что, несмотря на все их исследования, они не получили никаких доказательств, подтверждающих, что феномены *были* совершенно подлинными; что есть серьезное основание предполагать, с научной и логической, если не с юридической точки зрения, что, возможно, имели место преувеличения в отчетах, подозрительные обстоятельства, свойственные их производству, и т.д. — но никоим образом не *умышленное мошенничество*, не обман и т.д. Их июльский отчет выставляет их всех — от Майерса и Сиджвика до их последнего поклонника — ослиами. В нем они смотрятся нелепо, самым смехотворным образом недобросовестно. Можете ли Вы после этого упрекать Соловьева и других русских теософов за их слова, что главным двигателем их ярости против меня является то, что я русская? Я знаю, что это не так; но их, русских, вроде Соловьева и одесских теософов, нельзя заставить рассматривать причину подобной вопиющей несправедливости в каком-либо ином свете. У них нет выбора между двух огней. Каждый непредубежденный человек, не лишенный ума, прочитав *отчет* и сравнив текст на стр. 452 и 453, должен сказать, что те, кто его составили и отредактировали, либо движимы слепой, дикой личной ненавистью и предубеждением, либо они — **ослы**.

Прочтите, пожалуйста, и если Вы не смогли в силу какой-то непостижимой причины заметить этого раньше, — оцените теперь. На стр. 452 (см. абзац 5-й) проф. Сиджвик сделал заявление об их категорическом отрицании «какого бы то ни было намерения обвинить полковника Олькотта в умышленном обмане». Вслед за этим возникает вопрос о конвертах, в которых было обнаружено то, что написано Махатмами, и которые *могли* быть предварительно вскрыты мною или другими. Письма от Учителей, полученные в Адьяре в то время когда я была в Европе, *«могли»* быть «во всех случаях» подстроены Дамодаром, и т.д., и т.п. Исчезновение письма, присланного с парохода «Вега», легко может быть объяснено наличием вентиляционного проема *рядом* с комнатой Бабулы — проема, который, между прочим, если Вы помните, заколочен и плотно закрыт (стены и проем) моим большим ковром, и т.д., и т.п. Но предположим, что письмо с парохода «Вега» *мошеннически заставили* «испариться» в Бомбее. Как же тогда м-р Ходжсон, Майерс и

К^о объяснят его немедленное, мгновенное появление в Хауре (Калькутте) в присутствии миссис и полковника Гордонов (миссис Миллер и капитана из «Кармы»?) и нашего полковника [Олькотта], если упомянутый полковник столь очевидно *безупречен*, что главари Общества психических исследований сочли себя обязанными принести ему публичные извинения? Ясно одно: либо полковник Гордон, либо миссис Гордон, либо полковник Олькотт — один из них был в это время моим сообщником, или же они, кумиры Общества психических исследований, строят из себя дураков. Несомненно, ни один нормальный человек, способный здраво рассуждать и знакомый с обстоятельствами дела «Веги», или случаем с разбитым гипсовым портретом, или с письмом Хюббе-Шляйдена, полученным на германской железной дороге, когда я была в Лондоне, и очень многими другими фактами, — никогда не осмелится расписаться в том, что он осёл, заявив, что тогда как *я законченная мошенница и все мои феномены трюки*, полковника следует обвинить просто-напросто в «доверчивости и неточности при наблюдениях и умозаклечениях»!!

Как это надо понимать — как образец ценности научных исследований великого Общества психических исследований, которое восседает в *Ареопаге* над смиренными теософами? Ах! джентльмены из теософского жюри из Лондона и особенно из Адьяра, как легко смогли бы вы взбить *омлет* из своих кембриджских *тузов*, почувствуй вы себя столь же исполненными презрения к *ученому* обществу «научных» исследователей, сколь полна им с самого начала я, вместо того, чтобы почтительно взирать на него как на оракула XIX века в вопросах психики! Мохини, должно быть, потерял голову, не *разбив* психистов на месте.

Уже эти две страницы точно содержат полное осуждение Общества психических исследований; и их самих по себе достаточно, чтобы разоблачить тех перед любым людским судом присяжных как предубежденных, недобросовестных судей, не годящихся для того положения, которое они себе присвоили. Они достойны своего «эксперта по каллиграфии» м-ра Незерклифта или как бишь там его научное имя. «Баркис не прочь»³⁶ признать, дорогие ученые друзья, что «Разоблаченная Изида» и все лучшие статьи в «Theosophist», как и

³⁶ «Баркис не прочь»... — Выражение взято из романа Ч.Диккенса «Давид Копперфилд».

каждое письмо от обоих Махатм — на английском ли, французском, телугу, санскрите или хинди, были написаны Е.П.Блаватской. Она готова поверить в то, что более 20 лет, «не будучи даже медиумом», одурачивала самых интеллектуально развитых людей века в России, Америке, Индии и *особенно в Англии*. При чем тут *подлинные* феномены, когда сама автор тысячи фиктивных проявлений, открыто объявленных перед всем миром, — такой живой, воплощенный феномен, чтобы проделывать всё это и гораздо больше? Ведь потребовались только мадам Куломб и дюжина немытых, дурно пахнущих шотландских и американских *падре*, поддержанных такими умными специалистами и исследователями, как кембриджские *тузы*, чтобы нарушить работу всего механизма. Пусть м-р Ходжсон уличит меня хоть в *одном-единственном случае*, открытом ему мадам Куломб, который не был бы уже запланирован и на который раньше не намекали бы индийские и американские газеты, и тогда я склоню свою униженную голову. Бедняги даже не испытали трудности изобретения чего-нибудь новенького. Инцидент с брошью в Симле обсуждался *ad pauseam* [до отвращения — (лат.)] 4 года назад лахорскими и бомбейскими газетами, которые стали их пророками — *бессознательно*. Она штудировала и хранила газеты годами. Она начала строить планы предательства в 1880 году, с первого дня, как она с мужем прибыла в Бомбей, оба босые, без гроша и голодные. Она предложила на продажу *мои секреты* преп[одобному] Бауэну из «Bombay Guardian» в июле 1880 года, а в действительности продала их преп. Паттерсону в мае 1885 года. Но этими тайнами были «открытые письма» за многие годы.

С какой стати мне жаловаться? Разве Учитель не оставил на мое усмотрение либо следовать велению Владыки Будды, который предписывает нам суметь накормить *даже голодную змею*, презрев всяческий страх, чтобы она не повернулась и не укусила кормящую ее руку, либо смело встретить *карму*, которая, несомненно, покарает того, кто отворачивается от зрелища греха и страдания или оказывается неспособным помочь грешнику и страдальцу. Я знала ее и делала всё возможное, чтобы ее не возненавидеть, и так как в последнем я всегда терпела неудачу, то старалась возместить это предоставлением приюта и еды гнусной гадине. Я имею то, что заслуживаю не за те грехи, в *которых меня обвиняют*, а за те, о которых *никто* — кроме Учителя и меня — не знает. Значительней ли я или, во всяком случае, лучше ли, чем были Сен-Жермен и Калиостро, Джордано Бруно и Парацельс и еще

многие-многие другие мученики, чьи имена появляются в энциклопедиях XIX века под «похвальными» титулами *шарлатанов и самозванцев*? Это будет карма слепых и злобных судей — а не моя. В Риме Дарбхаджири Натх ходил в тюрьму Калиостро в форте *Сан-Анджело* и пробыл в этой гнусной темнице больше часа. То, что он там делал, могло бы дать м-ру Ходжсону повод для еще одного *научного* отчета, сумеет он только исследовать этот факт.

Нет, это не «проводимая Братьями политика сокрытия такого доказательства... их существования», а политика Маха Когана и карма Махатмы К.Х. Если Вы ни разу не задумывались о том, что может быть причиной Его страдания на протяжении *человеческих* периодов Его состояния Махатмы, то Вам необходимо еще кое-чему поучиться. «Вас предупредили», — сказал Ему Коган. — И Он ответил: «Да». И всё же Он говорит, что рад, что Он пока еще никакой не меджнур, не засушенное растение, и, доведись Ему страдать снова и снова, Он по-прежнему станет делать то же самое, ибо ему известно, что истинное благо для человечества произошло из всего этого страдания и что такие книги, как «Эзотерический буддизм» и «Карма», не были бы написаны, если бы Он не общался с Вами, если бы мне не давались приказы делать то, что я делала, — иногда, возможно, и бестолково. Это собственные слова Махатмы К.Х.

Нет, Он не оказывается «сразу же в Париже» — кроме как в течение часов Его состояния Махатмы. Его Дэвакхан — пока еще далек, и люди могут услышать о Нем, когда ожидают этого меньше всего. Я совсем не вижу Его и не слышу о Нем, в последнее время Д.Н[атх] *видит и слышит*. Но я знаю, что говорю, хотя и не получаю приказов сообщать это кому бы то ни было. Помните только, что Он страдает больше, чем, может быть, любой из нас. И Вы не подозреваете, насколько правы, говоря, что «Он как любил, так и будет искренне меня любить. Да что там, даже больше, чем я люблю Его», ибо даже Вы никогда не сможете любить Его так же, как Он любит Вас — *ту частицу рода людского, которая делала всё возможное, чтобы помочь и принести пользу человечеству* — «великому сироте», о котором Он рассуждает в одном из своих писем.

То, что Вы говорите о соответственных положениях, в которых находятся европейское и индийское Теософские Общества, — совершенно верно. Олькотт со всеми своими прекрасными качествами стал — особенно в последнее время и под *новыми* влияниями, о которых

я не буду распространяться, — настоящим скопищем тщеславия и глупости. Это он проделывает *бессознательно*. Он говорит, что им не будет руководить никто, кроме Учителя, — Учитель же отказывается руководить им кроме как в чрезвычайно важном деле, не имеющем никакого отношения к личной *карме* или *карме* Общества. В результате — полнейшая чепуха. Il pose pour le martyr [Он изображает из себя мученика. — (фр.)]! Бедняга, он ослеплен, искренне веря, что *спасает* Общество, **дело** — как он выражается, и в последнее время ведет политику умиротворения Молоха общественного мнения, осторожно признавая, что я, *возможно*, добавляла время от времени *фиктивные* феномены к *настоящим*! что временами я страдаю от *психического расстройства*, и т.д. Он достаточно нелеп в своей неподдельной и безупречной, хотя и всегда твердолобой честности, забывая, что признанием, даже в таком виде, *того, что, по его мнению, наверняка есть обман*, он признаёт себя первым и главным соучастником этих якобы фиктивных феноменов. Но об этом слишком долго писать. Когда я увижу Вас — как бы мне этого хотелось! — то расскажу много странного.

Вспомните только, что еще в Эльберфельде я уже рассказывала Вам то, чт'о сообщил мне Учитель. Он не годится вести за собой Общество кроме как номинально, потому что *Общество опередило его в развитии*. Пусть остается номинальным президентом, но пусть мы, *действующие* президенты, — один в Индии, второй в Европе, *третий* в Америке — начнем работу с этой целью. Только Вам следовало бы стать президентом *во главе* всех европейских Обществ, *причем пожизненно* — да и кто же еще вообще может быть избираемым на год президентом Лондонской ложи или Парижского или Германского Теос[офского] Общества? Таково желание моего Учителя — я знаю это.

Что касается меня, то я твердо решила оставаться *sub rosa* [конфиденциально — (лат.)]. Я могу сделать гораздо больше, оставаясь в тени, чем став известной и еще раз оказавшись в центре событий. Дайте мне укрыться в неведомых местах и писать, писать, писать и учить каждого, кто хочет учиться. Так как Учитель заставил меня жить, дайте мне теперь жить и умереть в относительном покое. Очевидно Он хочет, чтобы я по-прежнему работала для Т[еософского] О[бщества], так как не позволяет заключить контракт с Катковым, — который приносил бы ежегодно, по крайней мере, 40 тысяч франков, — чтобы писать исключительно для его журнала и газеты. Он не пожелал разрешить мне

подписать такой контракт, когда мне его предложили в прошлом году в Париже, и не позволяет этого теперь, потому что, говорит Он, мое время «придется занимать другим». Ах, жестокая, отвратительная несправедливость, обрушившаяся на меня со всех сторон! Представьте себе: чудовищной клевете «С.С.М.» и Паттерсона, который заявил, что я *пыталась выманить* у м-ра Джейкоба Сэсуна 10 тысяч рупий в том деле в Пуне, позволено было пройти неопровергнутой даже Кхандавалой и Иезекиилем, которые знают так же, как они уверены в своем существовании, что это особое обвинение является, по меньшей мере, самой гнусной, лживой клеветой; какова бы ни была значимость феномена Рамы Синга! Почему же это мои лучшие друзья позволяют так поливать меня грязью? С какой это стати отчет *Комитета Защиты* был запрещен, а *Олькотт объявил в печати* о его задержке? Разве это, как выражается Паттерсон, не прямое признание того, что Комитет совершил ошибку: признав меня в конечном счете *виновной*, он прекратил таким образом защиту? Кто из людей знает, что после того как я более 10 лет работала для Общества и отдала жизнь его прогрессу, меня вынудили покинуть Индию — *нищей*, буквально нищенкой, зависящей от щедрости «Theosophist» (моего собственного журнала, учрежденного и созданного на мои собственные деньги!) во всем, что касается каждодневных средств к существованию. Я предстала *корыстной* самозванкой, *мошенницей* ради денег, в то время когда я никогда не просила и не получала ни одного пай³⁷ за свои феномены, притом, что пожертвованы тысячи из моих собственных денег, заработанных статьями на русском языке, когда в течение пяти лет я отказывалась от гонорара за «Изиду» и от дохода от «Theosophist», чтобы поддерживать Общество. А теперь мне великодушно выдают ежемесячно 200 рупий из этого дохода, чтобы спасти от голодной смерти в Европе, и Олькотт упрекает меня за это *почти в каждом письме*.

Таковы *факты*, дорогой мой м-р Синнетт. Если бы беднейшее в Индии Общество — или, вернее, четыре члена этого беднейшего Общества в северо-западной провинции — узнав, что я, замерзшая и без гроша, высадилась в Нанте, не прислали мне каждый *свое жалованье за два месяца* (всего 500 рупий) — я не смогла бы приехать сюда. Ни одному из индусских Обществ не позволяют узнать о моем истинном

³⁷ *Паи* — мелкая индийская монета.

положении. Правду и факты скрывают от них, чтобы они не взбунтовались и не выразили свои гневные чувства полковнику. Когда они начинают слишком громко требовать меня, им говорят, что это я отказываюсь вернуться!! И только теперь они начинают прозревать правду. К счастью, Катков прислал 4 тысячи франков, которые был мне должен, и сейчас, когда у меня на некоторое время всё в порядке, я отошлю обратно 500 рупий, потому что все те четверо — бедные люди. Простите, что говорю всё это и выставляю себя такой эгоисткой. Но это прямой ответ на гнусную клевету, и будет всего лишь справедливо, что теософы в Лондоне узнают об этом, чтобы дать им возможность замолвить словечко в мою защиту. Соловьев так возмущен, что подал заявление в Общество психических исследований об отставке. Он написал длинное письмо Майерсу, и теперь последний отвечает ему, упрасивает и умоляет не быть столь суровым к ним и не отказываться от должности, а еще спрашивает его, утверждает ли он по-прежнему, что виденное им в Эльберфельде не было галлюцинацией или мошенничеством; и в заключение просит его приехать и встретиться с ним в Нанси, где он докажет ему мою *вину*! Соловьев заявляет, что так как он, подобно многим другим, поставлен их *отчетом* перед выбором признать себя либо ненормальным, либо сообщником, то он рассматривает это как *пощечину*, прямое оскорбление и отвечает Майерсу, *требуя*, чтобы его письмо непременно было опубликовано, а заявление об отставке обнародовано. Он собирается задержаться здесь, в Вюрцбурге, у меня на месяц или около того со своей женой и ребенком. В Париже и Петербурге тоже есть такие, кто намереваются отказаться от членства в Обществе психических исследований.

Да, именно пичканье Олькоттом кембриджских психистов его переживаниями и его отвратительное, наглое появление с Буддой на колесиках на заседании Общества психических исследований навлекло на всех нас это мучение. Хотя *он это и отрицает*. Он, на самом деле, в Индии утверждает, причем мне в лицо, что я единственная причина этого, что именно мой визит в Европу вызвал всё это. Что ж — пусть так.

Нет, вы ошибаетесь, если думаете, что это Учителя хотят, чтобы люди считали меня виновной. Напротив; хотя у Них нет возможности помочь мне непосредственно, ибо Они не смеют вмешиваться в мою карму, Они к тому же и не должны желать видеть, что меня защищают все те, кто честно считает меня невиновной. Те, кто так считают, только

помогают *своей* карме, те, кто не считают, — пятнают ее. Верьте мне, каждая такая защита Ими записывается. Что Им требуется, так это только показать, что феномены без понимания философских и логических условий, их вызывающих, — фатальны и всегда будут оборачиваться катастрофой. Но с какой стати мне рассказывать всё это Вам, когда ваш «барон Фридрих» дословно повторяет всё произнесенное Учителями! Вы знаете или Вам следовало бы знать, чего Они действительно хотят, и даже уразуметь истинную природу законов. Всего лишь правильно и справедливо, что я или любой другой отдельный человек, преданный делу, с радостью и добровольно пожертвует собой или в любом случае согласится, чтобы его принесли в жертву ради блага многих. Но это в общих чертах и не имеет или, скорее, не может иметь никакого отношения к деталям.

Это правильно, что я должна быть готова стать козлом отпущения ради блага и развития Теос[офского] Общества, отказавшись от участия в Движении, чтобы не слишком сильно раздражать «дикого быка».

Но какую пользу могу я принести делу, допустив, чтобы меня считали наемником, гнусным негодяем, позволив клевете Паттерсона и Ходжсона оставаться неопровергнутой? Я причиню ему несомненный вред. Но именно так поступают Олькотт и многие другие, ограничиваясь полумерами, делая вид, что признают мою вину возможной, причем вполне возможной, и даже скрывая от «Theosophist» *обращения с выражениями симпатии* мне и осуждения клеветующих на меня, присланные мне парижскими и одесскими теософами, а также Германским отделением. Какое они имеют право утаивать эти обращения, присланные в Адьяр для опубликования в нашем журнале, Драммондом и мадам де Морсье, генералом Коугеном и Цорном, Хюббе-Шляйденом и другими? Пока мои враги рвут меня на куски, люди в Адьяре играют в «прятки»: они притворяются мертвыми — о! ничтожные, жалкие трусы!! Обратите внимание — это не индусы, что бы Вам там ни говорили. Я докажу Вам с помощью множества писем, что они первые введены в заблуждение. Уверяю Вас, я страдаю больше от теософских *предателей*, нежели от Куломбов, Паттерсона или даже Общества психических исследований. Если бы все Общества держались вместе как один человек; если бы было единство вместо личных амбиций и пробужденных страстей, — весь мир, сами Небеса и Ад не

смогли бы нас одолеть. Принесите в жертву *меня*, я готова, но не губите Общество — любите его и дело.

Как это может быть, что ни один из вас не ухватился за вопиющую, очевидную несправедливость и, я бы сказала, за то, как *нелепо*, по-идиотски были проведены психические исследования? Когда и где Вы слышали о приговоренном *подсудимом*, которому не дали возможность сказать хоть слово? Какое они имеют право признавать письма Куломбов *подлинными*, если мне не позволили даже взглянуть на какое-либо одно из этих писем? Ходжсон получил их в Мадрасе. Когда он ежедневно приезжал обедать, есть и пить в Адьяре, они лежали у него в кармане. Показал он мне когда-нибудь хоть одно из них? Ясно: пользуясь тем, что я почти умирала и не могла покинуть свою комнату, он, должно быть, ежедневно приходил к Купер-Оукли и, несколько раз поднимаясь наверх навестить меня, *ни разу* даже и не пытался предоставить мне хоть какую-нибудь возможность. Было бы неправдой утверждать, что Ходжсон не «ловил рыбку в мутной воде» или не «собирал тайно» свои доказательства, — ибо он делал и то, и другое. Правда, его «неблагоприятная оценка данных была передана ведущим теософам» — то есть м-ру и миссис Оукли и некоторым другим, но *никоим образом не мне*. Это я сама сразу разоблачила его, когда в Адьяре еще никто и не помышлял о том, что он пошел против нас. А не разоблачи я всего этого (по велению Учителя, который показал мне Ходжсона в Бомбее и дал возможность прочитать его мысли в то время, как я была неподвижна и умирала на своем одре), деятельность Ходжсона осталась бы «тайной».

Спросите миссис К[упер]-О[укли], не так ли это было; и она смеялась надо мной, называла дурочкой и т.д., когда я неожиданно сказала им, что м-р Ходжсон ополчился против нас. Спросите ее, и даже сам Ходжсон знает об этом.

Не увидев *писем*, я, конечно, не могу помочь Вам найти хоть какой-нибудь ключ к разгадке этой тайны. Я *знаю*, как это было сделано. Но не могу доказать этого иначе, чем показав, как мой почерк появился на моей собственной визитной карточке на сеансе Эглинтон у «дяди Сэма», — что толку говорить об этом? Разве это не был *идентичный* моему почерк на той карточке? И всё же Вам известно, что это было сделано не мной. Почерк Алексиса Куломба естественным образом похож на мой. Мы все знаем, как однажды Дамодар был введен в

заблуждение написанным *моим почерком* распоряжением подняться наверх и поискать меня в моей спальне в Бомбее, когда я была в Аллахабаде. Это была шутка месье Куломба, который решил, что весьма забавно обмануть его, челу, — и подготовил некое подобие меня, лежащей на постели, и, поразив Дамодара, 3 дня смеялся над ним. К сожалению, эта записочка не сохранилась. Она не предназначалась ни для каких феноменов, а была просто «забавной шуткой» Куломба, которых он позволял себе множество. И если он смог так хорошо подделать мой почерк в записке, то почему бы ему не копировать (у него было 4 года, чтобы подготовиться и проделывать это) каждый клочок и записку, написанные мною для мадам Куломб, на той же самой бумаге и делать любые вставки, какие ему только вздумается? Доказательством тому служит тот факт, что она готовилась к предательству еще с 1880 года.

Еще один факт: когда Субба Роу написал мне в Париж, чтобы я хорошенько всё припомнила и сообщила ему, писала ли я ей когда-либо какие-нибудь компрометирующие письма, потому что если да, то было бы лучше купить их у нее за любую цену, чем позволить ей погубить мою репутацию и, возможно, Т[еософское] О[бщество], — я ответила ему (в мае 1884 года), что *никогда не писала ей ничего такого*, что боялась бы увидеть опубликованным; что *она лжет* и может делать, что ей заблагорассудится. Думаю, что это веское доказательство того, что я никогда не писала ничего подобного. Иначе и в самом деле, если бы я могла забыть, что и 3 месяцев не прошло, как я дала ей *письменное указание* обмануть м-ра Джейкоба Сессуна в Пуне, — то у Олькотта были бы все основания утверждать, что я страдаю «психическим расстройством», что я «душевнобольная»! У Субба Роу есть мое письмо, написанное в ответ на его из Парижа. Это «авторитетное заявление» (разумеется, для меня, а не для психистов), которым я *располагаю*. Я видела Куломба сидящим за его столом и переписывающим один из таких написанных мною обрывков в сцене, показанной мне Учителем в астральном свете. Вы думаете, моему заявлению поверят? Тогда всё это ни к чему. Куломбы и Паттерсон боялись показать мне эти письма и дать возможность *взять их в руки*, потому что *они верят и знают, что могут сделать Учителя*; они *страшатся могущества тех, кого они якобы считают моим изобретением*. Иначе зачем бы им понадобилось выжать из Ходжсона обещание не давать мне в руки те несколько писем, что он получил от них? Спросите его, выясните, почему он никогда не

показывал их мне? Почему он даже никогда не говорил мне, что получил их? Это *серьезный* факт, более *серьезный*, чем кажется на первый взгляд.

Я разрешаю Вам делать с **рукописью** (что-то вроде моей необыкновенной биографии), озаглавленной «Госпожа Блаватская», — всё, что пожелаете. Миссис Холлоуэй устроила мне скандал (спросите мисс Арундейл и Мохини) из-за того, что я просила Вас просмотреть, исправить и опубликовать ее. Она высмеивала меня и называла дурой, заявляя, что я добровольно уступила Вам то, что принесло бы мне славу и деньги; что раз Вы заполучили ее, то *никогда мне не вернете*, а воспользуетесь ею и опубликуете ее *в какой-нибудь Вашей новой книге*. Ах, она действительно наговорила о Вас столько «лестного» в тот день — за несколько дней до своего отъезда. Мне было омерзительно, но я смолчала. Пожалуйста, оставьте ее себе и примите как подарок, если когда-нибудь сможете использовать. Я никогда не буду иметь к ней никакого отношения, поэтому дарю ее Вам навсегда и до конца, чтобы либо воспользоваться ею, либо отдать миссис Синнетт на папильотки.

Не думаю, что Олькотт и в самом деле когда-нибудь посетит Америку, — не опасайтесь этого, ибо он слишком боится своей противной жены и ее нового мужа. Ваша идея очень хороша. Надеюсь, что увижу Вас до того, как Вы отправитесь в путь.

Ну, мне кажется, я написала целый том. Извините, пожалуйста, но Вы же знаете, я не могу выражать свои мысли сжато, как Вы.

Тысяча поклонов и добрых пожеланий миссис Синнетт и всем друзьям. Не забывают старую «вюрцбургскую изгнанницу»,

всегда и навеки Вашу

Е.П.Блаватскую.

ПИСЬМО 47

Пятница [27 августа 1885 г.]

6, Людвиг-штрассе, Вюрцбург

Ваше письмо из Эльберфельда требует большего, чем почтовая открытка и короткая телеграмма. Получили ли Вы и то и другое, или что-то одно, или не получили ничего? Ибо если это не *дугна*, то вокруг меня, кажется, витает нечто роковое, что чинит препятствия письмам, сбивает всех с ног и вообще ставит всё с ног на голову у тех, кто еще не совсем от меня отвернулся.

На прошлой неделе я написала Вам письмо на 24 или более страницах. В нем содержались важные сведения. В четверг, 20 августа, я получила письмо от миссис Синнетт, написанное в «Гранд-отеле» в Брюсселе. Она сообщает мне — оно сейчас передо мной, — что если я отвечу ей немедленно, то письмо застанет ее в Антверпене, где вы остановитесь в «Гранд-отеле» до субботы. Так как письмо у меня было готово, то я отправила его не мешкая, адресовав А.П.Синнету, эсквайру, «Гранд-отель», Антверпен (Бельгия). Вы должны были бы получить его на следующий день. Где же оно? Неудивительно, что Вы, наверное, *поразились*, не получив от меня в ответ «строчку-две», когда все мои письма пропали! Ну, конечно, Соловьев пошел на почту с Дарбхаджири Н[атхом], когда его забрали.

Я не понимаю, почему это из-за моей тетушки задержится Ваш приезд? Днем она спит, а всю ночь разговаривает со мной. Вы, как любой другой, поиграете с ней в солнце и луну, и, возможно, она окажется полезной Вам в некоторых делах. То же самое и с Соловьевым. Он написал Майерсу длинное письмо и подал в Общество психических исследований заявление об отставке, как поступил бы любой человек, которому они предоставляют на выбор признать себя либо страдающим галлюцинациями дураком, либо моим сообщником. Есть еще двое русских, которые, я слышала, выйдут из этого научного общества. Теперь Майерс пишет длинное письмо Соловьеву, умоляя его *не отказываться от должности* и спрашивая, утверждает ли тот по-прежнему, что видел Учителя в Эльберфельде, как и г-жа Глинка и все остальные. Соловьев отвечает, что *видел*, и настаивает на своей отставке и опубликовании своего письма-протеста.

И вот что я Вам скажу, м-р Синнетт. Можете говорить что угодно, но ваши кембриджские тузы поступают не так, как подобает честным людям. Когда я увижу Вас, объясню гораздо больше, да и у Соловьева есть много что Вам рассказать. Я не могу еще раз повторить 24 страницы письма к Вам. Надеюсь, что Вы получите его и тогда будете в курсе дела. Спасибо за «Карму»; мнение о ней высказано в том же письме. Гостиница Рюгмера находится поблизости, там очень дешево и вкусная еда. Соловьевы там. Они останутся со мной еще на месяц. Однако видимся мы очень мало, так как у нас обоих много работы.

Огромный привет миссис Синнетт!

Преданная Вам навеки

Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 48

2 сентября 1885 г.

6, Людвиг-штрассе, Вюрцбург

Дражайшие мои м-с Синнетт, м-р Синнетт и К°!

Нет, милый мой *пессимист*, смею Вас уверить, что Ваш визит никоим образом не будет «испорчен», так как я *не буду* ни «сердита или занята», ни *больна*, во всяком случае, не больше, чем обычно; и даже не «в окружении» моего *двора*, ибо чтобы быть до такой степени окруженной, требуется двор, а если внезапно заходят один-два друга, а я вынуждена признать, что у меня еще осталось *несколько друзей* в этом мире, то это всё, чего я могу ожидать от судьбы и кармы, которые нашли таких *непрофессиональных* вешателей и палачей, выражающих желание выполнить грязную работу, как Майерс, Ходжсон и К°. Следовательно, будьте уверены, что, вероятно, ничто и никто не испортит «удовольствия», которое Вы, как Вы любезно выразились, давно предвкушали, если хоть кто-нибудь в этом мире майи еще может находить какое-нибудь удовольствие в компании такой старой развалины, как я теперь.

29-го, если это была последняя суббота, я сидела с Соловьевым за своим самоваром, и он спрашивал, когда я в последний раз получила известия от фрау Гебхард или кого-нибудь из этой семьи. Я сказала, что получила весточку от герра Гебхарда в ноябре прошлого года в Каире, и

у нас состоялся *не слишком приятный* для меня разговор, во время которого я убедилась, что наши дорогие эльберфельдские друзья *отказались* от меня, и просто ответила, что если от меня отказались, то это моя собственная вина в сочетании опять же с кармой. И всё же зная то, чт'о я *действительно знаю* (и Вы это узнаете, когда я увижу Вас), я помалкивала и не сказала ничего; только не могла не чувствовать себя очень печальной и хранила молчание, как вдруг увидела совсем тусклые тени, и мои воспоминания перенесли меня назад, в «оккультную комнату» наверху и мою больничную палату, и Учитель сказал мне (я не видела Его, только слышала Его голос), что я очень *неблагодарная*, — и *дзинь-дзинь*. Чьи это были тени, я не могу сказать, потому что не узнала ни одну из них, — это произошло очень быстро, но у меня было сильное ощущение любви и сожаления о фрау Г[ебхард] и мысль об Эльберфельде. Возможно, **тот**, кто произносил слова, либо астрально проявился в Нем самом, либо послал одного из своих людей. Это все, что я знаю.

Мисс Арундейл собирается отказаться от членства и, по ее словам, еще несколько членов тоже.

Бедный Гартман. Он негодяй, но отдал бы жизнь за Учителей и оккультизм, хотя и добился бы гораздо больших успехов с дугпа, чем с нашими людьми. Он как черепаха: один шаг вперед и два назад; со мной он сейчас, похоже, очень дружелюбен. Но *я не могу* доверять ему. Перед уходом он сказал всем нам о миссис К[упер]-Оукли, что ее *повесить мало*, а теперь пишет ей письмо аж на восьми страницах. Нет человека, схватывающего оккультные идеи быстрее, но нет человека, менее способного уразуметь их духовно. То, что он говорит об Олькотте и Обществе, достаточно верно, но почему это он так *язвителен* при высказывании суждений? Говоря об О[лькотте], могу только сказать: бедный, *бедный* Олькотт; никак не могу перестать любить его, того, кто десять лет был моим преданным другом и защитником, моим *товарищем*, как он выражается. Но я в состоянии только пожалеть человека, настолько тупого, чтобы инстинктивно не понять, что если мы были *теософскими близнецами* в дни нашей славы, то в такое время вселенского гонения и ложных публичных обвинений «близнецы» должны быть вместе так же, как вместе возвышались, и что если он меня называет — во всяком случае, наполовину *признаёт* — *мошенницей*, то он должен быть таким же. Не знай я, что Учителя всё еще наблюдают за ним и **Учитель** защищает его, я бы поклялась, что им

овладели дугпа. Только вообразите, что он написал мисс Арундейл, барону Гофману и многим другим, которых я могла бы назвать поименно, что я была *сумасшедшей* (в истинном смысле этого слова), и притом много лет; что я, возможно, иногда бывала виновной в фиктивных феноменах в моменты помрачения ума, и т.д., и т.п.! *Виновна в одном, виновна во всём.* Ах, бедный, бедный дурачок, своими собственными руками роющий пропасть под Теософским Обществом!

На этом до свидания. Передайте мой сердечный привет всем, кто может его принять, и прежде всего вам двоим. Боваджи *в высшей степени* счастлив, Мохини и он плакали от радости. Со вчерашнего дня в моем так долго страдавшем сердце мир и покой и царствие небесное, так как я вижу возле себя мою бедную старую тетюшку, мисс А[рундейл], Мохини. Наилучшие пожелания и сердечный привет!

Всегда Ваша

Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 49

Среда

Мой дорогой м-р Синнетт!

De mieux en mieux! [Всё лучше и лучше! — (лат.)] Прилагаю письмо Олькотта с копией письма Лейна-Фокса — которого его карма да погребет под своими развалинами! Это выдумка Хьюма. Продать мой «Theosophist»? Почему бы не *продать* сразу и меня, и Общество, если мы превратились в столь ходкий товар?

Я немедленно телеграфировала: «Категорически отказываюсь продавать “Theosophist”» — в Адьяр и тотчас послала знаменитые 3 фунта 16 шиллингов или около того. Теперь я намереваюсь бороться не на жизнь, а на смерть, и заклинаю Вас *именем Учителя* время от времени помогать хорошими статьями моему несчастному журналу — *детищу моего сердца*.

Находящийся сейчас в Лондоне Хьюм, конечно, *строит козни* и плетет интриги кое с кем из Лондонской ложи — с миссис Кингсфорд, с которой он состоит в *пылкой* переписке, будучи влюбленным в нее заочно, с нашим другом миссис К[упер]-О[укли], обязанной ему за деньги на дорогу сюда; с тем, с другим, с третьим. Я *действительно*

думаю, что с Вашей стороны было бы более дипломатичной и лучшей политикой встретиться с ним, если он сможет. Но потом он сказал, что «презирал Вас за Вашу *доверчивость*» в Адьяре. Ну что ж, в той части небосклона, где он, тучи очень черны — поскольку он неразборчив в средствах, берет за ложь очень дешево, когда она отвечает его целям, он еще тот иезуит, когда нужно. Наша карма, спаси нас!

Получила письмо миссис Синнетт от 12-го числа, в котором говорится, что я ей не писала. Да ведь я послала ей и Вам грандиозное письмо, *общее*, после получения марок и Ваших книг, и одно Вам. И теперь мне не терпится узнать, получила ли миссис Синнетт это мое письмо о *секретных* делах в *большом голубом конверте*? Сообщите мне, пожалуйста, с обратной почтой. Я ни в коем случае не хотела бы его потерять.

Бедный Падшах! Все его усилия, напряжение, его священные обеты — всё, всё пропало, потому что его *пятый* принцип так развит и тащит его в Кембридж, в то время как *шестой* дремлет, полуслепой и не способный **воспринимать** Учителя. Бедный мальчик! Ну почему люди не могут отделить жалкую меня от Учителей, почему бы им не презирать, не отвергать меня, не изрыгать проклятья в *мой* адрес, но оставаться верными и преданными самой **истине**?! Мне действительно грустно, ибо даже те, кто добродетельны, все-таки отступают.

Послала Вам двадцать франков: десять дал мне Тедеско, остальные десять — на «Пять лет теософии». Попросите Мохини купить и прислать мне эту книгу, так как Гартман забрал свою *подшивку* (пять томов) «Theosophist», и я теперь поистине «*бестеософна*».

Ну, чтоб закруглиться, у меня был веселенький приступ сильнейшего сердцебиения, который чуть не унес меня недавно ночью, — карма разговоров с утра до ночи в течение недели с 6-7 посетившими меня людьми. В полночь Хюббе-Шляйден привез врача, и с помощью морфия и дигиталиса, всеми правдами и неправдами ужасные удары сердца, которое, казалось, взбесилось, были прекращены. Но я счастлива сообщить, что имеет место чудовищное расширение (или увеличение?) сердца, которое должно и *непрерывно* одолеет меня.

Пребывающая в этой сладостной надежде, вечно Ваша

Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 50

9 октября

6, Людвиг-штрассе, Вюрцбург

Дражайшая миссис Синнетт!

Прежде всего тысяча благодарностей Вашему деспоту за его 4 книги и 10 тысяч благодарностей за марки! Это *доставит* удовольствие старой тетушке. Покончив со светлой стороной жизни и должным образом возблагодарив Провидение в лице двух ваших величавых персон, я вынуждена вновь обратиться к ее темной стороне. А на этом направлении «избыток богатства» становится обременительным, поэтому даже не знаю, с чего начать. Однако полагаю, Вы слышали о первой пощечине, полученной мною в Адьяре?

Не спросив меня, они, видимо, распорядились моим «Theosophist» и выкинули мое имя даже с его титульного листа. *Раз так* — и если сообщение Ниварана станет тому подтверждением, тогда с меня и в самом деле хватит! Никогда больше ни строчки из-под моего пера не выйдет в журнале, *моей кровной собственности*, которую у меня так бесстыдно отобрали, — а это, помимо всего прочего, самоубийственно, причем более, чем запрет на памфлет «Защита». Теперь общественность и враги заявят: «Госпожу Б[лаватскую] и в *самом деле* выгнали из Общества — у нее забрали даже редакторство и право собственности на ее журнал. *В Адьяре ее вина полностью признана*». **Аминь.**

С тех самых пор как Д.Н[атх] вернулся домой, надо мной нависла черная туча, и она так и не рассеялась еще и потому, что в течение 5 или 6 дней мне не выпало и получаса, чтобы поговорить с ним.

Прибытие д-ра Г[артмана] послужило сигналом к приезду профессоров Селлина, Хюббе-Шляйдена и двух моих дорогих Шмихенов, и на целую неделю в моей квартире развернулась *ярмарка*. Я была зла, как черт. Мне пришлось уступить Гартману мою (собственную) комнату и проспать 6 ночей подряд на диване в своем кабинете. Магнетизм этого человека вызывает дурноту, его *лживость* омерзительна, его клевета на Хюббе-Шляйдена и его козни просто необъяснимы, если не оправдывать это тем, что он либо маньяк, практически не несущий ни за что ответственности, либо позволил овладеть собой духу своего собственного дугпа. Он *чрезвычайно дружелюбен* со мной — и всё время старался делать мне всякого рода пакости. Сообщил мне, что

переписывался с людьми из Общества психических исследований, *которые предлагали ему членство (!)*, и что хотя он и отказался, но всё же готов это предложение принять, если бы я так велела, поскольку тогда он смог бы *защитить* меня и поддержать перед лицом общественности, так как имел бы возможность хоть *что-то* рассказать *из того, что я бы ему сообщила*. Я ответила, что не желаю высказывания никакой лжи, ее и так в Обществе психических исследований было предостаточно и без его помощи, а хочу я только одного — **ИСТИНЫ** и справедливости. Интересно, правда ли, что ему предложили членство, или это всего лишь еще одна выдумка? Попытайтесь, если можно, это выяснить. Теперь — **строго секретно** и *только лично для вас двоих*.

Я решительно убеждена, что Д.Н[атх] ничего лично против вас не имеет. Он испытывает величайшее расположение и уважение к вам обоим и благодарность к м-ру Синнету. В Париже он от кого-то услышал (и *хотя имени этого «кого-то» он не назовет, я догадываюсь, о ком идет речь*), будто м-р Синнетт, находясь в Париже, заявил, что все индусы в штаб-квартире *лжецы*, и от этого он просто впал в отчаяние, заключив, что каждое сказанное им м-ру Синнету слово будет принято за ложь. Да я уверена, что м-р Синнетт ничего подобного не произносил, а если и сказал, то даже и не предполагал включать в эту категорию нашего друга Д.Н[атха]. Он страшно, болезненно обидчив, и порой это принимает гипертрофированные размеры. Он, кто был таким искренним, веселым, добродушным, стал мрачным, замкнутым и так легко раздражается по малейшему поводу, что все боятся говорить с ним, особенно в присутствии других людей. И по крайней мере сейчас, я от него наконец узнала, что его возвращение к своему Учителю зависит от восстановления прежнего *статуса* Т[еософского] О[бщества]: и пока в Обществе дела снова не пойдут гладко, хотя бы с внешней стороны, ему придется, по его словам, *оставаться в изгнании*, так как его Учитель — Махатма К.Х., видимо, возлагает на него, Дамодара и Субба Роу ответственность за две трети, как он выражается, «майи» м-ра Ходжсона.

И это именно *они* раздражались и чувствовали себя оскорбленными при его появлении в Адьяре, посчитав его (Ходжсона) перекрестный допрос и разговоры об *Учителях* унижительными для себя и богохульными в отношении Учителей; и вместо того чтобы поговорить с Х[оджсоном] откровенно и прямо ему заявить, что существует много такого, о чем они не могли ему рассказать, они

продолжили работу, дабы привести его в еще б'ольшую растерянность, позволяя ему измышлять факты, их не опровергая, и уж совсем выбили его из седла. Ходжсон, видите ли, ошибся в расчетах, ведь он не имел никакого понятия о характере настоящего индуса, особенно челы, — о его доходящем до крайности преклонении перед тем, что для него свято, о его сдержанности и замкнутости в вопросах *религии*; и они (наши индусы), от которых даже я никогда не слышала, чтобы они произносили имена Учителей или упоминали хоть об одном из Учителей, называя их *по имени*, — впадали в ярость, слыша, как Ходжсон превращает Их имена в какую-то дешевку, со смехом обсуждая с Оукли К.Х., и М., и т.д. И, к сожалению, именно *мне* приходится теперь за всё расплачиваться!

Есть и еще кое-что, и это совершенно *ужасно*. Д.Н[атх] показал мне приказ от своего Учителя, написанный на телугу, отправляться с мисс А[рундейл] и Мохини в Париж и Лондон и постараться спасти Общество от еще одного скандала, в десять раз худшего, нежели нынешний. Он спас положение, и всяческая ему слава, бедный мальчик! Но он нажил себе в Париже врагов, ох! из-за ужаса, тошнотворного, омерзительного ужаса от всего происходящего.

Поговорим о «*внутреннем круге*», о *Восточной* группе! Хотя со всеми ее мессалинами ее следовало бы назвать Римской группой. Мой дорогой, любезный друг, я *не могу* полагаться на газетную брань — это уж слишком мерзко. Но если Вы когда-нибудь в самой глубине души и уединении собственной комнаты роптали и по поводу допущенной несправедливости (я-то, конечно, *ворчала*), и видя, как много усилий оставались незамеченными и не находили поддержки, а еще и при наличии столь многих преданных теософов, *готовых, по их словам, пожертвовать своими жизнями ради дела и Учителей*, — и оставленных последними без внимания, — то больше так не поступайте! Если Содом понес справедливое наказание, значит, это постигнет и *Восточную* группу. Если бы Учителя были людьми и наказывали, вместо того чтобы предоставлять событиям идти своим чередом и обрушиваться под собственной тяжестью, — и м-р Синнетт и Вы, я воистину верую, стали бы единственно спасшимися Лотом и его женой. Так что не рискуйте быть превращенной, подобно миссис Лот, в соляной столб — не просите меня сказать больше, чем я могу, а наблюдайте и постигайте сами. Я уже была наказана за свое любопытство и принуждение бедного, славного Д.Н[атха] раскрыть мне правду, и *мое сердце* — от ужаса — *обратилось в*

столб из ледяного мрамора. Уж лучше бы я никогда не услышала ничего подобного.

Но знаю одно: та англо-французская мессалина, кто, заманивая Мохини в Барбьянский лес и видя, что ее словесные авансы пропали даром, вдруг — сбросила до талии свои просторные одежды, оставшись перед юношей *обнаженной* — еще не худшая в *Восточной* группе. Из всех этих *непорочных весталок* она всего лишь самая *откровенно* развратная, но отнюдь не самая похотливая или грешная. На нее не было возложено никакого священного долга. Должно быть, она *кокотка* по натуре и темпераменту — она не ханжа и не стремится к праведности в глазах общества.

Но существуют в этой группе и другие, и не кто-то один, а четверо, охваченные постыдной дикой страстью к Мохини, — с тягой старых гурманов к необычной пище, например, тухлому лимбургскому сыру с червями, дабы усладить свои пресыщенные вкусы, — или же отвратительных стариканов с Пэл-Мэл к *запретному плоду* — десятилетним девственницам! Ох уж эти грязные скоты! Кошунствующие лицемерные *шлюхи*! Простите меня, дорогая, за эти слова, но я *никогда* не смогу, сдерживая свои чувства, оставаться беспристрастной. Не заявляйте сами и не давайте м-ру Синнету говорить, что всё это «чепуха». У меня имеются все доказательства: письма, записки и даже *признания*, **собственноручно написанные признания** миляге Д.Н[атху], с просьбами, как Вы думаете, чего — простить их? О нет, *всего-навсего* помочь им удовлетворить их нечестивую страсть, то есть повлиять на Мохини и *заставить уступить* им «раз, *только один раз!*». Преклонимся же все перед чистотой бедного индусского юноши. Ни один европеец, скажу я Вам, не выдержал бы такого нажима. Как же он был глуп, как мало в нем было самодовольства, что к моменту, когда Д.Н[атх] прибыл с указаниями от своего Учителя, дабы открыть тому [Мохини] глаза и защитить его, он [Мохини] *так и не понял*, к чему клонили эти особы женского пола. Скажу по секрету, одна из них — это Х[оллоуэй]; двух других я никогда не смогу назвать и *не назову*. Златовласая *секретарша* <...> [Холлоуэй] зашла так далеко, что написала в *трансе* «приказ» от какого-то неизвестного «великого Адепта Лоренцо», повелевающий Мохини в ловко сформулированных выражениях превратить Х[оллоуэй] в свое *alter ego* [второе «я» — (лат.)], а свое *собственное тело* — как уж там ему *заблагорассудится* — сделать единым с ее телом, причем такое

единение было *абсолютно необходимым* для совершенствования обоих, ибо *психическое* должно подкрепляться *физиологическим* и *наоборот*.

Мохини и поступил «как ему заблагорассудилось». Он как дурак порвал это послание, но, к счастью, Д.Н[атх] нашел обрывки, и теперь они у него. Вскоре кто-то из этих лондонских потифаров, впад в ярость, решит действовать иным путем и поступит подобно миссис Потифар из «Фараонов», то есть свалит свои собственные грешки на Мохини — погубит его репутацию и Общество. Д.Н[атх] получил от него на сохранение все эти послания и добавил к ним то, что собрал лично сам, — получилась любопытная коллекция. И при таком положении дел верить, что Учителя приблизятся к *Восточной* группе хотя бы на 100 миль?!

Но что Вы подумаете о женщине, которая, осознавая *невозможность* того, что Мохини хоть когда-нибудь отнесется благосклонно к ней, представшей в *таком* свете, понимая, что он невинен и ему назначено сохранить свою чистоту челы и целомудрие, что, короче говоря, ей нечего даже и надеяться стать средством его *первого* падения, и которая, чтобы облегчить себе это дело и будучи даже готовой, в своей первой жестокой к нему страсти, принять *объедки от другой*, — *оказывает всяческое содействие и помощь той другой* (Б.), дабы *совратить Мохини!!*

Всё это содержится в исповеди № 2 (ибо имеется две, от двух сторон, — и теперь Учитель, скажем так, не помогает!). Несчастливая женщина страдает ужасно. Она, как я горячо надеюсь, наконец полностью отказалась от этой идеи и испытывает к себе самой *отвращение*. Но раскаяние не может уничтожить поступок. И, о Боже, пущены в ход даже «кинжалы», «убийство», и тому подобные угрозы. Последнее послание от Б., отправленное Бабаджи Д.Н[атху], — это *пророческое видение* на восьми страницах большого формата, где имя Учителя упомянуты лишь для поношения, а за слова, вложенные в Его уста, Бабуле было бы просто стыдно. В том пророчестве она видит себя *убивающей* Мохини кинжалом, купленным в «Пассаже Жуфруа». И что мы теперь *должны* делать?

Вы, мне кажется, теперь понимаете, почему портился «вежливый тон» бедного Д.Н[атха] и пользуется столь высоким спросом в Лондоне его «расположение». Этот славный юноша — просто *молодчина*. Отбросив изящные манеры, он без обиняков высказал «огнедышащим»

леди четыре истины³⁸. Всем им он выказал огромное неуважение и презрение, до смерти запугал их негодованием своих Учителей, призвал на их распутные головы все тибетские громы и молнии и пообещал, что в следующем воплощении их живыми по шею закопают в мерзлую землю и хищные стервятники выклюют им глаза и продолбят дырки в их головах за то, что они посмели совращать челу. «Никогда не забуду, — пишет одна из них, — Ваш справедливый и праведный гнев, но сжальтесь, сжальтесь же надо мной, бедной слабой женщиной! И попросите своего друга (Мохини) *не быть со мной столь жестоким!*» О, Дхиан-Коганы и непорочные девы, скройте свои печальные лица и спасите бедное Т[еософское] Общество! И куда же, если так будет продолжаться, мы зайдем?

И ради Бога, и Вы, и м-р Синнетт, храните всё это в самых укромных уголках ваших сердец. Во имя дела, оплеванного и растоптанного, храните молчание, но в то же время как можно зорче следите, как бы еще чего-нибудь не случилось. И одной из этих 4 мессалин хватило бы, чтобы погубить дело навсегда. А Адьяр! Гляньте, как эти *теософы* любят друг друга! Теперь Ледбитера обвиняют в том, что из вполне доброго и милого человека он под влиянием м-ра Оукли превратился в плохого англо-индийца! Он обвиняется и в том, что дурно высказывался обо мне, и Бог еще знает в чем!

До свидания. Впереди полный мрак, и в тех густых черных тучах я не вижу ни одного светлого пятна. Хюббе-Шляйден сожалеет, что приехал слишком поздно; он хотел встретиться с Вами и разъяснить ситуацию. Д-р Г[артман] строит жуткие козни, всех восстанавливает против него, смеется и выставляет его неспособным стать президентом; стремясь сам быть избранным президентом, и т.п. Всё идет как по нотам.

Навеки Ваша, кроме шуток, пребывая в *полнейшем* отчаянии,

Е.П.Блаватская.

Почти достоверное изложение 1/8 всей истины.

М.

³⁸ *Четыре истины.* — По-видимому, речь идет о «четырех благородных истинах» буддизма: существование страдания, существование причины страдания, страдание можно прекратить, существует путь избавления от страдания.

ПИСЬМО 51

28 ноября 1885 г.

Миссис и м-ру Синнетт!

В дни моей юности — когда мне, имеющей доброе имя, как и всем другим женщинам, еще было что терять, — любую юную леди, я имею в виду незамужнюю женщину, за совсем несерьезный *petit scandale d'amour* [маленький амурный грешок — (фр.)], если бы даже она была преследуемой жертвой, а вовсе не Мессалиной или миссис Потифар, с улюлюканьем изгоняли из приличного общества и больше ее так нигде и не видели. Никто бы на ней не женился, ее не приняло бы у себя ни одно респектабельное семейство, ни одно собрание не стало бы терпеть ее присутствие до тех пор, пока не пришел день ее свадьбы — если бы, конечно, нашелся такой дурак. Ныне, видимо, всё иначе. Незамужние девицы, преследуя мужчин, проникают в их спальни, раздеваются донага перед тем, которого они поклялись *соблазнить*, — и всё это при полном свете дня, в лесу, и — из-за того, что тот мужчина *не хочет* на них *жениться*, они клянутся мстить; и при этом даже изумленных зрителей, не принимавших никакого участия в маленьких *passe temps* [развлечениях — (фр.)], повторяющих сцены в *лупанариях*³⁹ Рима и Помпеи, — и скорее именно их бросает в дрожь от подобной мести, но только не действующих и энергичных современных мессалин!

Бывают в нашей жизни поступки, которые мы неспособны объяснить до самого смертного часа. Таковыми и были, во-первых, стимул, который пробудил м-ра Синнетта ввести в сцену транс в «Карме» римский персонаж; во-вторых, мысль по поводу чего-то содержащегося в одном из писем К.Х., что преследовало его в течение почти трех лет, и, наконец, в-третьих, то, что заставило его познакомиться и танцевать с перевоплощением стабианской *гетеры*, а затем ввести эту гетеру, раз как-то названную «девицей из тепидария»⁴⁰ — в несчастное и обреченное Теософское Общество.

А теперь — полюбуйте на карму!!

Леди и джентльмены из Лондонской ложи! Мы находимся прямо в осином гнезде, можете в этом не сомневаться. Вложенное письмо от мадам де Морсье — вероятно, знавшей во время 'оно мачеху, продавшую

³⁹ *Лупанарий* — дом терпимости.

⁴⁰ *Тепидарий* — теплая ванна в римской бане.

стабианскую красотку в тепидарий, — возможно, объяснит многое, а может быть, и ничего. Письмо это послано в ответ на мое, написанное ей по приказанию «полуболочки». Видимо, м-р Синнетт тревожился не по поводу присутствия в теософском семействе такой «изящной безделушки», а просто боялся, что она могла бы еще больше опорочить Старую Леди (как будто это было возможно!), обвинив ее в распечатывании письма Мохини, адресованного, так или иначе, ему самому. Ну что ж, полагаю, что к этому времени Вы прочли копию этого письма, отправленного мной Эмили де Морсье и посланного для Мохини Д.Н[атхом]? Как только я узнала, что от м-ра Синнетта потребовали дать *честное слово*, что я не вскрывала ни одно из ее (Б.) писем, — я, кто в этом нежеланном воплощении зовется Е.П.Б., написала письмо, где просила Эмили сообщить стабианскому перевоплощению, что я *прочла* письмо, хотя *никогда его не вскрывала*. Но всё это никакой роли не играет, поскольку я могла его вскрыть и всё же не причинить никому никакого вреда, так как письмо это было адресовано Мохини, а между ним и мною невозможны никакие секреты, о чем он, может быть, сообщил Вам, а может быть, и нет. Чтобы облегчить душу, я на следующий день написала ей [мадам де Морсье] еще одно письмо и попросила ее сохранить это *в тайне*. Растолковала ей, что, собственно, она [мадам де Морсье] делает, как попала под влияние мадам Б., *авичинских*⁴¹ сил (в ее случае безукоризненно естественных) и наклонностей, а следовательно, какими были те влияния, которые ее окружали. И закончила заверением, что если при такой весьма нервной натуре, с ее чувствительностью и т.д. она не изменит своего поведения, я уполномочена заявить (что я и *сделала*), что это может стать для нее причиной опасной болезни, а возможно — *и чего-то похуже*. В конверт я вложила ее ответ.

В каждой строчке — результат деятельности кармы. *Проглядывает повсюду!*

Но почерк уж так плох, что все те слова, что мне удалось разобрать, я постаралась сделать более понятными для чтения. Обратите, прошу Вас, внимание на предложения, помеченные синим.

Да, она права. Если именно сейчас *вспыхнет скандал*, он будет в сотни раз хуже и ужаснее, чем куломбовские штучки. Эти касались

⁴¹ *Авичи* (санскр.) — букв. «непрерывный ад» на Земле.

только меня — персоны, уж слишком ничтожной. Будущий «незнакомец» родится не иначе как для того, чтобы подобно циклону смести с лица земли *Лондонскую ложу*, если вообще не Теософское Общество в Индии. Он унесет его, закрутив в урагане *насмешек*, а отнюдь не *возмущения*, в адрес бесстыдной весталки, которая могла бы быть его матерью, — о нет! *насмешки* — это для Мохини, а богохульный смех — для **Учителей** *такого* челы. В Индии, где они тревожатся о первом и обращают мало внимания на неудачи последних, — скандал не причинит никакого вреда, если не считать проявления, возможно, еще большего презрения индусов к *европейским леди*. В Лондоне же это стало бы концом ложи. Это в Англии тех, кто осмеливаются *разоблачать порок* и пытаются его остановить, подобно Стеду, судят и сажают в тюрьму. Б. станет героиней дня, а Мохини ошибаются и прогонят. Поскольку, если ей, скажем, удалось убедить мадам де Морсье в своей невинности и постыдном поведении и похотливости Мохини до такой степени, что де Морсье готовится сыграть роль *Немезиды* под угрозой смерти, «*pourvu que je fasse mon devoir*» [лишь бы исполнить свой долг — (фр.)], то почему бы ей не убедить всё население Лондона в том, что ей известно то же самое? А некий голос мне в ухо нашептывает: «А ведь это, мне кажется, именно м-р Синнетт познакомил Б. с мадам де Морсье и свел вместе эти два пылких создания?» Карма, карма, мои добрые друзья!

Мохини непорочен и чист, и в этом-то как раз и заключается причина, по которой он будет представлен *виновным*. Послушайтесь моего совета: пригласите его и как следует посоветуйтесь. Юноше остается только одно — мера это крайняя и требует нравственной отваги или непререкаемой убедительности невинного: пусть Мохини едет в Париж, дабы встретится с Б. лицом к лицу, и в присутствии мадам де Морсье вынудит ее, эту Потифар, сознаться в гнусной лжи и клевете. *Подписываться не буду.*

ПИСЬМО 52

Дорогая «чета от Бога», только не говорите даже Мохини о двух моих *частных* письмах к миссис С[иннетт]. Это бесполезно и только испугает его. Всё зависит — я имею в виду будущий успех Лондонской ложи — от нашего *неукоснительного молчания* в отношении этого злосчастного дела, особенно *последней из упомянутых*, или третьей стороны⁴². Ибо в то время как в делах Б. и Х[оллоуэй] это чисто животная похоть, у последней из упомянутых это просто, если можно так выразиться, работа Стража Порога; это *испытание*, мучительно страшное и тем более жестокое, так как было последней вспышкой в ее жизни — «последней розой лета». Бедная, бедная милая девочка! Но она храбро выдержала его. *Как было приказано*, я написала ей длинное письмо, чтобы показать, что я знаю всё и уже в прошлом году знала многое относительно некоторых других вещей, только никогда не проронила ни слова никому в этом мире. Не уточняя деталей, я заставила ее понять правду и заверила в своем еще большем к ней теперь уважении — ибо *ни один* из тех, кто переступает Порог, *не в состоянии удержаться от соблазна*. Сейчас у нее больше шансов, чем когда-либо, как я ей объяснила. Но я опасаюсь, как бы тщеславие и женская гордость не оказались в ней сильнее преданности Обществу и делу. Она не будет обращать внимание на то, что я в курсе дела, но если бы она только заподозрила, что это знаете Вы, она отказалась бы от всего — и, вероятно, превратилась бы в злейшего врага. Мы не можем себе позволить потерять ее, особенно теперь, — это было бы смертью Общества.

Сообщите мне, пожалуйста, есть ли у Вас экземпляр *Комитета Защиты* или мне нужно будет послать Вам тот единственный, что есть у меня, с замечаниями. Но, кроме замечаний к первым страницам памфлета Куломба, я не вижу, что могу сделать? Ведь это *ложь* от начала до конца.

Ваша Е.П.Б[лаватская].

⁴² Вероятно, Е.П.Блаватская имеет в виду мисс Ф.Арундейл.

ПИСЬМО 53

Четверг

6, Людвиг-штрассе, Вюрцбург

Мой дорогой м-р Синнетт!

Только что получила Ваше письмо. Вам следует считать, что это не моя *личная защита*, а защита *дела*, наших святых Махатм, превращенных панурговым стадом⁴³ м-ра Майерса в мыльные пузыри и плоды моего слишком распалившегося воображения. Будь у посторонней публики в мозгах хоть малая толика здравого, беспристрастного суждения — а это может *совершиться* лишь под воздействием таких теософов, как Вы, — так найдутся два или три факта, которые сразу же разгромят их. Один из них — это слова Ходжсона о том, что он не может простить меня за *святотатственное* девальвирование некоторых высочайших истин человеческой природы *во имя служения политическим интересам России!!!* Наглый осел!

Теперь Вы знаете, найдется ли в Индии хоть единственный нормальный человек, который, за исключением католических священнослужителей и Куломбов, мог бы обнаружить *хоть крупицу правды* в этом дурацком обвинении — я, которая в течение пяти лет продолжала твердить одну и ту же фразу перед каждым недовольным индусом: «Лучше всем вам, индусам и мусульманам, повесить себе камень на шею и утопиться, нежели бредовая идея перемен к лучшему, если бы русские и приобрели власть над вами, — вообще могла бы прийти вам в голову». Эта сентенция уже так давно была написана мною из Нью-Йорка находящемуся в Бомбее Харричанду Чинтамон, и его ответ видел Ходжсон, ибо Олькотт обнаружил несколько его ответов мне, и он мог догадаться о моем высказывании по ответу Чинтамона. «Если Россия *в целом такова, как Вы говорите*, то Боже упаси и сохрани нас от такого управления!» Ходжсон, я полагаю, видел его, и, следовательно, *он лжет*, когда по-прежнему упорно продолжает видеть во мне русскую *шпионку* или даже доброжелателя русского правительства. Но тогда уж это *личное* дело его самого и его совести, если она у него вообще есть. Майерс здорово напакостил на прошлой неделе в Париже и похвастался этим в своем письме к Соловьеву. «Видел

⁴³ *Панург* (греч. букв. плут, ловкач) — центральный персонаж романа Ф.Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Бродяга, знающий 63 способа добывания денег.

Вашего друга Рише и некоторых других теософов и заставил их принять *мои взгляды*», — утверждает он.

Это не Ледбитеру, а Исполнительному совету в Адьяре, Вам, дорогой м-р Синнетт, следовало бы написать о запрещении печатания в «Theosophist» всего имеющего отношение ко мне и моей защите. Они поступают так потому, что полковник Олькотт заставил их поверить (под влиянием почти истинно оккультного свойства) всему, то есть что Лондонская ложа сочла меня виновной, что все европейские теософы отказались и отвернулись от меня, что, короче говоря, я стала парией в ваших глазах — тогда как европейским теософам было сказано, что именно *индусы потеряли доверие* ко мне. Если бы можно было разоблачить двойную ложь, если бы только Вы могли написать в Исполнительный совет официальное письмо, опровергающее это заявление, тогда Вы оказали бы услугу делу, а заодно и мне.

Да, есть множество вещей, которые нам придется обсудить, прежде всего пожелание Махатмы, чтобы филиалы Теософского Общества, особенно Лондонская ложа и Европейский филиал, все были автономны под началом одного президента. Необходимо быстро и эффективно положить конец лагерю президента в Пуне, лагерю президента в Лахоре, особым организациям и всем подобным штучкам. Ах, ну что ж, кто любит дело — должен жертвовать собой, а я всегда готова.

До свидания.

Ваша вечно виноватая

Е.П.Блаватская.

ПИСЬМО 54

Суббота

Мой дорогой м-р Синнетт!

Я только что прочла доводы Мохини против какого бы то ни было серьезного *обстоятельного* ответа Обществу психических исследований. Я думаю, *он прав*. Так как не в человеческих силах доказать мне, что я написала письма Куломба, и никакое отрицание никогда не докажет им, что я их не писала, — всё остальное стало бесполезным. Новый трюк Ходжсона с некоторыми диаграммами,

вычерченными Куломбом, восхитителен! Конечно, кое-что происходило, и у м-ра Уимбриджа тоже, а Олькотт пытался и потерпел неудачу.

У меня есть несколько диаграмм, имеющих отношение к семеричным шарам и космогонии эзотерического буддизма, изготовленных для меня Джуал Кулом и Шармой, чтобы давать объяснения Вам и Хьюму во время первого года обучения в Симле. Некоторые из них я скопировала у парса, неплохого рисовальщика из школы ремесел в Бомбее, однако не сумевшего сделать их хорошо. И тогда я скопировала их с диаграмм Джуала Кула с тибетскими знаками и названиями, переведя их и сделав всё, что только могла, — так как мне не хотелось отдавать подлинники постороннему человеку, а Вы не смогли бы их понять.

Я передала их Олькотту для снятия копий, а один из них — думаю, тот, что послала Хьюму, — был скопирован Куломбом, отличным рисовальщиком, — к сожалению, *слишком* хорошо. Я помню, как здорово он *скопировал* несколько написанных по-английски строчек, сделанное Джуалом Кулом примечание к космогонии, — так, что я была поражена: это была *точная* копия почерка Джуала Кула, его грамматических ошибок и всего такого прочего. Ни Олькотт, ни я, ни Дамодар никогда не делали тайны из этих копий. Олькотт чуть не потерял голову от *колец и кругов* и заставлял Куломба целыми днями продолжать это занятие, и таким образом этот негодяй, сохранив подобные кусочки и обрывки, может здорово одурачивать олухов из Общества психических исследований, заставляя их верить, что именно *он* развил целую теорию из своей французской башки. Великолепно!

Хотелось бы мне добраться до моих бумаг в Адьяре, чтобы найти некоторые подлинники Джуал Кула, тогда Вы бы поняли, что это то же самое, только с тибетскими названиями. Но я не сделаю *ничего* подобного, чтобы оказать услугу Обществу психических исследований. В этом деле я больше и пальцем не шевельну. Если с точки зрения *точной* науки, строгих экспертов и суждений дурацкого мира я **мошенница** — пусть так.

Я начинаю скорее гордиться подобными качествами, чем наоборот. Прошу Вас как друга абсолютно ни в чем не потворствовать более Обществу психических исследований, не позволять им прикасаться их грубыми лапами ни к одному клочку бумаги, исходящему от Махатмы К.Х. или моего Учителя, — **ничего, ничего.**

Если Вы не сделаете этого, я никогда не смогу Вам больше ничего сообщить, а я готовилась продолжить занятия под руководством Учителя. Бедный, бедный Падшах — с ним покончено! Это для него испытание! Что дальше? Ведь если это Их проверка, то она действительно заслуживает того, чтобы на нее обратили внимание!

В конце концов посланная Вам Махатмой К.Х. диаграмма *не может быть оригинальной* копией Куломба с моей, сделанной по образцу Джуала Кула, хотя я знаю, что посылала Хьюму одну из таких копий. Или я очень сильно ошибаюсь? Ваша должна быть (и если я увижу ее, то смогу сказать это наверняка) осаждением, сделанным с беловика, принесенного Олькоттом снизу, ибо *эта сцена у меня сейчас перед глазами*. Никто, кроме меня, не мог разобраться в некоторых диаграммах, присланных Джуалом Кулом; тогда Махатма К.Х. сказал: «Вы снимете копию и переведете термины». Я это сделала. Затем я отдала ее Олькотту для передачи в школу ремесел, а после этого я ничего не помню, всё *в тумане*. А потом, через день или два, у меня были две такие диаграммы, сделанные Олькоттом и Куломбом вместе, и он (Олькотт) принес их мне, и, следовательно, они были *осаждены* не в моей комнате или Бомбее, а унесены и принесены вечером обратно.

Я описываю все эти детали, чтобы Вы не *отвергали* любые подобные обвинения. Просто скажите, что *Вы знаете*, как она была сделана, не опускаясь до объяснений, чтобы доставить им удовольствие обнаружения ошибки в Ваших показаниях и расхождений в «15-40 секунд». Только напишите подробное письмо Падшаху. Скажите ему, что он губит все свои надежды на будущее — свою молодую жизнь навсегда, не выстояв и не справившись со своим послушническим испытанием. Он вдавался в ненужные подробности, а теперь окончательно теряет почву под ногами. Я в самом деле чувствую такую жалость к этому несчастному милому мальчику. Он *такой честный*, такой искренний!

А теперь, дорогой м-р Синнетт, мое последнее решение. Мне больше не придется иметь дело ни с чем исходящим из Общества психических исследований. Я не унижусь *ни до каких объяснений*, кроме как Вам и немногим друзьям. Даже при помощи *Учителей* мне осталось не так уж долго жить, а работа, за которую я ответственна, огромна. Я должна спасти «Theosophist», написать и закончить «Тайную Доктрину». Какую пользу принесу я делу и любому из вас, верящих в меня, убедив ценой сверхчеловеческих усилий дюжину-другую людей и приобретая

не питающих ко мне доверия профанов, которые всегда найдутся. Куломбы и миссионеры поклялись уничтожить Общество; им не удалось сделать это, погубив меня, — так почему же я должна ради спасения своей репутации у «избранных» *помочь себе уничтожить* Общество, лишив его «Тайной Доктрины», а его членов того, чему я могу их научить? А мне придется заниматься именно этим, если буду тратить свое время на грязную ложь, интриги и то и дело возникающие новые осложнения. Пусть те, кто верят в меня, сохраняют спокойствие, оказывают пассивное и выражающееся в форме отрицания сопротивление врагу и ничего более. Остальные, если мы не будем обращать на них никакого внимания, скоро вконец выдохнутся, ибо для ссоры нужны двое. Пишите просто в этом духе и велите им на Вашем культурном, спокойном и чистом английском убираться к их дедушке — Сатане.

Я говорила Вам, что стала бесчувственной, так что не обращайтесь на меня внимания. Если *Вы* верите, если несколько дюжин посвященных учеников верят в Учителей и в то, что я всего лишь Их скромный *фактотум*⁴⁴, — а **вся** Индия верит в это, — то какое это имеет значение? Если ничто не может удалить из их умов мнение эксперта о том, что письма подлинные, — не обращайтесь на них внимания. Вчера вечером Учитель сказал только: «Показывая им, что *Вы* тверды как скала, выказывая презрение или даже безразличие к их мнениям, продолжая заниматься своей работой и обязанностями еще усерднее, чем раньше, — *Вы* поразите и заставите их замолчать вернее, чем всем, что можете сказать и сделать, дабы вывести из заблуждения их умы.

Цикл еще не завершен — карма не исчерпана». И я непременно поступлю таким образом. Отправляю Вам обратно *гнусный* памфлет, объясняя только первые несколько страниц. Я не буду больше держать его в доме: он жжет мне руки, вызывает у меня тошноту и наполняет дом духом этой дьяволицы. **Я не желаю иметь к этому никакого отношения.** Мохини был прав, я — ошибалась. У него есть интуиция, а у меня нет. Дорогой м-р Синнетт, *Вы* можете сделать их посмешищем — так сделайте это. Но не касайтесь оккультных дел, полагая, что сможете объяснить их на физическом или даже психическом плане, — если это из спиритуалистической сферы. **Выбросьте их из головы.** Что же касается м-ра Ходжсона, то он однажды, возможно, еще напишет своей

⁴⁴ *Фактотум* (лат. букв. делай всё) — правая рука, доверенное лицо.

собственной рукой следующие фразы, ныне настолько точно осажденные мною, насколько я могу вступить с ним в связь. «В Индии я был дураком — на Западе стал ослом. Истинна одна лишь теософия, а Общество психических исследований — старая обезьяна»⁴⁵.

Ну, это первая попытка. Но клянусь, будь у меня наклонности дугны, я смогла бы подделать с помощью осаждения письмо, которое, после признания его экспертами написанным его собственной рукой, привело бы его на виселицу. А я испортила его, черкнув по нему карандашом. Вначале я питала к нему некоторое уважение за их искренность, правдивость и честность; теперь я не испытываю ничего, кроме презрения к их глупой злобе и самомнению.

До свидания, мой единственный друг в Англии — «единственный», ибо в Вас есть те качества, которых нет более ни у кого. Я еще сумею быть благодарной⁴⁶.

*С сердечнейшим приветом вам обоим от — Д.Н[атха]*⁴⁷.

ПИСЬМО 55

Понедельник

Мой дорогой м-р Синнетт!

Я протестую и совершенно категорически отказываюсь от всяких таких штук, как пожертвования по подписке или денежные средства, собранные в мою пользу, причем для этого существует несколько оснований, и Вы, убеждена в этом, должны их правильно понять.

1) Я не хочу продавать за вознаграждение никакие оккультные труды, и менее всего «Тайную Доктрину».

2) Я не могу брать на себя обязательства или связывать себя. Как только я возьму за работу деньги, это сразу же поставит условие, что она должна быть сделана хорошо и удовлетворить жертвователей (я имею в виду фонд или пособие). Предположим, что она их не устроит. Тогда ко всем моим преступлениям прибавится еще и *непорядочность в денежных делах*.

⁴⁵ «В Индии ... старая обезьяна». — Имитация почерка Ходжсона, осажденная Е.П.Блаватской синим карандашом.

⁴⁶ Всё это письмо написано почерком Е.П.Блаватской, но не подписано ею.

⁴⁷ *С сердечнейшим приветом вам обоим от — Д.Н[атха]*. — Эта приписка сделана почерком Бабаджи.

3) Я не могу *связывать* себя обещанием работать только над «Тайной Доктриной» или вообще работать над ней, пока ее не закончу. Я могу заболеть, я могу *захандрить*, я могу умереть, а раз уж меня *наняли*, то я буду чувствовать себя *вором*, доведись мне отказаться от работы в силу любой из вышеупомянутых причин.

В конце концов, не только же британцы никогда не будут *рабами*. Как истинная дочь своего отца, я против библейского порядка и — **отказываюсь** с благодарностью.

Помимо всего этого, если новое клеветническое обвинение Ходжсона, если его низкая *ложь* не будет разоблачена и опровергнута публично (я имею в виду «шпионскую» деятельность, а это мелодия совсем из другой оперы), то я никогда не опубликую «Тайную Доктрину». Я говорила Вам также о том, что хочу и обязательно сделаю, — покину Европу и Индию. <...>

ПИСЬМО 56

Мой дорогой м-р Синнетт!

Вчера я послала письмо миссис Синнетт, предназначенное также и Вам, — это многое объяснит. Я умоляю *опровергнуть* новое обвинение — в том, что я была «невольной причиной нежелания Д.Н[атха]» встретиться с Вами. Одно время у меня самой было такое впечатление, что мое замечание — случайное и никогда больше не повторенное — о том, что если он будет вести себя *перед Вами*, размахивая руками *на манер неаполитанца* и как ветряная мельница, то Вы будете чрезвычайно шокированы, — имело некоторое отношение к его странной неохоте, но с тех пор я рассталась с этой мыслью.

Легкость, с которой все эти леди и джентльмены (включая чела) находят выход из затруднения в случаях, когда они не желают, им запрещено или они просто не в состоянии что-либо объяснить, — затыкая все дыры моей крайне неблагоприятно используемой персоной, просто восхитительна. И в данном случае это может быть доказано двумя путями. Когда я высказала вышеупомянутое замечание, на горизонте еще не было ни мисс Арундейл, ни Мохини, чтобы заставить Бабаджи забыть обо всем. Мое замечание произвело на него такое слабое впечатление, что не приди эти двое вообще, он спокойно

остановился бы в Вюрцбурге и встретился с Вами. Но Вам нужно было представить какое-то разъяснение, и членам Лондонской ложи следовало его предложить — причем еще до возникновения его странного нежелания, — а чего проще заткнуть дыру, через которую утекала правда, использовав *меня* в качестве затычки? Я повторяю: мое замечание составило, ну может быть, 5%; другое замечание в Париже, о котором я узнала через кого-то и которое он признал, еще 5% — *всего* 10%, а 90% этой тайны по-прежнему в его руках; и если Мохини, возможно, подозревает, то мисс А[рундейл], с другой стороны, не имеет ни малейшего представления об этом. Я покажу Дарбхаджири мое письмо — пусть решает и скажет, *так это или не так*.

Да, у меня было столько посетителей, приходилось говорить так много, я так устала и совершенно выдохлась, что вот результат — доктор, который потребовался вчера в 11 часов вечера. Такое сильное сердцебиение и спазмы в сердце, что я подумала — это конец! Теперь мне приказано держать язык за зубами, следовательно, у меня будет больше времени держать свое перо — и никакого дрянного каламбура!

Я постараюсь написать примечания, но меня тошнит от одного прикосновения к памфлету женщины.

Сердечный привет всем — *миссис Синнетт*, олицетворяющей одно целое с Вами, и Дэнни.

Сегодня я ухитрилась послать Вам 20 франков, или 1 фунт. 10 франков из того, что я задолжала Вам с Тедеско, а остальное — за нужные мне вещи или, скорее, за одну — «Пять лет теософии», нечто предложенное миссис Л[орой] К[артер] Х[оллоуэй] на благо Общества, сочиненное ею и Мохини, опубликованное ею и защищенное ее авторским правом, и теперь если Обществу оно потребуется, то Общество может либо тщетно домогаться, либо сделать, как я, — *заплатить за это*, то есть заплатить за то, что было взято целиком из моего собственного журнала и составлено из ряда моих собственных статей! Восхитительно! Пришлите мне, пожалуйста, экземпляр этого сочинения. Мохини не пришлет — забывая всё, что я прошу его сделать.

Получила, само собой разумеется, 3 фунта 16 шиллингов, но к тому же еще неожиданно получила 40 фунтов из Адьяра за два месяца и еще 20 фунтов за третий месяц. Так что теперь мы *в расчете*. Я не в претензии на них, кроме как в отношении будущего и в том, что касается «Theosophist». Мне не хочется, чтобы мое имя выставлялось

напоказ, я бы предпочла, чтобы это было имя Субба Роу, *если уж вообще нужно какое-то имя*. Но если я увижу на обложке имя Оукли, заменившее мое, я подниму шум, и здоровенный, — можете не сомневаться.

Хюббе-Шляйден *здесь*; остался на неделю дольше, к великому неудовольствию Гартмана, и сказал ему об этом только тогда, когда тот должен был спешить на поезд. Он милый человек, добрый, тонкий, славный со всех точек зрения, и морально и умом. Он шлет поклон.

Ваша Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 57

1 января 1886 г.

Мой дорогой м-р Синнетт!

Вчера вечером, когда мы ужинали с чаем, появился проф. Селлин со знаменитым и долгожданным «Отчетом Общества психических исследований» под мышкой. Я читала его, принимая всё это в целом как мой кармический новогодний подарок или, пожалуй, как последний удар 1885 года — самого восхитительного года в короткой жизни Теософского Общества.

Ну что ж, я не обнаружила решительно ничего нового в отношении моей скромной персоны. Много касается Вас и остальных. Более чем когда-либо я узнала *руку*, которая руководит всем делом: ту руку, которая, крепко ухватив ученых членов Кембриджа за носы, указывает им дорогу — куда? Будь вы американцами, немцами, итальянцами, русскими, — только не теми, кто вы есть, замкнутыми, высокомерными, боящимися Общества англичанами, — так, уж конечно, привели бы м-ра Ходжсона, опытного сыщика и агента индийских падре, прямо в суд на Боу-стрит, а затем и дальше — **до места**. Только, пожалуйста, не вообразите ни на мгновение, что я подъезжаю с чем-то вроде сомнения в каждом из вас или во всех вас, защищающих меня. Прекрасные дни Араньеса миновали. Я старый, выжатый физически и морально лимон, годный лишь для чистки при его помощи когтей дьявола и, пожалуй, для того, чтобы его заставляли писать по 12-13 часов в день «Тайную Доктрину» под диктовку, чтобы ему приписали после издания (*если издадут*) авторство и идеи, где будут замечены мой литературный

стиль и галлицизмы. То, что меня в нем «публично и печатно» называют раз 25 *фальсификатором*, ловкачом, мошенницей и т.д. и в придачу *русской шпионкой*, — всё это *старая история*. Но в нем присутствуют и совсем новые черты. Позвольте мне их перечислить.

Бабула в этом объемистом отчете ну просто герой.

1) Все письма моего Учителя были написаны им — *Бабулой*, мальчиком, *не знающим ни единой английской буквы*.

2) Меня обвиняют в том, что в течение 5 лет я взывала к чувствам индусов, чтобы подстрекать их и развить в них *сильную ненависть к вам, англичанам. Это закрывает дверь в Индию*.

3) М-р Хьюм верит в существование Махатмы К.Х. (как мило), но считает Его Адептом «с ограниченными возможностями».

4) После пятилетнего перерыва наш Джут-Синг выяснил у своих мусульманских служащих, что в пакет из резиденции губернатора провинции (в котором было письмо Махатмы) совалась я, благодаря всё тому же драгоценному Бабуле.

5) Миссис Сиджвик преуспела, трудясь над *настроенным* письмом, как Пенелопа, *следовательно*, я должна была сделать то же самое с письмом Смита (однако это дурацкие измышления).

6) Мохини, Боваджи, Бхавани Роу, Дамодар и т.д., и т.п. — все лжецы и сообщники.

7) Извините меня, но похоже, что Вы тоже *полусообщник*, если не законченный. Что скажете о 60 изменениях, внесенных Вами в письма Махатмы К.Х., после того как Вы утверждали, что не изменили ни единого слова? Не собирается ли Он обвинить и Вас? По всей видимости, так. Есть масса феноменов, *которые нельзя объяснить*. Часть из наиболее важных произошли в Вашем доме, когда меня там не было. Они были чрезвычайно неуклюжими, и пока *Вашу надежность* нельзя было подвергнуть сомнению, Майерс, Ходжсон и К° не могли одержать великую победу. Было *совершенно необходимо выставить Вас не заслуживающим доверия*. Вы влипли, и они за Вас ухватились. Они бы не смогли, откажись Вы наотрез позволить им заполучить письма Махатмы. Ваша карма, дорогой друг.

А теперь не хотите ли *принять раз в жизни совет дурака? Не произносите ни слова в мою защиту*, ссылаясь на феномены.

Постарайтесь стать *французом*. <...> *Сразите их насмешкой* и расскажите им <...> имеете столь остроумно истолкованные <...> *действительно* «искусный фальсификатор», «русская шпионка», они делают из меня *преступницу* перед англо-индийским правительством, они губят меня до конца моих дней, морально и материально, и губят Общество; они обливают грязью Вас, Олькотта, любого, *кто не выступает против меня*, — и неужели ни один из вас и пальцем не шевельнет не в *мое оправдание* — вам никогда не удастся смыть всю грязь, которой я покрыта в глазах тех, кто не знает меня, — но в свое собственное оправдание, в защиту целой группы *джентльменов и леди*, если не дела? <...>

ПИСЬМО 58

ТЕОСОФАМ И ПРОСТО БЛАГОРОДНЫМ ЛЮДЯМ

Долгое время грозивший появиться отчет Ходжсона — представителя, посланного Обществом психических исследований в Индию в 1884 году для изучения определенных феноменов, по заявлению Куломбов, производившихся ими мошенническим путем по наущению нижеподписавшейся, которая была прямо и косвенно связана с подобными оккультными феноменами, — вышел.

Нижеподписавшаяся вполне официально отвергает обвинения, выдвинутые против нее в вышеупомянутом отчете, в дополнение к которым — потенциальным *измышлениям* от начала до конца — ее в нем не раз называют «фальсификатором» и «русской шпионкой».

В этом объемистом отчете нет ни одного обвинения, которое могло бы выдержать *судебное* расследование и быть признанным правильным. Всё в нем представляет собой личные умозаключения, гипотезы и необоснованные предположения и выводы. Каждая сентенция в нем является произвольной и в высшей степени клеветнической, а согласно закону — грубой и порочащей, в глазах любого беспристрастного свидетеля, осведомленного относительно обстоятельств, предшествовавших исследованию и приведших к появлению отчета. Лишь немногие из тех феноменов, о которых Куломбы были полностью осведомлены, — приведены в нем в искаженном виде, чтобы соответствовать теории обмана. Две трети проведенных теософами феноменов, наиболее важных, равно как и

самых необъяснимых, спокойно опущены. Однако, если их придется в ближайшее время представить широкой публике в качестве контрдоказательства, свидетелей этого забросают грязью заранее, и будет сделана попытка представить их *не заслуживающими доверия*.

Вышеупомянутый Ходжсон явился в Индию как друг; он был принят как человек, состоявший в теснейших дружеских отношениях с теми, кого он теперь обвиняет в преступном сговоре и лживости. В то время когда он жил в Адьяре, почитаемый всеми как совершенно благородный человек, ни у кого не было ни малейшего представления о том, что многое из сказанного им в частных беседах, каждое незначущее слово, которое никто в то время и не думал взвешивать, впоследствии будет предано гласности, получит иной смысл, и что его слова будут использованы против Общества. Ему были предоставлены все возможности для исследования — от него ничего не утаивалось, так как все чувствовали и осознавали себя совершенно не заслуживающими выдвинутых абсурдных обвинений. А теперь всем этим злоупотребляют и представляют публике в неблагоприятном свете.

Принимая во внимание всё это и 1) то, что вышеупомянутый Ходжсон и тот, кто, возможно, санкционировал его граничащую с неприличием деятельность и заставлял или помогал ему, не обнародовал в своем отчете ничего, кроме показаний недоброжелательно настроенных свидетелей — злейших врагов на долгие годы; сплетен и древней лжи, измышленных Куломбами, и его собственных, личных умозаключений и состряпанных теорий; и что, с другой стороны, он нечестно замалчивал любое малейшее свидетельство в мою пользу, а в тех случаях, когда он не мог избавиться от такого свидетельства, неизменно старался представить моих свидетелей и защитников либо как *простофиль*, либо как *моих сообщников*.

2) То, что помимо писем Куломбов, полное авторство в отношении которых я отрицаю, как отрицала в день их появления, ни одно из коих мне не разрешили увидеть в подлиннике; то, что, помимо всего этого, ряд *частных* писем и отрывков из них, взятых в отдельности и, следовательно, допускающих возможность любого истолкования, опубликованы, причем подобное издание дает основания для преследования по закону.

3) То, что узкая полоска страницы послания была украдена *мадам Куломб, по ее собственному признанию, с моего письменного стола* несколько лет назад; явный перевод какого-то куса из русской ежедневной газеты, ряд статей из которой я переводила для «Pioneer» по просьбе м-ра Синнетта в 1881-2-3 годах. То, что, опять же, этот отдельный фрагмент (явно не *моего* сочинения, что доказывают *благополучно оставленные* в конце его кавычки) воспроизведен с очевидным намерением бросить на меня гнусное подозрение в том, что я «*русская шпионка*».

4) То, что вышеупомянутый Ходжсон и его хозяева знают, в каком положении я нахожусь (будучи неоднократно уведомленными о причинах, *в силу которых* я не могла преследовать Куломбов в судебном порядке, о причинах, известных также каждому теософу, признать которые я не стыжусь); и что зная это — то есть то, что я совершенно беспомощна и беззащитна в Англии и Индии как *ненавистная русская* и ненавистный теософ, — они не колеблясь воспользовались своим положением, чтобы оскорблять с полнейшей безнаказанностью женщину, клеймя ее как *шпионку и фальсификатора*.

5) Учитывая также, что если я не смогу доказать *реальность* вызываемых феноменов ни в каком суде, то Ходжсон и К° смогут доказать их *нереальность* не иначе как на основании косвенных улик и своих собственных преждевременно составленных представлений; но что, с другой стороны, обвинение меня в том, что я вообще являюсь *шпионкой*, легко могло быть представлено безосновательным, ложным и клеветническим; они по-прежнему подтверждают свои злонамеренные заявления — *просто потому, что могут поступать подобным образом совершенно безнаказанно* и что *это их устраивает в данный момент*, когда вся Англия восстает против и не доверяет России — так как ничто не может до такой степени погубить меня в общественном мнении; более того, это особое обвинение, единственное могущее оказаться якорем спасения для их отчета, *должно было быть выдвинуто как повод* для следующих одна за другой фальшивок и обмана, скрывающих десять лет постоянного труда, бедности, борьбы ценой здоровья и последних денег, которые у нас были.

Принимая во внимание всё это и еще очень многое, к какому же заключению может прийти честный человек, который, ознакомившись с *действительными обстоятельствами*, прочтет их отчет? Несомненно, к

следующему: несмотря на всю ловкость м-ра Ходжсона, обвинения *не могли бы оставаться в силе*, если нельзя было бы найти разумного мотива того отвратительного постыдного поведения, в котором меня обвиняют. Публичное и открытое объяснение истинного мотива показало ложность всех подобных обвинений и вконец подорвало, если не разбило полностью, грязные обвинения. Почему не представить эти обвинения в свете, наиболее подходящем для их принятия общественностью вообще без единого слова протеста? Это можно было бы осуществить безнаказанно, и это только губит *меня*, обрекая на жизнь в одиночестве, и захлопывает передо мной двери на мою родину, где я думала спокойно умереть, зная, что выполнила свой долг так хорошо, как только смогла. Какое значение для *достопочтенных* профессоров в Кембридже имеет то, что теперь у старой русской женщины есть только один доступный ей путь: *умереть опальной нищенкой* вдали от всех, кого она любит и к кому она стремится в этой жизни, пока они могут тешить свою злобу и наказывать тех, кто отказался признать в м-ре Ходжсоне *непогрешимого* эксперта, а в них самих — непогрешимых руководителей в делах психических и феноменальных? Итак, они, вероятно, сделали всё это: ну и пусть их торжествуют в *своем беззаконии*.

Это поступок, который каждый честный мужчина или женщина *должен и непременно* посчитает просто *постыдным*.

Итак, учитывая, в конечном счете, что если этот отчет представляет собой якобы выражение великой цельности натуры писателя, его ошибочных, но искренних и честных взглядов (которые я *ныне не признаю*), что, возможно, он был опубликован *полностью*, чтобы подчеркнуть его (автора) исключительную проницательность и притом ничего не потерять в силе дедукции и выводов, если бы даже прямое обвинение в *подлоге и занятии шпионажем* (выражения «фальсификатор» и «шпионка») было отброшено; но что это не было сделано в силу приведенных выше причин, а клеветнические и обвиняющие выражения там опубликованы, чтобы весь мир узнал и поверил, — учитывая всё это, я, нижеподписавшаяся, призываю теперь всех любящих истину и справедливость англичан и англичанок в Соединенном Королевстве Великобритании, — чьи справедливые законы предписывают считать невиновным даже преступника, пока он не будет признан по этому закону «виновным», — объяснить, почему же мне не следует объявлять вышеупомянутого Ходжсона и его хозяев

публично и в печати виновными в *низком, трусливом, подлом и отвратительном поступке*, до которого ни один *джентльмен*, ни один честный человек, не отличающийся даже особым благородством, никогда бы не опустился ввиду существующих обстоятельств.

С учетом всего вышеизложенного я умоляю Лондонскую ложу Теософского Общества разрешить нижеподписавшейся, придав настоящему письму грамматически более правильную и документальную форму, напечатать и обнародовать его, разослав всем теософам во всем мире, а также опубликовать его в «Theosophist».

И пока я не вырвалась совсем из Теософского Общества и связана с ним, пока любой мой поступок может, вызвав ответную реакцию, причинить вред делу или какому-либо из Обществ, я не предприму никаких действий, не одобренных всеми Советами. Но если мне будет в этом отказано и придется до конца жизни проходить с тройным клеймом *мошенницы, фальсификатора и шпионки* подобно Каину женского рода, беззащитной и бессильной даже доказать, что последнее обвинение — низкая, ничем не оправданная ложь и клевета, то мне только и останется, что избрать иной путь, возврат с которого невозможен.

Е.П.Блаватская

ПИСЬМО 59

9 января [1886]

Вернулась графиня, и среди привезенных ею новостей есть одна, объясняющая, с чем связаны обвинения Ходжсона. Например, немецкие теософы не могут понять или объяснить феномен с японскими вазами, полученными Олькоттом. «Как могут Махатмы (возвышенные существа) дойти до того, чтобы преподнести Олькотту вазы, купленные заранее в магазине, доставив ему их из магазина», и т.д., и т.п. Это — гипотеза, а ниже — факты.

Полковник Олькотт только что вернулся домой из какой-то поездки. Он поднялся наверх в мою «окультурную» комнату, где я также обычно и пишу. Мы разговаривали, и он осматривал новый стенной шкаф для книг с ведущей в него зеркальной дверцей в стене перед моим письменным столом, тогда как рака находилась на стене справа от стола.

Она была просто вделана в стену, и сзади нее в стене не могло быть никаких люков и отверстий, так как эта стена выходит на лестничный пролет. В задней части стенного шкафа одна гладкая доска. Кому захотелось увидеть феномен и что было сказано, я не помню. Только Олькотт, осмотрев несколько книг в шкафу, получил письмо от Махатмы и собирался уходить, когда я поняла, что в шкафу еще что-то происходит. Поэтому я сказала: «Постойте, давайте посмотрим, что это такое». Мадам Куломб была в комнате. Тогда он открыл дверцу стенного шкафа и обнаружил в нем 2 вазы с цветами. Он так и затрясся над ними. Увидев вазы, я в этот момент сказала или подумала, что они весьма похожи на те, которые я только что купила для гостиной. Именно мадам Куломб купила их в одну из своих поездок в город за мебелью и провизией. Но эти вазы были гораздо больше, а мои стояли там, где и были, в соседней комнате на угловом столике. В то время мне показалось, что мадам Куломб выглядит очень смущенной. *Теперь я знаю почему.*

Она купила мне две вазы, и теперь *обнаружится*, что они отмечены в записях в торговой книге там, где они были куплены. Помоему, она купила еще и эти две дополнительные вазы, намереваясь послать их в качестве подарка одному из своих бомбейских друзей, так как она занималась торговлей с миссис Дадли, покупая вещи в Мадрасе и посылая их м-ру Д.Дадли, который продавал их капитанам дальнего плавания и на пароходах и делил прибыль с мадам К[уломб]. Эти две вазы (Олькотта), очевидно, находились в комнатах мадам К[уломб] в другом доме и были принесены из потайного места, где хранились. Иначе зачем бы она стала скрывать от меня, что купила четыре, а не две вазы только для меня, как я думала? Как бы то ни было, вот что я *должна* сказать относительно феномена с вазами.

1) Дело тут не в вазах. Предполагается, что каждая появляющаяся вещь, *доставка* которой осуществляется по воле Адепта или посредством медиумизма и духов, уже предсуществовала как объект. Такие вещи, как большие вазы, которые можно покупать дюжинами и о которых *известно*, что они продаются во многих магазинах, — не подлежат *материализации*. Вообще чтобы доставить объект феноменальным путем, тот, кто хочет проделать это, покупает его или выбирает в доме другого человека, а затем заставляет пройти либо сквозь закрытые двери, либо сквозь закрытую крышку, либо что-нибудь в этом роде.

2) Следовательно, в основе «феномена с вазами» лежит факт их переноса из любого места, *где бы они ни находились*, в закрытый стенной шкаф, который Олькотт собственноручно запер и перед которым он стоял, ожидая, что же произойдет дальше. Если стена позади шкафа оставалась сплошной — это был феномен. Если в ней был какой-то люк или отверстие, некое хитроумное приспособление, которое позволяло бы просунуть предмет снаружи, — то это было *мошенничество*, совершённое кем угодно. Тогда встает вопрос: была в то время в шкафу ложная или двойная задняя стенка или ее не было? Я утверждаю, что не было. Я полагаю, месье Куломб изготовил ее позже для своих особых целей. Это достаточно подтверждается в памфлете д-ра Гартмана.

Итак, это сделали *не Махатмы*. В течение десяти лет полковник Олькотт постоянно наблюдал достаточно феноменов и вполне убедился и без феноменов, что кому-то пришлось взять на себя труд по покупке ваз и подготовке этих *фокусов для него*. Это было сделано челою и в силу *определенной причины*, которую мне нет нужды объяснять. Я сообщила Ходжсону, что у меня были две вазы (которые исчезли, так же как и вазы полковника Олькотта), а также всё, о чем пишу здесь. Пусть спросят м-ра и миссис Синнетт, как их ребенку в Симле принесли куклу или игрушку. Если бы м-р Ходжсон зашел в один магазин игрушек в Симле, он бы узнал из записей в торговых книгах, что кукла такого вида *была куплена* и оплачена *молодым человеком в тот же самый вечер*. И, без сомнения, он бы поместил этот фокус в свой отчет в качестве свидетельства против меня. А м-р Синнетт мог бы ответить, что этот факт тоже стал ему известен в тот же самый вечер, потому что я объяснила им на месте, как это было сделано. Без сомнения, охотники за феноменами предпочли бы, чтобы игрушка и вазы исчезли из магазина без того, *чтобы за них заплатили* или чтобы всякая бессмысленная *доставка* материализовалась, как Вселенная, — *из ничего?*

Даже Куломбы твердо это знали. Они достаточно прожили у нас и слышали о феноменальных *доставках*, чтобы понять, что этот феномен связан с появлением предметов *за закрытыми дверями* и в тайниках, следовательно, очень легко показать человеку *науки*, что это фокус, потому что вазы были куплены в конкретном магазине и отмечены в торговых книгах! И ученый м-р Ходжсон заглотил *новое доказательство* и опубликовал его.

В заключение: Ходжсону был предъявлен предмет нательного белья (попросту говоря, женская сорочка) с пятнами от металла на лицевой стороне. *Доби* (прачка) может подтвердить, и Бабула, и, возможно, мисс Арундейл, и я могу показать свои старые сорочки, покрытые такими пятнами и разъеденные ржавчиной до дыр. В Индии, где я носила не платья с карманами, а легкие муслиновые халаты, я обычно пришпиливала ключи спереди между сорочкой и юбкой. Мадам Куломб, занимавшаяся моим бельем, много раз говорила мне, что я порчу одежду этой своей привычкой. Но я продолжала, и теперь она показывает м-ру Ходжсону «предмет нательного белья» с такими пятнами и втолковывает ему, что причиной появления пятен была *металлическая музыкальная шкатулка, издававшая при нажатии на нее локтем «астральный звон»*. И м-р Ходжсон, ученый эксперт, принял на веру и обнародовал и это!! Аминь!

Е.П.Блаватская

P.S. Я познакомилась с Субба Роу в тот день, когда впервые приехала в Мадрас в мае 1882 года. Виделась с ним в течение недели, а потом, до тех пор пока мы не переехали жить из Бомбея в Мадрас в январе 1883 года, обменялись с ним несколькими письмами. Как я могла писать «Изиду» при его помощи, когда я была в Нью-Йорке, он в Мадрасе, и мы были совершенно незнакомы друг с другом?

ПИСЬМО 60

Мой дорогой м-р Синнетт!

Постараюсь сделать всё возможное, чтобы оживить изложение событий в «Мемуарах», потому что я это обещала и намереваюсь исполнить свое обещание, как бы неприятно это ни было лично для меня. Я не разочарую Вас, ибо собираюсь порыться в закоулках прошлого в моей памяти и сделать оккультные воспоминания интересными, по крайней мере их русским характером, — поскольку сейчас они ничуть не интересны, как твердят мне и графиня, и Гартман.

Конечно, в том виде как они сейчас написаны — эти несчастные «Мемуары» действительно напоминают костюм Арлекина, сшитый из разных лоскутков. Это не *Ваша* вина, ибо Вы сделали всё возможное при данных обстоятельствах. И всё же в целом, как удачно выразился

Илларион, они *действительно* оставляют впечатление робкой испуганной нищенки, решившей потолкаться в изысканном обществе среди леди и джентльменов и надевающей на себя снаружи все свои трогательно-жалкие украшения, пытаясь скрыть с их помощью свою внутреннюю незащищенность. «Взгляните на меня, господа, — у меня, да, у меня тоже есть интересные вещицы, чтобы похвастаться и показать их вам. Только не заглядывайте *под них*, умоляю». Вот истинное впечатление, которое они оставляют. Нечто несвязное, незаконченное, хаотичное и даже не романтическое. **Ложь** — блестящий, полный жизни вымысел имел бы больший успех, чем подобные отрывочные сведения и эпизоды из такой долгой, печальной, полной событиями и вечно сопровождаемой клеветой жизни, как моя.

Теперь Вы работаете в мыслях, что только такие «Мемуары», описывающие жизнь госпожи Б[лаватской], могли бы в настоящий момент вызвать реакцию — жгучего интереса, если не поддержки и полного оправдания. Осмелюсь сказать, что ничто подобное не может и не сделает этого. Единственная вещь во всем мире могла бы это сделать, если я когда-нибудь соглашусь на нее; и эта вещь — *правда* и ничего, кроме правды, — **вся** правда. Это действительно заставило бы всю Европу подскочить на месте и вызвало бы революцию. Но Вы же знаете, я в самом деле оккультист, *настоящий*, а не *прикидывающийся*. Я оккультист по сути, кем бы я там ни выглядела в глазах даже «внутреннего круга» — Восточной группы.

Я не собираюсь расплачиваться той же монетой, какую получила, однако многое во мне, возможно, отличается от их — так как последнее *ложно*, а мое *истинно*. Я смотрю на всех этих людей, ныне лающих и исходящих ядом вокруг меня, как бесплотный дух может взирать на собак, кидающихся с лаем на его тень. Я израсходовала весь запас страдания, отпущенный мне моей земной природой, и горючего больше нет. Я буду прилагать все усилия и продолжать бороться, пока жива; а потом в один прекрасный день ощутится роковой укол в сердце, а через 5-6 минут после этого, если не раньше, я стану «очаровательным трупом». Это — программа. А до тех пор — ну что ж, пусть всё идет своим чередом.

А посему, раз в Вашем последнем письме ко мне содержится очень серьезное предложение, требующее этого длинного ответа, я должна сообщить Вам свое решение в последний раз и в то же самое время

изложить его мотивы, так как питаю к Вам слишком глубокое уважение и привязанность, чтобы позволить Вам трудиться, ошибочно полагая, что «это еще одна причуда Старой Леди». *Нет и нет*; и необходимо убедить Вас в этом и заставить это понять. Отсюда — это предварение и просьба простить за необходимость этого длинного послания. Я недостаточно хорошо знаю английский, чтобы быть краткой.

Вы говорите: «Таким образом, мы должны, например, привести инцидент с Митровичем целиком». А я говорю: *не должны*. Эти «Мемуары» не принесут *мне оправдания*. Это я знаю так же верно, как знала то, что «The Times» не обратит внимания на мое письмо против отчета Ходжсона. Они не смогут сделать этого, не только «если они будут написаны достаточно полно», но даже если выйдут в шести томах и в десять раз интереснее, — они никогда не реабилитируют меня просто потому, что «Митрович» — это один из множества инцидентов, которые враг обрушивает на мою голову. Если я затрону этот «инцидент» и полностью оправдаю себя, Соловьев или какой-нибудь другой мерзавец вытащит на свет божий Мейендорфа и «*инцидент* с тремя детьми». И если бы мне пришлось опубликовать его письма (находящиеся в собственности Олькотта), адресованные его «дорогой Натали», в которых он рассуждает о ее черных как вороново крыло волосах, «длинных, как прекрасная королевская мантия», — как высказывается де Мюссе о волосах своей маркизы д'Амеди, — то я бы просто нанесла оскорбление мертвому страдальцу и вызвала бы к жизни подходящую тень кого-нибудь еще из длинной галереи моих воображаемых любовников. Ну почему я должна говорить о Митровиче? Допустим, что я рассказала *всю* правду о нем? Ну и что?

Итак, в 1850 году я знавала этого человека, о чье по внешнему виду мертвое тело я споткнулась в Пера, в Константинополе, возвращаясь однажды ночью домой, в отель Миссире, из Баугакдиры. Он получил три сильных удара в спину от одного, двух или более мальтийских головорезов и корсиканца, которым заплатили за это иезуиты. Я подобрала его, простояв над его еще дышащим телом около четырех часов, прежде чем мой проводник смог разыскать *попрошак*, чтобы поднять его. Тем временем лишь турецкий полицейский рискнул подойти, попросив *бакшиш* и предложив скатить мнимый труп в ближайшую канаву, проявивший затем явный интерес к моим собственным кольцам и бросившийся наутек, лишь только увидев мой

направленный на него револьвер. Вспомните, что это было в 1850 году и в Турции.

Потом мне удалось доставить этого человека через дорогу в греческую гостиницу, где его опознали и окружили заботой, достаточной, чтобы вернуть к жизни. На следующий день он попросил меня написать его жене и *Софи Крувелли* (большому другу герцогини, теперь *виконтессе* де Вижьер в Ницце и Париже и его тогдашней любовнице; **нет, это уже сплетни**). Я написала его жене и не стала писать Крувелли. Первая приехала из Смирны, где находилась в то время, и мы подружились.

После этого я на несколько лет потеряла их из виду и снова встретила его во Флоренции, где он пел в Перголе *вместе со своей женой*. Он был *карбонарием*, революционером худшего толка, фанатичным мятежником, венгром из *Митровица*, города, название которого он взял в качестве псевдонима. Он был, как я полагаю, побочным сыном герцога Лукки, который его воспитал. Он ненавидел священников, участвовал во всех восстаниях и избежал австрийской виселицы только потому... — ну вот уж об этом-то мне, конечно, не следует говорить.

Потом я снова встретила его в Тифлисе в 1861 году и снова с женой, которая, как я знаю, умерла после моего отъезда в 1865 году; в то время мои родственники хорошо его знали, и он был дружен с моими кузенами Витте. Затем, когда я увезла бедное дитя в Болонью, думая, что могла бы его спасти, я снова встретила его в Италии, и он делал для меня всё что мог, больше даже, чем брат. Потом ребенок умер, и так как у него не было ни бумаг, ни документов и мне не хотелось превращать свое имя в пищу для «доброжелательных» сплетников, именно он, Митрович, взял на себя все хлопоты: он похоронил ребенка *аристократического барона — под своим, Митровича, именем*, сказав, что «ему всё равно», в маленьком городке южной России в 1867 году. После этого, не известив родственников о своем возвращении в Россию с несчастным маленьким мальчиком, которого мне не удалось привезти обратно живым гувернантке, выбранной для него бароном, я просто написала отцу ребенка, чтобы уведомить его об этом приятном для него событии, и вернулась в Италию с тем же самым паспортом.

Затем наступает черед Венеции, Флоренции, Ментаны. Только Гарибальди (сыновья) должны знать всю правду и с ними еще

несколько гарибальдийцев. Вы знаете отчасти, чем я занималась, Вы не знаете всего. Мои родственники *знают*, а моя сестра — нет и, к большому счастью, не знает Соловьев.

А теперь, стоит ли мне в иллюзорной надежде оправдать себя начинать с вытаскивания на свет Божий этих нескольких трупов: матери ребенка, Митровича, его жены, самог'о бедного ребенка и всех остальных? **Никогда.** Это было бы столь же низко и кощунственно, сколь бесполезно. *Пусть же мертвые спят.* Вокруг нас достаточно мстящих призраков — и последний из них Вальтер Гебхард. Не трогайте их, ибо Вы только заставите их разделить оплеухи и оскорбления, получаемые мною, но Вам ни в какой степени не удастся защитить меня.

Я не хочу лгать, и мне не разрешается говорить правду. Что же нам делать, что же мы можем сделать? Вся моя жизнь, за исключением недель и месяцев, проведенных мною с Учителями в Египте или Тибете, столь невероятно наполнена событиями, к тайнам и подлинным обстоятельствам которых имеют отношение мертвые и живые. Я единственная оказалась ответственной за то, в каком виде они предстанут миру, а чтобы оправдать себя, мне пришлось бы наступить на большое количество мертвых и облить грязью живых. *Я этого не сделаю.* Ибо, *во-первых*, это не принесет мне никакой пользы за исключением того, что добавит к тем эпитетам, которых я удостоена, еще и ярлык хулителя *посмертной* репутации, и, возможно, обвинение в *шантаже* и вымогательстве; и *во-вторых*, как я уже говорила Вам, я — оккультист. Вы говорите о моих «способностях к восприятию» в отношении моих родственников, а я утверждаю, что это *оккультизм*, а не восприимчивость. Я **знаю**, какое воздействие это оказало бы на мертвых, и хочу забыть живых. Это мое последнее и окончательное решение: **я не хочу их трогать.**

А теперь о другой стороне дела.

Мне часто напоминают о том, что как общественный деятель, я, женщина, вместо того, чтобы выполнять свои чисто женские функции, исполнять супружеские обязанности со своим мужем, рожать детей, вытирать их носы, заботиться о своей кухне и находить утешение с помощниками по супружеству тайком и за спиной у мужа, избрала путь, который привел меня к дурной славе и известности, и что, следовательно, я должна была ожидать всего того, что выпало на мою долю. Отлично, я признаю это и соглашаюсь. Но в то же самое время я

заявляю миру: «Леди и джентльмены, я в ваших руках, подвластная и подчиненная мировому суду присяжных, *только с тех пор, как я создала Теософское Общество*». Над Е.П.Блаватской с 1831 до 1875 года опущена завеса, и вас ни в коей мере не касается то, что происходило до того, как я выступила в роли общественного деятеля. Это была моя **частная жизнь**, священная и неприкосновенная для всех, кроме клеветущих и злобных бешеных псов, которые под покровом ночи суют свои носы в частную жизнь каждой семьи и каждого человека. Этим гиенам, которые разроют ночью любую могилу, чтобы добраться до трупов и сожрать их, я не обязана давать никаких объяснений. Если обстоятельства не дают мне убить их, мне приходится страдать, но никто не может ожидать, чтобы я встала на Трафальгарской площади и начала поверять свои тайны всем снующим мимо городским хулиганам и извозчикам. И даже они пользуются б'ольшим моим уважением и доверием, чем ваша читающая и литературно образованная публика, чем леди и джентльмены из ваших гостиных и парламента. Я скорее доверюсь честному полупьяному извозчику, чем первым. Я мало жила в обществе, даже в своей собственной стране, но знаю его — особенно на протяжении последнего десятилетия — лучше, чем, возможно, *знаете вы*, хотя в течение последних двадцати пяти лет жизни и возвращаетесь в этой образованной и утонченной толпе.

Итак, будучи униженной, оклеветанной, опороченной и облитой грязью, я заявляю, что было бы ниже моего достоинства сдаться на их милость и суждение. Да если бы я даже представляла собой всё то, в чем меня обвиняют, будь у меня без счета любовников и детей, ну кто из всей этой компании *чист достаточно, чтобы открыто и публично бросить* в меня первый камень? Некая уличенная Бибич в одной компании с сотнями других, которые не подверглись подобному разоблачению, но — ничем не лучше ее. Высшие круги общества, от великих герцогинь и принцесс крови до их *камеристок*, — все источены тайной похотливостью, распущенностью и проституцией. Если Вы найдете из десяти женщин, замужних и незамужних, одну безупречную — я готова объявить современное общество относительно безгрешным, хотя все женщины, за очень небольшим исключением, лгут и себе, и другим. Все мужчины в своей низменной натуре ничем не лучше животных и скотов. И это именно *их*, такую вот *компанию*, я собираюсь просить быть мне судьями, безмолвно обращаться фактически к ним,

описывая определенные события моей жизни в «Мемуарах», чтобы они «соизволили оправдать меня за недостаточностью улики».

«Глубокоуважаемые леди и джентльмены, вы, которые никогда не упускали случая согрешить за закрытыми дверями, вы все, развращенные объятиями мужей других женщин и жен других мужчин, вы все без исключения, не лишённые удовольствия хранить одну-две семейные тайны, — пожалуйста, примите мое оправдание». Нет, сэр, я скорее умру, чем пойду на это!

Как верно заметил Гартман, то, что я думаю о себе, гораздо важнее того, что думает весь свет. Именно то, что я *знаю* о себе, будет в дальнейшем моим судьей, а вовсе не то, что читатель, покупающий за несколько шиллингов мою жизнь, «*выдуманную жизнь*», как он будет всегда считать, — подумает обо мне. Если бы я имела дочерей, чью репутацию я могла бы подорвать, не сумев оправдать свое поведение, возможно, я пошла бы на такое унижение. А так как у меня нет ни одной и через три дня после моей смерти весь мир, за исключением немногих теософов и друзей, забудет мое имя, — то я скажу, пусть все идет своим чередом.

Мораль вышесказанного и заключение: Вы можете ошеломить публику описанием моей жизни день за днем аж с момента основания Теософского Общества, и публика имеет на это право. Осмелюсь сказать, Вы могли бы принести в сто раз больше пользы, обнажив ее перед читателями, а не посвящая их в жизнь некой русской, одной из тысяч, к которой они не имеют никакого отношения (во всяком случае, я к ним отношения не имею). К тому же у Вас есть 14 или 15 альбомов с вырезками, которых вполне достаточно, чтобы снабдить Вас материалом для 100 томов «Истории Теософского Общества и его членов, их несчастий и триумфов, их *взлетов и падений*». Это был бы *законнорожденный* труд, каждое слово которого можно было бы подтвердить, и врагу трудно стало бы это отрицать. «Мемуары» как раз достигли этого момента (в имеющейся у меня корректуре).

Методично разоблачайте неслыханные гонения, заговоры, даже сделанные ошибки — и это станет нашим оправданием. «Мы ненавидим и преследуем лишь то, чего боимся». Вы, возможно, обессмертите Движение, если возьметесь его описать. Оставьте первую часть в том виде, как она есть, с многочисленными дополнениями, которые я сделала и сделаю. Не спешите с публикацией и дайте мне время

встретиться с Вами лично в Остенде. Поверьте мне, так будет лучше. Напишите Олькотту и попросите его переписать для Вас некоторые касающиеся меня части письма к нему князя Эмиля Виттгенштейна и других людей, которые знали и встречались со мной в разное время. У Гартмана, кажется, есть масса материала, собранного из полученных им писем, и он, кажется, готов пожертвовать ими. И все, что угодно, от других, каким бы ошибочным это ни было, за что ни Вы, ни я не понесем ответственности. То, что я добавляю, принадлежит не мне, а взято из нескольких писем, полученных мной от тети. Отдаюсь в Ваши руки и прошу только помнить, что «Мемуары», несомненно, извергнут, подобно вулкану, некоторое количество свежей грязи и пламени. Не будьте больше чем нужно спящих собак. Доказательства того, что я никогда не была госпожой Митрович и даже госпожой Блаватской, я унесу с собой в могилу — и это никого не касается.

Если бы у меня был муж, чтобы прикрывать и защищать меня, то я могла бы быть Мессалиной по влечению сердца, и никто не посмел бы, кроме как шепотом, сказать ни слова против меня. Когда я думаю, что не защищена от судебного преследования за *клевету*, потому что написала в *частном* письме, что женщиной, пославшей подобное письмо Мохини, должно быть, является некая «Потифар», и что в Англии у каждого, кажется, есть законное право открыто и публично обвинять меня в двоемужии, троемужии и проституции, а я не могу сказать ни слова в свою защиту в суде, — у меня возникает намерение послать за порцией мятных леденцов — меня *тошнит от омерзения*. То презрение и пренебрежение, которое я испытываю к вашей *свободной* стране с ее хваленным правосудием и справедливостью, невыразимо и неопишимо. Мне хочется попросить российское правительство разрешить мне вернуться, чтобы умереть в каком-нибудь уголке, где меня оставят в покое. Чувство долга по отношению к Учителям — единственное, что мешает мне сделать это. Тот, кто не вмешивается в политику, в России находится в безопасности, а диффамация там сурово наказывается.

Каково мое будущее? Что меня ждет впереди из-за ваших миссионеров, злодея по имени Куломб, языков Бибичей, оскверняющих каждого, как только они к нему прикоснутся, из-за всего этого гула и звона вокруг меня? *Я не могу* вернуться в Индию, пока Куломб находится в Бомбее, а *падре* вокруг нас, — я только погублю Общество. Не успею я прибыть, как кто-нибудь из них найдет какой-нибудь предлог притащить меня в суд, и тогда — прощай, Общество. Ваши важные

персоны из Кембриджа здорово навредили мне благодаря удобным случаям, представившимся им в виде идиотских истошных воплей Олькотта, трусости людей и многого другого. Я — принадлежность прошлого, жалко выглядящее *существо*, неописуемо замаранное. И нет мне ни помощи, ни спасенья. Постарайтесь защитить себя и предоставьте меня моей теперешней судьбе.

А посему **я ничего не напишу** ни об «инциденте с Митровичем», ни о каких других инцидентах подобного рода, где замешаны политика и тайны умерших людей. Это мое последнее и окончательное решение. Если Вы можете сделать «Мемуары» интересными в каком-нибудь другом отношении, делайте, а я помогу. Всё, что хотите, после 1875 года. С тех пор моя жизнь стала общедоступной и открытой, и, исключая часы сна, *я никогда не бывала одна*. Я ручаюсь, что всему миру *не доказать* ни одного из обвинений, выдвинутых против меня за это время. Что же касается феноменов — если бы до того дня я была непорочной девой Марией — то было бы то же самое. Это всё наша вина. Моя, Олькотта, Ваша, Дамодара, всех, даже Учителей, которые наблюдали и — допускали это. Мы не можем рассчитывать вечно развешаться ярко-красной тряпкой перед быком, а затем жаловаться, что он подстрекает нас на это. И, как в данном случае, это худшая разновидность быка — ваш «Джон Булл»⁴⁸. Конечно, мы потерпели поражение.

Очень прошу извинить мою прямоту и длинное письмо.

С совершенным почтением,

Е.П.Блаватская.

ПИСЬМО 61

Мой дорогой м-р Синнетт!

Вчера вечером получила Ваше письмо, на которое ответила и, сверх того, послала Вам телеграмму с предоставлением *карт-бланша* в отношении всего, что Вы можете сделать. А теперь я вынуждена многое сказать в ответ на Ваши вопросы. Даже в этом моем оправдании, а оно могло бы быть *полным*, Майерс и К° воздвигли стену между мной и этой последней возможностью, во всяком случае в том, что касается моей тети.

⁴⁸ Булл — Bull, по-английски — бык.

В прошлом году она послала Майерсу из Эльберфельда предисловие к этим «Мемуарам», подписанное ее именем. При этом она поставила определенное условие, чтобы ее *имя никогда не публиковалось полностью*, а только инициалы. В нем, насколько я помню, говорилось, что «оно (имя) предназначается *только для м-ра Майерса*, который, как подобает джентльмену, никогда им не воспользуется», или что-то в этом роде. А теперь этот «джентльмен» первое, что делает, так это позволяет Ходжсону связать в печати полное имя моей тети с моим обманом и политическими мотивами. В отчете имеется исчерпывающее примечание, которое я читала, где говорится, что так как госпожа Фадеева *моя тетя и русская*, то на ее слова, нельзя полагаться. По утверждению премудрого детектива, письмо К.Х. к ней было *подделано мною* и т.д. Как это получается, я не знаю. Но моя тетя, кажется, узнала это раньше чем я. Распространяются ли эти дьявольские сплетни через Соловьева или через кого-то еще, но вчера вечером я получила от нее письмо, в котором она укоряет меня мягко, но решительно, и, как я понимаю, испытывая невероятную муку (я расскажу Вам почему). «Я велела тебе, — пишет она, — в Эльберфельде не называть мое имя, и ты ответила, что Майерс теософ и джентльмен, благородный человек, а теперь я узнаю, что тоже замешана в деле с феноменами — феноменами, которые были твоим проклятьем в детстве и юности и которые довели тебя ныне до публичного позора». И она продолжает, утверждая, что это все было и есть от дьявола, и просит не сердиться на нее за то, что мои Учителя действительно кажутся ей *жуткими*, такими жуткими, что она, *как христианка*, не осмеливается даже думать о Них! Вот что наделал Майерс, и это после разговоров с мисс Арундейл и Мохини, которые помнят, чт'о она писала (возможно, это все еще там на посланиях, но она писала по-французски на полоске бумаги отдельно *м-ру Майерсу*); и Вам следовало бы раскрыть этот постыдный поступок. Вы должны разоблачить его перед всеми честными людьми, и он, будучи не в состоянии отпереться от этого поступка, предстанет перед многими как мерзавец. Если Вы не сделаете этого, то считайте, что потеряли самую подходящую возможность выставить кембриджскую *клику* в истинном свете.

Итак, я перешлю ей Ваше письмо. Я добавила к нему 4 страницы упрасиваний и объяснений, *почему* теперь это так необходимо, чтобы она мне помогла. Я уверена, что она настолько готова сделать для меня всё, что откажется от разрешения на публикацию своего имени после

того, как оно было так запятнано Ходжсоном, тем более, что после этого ей никто не поверит. В этом я убеждена. Остается моя сестра, она в Петербурге. У нее четыре дочери на выданье. Она, возможно, пришлет Вам то, что написала. «Правду о госпоже Блаватской» и добавит кое-что еще. Хотя теперь, опять же из-за сплетен Соловьева, ее дочери, мои племянницы, крайне обозлены на меня за некоторые замечания, сделанные мною относительно их *развязности*, а моя сестра — послушное орудие и жертва своих дочерей. Моя тетя очень любила и глубоко уважала своего единственного брата, моего давно умершего дядю, генерала Фадеева. Если бы она была замужем, то предоставила бы свое имя и не волновалась бы из-за этого; но она сообщила мне, что видеть *его имя* в печати, его имя на устах скептиков, как она считает, смеющихся над ним и *оскверняющих* его, — это больше того, что она могла бы вынести. Так-то вот. Давайте подождем ее ответа.

А теперь Ваши вопросы:

1. Мое детство? С избалованностью и ласками с одной стороны, с наказаниями и закалкой — с другой. Лет до 7-8 болезненная и вечно умирающая лунатичка, одержимая дьяволом. Две гувернантки — француженка мадам Пенью и мисс Августа София Джефффриз, старая дева из Йоркшира. Нянь — без счета. *Ни одной курдской няньки*. Одна была наполовину татарка. Заботившиеся обо мне солдаты отца. Мама умерла, когда я была ребенком. Родилась в Екатеринославе. Лет до 8 или 9 переезжала с отцом с места на место вместе с его артиллерийским полком, время от времени меня отвозили навестить бабушку и дедушку. Когда мне исполнилось 11, бабушка совсем забрала меня жить к себе. Жили в Саратове, когда дедушка был гражданским губернатором, а до того — в Астрахани, где у него под началом было много (что-то около 8 или 10 тысяч) калмыков-буддистов.

2. Визит в Лондон? Я была в Лондоне и во Франции с отцом в 1844, а не в 1851 году. В этом указанном последнем году я приезжала одна и некоторое время жила в меблированных комнатах на Сесил-стрит, затем в гостинице Майварта, но так как я была со старой графиней Багратион, а после ее отъезда осталась с ее компаньонкой Иезавелью, то там никто не знает *моего* имени. Жила также в большой гостинице где-то между Сити и Стрэндом или на Стрэнде, что касается названий и номеров, то Вы могли бы с тем же успехом спросить у меня номер дома, в котором Вы жили во время Вашего последнего воплощения. В 1845 году отец

привез меня в Лондон, чтобы взять несколько уроков музыки. И взяли, правда несколько позже, — у старого Мошелеса. Жили с ним где-то неподалеку от Пимлико — но даже в этом я бы не присягнула. Уехали с ним в Бат, оставались там целую неделю, весь день не слыша ничего, кроме колокольного звона в церквах. Хотела продолжить путь верхом на лошадях в своей казачьей манере; он мне не разрешил, и я, помню, устроила скандал, и у меня случился истерический припадок. Когда мы отправились домой, он благодарил судьбу; ехали два или три месяца по Франции, Германии и России. В России наш собственный экипаж и лошади делали в день двадцать пять миль.

Рассказать об Америке? Бог мой, да ведь я могу с таким же успехом попытаться рассказать о вереницах снов, которые я видела в детстве. Попросите-ка меня рассказать теперь — под угрозой и рискуя быть немедленно повешенной в случае предоставления неверной информации, — что я делала и где бывала начиная с июля 1873 года, когда приехала в Америку, и до того момента, когда мы создали Теософское Общество, и я непременно забуду половину, а другую половину поведаю неправильно. К чему спрашивать или ожидать чего-либо подобного от таких мозгов, как мои! Всё смутно, всё запутано и перемешано.

Я едва ли смогу вспомнить, где была и где не была в Индии с 1880 года. Я видела Учителя в своих видениях с самого детства. В год прибытия первой непальской дипломатической миссии (когда это было?) я увидела и узнала Его. Видела Его дважды. Один раз Он вышел из толпы, затем приказал мне встретиться с Ним в Гайд-парке. *Я не могу, я не должна* говорить об этом. Я не хочу делать это достоянием всего мира. Подумайте о том вреде, который причинил мне «Оккультный мир» при всех Ваших добрых, благих намерениях. Если бы Вы не перечислили поименно моих родственников, не упомянули о моем *внутреннем* мире, о моем пребывании в Тибете, то никто не считал бы меня большей мошенницей, чем считают сейчас. Так что Вы понимаете. Давайте не будем включать имена моих бедных тетюшек и родственников в книгу, умоляю Вас. Достаточно грязи, скопившейся на *одном члене* семьи, ну давайте же не будем привлекать в книгу святые имена и имена, которые я уважаю, и заранее обрекать их тем самым на искажение.

3. Ездил в Индию в 1856 году — просто потому, что тосковала по Учителю. Переезжала с места на место, никогда не сообщая, что я русская, так что люди принимали меня за кого мне хотелось. Где-то в Лахоре познакомилась с Кюльвайном и его другом. Да если бы мне пришлось описывать свое пребывание в Индии только в том году, то получилась бы целая книга, но как же я могу теперь говорить правду? Допустим, я должна была бы рассказать, что *ходила в мужском платье* (ибо в то время я была очень худой), а это святая правда, ну и что будут говорить? Потом я была в Египте со старой графиней, которой нравилось видеть меня одетой *юношей-студентом*, «господином студентом», говаривала она. Теперь Вам понятны мои трудности? То, что у любого другого сошло бы за эксцентричность, странность, сейчас послужит тому, чтобы *обвинить* меня в глазах общества. Плавала на голландском корабле, потому что другого, я думаю, не было. Учитель приказал мне отправиться на Яву по одному делу. Там были двое, в ком я всегда подозревала чел. Одного из них я видела в доме Махатмы в 1869 году и узнала его, но он это отрицал.

4. «Случай усыновления ребенка»! Пусть лучше меня повесят, чем я упомяну об этом. Да знаете ли Вы, к чему это приведет, даже если не называть *имен*? К потоку грязи, который обрушится на меня. Ведь я говорила Вам, что даже мой собственный отец подозревал меня и, возможно, никогда не простил бы, если бы не справка от врача. Впоследствии он жалел и любил этого несчастного ребенка-калеку. Прочтя эту книгу, Хоум, медиум, будет первым, кто соберет остатки сил и разоблачит меня, обнародовав имена, и обстоятельства, и всё что угодно еще. Итак, мой дорогой м-р Синнетт, если Вы намерены погубить меня (хотя сейчас это вряд ли возможно), то нам следует упомянуть этот «случай». Не упоминайте ничего — это мой совет и просьба. Я сделала слишком много, чтобы доказать и клятвенно заверить, что он мой, — и перестаралась. Справка от врача пропадет без пользы. Люди скажут, что мы подкупили или дали взятку врачу, вот и всё.

5. Да, вернулась к родственникам в январе 1860 года.

6. Да, примерно в 1862 году уехала со своей сестрой в Тифлис, покинула его примерно в 1864 году и поехала в Сербию, путешествовала по Карпатам — всё, как я объясняю в своем рассказе о двойнике. Полагаю, Господарь был убит в начале 1868 года (см. Энциклопедию), когда я находилась во Флоренции после пребывания в Ментане и на

пути в Индию из Константинополя вместе с Учителем. Если Вы примете за основу мою новеллу «Двойное убийство», то окажетесь неправы. Я знала Госпожу, и Фросю, и княжну Катинку, и даже господина Михаила Обреновича гораздо раньше. Маленькая заметка из какой-то тимизиоарской газеты была передана мне в 1872 году (я так думаю), когда я ехала из Одессы в Бухарест навестить свою подругу мадам Попеско, а о том, что произошло в Вене, мне сообщили через Фросю после моего инцидента с Госпожой. Пожалуй, каждая деталь верна — насколько это касается меня и действующих лиц. Но ведь я говорила Вам еще в Симле, что хотя подробности подлинные, я объединила эти подробности и реальных персонажей в рассказе, написанном для «Sun» (Нью-Йорк) под псевдонимом «Хаджи-Мора». Ежедневно пишутся действительно выдуманные истории, начинающиеся с того, что «в 1800 году было то-то и то-то, я был там-то или в другом месте», и сочиняются от начала до конца. Я просто описала *события*, происшедшие с известными мне лично персонажами, и только вместо Фроси Попеско (другая Фрося), рассказавшей мне о том, что случилось, представив себе всё это в воображении, я ввела в повествование автора, а теперь появляется Селлин и устраивает мне перекрестный допрос, и я утверждаю, что история правдива, он же спрашивает: а Вы там были? Я отвечаю: нет, так как направлялась в Индию, но мне это рассказали, и я написала об этом рассказ. И тогда Селлин выступает и заявляет: «Если Вы сочинили рассказ “Может ли двойник убить?”⁴⁹, то могли выдумать и Махатм». Я никогда не выдавала серии своих сенсационных рассказов в нью-йоркской «Sun» за безусловную и *истинную* правду. Я писала *рассказы*, основанные на событиях, происходивших там и сям с живыми людьми, изменяя только имена (однако не в «Двойном убийстве», в котором я поступила достаточно глупо, выведя реальных персонажей); и это посоветовал мне и устроил Илларион, и он говорит и повторил снова только в тот день, когда я спорила с Селлином: «Так как каждое слово в созданном *Госпожой* образе Фроси правда, то и сцены в Вене, и двойное убийство *достоверны*, как мадам Попеско и рассказывала Вам».

Я полагаю, что Вы это знали? Ведь Вы же знали с самого начала, что Ментана была в октябре 1867 года. Я была во Флоренции примерно на Рождество, возможно, за месяц до того, как был убит несчастный

⁴⁹ «Может ли двойник убить?» — Рассказ Е.П.Блаватской, известный российскому читателю под названием «Мистическая история» (см. сборник: Е.П.Блаватская, У.Джадж, М.Коллинз «Кармические видения». — М.: Сфера, 1995).

Михаил Обренович. Потом я поехала из Флоренции в Антемари и в направлении Белграда, где в горах я должна была остановиться (по приказу Учителя) — поджидая некоего человека, посланного им за мной, чтобы следовать в Константинополь через Сербию и Карпатские горы; и именно там, думаю, примерно через месяц или два после убийства, я встретила Госпожу с Фросей. Всё это правда, за исключением того, что я прочла сообщение о двойном убийстве от мадам Попеско 4 года спустя, и в рассказе, сенсации ради, я описала это как происшедшее несколькими днями позже в Тимишоаре — и это всё. А теперь Олькотт набрасывается на меня, говоря: «Окли представил всю эту историю как *ложь*, он обратился к какому-то английскому послу в Вене и т.д.». Ну, желаю успеха обоим — и Олькотту, и Оксли. История правдива. Только я не собиралась предавать огласке имя мадам Попеско, которая сообщила мне последний акт, прочитав об этом в каком-то венском выпуске, *немедленно запрещенном*, и имя родственника Карагеоргиевича, спутниками которого были эти двое, чтобы не взвалить на себя судебный процесс. Вот почему я сказала, что прочла об этом в тимешоарской кофейне, и даже это было опасно, так как я упомянула имя Карагеоргиевича, чей сын теперь женат на Зорке, черногорской принцессе.

Писала ли я свой дневник или признания, будучи невольницей чести излагать факты так, как они имели место, сообщать годы и имена? Станные претензии. Это вроде моих «Русских писем» из Индии, в которых, описывая воображаемое путешествие или поездку по Индии с «Географическим справочником» Торнтона в качестве гида, я всё же сообщаю действительные *факты* и описываю реальных действующих лиц, только сводя их воедино в пределах трех- или четырех-месячного периода времени, тогда как все факты и события имели место в разное время на протяжении многих лет, как, например, некоторые феномены Учителя. Это преступление? Потому что Скотт считал именно так. Уж если, побывав в Калькутте и Аллахабаде, я должна писать об их памятниках древности, — *которые я видела собственными глазами*, — то почему же мне нельзя обращаться к «Исследованиям Азии» и даже к «Географическому справочнику» Торнтона за историческими данными и подробностями, которые я сама никогда не могу упомянуть? Считается ли литературным воровством пользование энциклопедиями и путеводителями? Я не переписывала и не занималась плагиатом, я

просто рассматриваю их как руководства, *более надежные, чем моя память.*

Скажите также, пожалуйста, в отношении этой моей истории с «Двойным убийством»: являюсь ли я преступницей из-за того, что написала под именем «Хаджи-Мора» рассказ, а затем добавила одну-единственную выдуманную деталь — а именно то, что я сама прочла газету, вместо правды, состоявшей в том, что мадам Попеско дала мне прочитать об этом в своем дневнике, где она записала все, что касалось этого события, которое я, соединив даты, задумала описать как свершившееся той самой ночью? Как Вы думаете? Должно быть, это элементарии Обреновича и княжны Катинки приносят мне эти неприятности только за использование их имен в подобном рассказе. Снова карма. Но я отвлекаюсь от Ваших вопросов.

Пожалуйста, не говорите о Ментане и не говорите об **Учителе** — я Вас умоляю. Я вернулась из Индии на одном из первых пароходов. Но сначала я поехала в Грецию и повидала Иллариона — не могу и не должна говорить, *в каком месте*. Затем — в Пирей, а из этого порта — в Специю, в пределах видимости которой нас взорвали. После этого я отправилась в Египет, сначала в Александрию, где у меня не было денег и я выиграла несколько тысяч франков на № 27 (не пишите этого), и затем поехала в Каир, где оставалась с октября или ноября 1871 года по апрель 1872, только 4 или 5 месяцев, и снова вернулась в Одессу в июле, так как сначала заехала в Сирию и Константинополь и в несколько других мест. Я отправила мадам Себин с обезьянами вперед, потому что Одесса находится всего лишь в 4-5 днях пути от Александрии.

В марте 1873 года уехала из Одессы в Париж, где остановилась у своего кузена Николая Гана (сына моего дяди, брата отца Густава Гана, матерью которого была графиня Адлерберг), кажется, на рю Университет, 11; затем в июле того же года я, согласно приказу, поехала в Нью-Йорк. С этого момента публика знает всё. *Всё открыто.*

О — графиня Киселева? Спасибо. Да она мертва вот уж более 20 лет, как мне кажется. Умерла в Риме с папским прощением и отпущением грехов взамен подушки. Завещала миллионы и всю свою медиумическую аппаратуру, дощечки для письма и карты *Таро* Римской Церкви.

Ну вот и всё. Резюмирую.

Просто невозможно сообщить настоящую, неприкрытую правду о моей жизни. Немыслимо даже упомянуть о ребенке. Бароны Мейендорфы и вся русская аристократия восстали бы против меня, если в процессе предоставления опровержений (каковые обязательно последуют) потребовалось бы упомянуть имя барона. Я дала *честное слово* и не нарушу его **до смерти**.

В те годы, с 17 до 40 лет, во время своих путешествий я заботилась об уничтожении всяческих следов моего пребывания где бы то ни было. Когда я была в Барри (в Италии), учась у местной колдуньи, то посылала свои письма в Париж для отправки их по почте оттуда моим родственникам. Они получили от меня единственное письмо из Индии, когда я покидала ее в первый раз. Затем из Мадраса в 1857 году; когда я была в Южной Америке, то все же написала им и опустила письмо в ящик *в Лондоне*. Я никогда не допускала, чтобы люди знали, *где* я находилась и *что* делала. Если бы я была обычной проституткой, им бы это понравилось больше, чем мои занятия оккультизмом. Только вернувшись домой, я сказала своей тетушке, что полученное ею письмо от К.Х. не было письмом от *духа*, как думала она. Когда же она получила доказательства того, что Они живые люди, то посчитала их дьяволами или *продавшимися Сатане*. Теперь Вы видели ее. Это скромнейший, добрейший, в высшей степени кроткий человек. Вся ее жизнь, ее деньги, всё — для других. Но стоит коснуться ее религии, и она превращается в фурию. Я никогда не говорю с ней об Учителях.

Теперь они хотят представить дело так, будто я никогда не бывала в Индии аж до 1879 года. В изданном некоторое время назад произведении — «Воспоминаниях» моей сестры, в которых каждое слово *правда*, она сообщает на с. 41-42 (я перевожу дословно из лежащей передо мной книги): «Следующей осенью я возвратилась с двумя маленькими сыновьями (в Россию в 1859 году) с Кавказа... Я поехала в Псков. Той зимой я стала свидетельницей множества в высшей степени удивительных явлений спиритуалистического характера; но я не буду упоминать их, так как все они описаны в моих статьях “Правда о Е.П.Блаватской” в “Ребусе”. На этих страницах автор забыла добавить, что хотя все считали, будто феномены, происходившие в присутствии моей сестры, были вызваны духами и благодаря ее медиумическим способностям, она сама *постоянно отрицала это*. Моя сестра, Е.П.Блаватская, провела большую часть десятилетнего (с 1850 по 1860 год) *отсутствия в России, путешествуя по Индии, где*

спиритуалистические теории, как представляется, вызывают глубокое презрение, а медиумические феномены, называемые так нами, объясняются в этой стране как исходящие из источника, пить из которого (или *питаться* которым) моя сестра считает унижительным для ее человеческого достоинства и поэтому не желает признать, что ее способности происходят из подобного источника. Как бы там ни было и какова бы ни была природа той силы, которая помогает ей осуществлять феномены, только во время ее пребывания со мной у Т[ахонтова] эти феномены происходили на глазах у всех, кто верил и не верил в них, оставляя всех и каждого в величайшем изумлении»⁵⁰.

Так вот, этот короткий отрывок и сноска доказывают две вещи: что я была в Индии в какое-то время между 1850 и 1860 годами и что даже еще в 1860 и 1864 годах я всегда утверждала, что мною движет и помогает мне не сила *духов*, а мои Учителя и их челы. Это ясно из разговоров, приводимых ею в имеющейся у Вас «Правде» обо мне, а то, что я сейчас сообщаю, называется «Непостижимое и необъяснимое» из *личных и семейных воспоминаний* В.Желиховской. А теперь предположим, я пошлю Вам этот маленький памфлет, и Вы непременно отнесете его госпоже Новиковой и со всей любезностью попросите ее перевести для Вас отмеченные абзацы на стр. 41 и 42 и сноску. И что, сделав это, Вы напишите моей сестре длинное письмо на английском языке (она говорит по-английски лучше меня), растолковывая ей в высшей степени омерзительный памфлет Ходжсона и уверяя ее, насколько это необходимо, чтобы высказалась *защита*. Не забудьте, что Вы должны (*если* действительно будете писать) рассказать ей, что Ходжсон полностью отрицает наличие у меня всех способностей и что он приводит в качестве основания моего гнусного 10-летнего бурлеска и обмана политические мотивы, то есть, что я *русская шпионка*. Если Вы напишете ей, то она сможет сообщить Вам гораздо больше, чем моя бедная тетя, которая ненавидит писанину и которую уже от всего этого тошнит. А моя сестра очень воинственна и бесстрашна. Если Вы скажете

⁵⁰ Родная сестра Е.П.Блаватской В.П.Желиховская писала: «Моя сестра, Е.П.Блаватская, насколько я понимаю из полученных от нее писем, весьма недовольна мною за то, что я не раскрыла в “Правде о госпоже Блаватской” всей правды. Она утверждает *иногда*, что в то время на нее воздействовала совершенно иная сила, чем теперь, а именно сила, которой овладели индусские мудрецы — раджа-йоги. Она уверяет меня, что даже тени, которые она обычно видит и видела всю свою жизнь, не являются ни привидениями, ни духами умерших людей, а просто это астральные тела ее всемогущих индусских друзей».

ей, что Ходжсон старается погубить мое доброе имя и репутацию, и т.д., и т.п., то она сможет разыскать для Вас массу очевидцев из благороднейших фамилий в Петербурге и Пскове, которые засвидетельствуют феномены, наблюдавшиеся ими между 1860 и 1862 годами. Это уже было бы кое-что. Спросите ее, что она знает или слышала о моих способностях, когда я была в Имеретии и Мингрелии, в девственных лесах Абхазии и на побережье Черного моря — не стекались ли отовсюду люди, независимые князья, и архиепископы, и высшее дворянство, чтобы попросить меня исцелить и защитить их, сделать то или другое. Только Вы должны прямо объяснить ей, что Вы из Лондонской ложи английских теософов и намереваетесь оставаться верным мне и защищать меня, и что она должна помочь Вам, предоставив материалы против врага. Уверяю Вас, *что она это сможет*. Она очень тщеславна и самодовольна и полная противоположность мне, что может подтвердить Вам и Мохини. Однако она очень горда, и если только Вы изобразите ей, в каком ужасном положении я нахожусь, и взовете к ее фамильной гордости и чести, она сделает всё. В других отношениях они (в России) так же ожесточены против вас, англичан, как и вы против них сейчас.

Вот и всё, что я могу сказать. Она очень рассердилась на мою тетю за издание того письма Махатмы К.Х. и рассвирепела на меня за пересказ этой истории о предке, составляющей, как она говорит, семейную тайну, «скелет в фамильном чулане» или как там это называется? Итак, Вы предупреждены. Просто скажите ей, что я показала Вам отрывок из ее самого последнего памфлета и что Вам хотелось бы, чтобы она рассказала всё, что знает обо мне. Могу Вас заверить, что много комплиментов мне *она* не наговорит — если только Ваше письмо не застанет ее в одном из ее приступов восторженного излияния чувств. Если Вам нужен памфлет, я пришлю его, а Вы его вернете, если только госпожа Новикова (Вы могли бы сделать это через Шмихена или Мохини) сможет перевести для Вас некоторые из удивительных происшествий в нашей семье, которые я помечу. Графиня только что вернулась из Мюнхена. До свидания. Жду ответа.

Всегда Ваша

Е.П.Блаватская.

Мой искренний сердечный привет миссис Синнетт.

ПИСЬМО 62

Мой дорогой м-р Синнетт!

Посылаю Вам перевод этих нескольких страниц из памфлета, или книги, моей сестры — того, что описано на нижеследующих страницах. Пригодятся ли они хоть как-то или нет, всё же это какое-то дополнение к тому, что у Вас есть. Из них Вы узнаете: а) еще в 1860 году я утверждала, что тени (или астральные тела), являющиеся ежедневно и постоянно и разгуливающие по дому столь бесцеремонно, что их видели все (мой отец не может считаться *легковерным* дураком, по крайней мере никем из знавших *его*, и именно поэтому я перевела ту часть ее произведения, которая касается его), были не добрыми «духами», а астральными формами; б) не было никакого медиумизма; в) у меня не могло быть *никаких сообщников* в доме отца, где не было никого, кто *помог бы* мне, кроме моей сестры, ставшей теперь фанатичкой со своим св. Николаем, двоих ее маленьких детей, гувернантки нашей младшей сестры, ее сам'ой — 10-летней девочки и меня. Остальные — *все крепостные*, трепетавшие перед моим отцом, который был очень строг, безусловно, не согласились бы обманывать и мистифицировать своего барина. И там не найти никакой теории о «русской шпионке», *никаких мотивов* для объяснения фактов, имевших место в то время. Сотни свидетелей этих фактов еще живы: в Петербурге и Пскове. Говорю Вам, напишите моей сестре и попросите ее сообщить некоторые подробности о моем детстве, насколько она их помнит.

Подробности *моего замужества*? Ну, теперь утверждают, что я *сама* хотела выйти замуж за старого пердуна. Пусть будет так. Мой отец был за 4 тысячи миль. Мой дедушка был слишком болен. Это произошло так, как я рассказывала Вам. Я обручилась сама, чтобы досадить гувернантке, даже не думая, что уже не смогу *освободиться*. Итак — карма последовала за моим грехом. *Невозможно* сказать правду, не бросив тень на людей, которых я не буду обвинять теперь ни в коем случае, потому что их нет в живых. Свалите всё это на меня. И так уже возник скандал между моей сестрой и тетушкой — первая обвиняет меня в клевете на умерших родственников в вопросе моего замужества и в том, что моя тетя подписала и их, и свое собственное осуждение. Оставим это в покое. Я знаю одно: я не могу писать «Тайную Доктрину» со всем <...> постоянной борьбой вокруг меня. Я знаю, что Хюббе, подвергшийся психологической обработке Сел[лина]... 1) чувствует себя

неуверенно. Он несчастный, слегка нервный, безвольный человек. Селлин заставил его поверить в то, что именно Олькотт обманул его с письмом Махатмы в вагоне поезда! Бедный Олькотт. Ну где же в нем демаркационная линия между доверчивым дураком и *плутом*!

Вчера вечером видела Дамодара, а графиня [К. Вахтмайстер] постоянно видит Учителя. Всякий раз, когда я вижу Его или слушаю, что Он говорит, она спрашивает, пристально глядя на Него: «Что Он говорит?» Она замечательная ясновидящая. Она рассказывает мне (это строго конфиденциально), что во время ее пребывания у Гебхардов в прошлом и в этом году у них было несколько феноменов и они видели Учителя. Но что они скрыли это от Вас и Лондонской ложи, чтобы не вызывать сплетен, а в некоторых случаях и *зависти*. Я *не* возблагодарила ее за подобную свободу действий. У Гебхардов происходит что-то неладное, я *чувствую это*. Д.Н[атх] жутко расвирепел и, вполне вероятно, может, чтобы защитить своего Учителя и *Махатм* в Тибете, всё отрицать и произвести на них то же самое впечатление, какое он произвел и на Ходжсона, нарочно перепутав даты и отказавшись предоставить ему верные сведения. Именно это вечное балансирование на туго натянутом канате над пропастью между *разглашением* всего этого, что в общем-то является незаконным, и одним из двух: либо сообщить то, что люди называют ложью, либо навлечь обвинение в *сокрытии чего-то важного*, — погубило ситуацию в целом и предоставило удобный случай врагу. Ах, дорогой м-р Синнетт, как замечательно было бы, если бы мы все *никогда не произносили имен Учителей*, кроме как в комнатах с закрытыми дверями, и поступали так, как челы брамина. Вы прочтете «Теософский миф» Гартмана и *наш* ответ на него, посланный Вам с несколькими дополнительными объяснениями.

Надеюсь, что это *сердце* выдержит до тех пор, пока я закончу «Тайную Доктрину». Хорошо ли Вы продумали проблему передачи моего протеста в «Times»? Опасная штука! Судачат ли газеты об этом? Это *всё* риск. Что поделаешь?

Ваша, в полном идиотизме,

Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 63

Мой дорогой Синнетт!

Посылаю Вам нечто непонятное. Прочтите 3-6 строки. Это, несомненно, мой почерк. Кхандавала скопировал его с моего письма к нему. Когда я получила и увидела это, то была жутко поражена. Дайте-ка я напишу это: **«верные бесстрашные друзья, чья преданность Учителю и Вам не поколебалась ни в малейшей степени»** — я написала это не глядя, дабы не мешало желание скопировать его. А теперь я спрашиваю Вас, если бы подобное письмо, *целое* письмо было написано тем же почерком, что и эти две полустрочки, то разве не поклялись бы Вы, что это мой почерк? Зачем Кхандавала понадобилось копировать это предложение моим почерком, понятия не имею. Однажды он написал 3 письма, скопировав их с моего собственного, и принес их мне, и я сама присягнула, что они мои, не представляя, что он имеет в виду. Хорошо бы Вы написали ему и спросили, не может ли он прислать Вам всё письмо, если Вы считаете, что этих двух строк недостаточно для передачи эксперту. Я полна решимости собрать с полдюжины поддельных и столько же написанных мною писем и передать их на рассмотрение *одним и тем же экспертам*. Посмотрим, удастся ли им не попасться. Ибо, в конечном счете, *единственное* наносящее вред, по-настоящему *убийственное* доказательство против меня для всего мира заключается в этих письмах. Джадж напишет несколько писем моим почерком, а судья Кхандавала — остальные. Я скажу им, что эти строчки написаны моей рукой и что я первая признаю это под присягой в любом суде.

Д.Н[атх] *спятил*. Еще новость. Написал 2-3 бредовых письма графине и в конце концов написал письмо, в котором называет меня *предателем Учителей*, говоря, что то, «*что Селлин представляет собой для теософии, то я — для оккультизма*», что «Е.П.Б. опасная женщина», он не собирается верить мне и что если я приеду к нему в Эльберфельд, то он «убежит». Требуется графиню, умоляет ее приехать в Эльберфельд ближайшим поездом — что пришел Страж Порога — что он сходит с ума, умирает и покончит с собой, и т.д., и т.п. Графиня, разумеется, помчалась в Эльберфельд, и вот я опять осталась *одна*! А она мне телеграфирует: «Доехала благополучно, Боваджи *здоров!!!*» Ну что же это такое? Мальчик — фанатик, и его доводит до безумия то, что он называет *осквернением Махатм*. Чтобы оберечь Их имена, он готов на всё — даже отречься от Них публично, и я воистину в это верю. Так-то вот, и ничего

не подделаешь. Еще одна беда: Гартман пишет *в мою защиту!* Он уверяет меня, что ему *приказано* защищать меня, и пишет теперь то, что я привожу в кавычках: «Вы совершенно невиновны ни в каком *предумышленном* мошенничестве». Уж не собирается ли он сделать из меня *безответственного* медиума? Это будет последний удар по моей репутации. Что он Вам сказал? *Третье несчастье*. Письмо от Бака из Цинциннати.

Пишет несколько строчек, которые я воспроизвожу: «Не могли бы Вы рассказать мне что-нибудь об Обществе, известном как “Е.Б. из Л.”? *В интересах Теософского Общества в этой стране* пришлите мне всё, что сможете, на эту тему. Вы можете изложить это в 2-3 набросанных на скорую руку строках, а мне особо хотелось бы знать: *связана ли с ним миссис Кингсфорд официально или иным образом*. П.Дэвидсон является его номинальным главой со стороны. Является ли Общество, которое он представляет, старым или новым? фальшивым или настоящим?.. Искренне Ваш Дж.Д. Бак».

Ну откуда я знаю? А Вы? Очевидно, это какое-то новое вероломство, исходящее от распрекрасной Анны. Примите, ради Бога, информацию и напишите ему через Мохини, если не захотите сами сделать это. Это *очень важно*.

Ну, что еще? Да, «Times» — я **знала**, что они не опубликуют мое письмо, и, право же, это к лучшему. Если же они это сделают, то Вы увидите, какие новые злобные нападки это принесет. Никто, кроме психистов, теософов и спиритуалистов не будет читать отчет, а «Times» общедоступна. Однако я *целиком и полностью* отдала себя в *Ваши* руки.

1. Моя сестра (г-жа Желиховская) на 3 года моложе меня.

2. Сестра Лиза — от второй жены отца, он женился, кажется, в 1850 году на баронессе фон Ланге. Два года спустя она умерла. Лиза родилась, по-видимому, в 1852 году — не уверена, но думаю, что я права. Моя мать умерла через 6 месяцев после рождения моего брата в 1840 или 1839 году — этого я не могу сказать. Во имя всего святого, не называйте ее имени — какое отношение имеет *бедная покойница* ко всему этому гнусному делу, именуемому феноменами и Е.П.Б.!

3. Мы, русские, когда пишем по-французски, ставим «de» перед дворянскими фамилиями из «*Бархатной книги*». По-русски — если только фамилия не немецкая, когда пишут «фон», — «de» опускается. Мы были де Ган и теперь фон Ган — я не собираюсь писать «de» и никогда не писала перед фамилией Блаватская, хотя старик и

происходил из аристократического украинского рода — гетманов *Блаватко*, став впоследствии Блаватским в России и графом Блаватским в Польше. Что же еще? Отец был ротмистром конной артиллерии, когда женился на моей матери. Оставил службу после ее смерти в чине полковника. Был в 6-й бригаде и вышел помощником командира батареи уже из *Императорского пажеского корпуса*. Дядя Иван Алексеевич фон Ган был начальником российских портов в Санкт-Петербурге. Женился первый раз на *фрейлине* — графине Кутузовой, а потом, вторым браком, — на другой старой фрейлине (весьма потасканной особе) мадемуазель Чатовой. Дядя Гюстав женился сначала на графине Адлерберг, затем на дочери генерала Броневского, и т.д., и т.п. Мне нечего стыдиться своей семьи, но мне *стыдно* быть «госпожой Блаватской», и если Вы сможете помочь мне получить гражданство в Великобритании и стать миссис Снукс или Тафматтон, я буду, как здесь говорят, «целовать ручки». Я не шучу. В противном случае я не смогу вернуться в Индию.

Я поглощена работой над «Тайной Доктриной». Что из этого получится, не знаю, но в ней нагромождаются факты, факты и факты, сплошь касающиеся христианского разбоя и воровства.

Сердечный привет миссис Синнетт и Вам.

Ваша одинокая и убогая

Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 63а⁵¹

29 декабря 1885 г., Пуна

Дорогая Госпожа!

Ваше письмо от 19 октября получено мною в должное время. Мы все очень рады узнать, что Вы нашли в Европе то, «что тщетно искали в Индии» — **«верных, бесстрашных друзей, чья преданность Учителю и Вам не поколебалась ни в малейшей степени»**. Видимо мы, несчастные индийцы, потеряли в Ваших глазах и в глазах Учителей все те незначительные достоинства, которыми когда-либо обладали, и всё же я верю, что лучшие качества Ваших друзей в Индии превосходят все недостатки, которые Вы можете в них найти. Одно дело для них

⁵¹ Письмо 63а — послание Кхандавалы, упомянутое Е.П.Блаватской в предыдущем письме.

исповедовать слепую веру в Вас, которой не приходится сталкиваться с ужасными сплетнями, и совсем другое — жить среди повседневной клеветы и стойко выполнять наш долг по отношению к тем, кого мы любим, не поднимая шума и не расписывая свои взгляды предубежденной публике, особенно когда мы не в состоянии собрать достаточное количество фактов, чтобы показать ложность сплетен, опровергнуть которые могли бы лишь Махатмы.

Вы едва ли представляете себе, какая трудная задача встала перед нами, когда появились эти подозрительные письма. Бедный Сэссун, колеблющийся и готовый встать на сторону общественности. Брат Иезекииля, нетерпеливо рвущийся протолкнуть в печать множество материалов, выбранных наобум из состоявшегося между ним и Вами разговора, и вряд ли осознающий, что собирается причинить вред Вам или Сэссуну. Иезекиель, почти не помнящий всех подробностей, и я, ничего не знающий о том, что действительно произошло во время двух Ваших визитов. Несмотря на все это, я максимально использовал ситуацию и послал два письма, подписанных Иезекиилем, в индийскую «Times», которая в значительной степени восстановила душевный покой наших братьев и сочувствующих. Именно отделение в Пуне больше всего сделало для восстановления доверия, и в лучшем случае сотня членов, если не больше, остались совершенно тверды при моей помощи. В прошлом году на съезде они чуть было не испортили всё, устремившись в руки правосудия. Я интуитивно осознал реальную опасность, возникшую перед нами с самого первого дня публикации этих проклятых писем, и, несмотря на все трудности, приехал в Адьяр и вместе с другими старался избежать политики, которая решила бы судьбу Общества и обрекла бы нас на вечную гибель и позор. Какова бы ни была правда — суд не то место, где Вам следовало бы ее добиваться.

Если Вы хотите знать настоящую правду, то она заключается в том, что вера в Вас совершенно не была подорвана, но <...>.

ПИСЬМО 64

Дорогой м-р Синнетт!

Вот копия Мурада Али, умершего *буйно помешанным*, Бишен Лала и других *тщеславных*, безвольных и эгоистичных типов, которые кончают при первом искушении буйным помешательством или совершают самоубийство.

Три обвинения, выдвинутые Боваджи, — низкая *ложь*.

[Обвинение 1.] Что я и писала индийскому народу или некоторым индусам, так это то, что полковник Олькотт не знал Учителя так хорошо, как я, что он никогда не видел Его, как видела я, однажды во плоти, а всё остальное время в астральной форме, или в форме майи; поэтому — и т.д., это всё. Теперь это искажено.

Обвинение 2. Никогда ни я, ни бедный полковник не совершали подобного подлого поступка. Боваджи утверждает то, что не осмеливался высказывать даже Ходжсон, — а именно, что я использовала имена Учителей для грязных денежных делишек. Я напишу Харрисингджи и попрошу его прислать справку, подтверждающую это. Наоборот, когда он захотел истратить 10 тысяч рупий на раку и передать несколько тысяч Обществу и этому дурацкому Храму религий или чему-то в этом роде, я приказала ему во имя Учителя не делать этого; и знаю, что Махатма К.Х. писал ему, чтобы он не тратил свои деньги на подобные дела; что если он хочет что-нибудь сделать, то пусть привезет своего сына в Адьяр. Он *не* привез — и ребенок умер. Теперь этот безумец знает всё это и тем не менее искажает факты, *опозорил* Олькотта и меня перед Гебхардами гораздо больше, чем когда бы то ни было удавалось Ходжсону. Итак, это *снова* всё моя вина. Мне следовало бы, по крайней мере, сказать Вам правду, что Учитель не принял и прогнал его, так как кое-что я не могу рассказать. Но так как Учитель, в своей бесконечной доброте, велел мне относиться к нему хорошо, я выполняла это и любила его так, как люблю Мохини. Мальчик оказывается диким зверем, беспринципным *лжецом*, и если он приедет в Лондон, то я не буду больше хранить молчание, защищая *челу*, как делала до сих пор, — пусть даже и *падшего* челу.

Обвинение 3. Мое сердце предчувствовало, что всё это из-за нескольких строчек, которые Учитель написал на письме к Вам? Я ничего не знала об этом и не желала знать, и это выдвигается против меня как новое обвинение.

Мой дорогой м-р Синнетт, *Общество на ладан дышит*. Это именно тот, кто психологически обработал Арундейлов и всех в Лондоне, и это именно он, чтобы взять *реваниш*, заставит их всех отступить и погубить Общество. **Оно**, бесспорно, **скончалось** сейчас в Европе. Меня не волнует моя репутация, я беспокоилась о деле и *Учителях*. Они остаются со мной, а дело и Общество погребены под кучей дерьма. Франц нашел *фетиш* и поклоняется ему. Итак, **лжец на лжеце**, если и меня следует считать таковым; самозванец на самозванце, и он — величайший из двух. Но узрите оккультные законы, узрите карму и результаты *осквернения* таинств, осквернения святых имен. Я разъяснила в своем письме Гебхардам и графине несправедливость их подозрений, я доказала ее — и ничего больше сделать не могу. Я навеки потеряна для Общества, и Общество в *Европе* умерло; я отказалась от всякой связи с европейскими Обществами и прощаюсь со всеми вами.

Предоставьте меня моей судьбе.

Прощайте.

Е.П.Б[лаватская]

ПИСЬМО 65

Доверительно

Мой дорогой м-р Синнетт!

Когда Вы получили первые письма, графиня сказала мне, что Д.Н[атх] хвастался, сообщив что располагает документом, *подтверждающим* преступную *подделку* нами письма Махатмы К.Х. с требованием денег и обещанием вылечить сына Харрисингджи. Я сидела и думала, на чем *могла быть* основана столь *чудовищная ложь*? Затем меня вдруг осенило, что около трех месяцев назад, когда я получила письмо от Харрисингджи (копию которого я сейчас вложу в конверт, чтобы Вы хранили ее в надежном месте, пока не дойдет до необходимости воспользоваться ею⁵², Д.Н[атх], читавший все мои письма, рассвирепел. Он тогда же набросился на Олькотта, и я тоже была вне себя. Ибо *это была* его вина, его вечная американская трескотня и идиотские планы и проекты в отношении Адьяра. А произошло вот что.

Возможно, Вы слышали, что Харрисингджи... взял себе в голову соорудить раку для портретов двух Учителей и намеревался потратить

⁵² См. Письмо 65а.

на нее больше 10 тысяч рупий. Он несколько раз спрашивал Учителя; Тот не отвечал. Тогда он спросил Олькотта, который беспокоил Махатму К.Х. через Дамодара, так как я категорически отказалась задавать *подобные* вопросы Учителям. После этого Махатма ответил: «Пусть поговорит об этом с челами, мне всё равно» или что-то в этом роде. Ну, думаю, Дамодар, Чандра Кушо и другие отправились составлять чертеж раки. Призвали даже этого паскудного Куломба, зная о его способностях чертежника. Мы в то время были в Европе. Но как только мы уехали, разразился скандал с Куломбами. Когда мы вернулись, Харрисингджи, чтобы показать, что разоблачение никак на него не повлияло, захотел *продать деревню* и *вопреки всему* соорудить раку. На следующий день после моего возвращения Махатма велел мне написать Харрисингджи, что Он определенно *запрещает* тратить такую сумму денег, что это бесполезно и глупо. Так я и написала. Потом наступила годовщина, и Харрисингджи, будучи больным, прислал вместо себя представителя. Когда в башке Олькотта возникла в высшей степени идиотская идея Храма Человечества или Всемирного Братства, Олькотт спросил представителя, пока остальные жертвовали деньги по подписке, и тот заявил при всем собрании в *Пандале* в присутствии сотен людей: «Я полагаю, Его Высочество захочет подписаться на тысячу рупий». Я сказала Олькотту, «что это слишком много, это нехорошо, но он набросился на меня за мои волнения, и так как в то время я сидела там, как арестант на скамье подсудимых, — то я заткнулась. Итак, однажды Олькотт пришел и сказал: «Упросите Учителя разрешить мне получить деньги (вообще), пожертвованные по подписке на храм». Так я послала его вместе с его храмом ко всем чертям и заявила, что *не сделаю этого*. Тогда он отправился к Дамодару, и Д[амодар], думаю, попросил, потому что дня через 2-3 я узнала через Дамодара, что наложенный на Харрисингджи запрет тратить деньги на подобную ерунду снят и что Харрисингджи *получил* соответствующее письмо. Я как сейчас помню голос Д[жуал] Кула, говорящего сквозь смех: «Ну и достанется же ему с его храмом, этому *галантному полковнику!*» В следующий раз я спросила Д[жуал] К[ула], почему был снят запрет, если сама идея храма была нелепой, и некоторые были настроены против нее? Он ответил: «Ну *Вам-то* следовало бы знать, что если у обеих сторон имеется сильное желание, то Учителя *никогда не вмешиваются*. Они не могут помешать людям *вешаться*». В то время я не обратила особого внимания на эти слова и подумала, что они относятся к дурацкому поступку с храмом. Я поняла их только теперь.

Три или четыре месяца назад я получила от Харрисингджи письмо, копию которого прилагаю. *Это* великий документ и подтверждение нашего общего преступления. Прочтя его, м-р Д.Н[атх] сказал, что полковник Олькотт *один* осквернил имя Учителя, смешав его с денежными делами, и я с ним согласилась. Теперь он заявляет, что я *должно быть, осадил* это письмо, так как Учитель (он **знает** это!!) никогда не смог бы дойти до того, чтобы соединить свое имя с таким отвратительным денежным вопросом, «сыновьями» и другими делами. И вот я спрашиваю Вас, что в словах Учителя, цитируемых Харрисингджи, такого изобличающего? Он сдуру приписал рождение своего сына «благоденствиям» Учителя. Он надоедал Учителю, чтобы ему разрешили пожертвовать, по крайней мере, на часть храма, если не на всю раку, и получил в ответ эти слова. «Если Вы так радуетесь рождению сына, — то *пожалуйста, если Вы считаете нужным* жертвовать, и в таком случае Вы, возможно, *как-нибудь* привезете к нам своего сына». Ну что прикажете с этим делать? Разве Учитель гарантирует этим его жизнь? Учитель приказал ему приехать в Адьяр и привезти туда своего новорожденного сына, предвидя, что малярия в Бхавнагаре погубит младенца, если он там останется. Это было сказано заблаговременно. Харрисингджи *так никогда и не привез* сына, ни разу ничего не дал на храм (*к большому счастью*) и написал мне это отчаянное и глупое письмо. Но сейчас, когда, согласно теории Д.Н[атха], Харрисингджи страшно *рассердился* на нас, этот самый *свиный* принц присутствовал на праздновании годовщины и пожертвовал 2 тысячи рупий на расходы в Адьяре, и полюбуйте, как *почтительно* он пишет мне. Итак, будьте добры, храните этот «дискредитирующий» документ на случай моей смерти или чтобы сбить с толку м-ра Д.Н[атха]. Он сотворил ужасающее жестокое зло, но мне жаль его. Я еще не получила от него ответа на свои угрозы его разоблачить. Весьма вероятно, что он оплатит мне дерзостью или наглостью. Я приготовилась ко всему. Внутренне я и в самом деле превратилась в *труп*, и теперь будь что будет.

Ваша Е.П.Б[лаватская].

Пожалуйста, не потеряйте письмо и храните его, я нашла его в выдвижном ящике, где Д.Н[атх] держит все мои письма, и эта копия была им сделана по моему желанию, так как я послала оригинал Олькотту, дабы прочистить им его американские мозги.

Еще раз Ваша

Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 65а

31 июля 1885 г., Варел

Моя дорогая и глубокоуважаемая Госпожа!

Мы должны выразить Вам огромную благодарность за самовар, который Вы столь любезно привезли для нас из Европы. Наш уважаемый президент уже переслал его нам, а мы держали его в качестве украшения стола, считая его слишком священным для пользования.

Вы, должно быть, уже, конечно, узнали через штаб-квартиру подробности о Мирцане Мураде Али и нашем брате Даджи-радже, господине сахибе из Вадхинана. Нам всем очень жаль последнего, так как он был слишком молод, чтобы умереть, и хотя и упрям иногда, но всё же теософ. Наша глубокоуважаемая Госпожа, Вы знаете также, что благодаря благословениям Тех, кого мы чтим и кому поклоняемся, моя жена родила сына 27 ноября прошлого года. Мы все обрадовались этому событию, но когда Гуру Дэва К.Х. написал мне о нем следующие строки: «Поскольку Вы так радуетесь рождению посланного Вам долгожданного сына, то можете от его лица, если сочтете необходимым, пожертвовать на Храм Всемирного Братства», и снова: «Возможно, Вы как-нибудь сможете привезти к нам и Вашего сына», — наша радость была поистине безграничной. Мы вообразили, что в своем предыдущем рождении он был какой-то выдающейся личностью, и наблюдали за ним с огромной заботой, без сомнения, смешанной с уважением. Мы понятия не имели, что его жизни суждено было оказаться столь короткой и что в связи с этим жизнь моей жены станет несчастной как никогда; ибо до рождения сына она чувствовала себя свободно, была счастлива и довольна своей судьбой. Ну неужели он не был послан нам? Мы, не достигшие высот Апарокшагнамама, не можем понять в этом ашраме замысловатую паутину, сплетаемую законами неумолимой кармы.

Так или иначе, нашему отделению, кажется, очень не везет с президентами. Первый умер в состоянии умопомешательства, второй — от чахотки, тогда как я сам, третий, страдаю ныне, потеряв единственного сына.

Мы, непоколебимо преданные Им, даже и не представляли, что в нашей судьбе пребудет подобное несчастье. Мы полагали, что все находимся под Их покровительством. Он, конечно, должен был умереть

рано или поздно. Но мы сознаем, что пока еще не вполне заслужили Их покровительство. Наша карма!

Мы собираемся построить отдельный дом при штаб-квартире и провести остаток жизни в служении Теософскому Обществу. В этом мы последуем совету нашего благословенного Учителя К.Х. Весточка от Вас будет огромным утешением для нас обоих, так как прольет на наши раны облегчающий страдания бальзам.

С надеждой, что Вы пребываете в отличном здравии,
остаюсь, глубокоуважаемая Госпожа,
вечно преданный Вам

Харрисингджи Рупсингджи.

Копия верна.
Бабаджи
16 октября 1885 г.
Вюрцбург

ПИСЬМО 66

Сугубо доверительно

Дорогой м-р Синнетт!

Я посрамила и поставила его на место — посылаю Вам его письмо, чтобы Вы прочли и сохранили его для меня. Он хорошо знает, что только моими усилиями и мольбами может быть прощен **моим Учителем**, который окажет влияние и попросит Махатму К.Х. простить ему то, что он сделал *4 года* назад и то, что сделал *сейчас*. Полагаю, что он вылечился. Это потребовало от меня невероятного напряжения в ущерб здоровью и совести и стоило мне новой отметины на моей карме, но я **спасла Общество**. Всё равно, пусть я буду мучиться и умру медленной смертью — только бы Теософское Общество было спасено и Их имена прославлены, если не сейчас, то потом. Негодник покончил бы с собой, если бы я не простила его. Он действительно предан Учителям и теперь ужасно Их боится. И я на самом деле верю, что на нем лежал след колдовства его бабушки, которое время от времени настигает его. Бедняга! Теперь мне его жалко: *так трудно* быть на испытании.

Соблазны столь ужасны! Но я прошу Вас сохранить его секрет — не сообщать ему, что Вы знаете, что *он не тот*, кто приходил к Вам в первый раз. Не обмолвитесь ни единым словом, если не хотите, чтобы он еще раз поднял шум. Давайте сохраним это его письмо как угрозу, которая, надеюсь, *никогда не будет использована* против бедного мальчика. *Теперь* Вы понимаете, почему он так *избегал* Вас и был в таком ужасе от встречи с Вами. Пожалуйста, позовите Мохини и возьмите с него честное слово не сообщать Боваджи, что я прислала Вам его письмо. Пусть прочтет и поразмыслит над ним. Слишком много лести испортило обоих. А мои *нападки* на того и на другого по сравнению с преклонением остальных заставили Д.Н[атха] *возненавидеть* меня. Но теперь, я думаю, он искренне раскаивается, и оставим это, ибо он может оказаться весьма полезным несчастному Обществу при его теперешних неприятностях. Но для всех вас, теософов, это должно стать новым подтверждением того, что хотя Учителя и не могут воспрепятствовать *нормальной* карме, но Они могут и всегда вмешиваются в случае крайней и величайшей опасности, *и это было самым замечательным из всего* — в связи с личным влиянием мальчика как предполагаемого *личного*, признанного и *постоянного* чела Учителей. В этом я не виновата, я только выполняла приказы молчать, и если бы он вел себя благоразумно, то был бы к этому времени настоящим *постоянным* челою, хотя, конечно, и не таким, как *настоящий* Дарб[хаджири] Натх.

Навеки Ваша

Е.П.Б[лаватская].

С легким сердцем.

Я по-прежнему придерживаюсь своего первого впечатления о том, что необходимо помешать ему приехать в Лондон.

ПИСЬМО 67

Сугубо доверительно

Мой дорогой м-р Синнетт!

Есть новость для Вас. Пожалуйста, помалкивайте и не упоминайте о ней даже Мохини. *Вот где* таится *опасность*, а вовсе не в том, что могут сказать Ходжсон или Куломб. Вот Вам закоренелый *фанатик*. Вы еще не знаете этих южных браминов. Д.Н[атх] способен на то, чем угрожает, и притом *в любой момент*. Он способен взять на себя *убийство*, обвинить себя во лжи и оказании содействия **выдумыванию Учителей** — в чем угодно. Он оккультный Нерон, вполне способный сжечь Рим и похоронить себя под его развалинами. Он заявляет, что попытка нынешнего века — *полный провал*, и обвиняет **меня** в *осквернении* Учителей и всех европейцев в том же самом. В каком-то смысле он прав. Только он ошибается, поскольку подобная вспышка фанатизма, приносящего в жертву *его самого, страну, друзей*, всё, чтобы спасти имя его **Учителя**, — как раз и доказывает существование Учителя, что он и пытается изгладить из сознания людей.

Ну вот, такие-то дела. Я это подозревала месяцами. Бес фанатизма овладел несчастным мальчиком, и мы все висим на волоске. Какой триумф для Ходжсона, если он исполнит свои угрозы! Твердила Вам всё это много раз. Говорила Вам *об этом* даже в Симле. И попомните, дело дошло до того, что **Учителя** *наблюдают и не пошевельнут и пальцем, чтобы предотвратить ничтожнейшее событие*. Карма свирепствует, и каждый должен работать как можно лучше и знает, как это делать. Но не пишите ни Гебхардам, ни кому-либо еще то, что я рассказала Вам. *Ради Бога*, не делайте этого, в противном случае Вы лишь ускорите ход событий! Предоставьте графине и мне *воздействовать* на него *успокаивающе*.

Ваша Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 68

Дорогой м-р Синнетт!

Вложила в конверт два письма — одно известное и доставленное графиней [Вахтмайстер] феноменальным способом. Короче говоря, вот что затеял Бабаджи:

1) Покончить со всеми феноменами.

2) Показать, что философия, обнародованная Вами через Махатму К.Х., лжива и *неверно понята* и что единственной *истинной* философией является то, что проповедует он (Бабаджи).

3) Не имея никакого иного способа дискредитировать *прошрое*, он бросает тень подозрений на все феномены, заявляя, что:

а) *никакие* письма или записки *никогда* не могли *быть* написаны *Учителями*;

б) они *никоим образом не могут* являться, как — и Вы в этом сейчас убедитесь — считают Гебхарды;

в) тот, кого видела графиня, был не *Учитель*, а вызванный с помощью моих способностей элементар, — я — *колдунья*;

г) Учителя до сих пор не обвинили *его* — следовательно, он прав и т.д. Вот его основные пункты.

А теперь, прошлым вечером, когда я писала ответ Гебхардам (см. письмо, вскрытое для Вас графиней) и уже почти кончила, — графиня сидела на подлокотнике большого кресла и просматривала написанное. Я еще не дошла до рассказа о феномене, произведенном через Бабаджи Д.Н[атха] в Торре-дель-Греко в присутствии Бергенов, и размышляла, стараясь досконально припомнить все обстоятельства, чтобы он не смог отпереться от факта, что всего лишь несколько месяцев тому назад *сам был* всецело погружен в эти феномены. Описывая эту сцену, я сомневалась, поверят ли мне Гебхарды, до такой степени находящиеся под *его* влиянием. Я чувствовала себя подавленной и несчастной. Как вдруг графиня неожиданно встала и вышла в гостиную. Через минуту она возвращается и говорит: «Посмотрите, что я нашла! Голос Учителя велел мне пойти туда (в гостиную), открыть третий ящик и взять письмо, начинающееся с “Мой дорогой Мохини”, написанное Бабаджи».

Это было письмо, о котором я понятия не имела! Письмо, которое докажет Гебхардам, что если раньше он (Д.Н[атх]) относился к письмам

Учителей с таким благоговением, — то с тех пор ничего не изменилось, что *теперь* каждый должен считать письма Учителей «письмами призраков» — и что если меня следует считать мошенницей, то *он* должен быть моим сообщником. Как я обрадовалась, не могу Вам передать! Я переписала его для Гебхардов, чтобы послать оригинал Вам. Храните его бережно — это самое веское доказательство против *изменившихся чувств* Д.Н[атха]. В нем он упоминает даже о Чандре Кушо — о получении им писем *непосредственно* от Учителя и т.д. Он сообщает, что *его* Учитель (К.Х.) не раз заставлял его доставлять письма Олькотту, но *мой* Гуру — ни разу, и т.д.

Затем вступил *голос Учителя*, слова которого перепишет для Вас графиня. Он говорил: «Нет, *мы не одобряем...*» (приведено его *настоящее имя*, и я заменила его именем Бабаджи). А теперь, если послушаетесь совета дурака, сделайте вот что. Прочитав его письмо (письмо Д.Н[атха] к Мохини, другу, которого он, вероятно, не стал бы обманывать или вводить в заблуждение, как очень веское доказательство), напишите Д.Н[атху] следующее: Вы знаете, что он задумал (это очевидно!) ниспровергнуть философию и доктрины своего Учителя и вместо них установить свою *этику* (этику, о которой он знает еще меньше!), Вы знаете также, что он принял имя *настоящего* Дарб[хаджири] Натха — причем последний только хотел поехать в Симлу, а он выжидал в Дарджилинге (*в этом он весь!*); Вы знаете, что он говорил Вам и остальным (я не знаю, говорил ли он с Вами в Мадрасе?) вдобавок к тому, что ему было приказано сказать, — сплошную ложь и, следовательно, виновен в том, что действовал обманным путем; что он действовал, опять же обманным путем, в Бомбее и вообще повсюду и что если он немедленно не вернется в Индию, то Вы используете свое влияние как англичанина, чтобы привлечь его к суду, который, как ему известно, не признает никаких феноменов. Запугайте его. Он не сможет доказать, что именно *он* был в Дарджилинге, а другой — в Симле. Он будет напуган. А этот был челою уже в 3-месячном возрасте, когда стал жить у нас.

Я не могу *сейчас* рассказать Вам всё, но расскажу как только мы либо *падем и умрем как Общество*, либо останемся твердыми и непоколебленными. Но что требуется, так это — угроза, что Вы знаете о его (предполагаемом) подлоге в Симле и его *действительном подлоге* в Мадрасе и в других местах. Конечно, мы тут не сможем обойтись без скандала для нас самих, но в Индии он страшно перепугается, если

подумает, что Вы напишете о нем властям в Мадрасе и других местах. Напугайте его и предоставьте ему удобную возможность измениться и стать безвредным, добавив, что обещаете ему, если он отречется от своей злонамеренной лжи, никогда не заговаривать о нем даже с Гебхардами. Но что если он попыбует приехать в Лондон или Мюнхен или надолго остаться в Европе, Вы его разоблачите. Это его письмо к Мохини я теперь посылаю Вам, чтобы Вы могли даже показать его ему и рассказать, что я Вам советую, но не говорите того, что я *Вам сообщила*, потому что он передаст это Бабаджи. Запугайте бедного милого Мохини и заставьте его прочувствовать весь ужас обвинений против Бабаджи. Итак, сделайте всё, что можете.

Ваша Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 69

*Почтовый телеграф
Подано в Вюрцбурге
Получено 29 января
7, Лэдброук Гарденс Кенсингтон
Лондон*

Чела раскаивается клянется в преданности не пишите ему храните молчание пока не станет всё ясно с письмами.

Упасика

ПИСЬМО 70

*Пожалуйста,
сохраните это в строгом секрете*

Мой дорогой м-р Синнетт!

Моя телеграмма оказалась бесполезной, ну значит — быть посему. Вы на ложном пути и совершили *оплошность*. Вы *неправильно поняли* меня. Он имеет такое же право называть себя Дарбхаджири Натхом, как и Бабаджи. Есть — *настоящий Д.Натх*, чела, находящийся в течение последних тринадцати или четырнадцати лет у Учителя К.Х.; тот, кто *был* в Дарджилинге, и это именно о нем писал Вам Махатма К.Х. в Симле. В силу причин, *объяснять* которые я не могу, он остался в Дарджилинге.

Вы слышали его **один раз**, Вы никогда не видели его, но видели его портрет, его *альтер эго* (второе «я») в физическом смысле и его диаметрально противоположность в нравственном и интеллектуальном смыслах и т.д.

Жульничество Кришнасами, или Бабаджи, заключается не в принятии им имени, ибо это *тайное имя*, выбранное им, когда он стал *челой* Махатмы, а в том, что он воспользовался печатью молчания на моих устах, ошибочными представлениями людей о нем, думавших, что он, *этот нынешний Бабаджи*, был **высшим** челой, тогда как он всего лишь находился на испытании, а *теперь отвергнут* (о чем он еще пока ничего не знает, так как мне сказано и приказано сообщить это Вам частным образом и конфиденциально и никоим образом не ему, потому что он либо *покончит с собой*, либо **погубит в отместку Общество**).

А теперь не спрашивайте меня ни о чем больше, потому что если бы мне было суждено быть повешенной, публично высеченной, подвергнутой пыткам, я бы ни за что и никогда не осмелилась рассказать Вам что-либо еще. Вы говорите о «жульничествах», *тайнах и умалчиваниях*, в которых мне не следовало бы «никоим образом оказываться замешанной». Очень легко рассуждать тому, кто не связан никаким обязательством или клятвой. Хотела бы я, чтобы Вы, с Вашими *европейскими* представлениями о правдивости и «кодексе чести» и всякой всячине, попробовали бы в течение пары недель.

А теперь выбирайте: либо обнародовать то небольшое, что я знаю и что мне разрешено сообщить Вам для Вашей собственной ориентации — и бросить таким образом еще одну тень позора на благословенных Учителей — на Махатму К.Х., который представил Вам и рекомендовал *своего собственного челу* — и считаться к тому же обманщицей, лгуньей, которая подсунула Вам испытуемого первого года, заставив Вас поверить, что он был Его любимым челой, жившим с ним десять лет, — или хранить тайну, потому что люди *никогда* не поймут ни всю правду, ни даже спиритуалистов. Скажите спиритуалисту, что *дух*, «дорогой усопший», вошел в какого-то медиума, который таким образом воплотил дух покойного, приняв на время его подлинные черты и став точной копией этого духа, — и каждый спиритуалист *поверит и поддержит Вас*. Скажите им, что один живой Д.Н[атх] пришел к Вам в Симле, а другой, *живой Д.Н[атх]*, *прототип* первого, остался в Дарджилинге и по-прежнему остается и живет в настоящее время, прямо

по сей день, с Учителями, — и люди назовут всех нас *лжецами*, обманщиками и пустозвонами.

И даже всё это было бы ничто в сравнении с новым святотатством — с громко высказываемым или даже подразумеваемым предположением, что **Махатма**, кем бы Он ни был, в этом деле своим поведением всех ввел в *заблуждение*. Это именно незнание оккультных взаимодействий обеспечило такое влияние Ходжсону, Мэсси и другим. Это как раз мое *обязательное абсолютное молчание* заставляет меня ныне жить под обрушивающимся со всех сторон людским презрением. Это *быть или не быть*: мы, преданные Учителям оккультисты, должны либо смириться с Их законами и приказами, либо расстаться с Ними и оккультизмом. Я знаю одно: если бы дошло до худшего и правдивость Учителя и Его представления о чести нужно было бы подвергнуть сомнению, то я прибегла бы к *отчаянному средству*. Я бы открыто объявила, что я *одна* лгуня, фальсификатор, всё то, чем Ходжсон хочет меня представить, что я действительно **придумала** Учителей, и таким образом защитила бы с помощью этого «мифа» об Учителе К.Х. и М. настоящих К.Х. и М. от святотатства.

Что спасло ситуацию в отчете, так это то, что существование Учителей *напрочь отрицается*. Попробайся Ходжсон прибегнуть к хитрости и подбросить идею, что *Они* помогают, или вдохновляют, или даже поощряют обман *своим* молчанием, — как я бы тут же выступила и объявила себя перед целым светом всем, что говорилось обо мне, и *исчезла бы навеки*. В этом я клянусь «благословением или проклятием Учителя»: я отдам тысячу жизней за Их честь в сознании людей. Я не увижу Их оскверненными.

А теперь поступайте, как Вам будет угодно. В телеграмме я просила Вас ничего не писать и не говорить Боваджи. В настоящий момент благодаря этому обвинению он имеет власть над нами, а не мы над ним; так как он достаточно хитер, чтобы понять, что какова бы ни была известная Вам, графине и мне правда, — мир в общем не поверит этому, и что таким теософам, как, например, Гебхарды, пришлось бы только выбирать между *его* словом и моим. И он настолько настроил их против Олькотта, меня, феноменов и даже Ваших доктрин эзотерического буддизма, он до такой степени *внушил* им веру в то, что я психологически обрабатываю графиню и Вас, что потребуется колоссальный труд, чтобы уничтожить сделанное им.

Мохини, как индус, *несомненно*, встанет на его защиту и теперь, так как и сам он в беде, может объединиться с ним (Боваджи), хотя я и не уверена; всё зависит от того, *виноват* ли Мохини или нет в случае с [мисс] Леонард. Если *виноват*, — тогда он негодяй и лицемер, *способный на всё*. Если же нет, то он *мученик*. Понимаете, я совершенно ничего не знаю о нем, о Мохини. Что *мне* известно о нем, о его настоящей *внутренней* жизни, за исключением того, что позволяют мне узнать и говорят Учителя? Возможно, он самый страшный злодей и Учителя давно отказались от него как от испытуемого — я знаю за что. Но я *надеюсь*, что он невиновен, ибо я очень к нему привязана, больше, чем он представляет.

Я так одинока, так несчастна в своих *земных* человеческих привязанностях, что, потеряв всех, кого люблю, — по причине смерти и связей с Т[еософским] О[бществом] (моя сестра, например, которая пишет мне грозное письмо, называя меня *изменницей*, «святотатственным Юлианом Отступником» и «Иудой» по отношению к Христу), люблю двух мальчиков. Итак, я чувствую, что с Мохини всё в порядке в нравственном отношении, но, Боже милостивый, если он пробудет в Лондоне долго, он пропал!

Ну и, будьте добры, чуть-чуть о деле. Мохини *совершенно необходим* мне для «Тайной Доктрины», словаря санскритских слов и тому подобного, пока он не приедет или не перепишет все эти слова из посланий, которые я Вам пришлю. Я никоим образом не смогу закончить к следующей сессии, и эта работа — «шпилька» иного рода, чем «[Разоблаченная] Изиды». Здесь в одной *вводной* главе больше тайн посвящения, чем во *всей* «[Разоблаченной] Изиде». А то, что происходит потом, еще интереснее. Но я совершенно истерзалась по поводу ее *технической* компоновки. Я писала и переписывала эту проклятую главу раз двадцать. Я вырезала и переставляла абзацы, и части, и разделы, и подразделы, пока мне это не опротивело. Учителя с причудами, выдают секрет даже! «божественного гермафродита» и т.д.

Пожалуйста, храните теперь тайну Боваджи. Посылаю Вам его сегодняшнее письмо — копии с Ваших писем ему и его Вам. Пожалуйста, внимательно сравните *его* оригинал и эту копию, потому что у меня есть основания считать, что он кое-что добавил в той копии, в которой я обнаруживаю избыток *его* *вранья*. Но всё равно — он прав, называя обвинение в присвоении имени Д.Н[атха] ложным, выдумкой, ибо

никогда ничего такого не имелось в виду. Что я говорила и повторяю, так это то, что он не является настоящим Д.Н[атхом], чело́й, который жил со своим Учителем так много лет. И всё же он чела, пока Учителя не объявили его открыто и через «Theosophist», что он не оправдал ожиданий, — и он Д.Н[атх], причем это, как он правильно говорит, — его тайное имя.

Ваша Е.П.Б[лаватская].

Я получила письмо из России, из Москвы, с предложением, если оставлю *антихристово* (!!) Т[еософское] О[бщество], тысячи рублей *золотом* (пять тысяч франков) ежемесячно и контракта на несколько лет на исключительное сотрудничество в двух газетах. Ну, дай им Бог!

ПИСЬМО 71

Мой дорогой м-р Синнетт!

Я велела Вам *не говорить ни слова* о Д. Н[атхе]. Я не могу сообщить *самую малость*, не разболтав миру *всего*, если Вы предадите это гласности. А *если я это сделаю*, то Лондонская ложа действительно будет уничтожена, даже если и Боваджи и я будем уничтожены вместе с нею. Боваджи, согласно индусскому обычаю, *имеет* право принять любое тайное имя по своему выбору — даже если, возможно, существует другой человек с таким же именем. Вы один кое-что знаете и, возможно, подозреваете, наслушавшись упоминаний и слухов в Индии о том, что существуют два Д.Н[атха]. Но я *не могу* подтвердить это, не разгласив всего, о чем мне было **приказано** хранить молчание. Когда же (о Господи, когда!) Вы поймете, что *наши* законы и *правила* — это не ваши (европейские) законы и правила? А теперь, будьте добры, сделайте в *данном* случае, как я Вам говорю, если не хотите навлечь на наши головы еще один и еще худший скандал.

Я получила письмо от мисс Арундейл, которая сообщает, что Боваджи приезжает в качестве их «*личного* гостя» в воскресенье — сегодня — в то время, как Вы читаете это письмо. Единственное, что Вы можете сделать, чтобы спасти положение, это послать за мисс Арундейл и передать прилагаемое письмо к ней и прочитать его вместе с ней, а потом показать ей письмо графини к Вам, на что она, по ее словам, дала свое разрешение (разве Вы не получили ее письмо, написанное для этой

цели?). Пусть мисс Арундейл, столь преданная делу и Учителям, узнает всё, что знаете Вы, с обязательством пока хранить тайну. Пусть она, *если* малыш уже там, скажет ему, что всё в порядке, и пусть он успокоится, а потом понаблюдайте за ним и посмотрите, что он говорит и что делает. Если он будет сдержан и не причинит никакого вреда, то зачем же и нам причинять ему вред? Он чела, каково бы ни было его истинное лицо, — это дело его Учителя, а не наше, отвергнуть его и презрительно относиться к нему. Умоляю Вас, ради Бога, не толкайте меня на крайний шаг. Я более не беспокоюсь о своей репутации. Я хочу только, чтобы Их святые имена оставались незапятнанными в сердцах тех немногих теософов, которые знают Их, верят в Них и чтят Их, каковы бы ни были мои ошибки и провинности, а равно и вероломные поступки других людей. Но чтобы сохранить Их *незапятнанными*, мне теперь придется пойти на отчаянный шаг, потому что мальчик тоже будет доведен до отчаяния за поступок, который он совершил, безусловно, в *припадке* безумия. Вы слишком «прозаичны», мой дорогой м-р Синнетт, и это *Ваша* ошибка во всех теософских вопросах. Посоветуйтесь с мисс А[рундейл] и помните, что к явлениям нашего оккультного мира не следует подходить с мерками *вашего* мира.

Впопыхах,

Ваша Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 72

Дорогой м-р Синнетт!

Это снова моя вина, моя неточность в выражении своих мыслей. Мне следовало бы написать: «Он присвоил *положение* настоящего Д.Натха. Помимо того, что ему было приказано говорить, — сплошная ложь (совершенно бесцельная); и если бы была сказана вся правда, то он был бы (*признан*) виновным (непосвященным миром и всеми профанами) в мошенническом обмане». И так и было бы. Я не делаю из него безусловно безупречное существо *даже с точки зрения* оккультного мира, о котором толкую, — не более безупречное, чем я. Но я говорю, что если у него было право назваться Дарб[хаджири] Натхом, то он не имел никакого *права* злоупотреблять этим, присвоив положение, *на которое* имел бы право *только настоящий* Д.Натх и которое он, несмотря на это,

никогда не займет. Он знает и полностью признаёт это — вот почему я *успокоила* его. И это как раз потому, что он ясно представляет себе тот факт, что «смешавшись с европейским Движением, путаницы подобного рода должны (не только попутно, но *неизбежно*) порождать зло», — и что я смогла запугать его и спасти таким образом эзотерическую доктрину, наше учение и всё в целом от нового скандала как на основании *ложных* (в оккультном), так и вполне правильных обвинений в *житейском* обманчивом свете, который всё представляет вверх ногами.

Графиня знает *всё* (кроме одной вещи, которую она не должна знать); и она говорит, что даже если бы была известна вся правда, то я никоим образом не была бы виновата, потому что только выполняла *свой долг* по отношению к Учителям; и что он воспользовался положением, предоставленным ему на время, чтобы навредить мне, и делу, и нескольким теософам, которые видят в нем *настоящего* Д.Н[атха], высшего челу, вместо его отражения. Я *тоже* несколько раз и на месяцы превращалась в *отражение*, но никогда не злоупотребляла этим, чтобы подсунуть свои *личные* махинации тем, кто принимал Е.П.Б. из России за высшего посвященного, чьим телефоном она время от времени бывала. И именно поэтому **Учителя** никогда не лишали меня своего доверия, даже если так поступали все остальные (за исключением очень немногих). Мое положение просто *чертовски отвратительно* — потому что я, будучи европейского происхождения и воспитанная, как и любой другой, в житейских понятиях правды и чести, — должна мириться со *всяческими* проявлениями мошенничества и обмана в отношении моих лучших друзей — тех, кого я люблю и чту больше всего. Но таков результат служения *оккультизму* и вынужденной жизни в нечестивом и публичном мире.

Соловьев внезапно набросился на меня как бешеная собака — по причинам, в высшей степени таинственным для меня. Он ссылается на то, что я произнесла слова, которые я сама слышу впервые: «Ах шельма, уже второй раз разыгрывает нас подобным образом» и т.д., когда я *знаю*, что никогда не могла бы их произнести, что они были бы *дьявольской* ложью, если бы я их произнесла, потому что Мохини, насколько мне известно, *никогда не изменял* своему положению челы с тех пор, как вступил в Общество, — что же касается того, что он делал *раньше*, то это меня мало интересует и не мое это дело. Он мог бы изнасиловать и

совратить 20 девственниц в возрасте от 10 до 80 лет, включая его собственную бабушку.

В нашем Обществе нет *безупречных*, и если бы мы принимали только таких, то в нем остались бы пустота и *ничто* вместо живых членов. То, что я, помнится, сказала Соловьеву, — не *в тот день*, когда вскрыла письмо, а в какое-то другое время, — я не могу повторить несчастному Мохини. Рассуждая о *пользе*, принесенной Обществом во имя Учителей, я рассказала ему, каким развратником, сластолюбцем и пьяницей *был отец Мохини* и как теперь он стал настоящим йогом. Понял ли он это неправильно или исказил *намеренно*, я не знаю, — но если верно последнее, то, соединив это с несколькими грязными сплетнями, рассказанными о Мохини Ходжсоном, он, должно быть, смешал всё в кучу и преподнес это в качестве свидетельства против него, чтобы угодить мадам де Морсье. Хотела бы я, чтобы Парижское Общество и половина Германского были *разгромлены*. И если это будет продолжаться — я разнесу их сама, как *приказано*. Соловьев взъярился на меня из-за своей *неудачи* в том, что Вы знаете и о чем я Вам рассказывала. Но я доверяю и полагаюсь на *Вашу честь* в том, что Вы не повторите ни это, ни что-либо еще из сообщаемого мною. М-р Синнетт, Вы мой *последний* настоящий друг среди *мужчин* в Европе. Если бы Вы стали презирать меня — думаю, я покончила бы с собой. Я научилась сочувствовать Вам до такой степени, до какой, как мне казалось, я никогда бы не смогла сочувствовать англичанину или даже русскому. Я прощаю Англию — ради Вас. И я **знаю**, Учителя чтут Вас в своих сердцах.

Ваша вечно Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 73

Мой дорогой м-р Синнетт!

Ваш набросок для «Times» великолепен. Я была готова переписать и отослать его — как вдруг ужасная мысль молнией пронеслась у меня в голове. Слушайте, как бы ни был грандиозен скандал, он ведь доходит *только до тех*, кто интересуется феноменами. Допустим, мое письмо *напечатают* в «Times» (не могу сказать, почему сомневаюсь в этом, но *сомневаюсь*). Названное в нем *подлым* и обвиненное в неджентльменском поведении, всё Общество психических исследований набросится на меня, и в «Times» на меня посыпятся ответы с

дальнейшей клеветой и обвинениями. У каждого найдется, что сказать. «Times» читают все — следовательно, новая клевета или повторение старой получит дальнейшую огласку. Ну и что мне тогда делать? «Times» откажется печатать слишком длинные ответы всем, и тогда я снова потерплю поражение и в самом деле буду *публично* опозорена. Подумайте об этом и телеграфируйте «Да» или «Нет»; или только в том случае, если Вы *действительно* хотите, чтобы я всё же послала это в «Times». У меня была мысль напечатать *протест* и широко распространить его среди теософов и спиритуалистов и особенно в Индии, чтобы заставить их понять, как несправедливо со мной обошлись. Посоветуйтесь, пожалуйста, об этом и ответьте. Мое сердце восстает против «Times» как против чего-то очень для меня опасного. Кто я — бедная несчастная старая русская, беспомощная и беззащитная, и представьте себе, какую силу *представляют собой они*. Вы единственный можете бороться с ними безнаказанно. Мне вообще безразлично мнение общества. Но меня очень волнует мнение тех, кто знает меня. Этот протест мог бы быть написан даже еще более решительно, если он пойдет в «Theosophist» и будет распространяться среди тех, кто читал отчет. Поступайте как Вам угодно. Вы лучше знаете, а я целиком отдаю себя в Ваши руки.

Всегда Ваша, с благодарностью,

Е.П.Блаватская.

ПИСЬМО 73а

Мой дорогой м-р Синнетт⁵³, я считаю, что Ваше письмо превосходно, но трепещу при мысли о помещении его в «Times». Прежде всего, по всему свету распространятся эти клевета и ложные обвинения, а затем поступят ядовитые и жестокие ответы. Мэсси, Майерс и все они. Однако Вы англичанин и хорошо знаете общепринятые нормы поведения, так что спокойно продумайте всё это сами, взвесьте последствия, а затем дайте ответ. Если бы дело касалось только занятия шпионажем, это было бы отлично. Но подумайте об ответах, как они притянут сфабрикованные письма и т.д., как они призовут ее заявить о

⁵³ *Мой дорогой м-р Синнетт...* — Это сообщение, написанное рукой графини Вахтмайстер, было приложено к письму Е.П.Блаватской.

своей невиновности в суде — хорошенько обдумайте всё это, а потом дайте нам знать. Госпожа целиком и полностью уверяет себя Вам.

А теперь о ее «Мемуарах», в которых, безусловно, должны быть опущены три вещи: в первую очередь, усыновленный ребенок, так как в этом вопросе многие могут вытащить на свет Божий неприятные семейные тайны, — опять же, Госпожа так много путешествовала в мужской одежде. Разве в Англии есть закон, карающий женщин за подобные вещи? Как бы там ни было, это шокировало бы английское ханжество — и, наконец, *никаких упоминаний* о Махатмах, Их имена и так уже достаточно осквернены. Сохраним же *Их священными* для будущего. Доктор дал мне понять, что Госпожа всё еще *девственница*.

Искренне Ваша

К[онстанция] В[ахтмайстер].

ПИСЬМО 74

Доверительно

Прилагаю медицинскую справку проф. Оппенгеймера, прошедшего тщательное и точное обследование, «так как моя болезнь оказывается теперь осложненной, как он говорит, некоторой *врожденной* изогнутостью *матки*, имеющей, кажется, какое-то отношение к деторождению (*матка* вообще, а не моя или ее изогнутость) и (хотя у меня всегда было смутное представление о том, что матка — это то же самое, что мочевого пузыря) изогнутость которой сразу же убьет миссионеров и их надежды доказать, что я являюсь матерью трех или более детей.

Он написал длинное и сложное заключение с изложением причины, почему я никогда не могла иметь не только детей, но и вообще выродить из себя хоть что-нибудь, так как *если не сделать теперь операцию*, они не смогут и добраться до этой чертовой матки, чтобы вылечить ее. Я подумала и *отказалась*. Лучше умереть, чем делать операцию. Но знание *этого* (справка), вероятно, должно быть истолковано в мою защиту — я не позволила ему углубиться в физиологические подробности и попросила просто удостоверить тот факт, что у меня *никогда не было* никакого ребенка или детей и я вообще *не могла их иметь*.

Что же будут говорить дальше?

Ваша опозоренная на старости лет

Е.П.Блаватская.

Франц Гебхард и Хюббе-Шляйден перевели справку для Вас. Д-р (Оппенгеймер) говорит, что *гинекологическая* болезнь подразумевает «женские функции» и указывает на *нетронутость* (как говорит мадам Нари из дела Стеда), и как смущенно объяснил мне Хюббе-Шляйден, «это *деликатный и научный* способ выражения, и *очень ясный*». Не показывайте этого никому — я пишу это Вам как самому близкому другу, — такой **стыд** говорить об этом, хотя я решила, что моим друзьям и защитникам следует это знать. Сохраните справку.

ПИСЬМО 75

29 января 1886 г.

Дорогой м-р Синнетт!

Прилагаются результаты кармы за защиту невиновного, хотя и глупого человека, и — за написание *частных и конфиденциальных* писем женщине истерического характера.

Скажите мне, пожалуйста, что я должна делать? Графиня говорит, что мне надо либо поехать в Лондон и *объявиться*; либо Германия выдаст меня Англии; либо меня заставят заплатить 100 фунтов за неявку в суд; или, может быть, *повесят* прежде чем я умру, перенеся предварительно где-нибудь пытку. Таким образом, оказывается, что человек, отрицающий, что другой человек был *введен в заблуждение* злонамеренно, в Англии обязан отвечать перед законом или несет ответственность перед законом. Разве записка, *частная и конфиденциальная*, если даже имя «оклеветанного» лица не названо, — составляет **пасквиль**?

Неужели? Тогда всё, что я могу сказать, так это то, что я предпочла бы жить по китайским и даже российским законам. Будьте добры, немедленно дайте мне знать, что я должна делать. У Вас есть мое *заявление*, адресованное вашему Совету, для расследования донжуанского преступления Мохини.

Удары кармы следуют так поспешно один за другим, так быстро и неожиданно, что это подействовало на мои нервы — или, скорее, на *наши* нервы, — и что мы с графиней сидим, глядя друг на друга, и корчимся от смеха.

Из Бомбея никакого ответа; удручающе-непрерывное молчание. Бедные Гебхарды, они, кажется, *совсем* в его руках. Карма графини [Вахтмайстер], которая настаивала на том, чтобы послать его в Эльберфельд.

Итак — не падаем духом и продолжаем. Если в Обществе нас останется *10* человек, крепко сплоченных, — оно *не сможет* умереть, а с ним и моя «Тайная Доктрина». Остерегайтесь только Боваджи, ставшего в настоящее время *совершенным безумцем*.

Ваша, у подножия кармического Везувия, непрерывно обдающего меня потоками извергаемой *грязи*,

Е.П.Блаватская.

Пожалуйста, ответьте на эти вопросы:

1) Могут ли они заставить меня поехать в Лондон?

2) Могут ли они вызвать меня в суд за предполагаемую клевету? И если да, то могут ли они заставить германское правительство выдать меня в случае моего отказа? И каков штраф, если таковой имеется? Посоветуйтесь, пожалуйста, с *адвокатом*, и я заплачу за это, если только это небольшая сумма.

ПИСЬМО 76

Мой дорогой м-р Синнетт!

Так как Вы почти единственный человек, которого я теперь считаю неспособным нарушить неприкосновенность частного письма пересылкой его врагу, — даже ради спасения собственной жизни — пишу Вам, чтобы сообщить две вещи.

1) Мохини отправил мое сугубо частное письмо мадам де Морсье; то, которое я написала ему на прошлой неделе с только что дошедшими до меня новостями о том, что Соловьев выступил в качестве свидетеля против меня в деле Мохини с [мисс] Л[еонард], — чтобы показать, что я

всё время знала о его предполагаемом преступлении (потому что если это произошло, то *это преступление*) и старалась *покрыть его*, то есть сыграть гнусную роль, исполненную ханжества, притворства и *елейного лицемерия*. Мадам де М[орсье] тотчас показала его Соловьеву. Результат: грозное, *уничтожающее, отвратительное письмо* от Соловьева, в котором все громы и молнии, индивидуальные и коллективные *из России*, собраны вместе и брошены в меня. Я больше не буду писать Мохини — да и вообще с сегодняшнего дня никому другому.

2) Вам лучше отказаться от «Мемуаров» госпожи Блаватской. Если они выйдут *сейчас* — Вы восстановите против себя и *меня* всю Россию, моих родственников и общественность. Вас это не волнует, *а меня волнует*. Соловьев угрожает мне, тем более что господин Блаватский *не покойник*, а «очаровательный человек лет ста», который счел целесообразным скрыться на долгие годы в имении своего брата — со времени ложного сообщения о его смерти. Воображаю результат, если Вы опубликуете «Мемуары» и если он действительно жив, а я — никакая не вдова! **Живописная картина**, и Вы лишитесь своей репутации вместе со мной. Пожалуйста, *отложите книгу на время* — по крайней мере ее публикацию.

Я всё еще не решила, как поступлю. Но я сделаю что-то, что хочу. Перескажите, пожалуйста, Мохини ту часть, которая касается его, но *умолчите об остальном*. Я *вверяю это Вашей чести*. Вы когда-нибудь представляли себе наивного, безобидного *кабана*, который просит только о том, чтобы его оставили спокойно жить в его лесу, который никогда не причинил вреда человеку и на которого спускают свору гончих, чтобы выгнать его из этого леса и разорвать на куски? В течение некоторого времени, конечно, *пока он может* и пока у него *есть* надежда спасти свой лес от осквернения и себя как его стража.

Но когда к этим лающим, воющим, свирепым псам присоединяются животные, *до этого времени дружественные* кабану, и преследуют его, раздраженные его жизненной энергией, тогда кабан останавливается как вкопанный и смело встречает своих врагов, бывших друзей и всех остальных. И горе последним. Кабан неизбежно будет убит, подавленный количеством, но *сотни* собак будут выпотрошены и уничтожены в последней и решительной схватке. Это отражающая правду жизни аллегория. Понимайте ее, как хотите.

Я узнала, что Ходжсон выступает в качестве свидетеля мисс Л[еонард] против Мохини в том смысле, что у него (Мохини) уже было еще одно подобное совращение и любовная история в Индии. Господин С[оловьев], вероятно, перевел мое восклицание, прочтя то первое письмо Мохини, так: «Второй раз подобная вещь (совращение челы) случается в Обществе», и, переводя свидетельство Ходжсона и сплетни о Мохини, — которые, по его словам, всем известны в Париже и Лондоне, — сделал из него вывод: «Шельма! Уже второй раз разыгрывает нас подобным образом. Нужно *замять* это дело с ним!» Ловко! Он грозит, что если я впутаю его имя в этот грязный скандал, то все мои дьяволы (в смысле **Учителя**) не спасут меня от полного краха. Он говорит о бароне Мейендорфе, о Блаватском и о репутации, созданной мне *друзьями* в России и других местах. *Лес окружен*, и кабан готов остановиться и встретить врага лицом к лицу.

Е.П.Б[лаватская].

Два слова **частным порядком**. Герцогиня не такой уж и друг миссис К[ингсфорд] и М[ейтланда], как Вы думаете. Она открыла душу Олькотту и мне. Она скорее их *жертва*. Она заплатила за издание их «Совершенного пути», подарив им свои идеи, а они никогда даже не поблагодарили ее и не признали этого. Они неблагодарные. И теперь она *наш*, а не *их* друг. Но она, кажется, трепещет перед «божественной» Анной. Одно всё же странно. Она говорит мне, что, будучи вегетарианцами, они обе за столом пьют вино — кларет и *изысканные ликеры* — и Джеймс, дворецкий, даже подливает и сообщил герцогине за обедом в нашем присутствии, что миссис К[ингсфорд] «обожает шампанское»!!! Ну и зачем же она тогда разоблачает Вас перед К.Х. *как пьянчугу*? А теперь я хотела бы знать, делает ли миссис К[ингсфорд] из этого тайну или занимается этим (пьет вино) в открытую? Мне очень важно знать это. Олькотт Вам это скажет.

До свидания, сердечный привет дорогой миссис Синнетт. Мне *хотелось бы* повидать вас, но — невозможно.

Е.П.Б[лаватская].

P.S. Относительно «Мемуаров». Возможно, то, что Соловьев рассказывает обо мне и о старике Блаватском, «которого Вы (я) преждевременно похоронили», — его злобная выдумка в ожидании, что это сообщение потрясет меня, а возможно, и нет. Я никогда не получала официального извещения о его смерти, только то, что я узнала через

свою тетушку в Нью-Йорке и опять же здесь. «Свое разоренное загородное поместье» он «сам покинул много лет назад», и пришло сообщение, что «он умер». Я никогда не обременяла свою голову мыслями о старике: он никогда ничего не значил для меня, даже как *законный*, хотя и ненавистный *муж*. И всё же если бы это оказалось правдой (его отец умер в возрасте 108 лет, а моя собственная бабушка примерно в 112) и мы всё это время говорили о нем как если бы он пребывал в Дэвакхане или Авичи, — то это не принесло бы конца неприятностям. Если Вы считаете, что «Мемуары» принесут пользу, то действуйте только на свою ответственность и под Вашим собственным именем, сообщая только *то*, что напечатано на русском языке. Не рассчитывайте ни на мою тетушку, ни на мою сестру. Они и слушать не захотят о дальнейших «осквернениях семейных тайн», как они их называют. Моя тетушка, возможно, и могла бы прислать 2-3 вещицы. Моя сестра сильно увлечена Соловьевым, который настроил ее против меня, и Общества, и бедного Мохини, и теперь она пишет мне письма в стиле мадам де Мэntenон — исполненные фанатизма и столь же холодные и высокомерные, как лед на Монблане. Оставим ее в покое. Моя тетя говорит, что она отдала этот портрет и его у нее больше нет. Таким образом, я предоставляю издание «Мемуаров» Вам, но в самом деле считаю, что сейчас это опасно. Отложите публикацию на несколько месяцев. Не отказывайтесь от нее, а отсрочьте, так как *чувствую*, что последует немало оскорбительных писем в газеты с добавлениями к ним того-то и того-то — какие-нибудь грязные сплетни относительно моих предполагаемых троих детей и т.д., и что же я тогда смогу и должна буду сделать? Я в безвыходном положении. Во всем мире нет женщины, находящейся в более жалком положении, чем я. Я *совершенно* беспомощна.

Наш оккультный друг, автор бессмертной чепухи о Киддле и поспешной записки от Учителя, который писал, когда его внутреннее «Я» пребывало в будущем, себе нынешнему, и она обнаружилась, не прошло и пять минут, у Шмихенов, — полагает, что Вы лучше оцените положение Боваджи с помощью его иллюстрации. В Торре-дель-Греко есть сапожник по имени *Иисус*, и это имя написано на его вывеске. И вот он говорит, что никто не может считать его «самозванцем» за то, что он называет себя *Иисусом*; но если бы он позволил людям поверить в то, что он Иисус Христос, и действовал бы таким образом, — то он и был бы таковым, *если бы не вывел из заблуждения свою публику*. Боваджи ведет

или вел себя как если бы он был **настоящим** чело́й, и именно отсюда начинается обман. У посла, представлявшего своего монарха в средние века, были всяческие права, и *его обязанностью* было жениться в качестве уполномоченного его короля, и у него было право и обязанность сунуть свою правую ногу в постель новобрачной во время пышной церемонии и в присутствии избранного круга придворных. Но если этот посол шел дальше и делал ребенка королеве от имени своего хозяина, — то он мог оказаться в несколько более худшем положении, чем даже наш бедный Мохини.

Шарма — большой друг графини и говорит, что счастлив называться таковым. Он беседует сколь угодно долго с ней наедине, а потом приходит иногда и разговаривает с нами обеими; так что мы с ней и слышим и видим его одновременно. Меня он мало интересует, а графиня, похоже, очень его любит — тем лучше для м-ра Шармы.

Посылаю Вам письмо Олькотта и его предложения. Он, кажется, совершенно не волнуется по поводу минимальной вероятности появления «евразийца» как памятника визиту Мохини в Лондон. Оказывается, я только что была удостоена избранием главой Общества *пожизненно*. Очень мило с их стороны в Адьяре. Не сердится ли на меня миссис Синнетт, раз так внезапно прекратила писать? Обязательно сообщите. Копия в Лондоне или всё еще в Эльберфельде? Пожалуйста, сообщите мне и, очень прошу: *«знайте, смейте и храните молчание»*.

Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 77

16 февраля 1886 г.

Мой дорогой м-р Синнетт!

Прочтите, пожалуйста, это внимательно, так как я **решительно настроена** расплатиться по счетам, какие у меня есть, и на те немногие оставшиеся дни жизни занять позицию, в целом не похожую на позицию больного и старого льва, лишенного помощи, за кем охотятся все Церберы, перед кем закрыты ворота всех стран и городов и которого может лягнуть любой осел.

Моя карма — это мною заслуженная карма, и я не ропщу и не протестую против нее. Но за пределами кармы — и я это знаю, ибо мне объяснили разницу, — существует: а) долг и справедливость по

отношению ко мне, как и к любому другому представителю человечества; и б) некое средство, которое должно быть предоставлено, чтобы я могла завершить или, вернее, продолжать работать, пока не завершу «Тайную Доктрину». Сейчас, в моем теперешнем состоянии, это совершенно невозможно.

Графиня — свидетельница тому, что я говорю. Она ежедневно и ежечасно удивляется тому, как может женщина в моем истощенном и расстроенном состоянии здоровья выдерживать всё, что я делаю ежедневно и ежечасно, и *не сойти с ума* и не рухнуть замертво от разрыва сердца. Я могу вынести и вынесу всё, что является прямым следствием моих собственных ошибок или *посева*. Но намереваюсь восстать против того, что целиком и полностью является результатом человеческой трусости, эгоизма и несправедливости. Возможно, я сама навлекла на себя Куломбов, Ходжсонов, даже Селлинов, но я не сделала ничего такого, что стало бы причиной утраты моих лучших друзей и людей, наиболее преданных делу. Это случилось из-за происков тех, кому следовало бы если и не быть вполне готовыми отдать свою жизнь за Учителя и дело, как готова я, — то, по крайней мере, не увеличивать ряды постоянно забрасывающих меня камнями. Пожалуйста, задайте этот вопрос господам Боваджи и Мохини честно и открыто. Хотят ли они, чтобы я жила и закончила свою работу, или они намереваются, каждый в своих собственных эгоистичных целях, *доконать* меня? Ибо существует предел, когда даже такой защищенный человек, как я, должен уступить своей человеческой природе и покончить либо с собой, либо с теми, кто пытается его убить.

Это покажется Вам смешным и нелепым. Возможно, Вы тоже уже пали жертвой тамильских мантр и психологии подобно всем Гебхардам — особенно Францу, подобно мисс А[рундейл] и теперь, как я понимаю, — Мохини? Я нисколько не удивилась бы, зная, что делаю.

А теперь позвольте мне откровенно и немедленно заявить, что если Вы еще не достигли блаженного состояния *марионетки* в руках того, кто в высшей степени умело создает таковое, то Вы пребываете в огромной опасности впасть в него, хотя Вы никогда и не видели Боваджи и не разговаривали с ним, а просто в силу обстоятельств, которые это «милое» существо полно решимости создавать и которым Вы в конце концов уступите, потому что Вы, человек мира сего, судите по создаваемой видимости. Ну а я не намерена сидеть и дожидаться, пока потеряю Вас и миссис Синнетт, как потеряла Гебхардов, и Мохини

теперь всецело в руках того, кому нечего больше терять и кто поэтому может особо не беспокоиться о том, каковы будут последствия для него самого. Прошу Вас не смеяться; умоляю, не думайте, что я пишу в пылу раздражения или в одном из свойственных мне приступов гнева и безудержных порывов, — ибо это не так. Я знаю, что говорю, и поэтому намерена действовать, исходя из этого.

Три дня назад я получила письмо от Хюббе-Шляйдена, сообщившего мне ошеломляющую новость, что Селлин *победил его*, что он договорился с М.Гебхард о том, что он (Х[юббе]-Ш[ляйден]) вернет ей ее диплом и председательство, откроет «Sphinx» для поношения м-ром Селлином Общества, Олькотта, меня (в ходжсоновском стиле и еще хуже) и только *в своем сердце* останется истинным и преданным теософом, *работающим для Общества тихо и незаметно*, так как предоставив свои колонки врагу и отказавшись от всякой связи с Т[еософским] О[бществом], он помешает таким образом Селлину оскорблять и крушить Т[еософское] О[бщество] во всех немецких газетах. Короче говоря, он принесет в жертву себя и свой журнал, превратив последний в громоотвод. Теперь Вы можете спросить, какое отношение это имеет к Боваджи? Утверждаю, что большое. М.Гебхард замешана в этом, и ее *заставили видеть* вещи в этом свете. Если ее спросить, то М.Гебхард будет отрицать это совершенно искренне, она объяснит это другими причинами. *Я настаиваю на том, что говорю.* Но это ничего — не стоит об этом думать. Это всего лишь один из многих известных мне случаев. Позвольте мне перейти к последнему из них.

Нет ничего искреннее, нежнее писем Мохини ко мне до того дня, как его «друг» Б[оваджи] (который ненавидит его теперь еще сильнее, чем Куломб когда-то ненавидел меня!) приехал в Лондон. Следствие № 1. Письмо от Мохини, самоуверенное, морализирующее, *полное обвинений* — каждое совершенно *необоснованно и ложно*, — которые он приводит в весьма величественном и снисходительном тоне. Возможно, Вы не усмотрите ничего, кроме обычных недоразумений, вызванных обстоятельствами и кармой. Я смотрю на вещи иначе. Каждое обвинение в нем, а именно: 1) что я разгласила некую тайну Мохини мадам Куломб, а та выболтала ее Ходжсону; 2) что я рассказала то же самое Дамодару, тогда как я *сейчас* написала ему (Мохини), что никогда и слова никому не сказала об этом; 3) что я сочла *его виновным* в <...> с мисс <...>, как только прочла ее письмо к нему в Вюрцбурге, а *затем сообщила* об этом Соловьеву, который рассказал это мадам де Морсье, а она, узнав таким

образом, что я верю в виновность Мохини, тоже поверила в нее и, обнаружив потом, что я *изменила точку зрения* и заявила, что Мохини *невиновен*, решила, что я лгала и пыталась покрыть его, и, возмущившись (точно так же, как она, бедная женщина, могла бы возмутиться, если бы всё так и было), ополчилась на меня, Мохини и всех; 4) что я написала полковнику письмо, в котором *представила всё в ложном свете*, или сообщила ему о Мохини нечто ужасное, и т.д., и т.п. Вполне достаточно, чтобы теперь заняться анализом этих обвинений.

Любое из них проходит через Боваджи *и при его содействии*. Обвинения и объяснения в отношении мадам де М[орсье] были распутаны при помощи М.Гебхард, которая отправилась в Париж и, как бы там ни было, ежедневно переписывается с мадам де М[орсье]. Я одна знаю, как велика роль м-ра Б[оваджи] в этом деле. Он рассказал всё это Мохини и тем самым настроил его против меня.

Вы знаете, будучи в то время здесь, в Вюрцбурге, верила ли я в виновность Мохини; что я сказала Вам, то сказала и Соловьеву, считая его своим *другом, каковым он и был тогда*, — и **ничего больше**. Я была вне себя при мысли, что какая-то женщина осмеливается писать Мохини подобные письма, и ясно понимала, что он виновен не в *половых сношениях*, а в *уступчивости* обожанию, льстившему его тщеславию, в переписке с влюбленной в него женщиной. И Вы знаете, что если бы я и верила в глубине души в его виновность, то загрозила бы его, челу, того, кто связан с Учителями, своим собственным телом не *ради него самого*, — ибо я всё сделала бы *скрытно и тайно*, чтобы избавить Общество от такого лицемерного чудовища, — но я скорее отрезала бы себе язык, чем сказала или призналась в этом кому бы то ни было. Это было бы губительно для Общества, меня самой и снова опорочило бы Учителей. Поэтому я *никогда не говорила ничего подобного* Соловьеву. Он совершенно определенно **лгал**. Он сплетничал, скорее из чистой любви к озорству, как сплетничал мне о Мохини, представляющем собой то да се, имевшем интрижку в Париже с такой-то и такой-то, о мисс А[рундейл], безумно влюбленной в Мохини; о самой мадам [де Морсье], которая в одном из своих припадков (гипнотического транса) *заигрывала с ним* — Соловьевым — и хотела **изнасиловать его** (sic! — так! — *лат.*). Он грязный, неразборчивый в средствах лжец и сплетник. Вначале он занимался этим без всякого злого умысла против меня, затем был уличен и вынужден повторить свою ложь в официальных документах, предъявленных Мельтцером, или — объявить себя *лжецом*.

Он предпочел принести в жертву Мохини и меня — вот и всё; я понимаю это, а Мохини — нет, потому что он находится под сильным влиянием Б[оваджи].

Я никогда не говорила того, что он приписывает мне, ни Куломбу, ни Дамодару. Оба узнали от опозоренной Мохини участницы той любовной истории, которая произошла даже *раньше*, чем Мохини узнал о Теософском Обществе. Но так как Куломб подтвердит под присягой против меня всё что угодно и так как там нет Дамодара, чтобы возразить на это, — а следовательно, и на *не вызывающие сомнений обвинения* м-ра Боваджи против меня, которую **он ненавидит**, — надлежащим образом, то он ничего не утаивал от графини.

Я никогда ничего не писала о Мохини Олькотту. Я избегала и откладывала это. И только когда дело приняло серьезный оборот, я рассказала ему об этом в общих чертах, прося его *не верить* всему, что ему скажут о бедном Мохини, который был *безрассуден*, но невиновен в преступлении, приписываемом ему. У Вас есть пересланное мною письмо полковника, в котором он сообщает мне: «Я знаю о Мохини всё» — к моему величайшему изумлению. Теперь мне известно, *как* он это узнал. Через миссис К[упер]-Оукли, которая пересказала в письме своему мужу наводнившие город толки и сплетни, исходящие от наших врагов. Отсюда и письмо полковника, на которое ссылается Мохини и о котором я *ничего* не знаю. Покажите, пожалуйста, Мохини письмо полковника. Думаю, что оно последнее, которое я Вам пошлю.

Таковы факты. Оцените мое положение и постарайтесь понять, что я, приняв теософство совершенно серьезно, не могу поступить иным образом, чем собираюсь, даже в отношении женщины, которую я совершенно ни во что не ставлю. Я не верю в *виновность* Мохини и никогда не верила в доведение до конца последнего преступного деяния. Но если он действительно писал письма мисс... [Леонард] «общим числом около 100» и «в самых необычных выражениях», я возьму назад слово «Потифар» и другие «клеветнические» выражения и напишу ей через ее адвокатов прилагаемое письмо⁵⁴, которое очень прошу исправить, а также предложить всё, что Вы сочтете уместным. Я не желаю таким образом обвинить Мохини, так как тем самым я бросила бы тень позора на Учителей, — даже если бы это и было правдой, во что я не верю, *не могу* поверить. Но я желаю, чтобы было точно известно, что

⁵⁴ См. Письмо 77а.

я не одобряю даже писание таких писем и что если он дал ей определенные права, флиртуя с ней и болтая всякие глупости в манере, мало приличествующей челе, я, *узнай я об этом вовремя*, никогда бы не назвала ее «Потифар» в письменном виде, каким бы ни было мое личное мнение о ней. Я вполне сознаю, что угрозы адвоката смешны; но я знаю также, что хотя они и не могут *добраться до меня здесь*, у них есть сотня способов наделать много шума и смешать меня с грязью, до которых не додумается никто, кроме *нещепетильных адвокатов*; а с меня хватит и скандалов, и грязи. Кроме того, пока я не отмоюсь от всей этой истории, я даже не смогу поехать в Лондон, куда *ехать* мне совершенно необходимо, и не знаю, увижу ли Вас или нет.

Итак, *если Вы друг*, то, пожалуйста, наймите хорошего адвоката (у меня есть несколько фунтов от тетушки, которые я могу потратить), чтобы он пошел к этим негодяям, хорошенько потолковал с ними и сказал, что если у них действительно есть «больше сотни» писем Мохини к ней и если они могут показать адвокату одно-единственное ласковое выражение, указывающее на любовную близость, — то мне этого достаточно. Так как я писала письма мадам де М[орсье] под впечатлением, что именно *она* его [мисс Леонард] преследовала, а не он отвечал или, *казалось*, отвечал и допускал, если не поощрял, ее любовь и так как Боваджи рассказал мне совсем другую историю, в которой представил Мохини жертвой *не одной прелестницы* — в подробностях, то если теперь мне докажут, что всё было не так и что это одно и то же, я готова признать свою ошибку публично. Она не Потифар, и он не Иосиф — *в нравственном отношении* (если он является таковым физически), за кого я его принимала.

И теперь не пытайтесь отговорить меня от этого. Покажите это письмо Мохини, и пусть он хорошенько поразмыслит над ним и даже покажет его своему другу Б[оваджи], если хочет. Я *решительно настроена* расквитаться со всеми. Я испытала то, что никто во всем Обществе и, возможно, во всем мире не пожелал бы испытать, если бы мог помешать этому, и дальнейшие страдания теперь причинили бы вред *не только мне*, но и Обществу, делу, именам **Учителей**. Я знаю то, что не знаете, *не можете* знать Вы, ибо у Вас нет того личного опыта, что есть у меня. Я **знаю**, что не должна больше иметь дело с Боваджи Д.Н[атхом], который предоставил мне ехать в Эльберфельд, но что я должна бороться в одиночку и без посторонней помощи с **силой**, которая действует через него и которая, если мне не удастся ее

победить, победит (погубит) всё Общество, Вас и **всех** через меня, хотя лично мне **она** не может нанести ущерба.

До какой же степени слепым должен быть оккультист, если, конечно, он настоящий оккультист, чтобы не понять невозможность, абсолютную *противоестественность* того, что мальчик (или мужчина), столь беззаветно преданный **делу**, Учителям и мне, как я полагаю, — вдруг без малейшей провокации, причины или основания обнаружит такую ненависть, такую неистовую, свирепую, дьявольскую жажду мести и желание погубить ту, которая ничего, кроме добра, ему не сделала? Его полное искреннего раскаяния письмо ко мне, которое я переслала Вам, было *притворством* (или временным освобождением от овладевшей им **силы**). Как только оно было написано, он повел себя так же, только осторожнее. Он окончательно восстановил Гебхардов против меня, а Франца и его жену и против графини тоже. Он вмешивался во всё, заправлял всеми делами в Эльберфельде. Он был руководящим и злым гением этой семьи, и они это еще узнают, и он будет таковым для А[рундейл] и для любого, к кому он теперь приблизится. С тех пор он написал мне два в высшей степени дерзких, наглых письма не в *его* (Боваджи) стиле, а в том хитром, коварном, иезуитском стиле *дугна*, с которым я так хорошо знакома. Это *воскресший* Мурад Али!

Я рассказываю Вам всё и предупреждаю, чтобы Вы *остерегались* Мохини в первую очередь. Он любезно говорит *еще об одной* встрече со мной прежде, чем он вернется в Индию или отправится в Америку. Я не увижу его, потому что не смогла бы вынести этот ужас. И если он не изменится и эта **сила** не оставит его, я не позволю ему переступить порог. Как я могу сомневаться (даже если все вы настолько глупы, чтобы усомниться в этом), — если как только мы покинули Цейлон в том прошлом марте или апреле, я увидела хорошо известную **фигуру** (я уже видела ее рядом с ним в Дарджилинге, но *тогда* она не *осмелилась* к нему приблизиться) в десяти ярдах от нас четверых (Гартмана, Флинн, Боваджи и меня) — на палубе, грозившую *мне кулаком* и говорившую: «*Сейчас вас четверо, скоро вас будет трое, затем двое — а потом ты останешься одна, одна, одна!*»

Пророчество оказалось вполне веселеньким. Мэри Флинн внезапно и без какой-либо причины или основания утратила свою преданность и не подает признаков жизни со времени отъезда, переменив свои взгляды. Затем Боваджи уехал в Эльберфельд и там с пеной у рта визжал перед графиней: «Она останется *одна*, я *помешаю* любому, *Мохини* и

любому в Индии, прийти к ней. Я ненавижу, я **ненавижу** ее! Как бы мне хотелось обескровить ее сердце!» и т.д. Да, я осталась **одна** — в точности слова **фигуры**. Когда и графиня покинет меня через 3 недели или около того, я буду как в одиночном заключении в тюремной камере. Меня может парализовать, я могу умереть в любой день наедине с этим жалким дураком возле меня, который даже не смог бы известить никого из моих родственников и Вас об этом. Мои бумаги, бумаги **Учителей** — всё на милость кого бы то ни было. Вы можете посмеяться — над идеей **фигуры**. *Мне не смешно*, равно как и графине, которая читала его письмо к ней... «Страж Порога здесь, он подходит, подходит... Приди и спаси меня и т.д.» Мы знаем, что всё это значит, если даже Вам это и неизвестно.

Итак, запомните: это *не себя*, а всех вас и Лондонскую ложу, и к тому же Т[еософское] О[бщество] вообще хочу я спасти. После того, что было сказано Ходжсоном, ничто в мире не может вызвать у меня дополнительного беспокойства. Но Лондонская ложа может развалиться, а теософия в Англии — погибнуть. Выбирайте между своей собственной житейской мудростью, любезным философским безразличием Мохини, слепотой мисс А[рундейл] — и моим 30-летним опытом. Прошлой ночью я снова видела **фигуру**, не в доме, так как в нем господствует **влияние** Учителя, — а по ту сторону сада сквозь стены, и графиня тоже видела и *испытывала* ее *воздействие* несколько раз, хотя *здесь* она не причинит ей вреда. И поскольку я видела ее и получила сегодня утром письмо и угрозу адвоката, то *решилась*. Если для спасения Общества и *избавления его* от этой **силы** — которая может подступиться в равной мере и к теософу и к *челе*, если тот не так предан и верен Учителям, как я, — я должна поехать в Лондон ближайшим поездом, подружиться с мисс Л[еонард] и объединиться ради общего дела с ней, каким-нибудь Ходжсоном и т.д., — *я сделаю это без колебаний*. Итак, запомните это, мой дорогой, преданный друг, единственный оставшийся таковым *во всей Европе*. Я обвиню себя, отдамся в руки тюремщика, миссионеров, приму предложения, сделанные иезуитами, — всё, что угодно. Я дошла до такой степени безразличия, до *морального* самоубийства личности, что готова на всё. Именно последнее письмо Мохини, показав мне ужасную опасность, которую все вы не замечаете, заставило меня решиться. Мой сердечный привет дорогой миссис Синнетт — воистину — ангельскому **терпению**!

Ваша до достижения теософской *пралайи*, то есть вечно

Е.П.Блаватская.

ПИСЬМО 77а

Сэр!

Получив Ваше письмо 16-го числа текущего месяца, извещаю Вас, что, если сможете, покажите моему адвокату, который передаст Вам настоящий документ:

1) любое мое письмо — из тех, что я написала *частным* и конфиденциальным образом мадам де Морсье без малейшего представления о предании их гласности и о том, что они будут переданы ею Вам, — в котором я связываю имя Вашего клиента с каким-либо клеветническим эпитетом или сентенцией или в котором мною упоминается имя мисс... [Леонард].

2) Если в «сотне писем» от м-ра Мохини к мисс... [Леонард], которыми Вы, по Вашему утверждению, располагаете, *одна-единственная внушающая любовь фраза в ее адрес* будет показана Вами джентльмену, который посетит Вас, фраза, достаточно ясная, чтобы привести к догадке и заключению, что он состоял или желал состоять в таких отношениях, которые каждым честным человеком обычно считаются предосудительными и постыдными между женатым мужчиной и незамужней девицей, — в таком случае я призн'аю, что была неверно информирована относительно истинных обстоятельств дела, и принесу мисс... [Леонард] исчерпывающие извинения за любое употребленное мною клеветническое выражение. Я до сих пор верю, что м-р Мохини *не виновен*. Пусть мне докажут, что он виновен, — и я с готовностью публично призн'аю свою ошибку.

Е.П.Блаватская

Адвокату. Пожалуйста, исправьте, переделайте и подумайте, как мне это написать.

ПИСЬМО 78

Суббота, 13-е, 1886 г.

Мой дорогой м-р Синнетт!

Вот новое письмо, на этот раз с шантажом и запугиванием. Оно исходит, пройдя через Бибич, от Куломба, с которым Ваша очаровательная бывшая партнерша по вальсу поддерживает непосредственную связь. Что затевает эта подлая *клика*, я не знаю, но что имеет в виду Куломб, ясно вижу, ибо это старая, старая история. Но что бы там ни было, я полна решимости швырнуть его обратно в лицо Ремнанту. Я не думаю, что адвокат в Англии подлежит преследованию в судебном порядке за пасквиль и клевету в меньшей степени, чем любой другой смертный.

Вот этот адрес: «Госпоже Митрович, иначе госпоже Блаватской». Оно представляет собой письменный *пасквиль* и обычное запугивание, как при *шантаже*, вымогательстве или как там это называется. Людям, не лишенным дара речи, нельзя помешать утверждать, что любой мужчина, который приближался ко мне, от Мейендорфа до Олькотта, был моим **любовником** (хотя это, я думаю, как раз равносильно тому, что любому из нас сказать, что... [мисс Леонард] — это Потифар или что она имела преступную связь с Мохини, не так ли?). Но я действительно считаю, что когда *адвокат* или *адвокаты* на основании дьявольской сплетни мадам Куломб *пишут* подобные оскорбления, намекая не только на проституцию, но и на *двоемужие* и *вымышленные имена*, — это клевета. Будьте добры, покажите *это* адвокату (нашему) и заставьте его прекратить это немедленно, заявив, что если *он* и Бибич не принесут письменные извинения, я буду преследовать их в судебном порядке и привлеку за пасквиль. Теперь у *меня* есть на это право, а если *нет* и если Вы не извлечете из этого пользу или не воспользуетесь этим, — то всё, что я имею сказать, так это то, что Вы заслуживаете, чтобы Вас запугала Бибич. Я Вам скажу, что если бы мы были в России или в любой другой цивилизованной или получивилизованной стране, — это письмо посчиталось бы *пасквилом*. Если в Англии это не так, то тогда чем дальше держаться от вашей «страны свободы и **справедливости**», тем лучше. А теперь послушайте историю.

Агарди Митрович был моим самым верным и преданным другом с 1850 года. Я спасла его от виселицы в Австрии при помощи графа Киселева. Он был последователем Маццини, оскорбил Папу Римского,

был изгнан из Рима. В 1863 году он приехал со своей женой в Тифлис. Мои родственники хорошо знали его, и когда его жена, тоже бывшая моей подругой, умерла, — он приехал в Одессу в 1870 году. Там моя тетя, неопишимо несчастная, как она мне рассказывала, от незнания того, что случилось со мной, упростила его заехать в Каир, так как у него были дела в Александрии, и попытаться привезти меня домой.

Он так и сделал. А там несколько мальтийцев по приказу католических монахов готовились устроить ему ловушку и убить. Я была предупреждена Илларионом, бывшем в то время в Египте в *телесном виде*, — и заставила Агарди Митровича ехать прямо ко мне и ни под каким видом не покидать дом в течение десяти дней. Он был храбрым и отважным человеком и не мог этого вынести. Он отправился в Александрию вопреки всему, а я поехала за ним со своими обезьянами, поступая так, как велел мне Илларион, сказавший, что видит его смерть 19 апреля (я припоминаю).

Вся эта таинственность и предосторожности заставили мадам Куломб наострить глаза и уши, и она начала болтать и надоедать мне, чтобы я сказала ей, правду ли говорят, будто я тайно вышла за него замуж. Причем, я полагаю, она не осмеливалась сказать, что, со всей возможной снисходительностью, его считали хуже, чем мужем. Я ее выгнала и сказала, что люди могут говорить и верить во всё, во что им угодно, но меня это не интересует. Это и есть *зародыш* всех последующих сплетен.

Сейчас я не могу сказать, был ли он, бедняга, отравлен, как я всегда предполагала, или умер от брюшного тифа. Я знаю одно: когда я прибыла в Александрию, чтобы заставить его вернуться на пароход, на котором он приехал, я опоздала. Он ушел в Рамлех пешком, остановился по дороге, чтобы выпить стакан лимонада в гостинице, принадлежащей мальтийцу, которого видели разговаривающим с двумя монахами, а когда он добрался до Рамлеха, то упал без чувств. Госпожа Пашкова услышала об этом и телеграфировала мне. Я поехала в Рамлех и нашла его в маленькой гостинице с брюшным тифом, как сообщил мне врач, и с находящимся подле него *монахом*. Я вышвырнула того, зная его отвращение к священникам, устроила скандал и послала за полицией, чтобы вытурить грязного монаха, который показал мне кулак. После этого я ухаживала за ним в течение десять дней мучения, бесконечного и ужасного, когда он явно видел свою жену и громко звал ее. Я ни разу

не оставила его, ибо знала, что он умирает; как сказал Илларион, так и случилось.

В то время ни одна церковь не согласилась хоронить его, заявив, что он карбонарий. Я обращалась к некоторым франкмасонам, но и они боялись. Тогда я взяла абиссинца — ученика Иллариона, и вместе с гостиничным слугой мы вырыли ему могилу под деревом на берегу моря, а я наняла *феллахов*, чтобы перенести его вечером, и мы предали земле его бедное тело. Я была в то время российской подданной и поругалась из-за этого с консулом в Александрии (тот, что в Каире, всегда был моим другом). После этого я забрала мадам Себин, своих обезьян и вернулась в Одессу. Вот и всё.

Консул заявил мне, что я не имела права дружить с революционерами и последователями Маццини и что ходят слухи, будто он был моим любовником. Я ответила, что так как он (А.Митрович) приехал из России с надлежащим образом оформленным паспортом, был дружен с моими родственниками и ничего не сделал против *моей страны*, то я имела право дружить с ним и с кем бы то ни было по собственному усмотрению. А что касается грязных слухов обо мне, то я к ним привыкла и могу только сожалеть, что моя репутация расходится с фактами, — приобрести репутацию, не получив при этом удовольствий (если это имело место), всегда было моим уделом.

Это и есть то, за что ухватился теперь Куломб. В прошлом году Олькотт написал моей тетушке об этом несчастном, и она ответила, сообщив ему, что все они знали Митровича и его жену, которую он обожал, и он умер именно тогда, когда она (тетушка) попросила его поехать в Египет, и т.д. Но всё это ерунда. Что я хочу знать — так это имеет ли адвокат *право* оскорблять меня в письме, как поступил этот Ремнант, и есть или нет у меня право *угрожать* ему, по крайней мере судебным разбирательством?

Пожалуйста, позаботьтесь об этом, прошу Вас как друга, в противном случае мне самой придется написать какому-нибудь адвокату и начать судебное дело, что я могу сделать и не приезжая в Англию. У меня, как Вам известно, нет желания самой начинать судебное дело, но я хочу, чтобы эти адвокаты знали, что у меня есть на это право, если я сочту это необходимым. Возможно, они как дураки и в самом деле верят, что я *тайно* вышла замуж за бедного Митровича и что это тайна, тщательно скрываемая от посторонних? Я напишу несколько

слов, которые Ваш адвокат может показать Ремнантам, чтобы вывести их из заблуждения. В конечном счете я *не поеду* в Англию. Предпочитаю Остенде.

Преданная Вам

Е.П.Блаватская.

Если Вы немедленно не прекратите это дело с «госпожой Митрович», то это всё станет известно теософскому Лондону и вызовет новый скандал. Заявляю Вам, что Вы должны сделать так не только ради меня, но и ради самого себя. Это *прекрасная возможность*, не упустите ее. Ремнанты *истинно веруют* в эту сплетню, иначе они никогда *не осмелились* бы написать такое. Объясните им хорошенько, что на этот раз они на коне, а потом праздновать победу будем мы.

Только посмотрите! Я нашла конверт, не замеченный мною до сих пор. В Соединенных Штатах явные **пасквилы** в *открытых* письмах или почтовых открытках вдвойне наказуемы. А как обстоят дела в Англии? Олькотт знал человека, приговоренного к 6 месяцам тюрьмы как раз за *такое* дело.

ПИСЬМО 79

Мой дорогой м-р Синнетт!

Есть письмо от Габорьо. Я на него ответила. Он может поступать как ему заблагорассудится. Если он способен на *низость*, то говорю ему — пусть так и поступает. Я не думаю, что он отдаст ей письмо, но лучше напишите ему любезное письмо и попросите вернуть то письмо Вам.

А вот и новая наглая выходка адвокатов. Я высказала ниже то, что думаю. Пожалуйста, наймите для меня адвоката.

У меня есть письмо от тетушки, в котором она сообщает то, что касается Соловьева, так как я просила ее припомнить все обстоятельства, не полагаясь на свою память: «Я ничего не знаю об этой истории с Мохини, да она меня и не интересуется; всё, что я помню, так это то, что когда я нечаянно вскрыла это письмо и ты прочла его и сказала об этом мне и Соловьеву, вы с ним начали ссориться, и ты говорила, что *никогда не согласишься в виновность Мохини* и что это не его вина, если потифары бегали за ним. Если *хочешь, я могу написать об этом письменные показания под присягой по-французски и присягнуть на Евангелии (Библии) перед нотариусом*». Если Соловьев говорит нечто

иное, он **лжет**. Да что он такое может сделать, чтобы угрожать мне? Пожалуй, только донести на меня жандармам в *Тайной канцелярии* и придумать несколько изменнических выражений, будто бы высказанных мною. Он вполне способен на это. Вся Россия его знает. Его собственная мать прокляла его, и говорят (но это слишком ужасно), что он был моим другом!!! Нет ничего удивительного, если после своего первого визита и хорошенько рассмотрев его, Учитель не стал больше иметь с ним никаких дел, несмотря на все мои мольбы!

Вечно Ваша

Е.П.Б[лаватская].

Покажите, пожалуйста, это Мохини. Я могу послать ему оригинал ее письма, но оно написано по-русски. Пусть поймет, что я *не лгала*.

ПИСЬМО 80

3 марта

Дорогой м-р Синнетт!

Начался дождь — ожидай ливня. Не думаю, что возможно отвечать за что угодно, за любое незначительнейшее событие в этой жизни и говорить, что оно не будет иметь никаких последствий. *Карма* — это нечто большее, чем думает любой из вас. Сейчас персидский шах чихнет в какое-нибудь воскресенье, а в следующую субботу вся Европа будет охвачена большим пожаром, потому что некоторые из европейских держав, наверное, приняли чих за пушечный выстрел. Слишком чувственная старая дева влюбляется в волоокого мускатного индуса, и одним из следствий является то, что две семьи, тесно связанные ближайшими узами кровного родства, расходятся навсегда, а третья сторона, от начала до конца не виновная в ссоре, — я сама — *побита* в драке.

Соловьев оказался грязным сплетником, вечно сующим нос не в свои дела типом и обидчиком. Он, чья репутация запятнана гораздо больше, чем у кого бы то ни было еще, сам предъявил обвинение (будто бы он более *нравственный*, чем Мохини), продал меня, как Иуда, без всякого повода или предупреждения, поехал в Петербург, сблизился с моей сестрой и ее семьей, восстановил их всех против меня, узнал всё, что смог, из давнишних грязных сплетен (особенно об этой истории с несчастным ребенком), вернулся в Париж, предал всех нас и т.д. Потом написал мне, как Вам известно, в высшей степени наглое, угрожающее

письмо, грозя также и моей тетушке, которая, узнав, как он обманул нас всех *со своей женой* (оказавшейся теперь его *незамужней* золовкой, сестрой его второй жены, соблазненной им, как теперь оказывается, когда ей было всего 16 лет), написал моей сестре, что эта мнимая госпожа С[оловьева], которую Вы видели, — неподходящая компания для ее незамужних дочерей, а моя сестра показала ему, Соловьеву, письмо своей тетки. Шумная ссора — громы и молнии!!

Я переслала тетушке его наглое письмо. Она отправила мое недовольное письмо сестре и упрекнула ее, кажется, слишком резко, за то, что та позволила своим дочерям, как Иудам, продать меня Соловьеву, водить дружбу и объединиться с ним против меня, не причинившей им никакого вреда и отказавшейся в их пользу от всего наследства моего отца без единого возражения, и т.д. Это довело мою сестру до истерики и припадков. Дочери написали в высшей степени дерзкое письмо моей тете, *прося ее никогда больше не писать им* и никогда не произносить моего имени, которое *вызывает у них, как у христианок, отвращение*. Две мои тетушки проявили строптивость, встали на мою защиту и написали грозные письма с упреками. Новые шумные ссоры, новые осложнения и т.д., и т.п.

И вот результат: семейство моей сестры и мои тетушки превратились в Монтекки и Капулетти, а Соловьев — в Яго для теософии и меня. Моя сестра, по ее собственному признанию, ненавидит меня, а ее дочечки и того пуще. Сейчас в России, как и повсюду, ненависть является синонимом клеветы. Соловьев же, кроме того, не простит мне отказа от *его предложений*, которые Вам известны. Он знает Каткова, он писатель, и я полагаю, что из-за его «добрых» услуг потеряю свое место в «Российском вестнике» и, как следствие, несколько тысяч рублей в год.

И все это потому, что Мохини решил поиграть в платонического (*если, конечно, только платонического*) Дон-Жуана. Ну и как Вам эта запутанность, мерзость и больное сердце? Оставим это.

Теперь о другом. Мне наплевать на всех Ремнантов в Лондоне. Она ничего не может сделать, кроме как снова смешать нас с грязью, и, будучи не в состоянии вынести нам приговор по закону, они, конечно, просто продолжают корчить рожи нашим сестрам — если у нас таковые остались. Ну да оставим и это тоже. И вот, в то время как Вы забили себе голову идеей совместной жизни где-нибудь в деревне в Англии, — что теперь *невозможно* из-за Общества психических исследований и

Бибицей — у меня были *видения*, о которых я рассказала графине дня три назад. Я увидела в высшей степени неожиданно Ваш дом с большим объявлением на окне: «Сдается дом с обстановкой» — и я увидела вас двоих и себя в Дьеппе или где-то еще, но мне кажется, что в Дьеппе. Если это не просто фантазия, видение, вызванное внушением, и вереница мыслей, — то тогда, возможно, в этом что-то есть. Если бы Вы только могли сдать дом с обстановкой — что, кажется, легче, чем передача в субаренду, — то мы могли бы жить очень недорого где-нибудь на побережье Франции; и Вы были бы всего в 2-3 часах пути от Лондона.

Я всё это время думала переселиться куда-нибудь в те места — Булонь, Кале, Дьепп и т.д.; снять вместе с Луизой маленький домик, отправить туда свои домашние вещи и имущество и обосноваться там до тех пор, пока либо умру, либо вернусь в Индию, куда я не могу вернуться, пока не покончу с «Тайной Доктриной». Жизнь во Франции по ту сторону канала и полосы моря между Англией и французским побережьем похожа на жизнь в Англии и притом гораздо больше, чем во многих частях Англии.

Ну и как, считаете ли Вы это осуществимым? То, что я трачу здесь, примерно 400 марок, я буду всегда тратить в любом месте, и не более того. Бутон совершенно неожиданно прислал мне 125 долларов, говорит, что теперь будет присылать больше. Делает прекрасные предложения. Прилагаю его письмо — прочтите его, пожалуйста, и пришлите обратно, сообщив, что Вы о нем думаете. Если Джадж, или Гебхард, или проф. Куэ помогут мне получить из Вашингтона авторское право на «Тайную Доктрину» и заключить новый контракт с Бутоном на «Изиду», чтобы он не мог меня больше надувать, я думаю, что смогла бы заработать на этом кое-какие деньги. А потом мы смогли бы жить вместе во Франции или где Вы только скажете, пока я не разделаюсь с «Тайной Доктриной».

В местечках на побережье дома очень дешевы, если снимать их на год, они дороги только во время сезонов. В Арке, например, в полчасе езды от Дьеппа, можно жить до смешного дешево. Он известен своим прекрасным Аркским лесом и очаровательными виллами, которых там множество. Графиня жила там и утверждает, что это восхитительное местечко. Если снять маленький домик *заранее*, сейчас или в течение апреля, то я смогла бы без труда прислать арендную плату за 3 месяца, так как наскребла кое-какую наличность, а потом смогла бы отправлять потихоньку и постепенно свое самое необходимое, например, кресло и

некоторые другие вещи, а затем переехать туда в конце апреля или начале мая. Как бы это сделать? Как бы сделать, чтобы кто-нибудь поехал и посмотрел дома там или где-нибудь еще? Если я оплачу половину расходов за дом, житье и все такое, а Вы — другую половину, то выйдет очень дешево. А раз обосновавшись, даже если Вам пришлось бы поехать в Лондон будущей зимой, я в это время осталась бы одна и была бы все же близко от Вас. Я надеюсь получить еще немного денег в течение будущей зимы, то, что я получу из Адьяра, то, что должен мне Катков, и то, что я могу заработать сейчас, — всё вместе. Подумайте об этом серьезно. Если только сможете, сдайте свой дом с обстановкой, просто оставив массу громоздкой мебели и забрав с собой более мелкие хорошие вещи и безделушки; полагаю, мы могли бы устроиться отлично.

Каждое утро нечто новое и новая обстановка. Я *снова живу двумя жизнями*. Учитель считает, что мне слишком тяжело сознательно высматривать в астральном свете мою «Тайную Доктрину», и поэтому вот уже примерно две недели меня заставляют видеть всё, что нужно, как бы во сне. Я вижу большие и длинные свитки бумаги, на которых всё написано, и вспоминаю их. Таким образом мне дано было увидеть всех патриархов от Адама до Ноя — параллельно с Риши⁵⁵; и в середине между ними значение их символов, или персонификаций. Сет вместе с Бригху, символизирует 1-ю субрасу 3-й коренной расы, например, и означает *с точки зрения антропологии* 1-ю *говорящую* человеческую субрасу 3-й расы, а *с точки зрения астрономии* (его год 912) — в одно и то же время продолжительность солнечного года в этот период, длительность существования его расы и множество других вещей (слишком сложных, чтобы объяснять их Вам сейчас). И в заключение, Енох, подразумевающий тот солнечный год, когда установилась его теперешняя продолжительность в 365 дней («Бог взял его, когда ему было 365 лет»), и т.д. Это очень трудно для понимания, но я надеюсь растолковать это достаточно ясно.

Я закончила огромную вступительную главу, или предисловие, пролог, называйте это как хотите, просто чтобы показать читателю, что текст, как он приводится, с каждым разделом, начинающимся со страницы перевода из «Книги Дзиан» и тайной книги Майтрейи Будды «Чампай чхос нга» (в прозе, а не 5 известных книг стихов, являющихся

⁵⁵ *Риши* (санскр.) — древние ведические Мудрецы и Святые.

маскировкой), никакая не выдумка. Мне было велено поступить так, сделать беглый обзор того, что *было* известно исторически и в литературе, в классике и в мирской и священной истории — на протяжении тех 500 лет, что предшествовали христианскому периоду, и тех 500, что последовали за ним: о *магии*, о существовании Универсальной Тайной Доктрины, известной философам и посвященным всех стран и даже некоторым отцам Церкви, таким как Климент Александрийский, Ориген и другие, которые сами были посвященными. Описать к тому же мистерии и некоторые обряды; и смею Вас уверить, сейчас сообщаются самые необычайные вещи, вся история распятия на кресте и т.д., основанного, как доказывается, на обряде, древнем как мир, — распятии кандидата на испытаниях, схождения в ад и т.д. всех арийцев. Вся эта история в целом, до настоящего времени оставляемая востоковедами без внимания, обнаруживается даже в экзотерическом смысле в *Пуранах* и *Брахманах*, а затем объясняется и дополняется тем, что дают *эзотерические* толкования. Как не сумели востоковеды это заметить — выходит за пределы понимания.

М-р Синнетт, дорогой, я располагаю *данными* на двадцать таких томов, как «[Разоблаченная] Изида»; это всё язык, умение, необходимое для их составления, которого мне недостает. Ну, Вы скоро увидите этот пролог, *краткий* обзор мистерий, которые появятся в тексте объемом 300 страниц формата 34,2х43,1 см.

Непременно подумайте об Арке и Дьеппе *серьезно*. Я должна куда-нибудь уехать, но только *не* в Англию.

Вечно Ваша

Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 81

Четверг

Дражайший м-р Синнетт!

Да благословят и вознаградят **Они** Вас, я могу только прочувствовать столь глубоко, как это свойственно моей натуре, прочувствовать, что Вы — лучший друг, который остался у меня в этом мире, и что Вы можете располагать мною до моего смертного часа.

Делайте всё, что хотите. Публикуйте «Мемуары», пишите то, что считаете лучшим и уместным; я *заранее* подписываюсь под этим и предоставляю Вам таким образом карт-бланш и *полное право* действовать и делать от моего имени всё, что пожелаете. Уверена, что Вы будете защищать дело и меня лучше, чем я смогла бы это сделать сама. Единственное, что я могу, так это говорить *правду* на психологические, оккультные темы, неправильно понимаемые и осмеиваемые всеми. Я *бессильна* защитить себя. Я говорила Вам, а Вы и не думали, что люди *поверят* вымыслу о «шпионке». Настроение против России сейчас слишком сильно, и Ходжсон ловко распорядился своими картами. И вот вчера вечером сюда приехал Хьюббе-Шляйден, в ужасе утверждающий, что здесь, в Германии, мне угрожает настоящая опасность. Что закон здесь не таков, как в Англии, где генеральный солиситор⁵⁶ ничего не может поделать с подозреваемым лицом, пока не подана жалоба. Но что здесь как только какая-нибудь газета сообщит, что я публично объявлена «фальсификатором», как бы сам Гартман это ни отрицал, — я могла бы быть арестована. Это восхитительно! Итак — моя совесть чиста, и это всё, что я могу сказать. Он и графиня хотят, чтобы я поехала в Англию. Ну, так куда же мне ехать? Я не смею сейчас назвать свое имя в Англии!

Я просмотрела все свои старые бумаги, связки, к которым не притрагивалась со времен Бомбея, и остальные, которые не открывала — старые пачки писем и бумаг — с лондонских времен. В последних я обнаруживаю 2-3 листка почтовой бумаги. Какие-то, полагаю, остались там со времен Аллахабада, остальные — с тех пор, как я положила их туда в доме мисс Арундейл. Посылаю их Вам, взгляните на них и сожгите или сохраните. Я могла бы сжечь их сама. Но мне хотелось показать Вам, как легко было бы в случае моей внезапной смерти (которая может приключиться в любой день) назвать меня воровкой, предъявить эти две записки с пометкой «Суррей-хаус» — «Дом в Суррее», который принадлежит Сирилу Флауэру, другу Майерса, и сказать, что я украла их из его дома (где я однажды обедала) для будущих феноменов или чего-нибудь в этом роде. Теперь в эти два листка почтовой бумаги завернута его фотография, которую он прислал мне, когда я уезжала из Лондона. Фото сделано в Адьяре, и эти два чистых листа смешались, как я полагаю, со связками и грудками моих пребывающих в вечном беспорядке бумаг. Сохраните их и покажите друзьям — это лучшее

⁵⁶ *Солиситор* — в Великобритании — адвокат или юрисконсульт.

доказательство того, как *легко* обвинить человека и *вынести приговор* на основании всего лишь косвенных улики. Только представьте, что я внезапно умираю, — мои бумаги приведены в порядок и изучены, а эти два листка обнаружены! Лучшего доказательства и не нужно. Я содрогнулась, найдя их. Я составляю завещание, и оно будет переведено на немецкий и засвидетельствовано. Хочу, чтобы Вы позаботились о моих бумагах и коробке, на которой я напишу Ваше имя. В ней содержатся все бумаги Махатм и множество писем, полученных мною от Махатмы К.Х. Остальные от Учителя, *нагоняи* и т.д. Надеюсь, что они не попадут ни в чьи руки, кроме Ваших. Издавайте, пишите, скажите мне, что делать, и я так и сделаю. Я — это парализованное тело — безжизненные *душа и тело*; я даже утратила способность страдать.

Ваша до последнего вздоха

Е.П.Блаватская.

ПИСЬМО 82

Мой дорогой м-р Синнетт!

Только что прочла каталог Рэдвея и была совершенно сражена и ошарашена, увидев, что он афиширует эту низкую ложь мадам Куломб. Я не понимаю основные принципы этого поступка. А Вам они известны? Не знаю, как посмотрите на это Вы, но я, бесспорно, *не стану иметь* вообще никаких дел с Рэдвеем, пока он не уберет этот анонс. Я скорее издам «Разоблаченную Исиду» в Америке и не получу за это ни гроша, чем мои труды и труды таких настоящих преданных теософов, как графиня, разрекламируют вместе с таким *отвратительным* пасквилем.

Пожалуйста, проследите за этим серьезно. Я пишу, чтобы привлечь к этому внимание Олькотта. И клянусь, что постараюсь настроить всех теософов в Индии против того, чтобы их книги продавались у Рэдвея. *Это оскорбление*, это определено оскорбление. И графиня считает это омерзительным. Не могли бы Вы поговорить с этим человеком?

Пожалуйста, ответьте на это серьезно.

Ваша Е.П.Блаватская.

ПИСЬМО 83

Понедельник

Мой дорогой м-р Синнетт!

Будьте добры, сделайте мне одолжение. Узнайте, не сможете ли Вы получить для меня наличные деньги по прилагаемому чеку от Бутона в каком-нибудь американском банке. Если необходима телеграмма в Нью-Йорк, то телеграфируйте, пожалуйста (из этих денег), я лучше потрачу фунт или два, чем останусь без денег, так как Олькотт снова прекратил их посылку. Первый чек от Бутона на «Pacific» не мог быть оплачен ни здесь, ни во Франкфурте, так как они ничего не знали ни о банке, ни о Бутоне и поэтому переслали его в Нью-Йорк, а я тем временем должна сидеть и ждать у моря погоды. Если Вам удастся получить по нему наличные и прислать мне деньги в банкнотах Английского банка, то я попросила бы Вас достать для меня: «Вишну Пурана» Уилсона (другие его работы мне не нужны), а еще самый лучший, самый полный труд об Одине и скандинавской мифологии. Я ничего не знаю о последней, а должна многое опровергнуть в первом сочинении, ибо этот Один «был далеким-далеким предшественником эпохи *Вед*!!»

Я пришлю Вам две-три главы «Тайной Доктрины», прежде чем отослать их Субба Роу в Индию. Хочу, чтобы Вы посмотрели и прочитали их до того, как они пройдут через руки С[убба] Р[оу], чтобы какой-то Ходжсон снова не сказал, что «Тайная Доктрина» написана Субба Роу, как, предположительно, была написана «[Разоблаченная] Изида». Кто мне сейчас нужен, так это **свидетели**.

Проследите, пожалуйста, за *чеком*, если не хотите столкнуться с тем, что «Тайная Доктрина» еще раз застопорится за отсутствием перьев и чернил.

Вы так и не сообщили мне, получили ли письмо Бутона, которое я Вам посылала, и что Вы о нем думаете? Получили ли Вы его? Сердечный привет миссис Синнетт.

Вечно Ваша

Е.П.Блаватская.

ПИСЬМО 84

Мои дорогие миссис и м-р Синнетт!

Учитывая, что подагра и старость дают мне определенные привилегии, позвольте мне обратиться к вам обоим. Всевышний через своего избранного слугу — священнослужителя (кстати, я не уверена в *священнослужителе* — был ли это некто или просто *Закон*?) соединил вас в одно целое, и я могу трудиться, пребывая в заблуждении, пока оно отвечает моим целям, и воображать, что вы подобны Иегове и Еве до того, как грех расколол их надвое, и поэтому обращаться к вам, как если бы вы никогда *не разделялись*. И теперь вы должны извинить меня — я помешалась на «Тайной Доктрине» и, полагаю, говорю бессвязно.

Увеличительное стекло, графиня и некоторая доза оккультной проницательности, к счастью, помогли мне разобрать Ваше письмо (миссис Евы Синнетт) — процесс, который занял у меня около трех с половиной часов, и я смогу Вам ответить. Первое предложение, упоминающее о «Мемуарах», я разобрала достаточно хорошо. **Да**, я готова, т.е. к «просмотру», а никоим образом не к «одобрению», как бы хорошо они ни были написаны и какими бы интересными ни казались. У меня возникает ужас при появлении моего имени в печати, доходящий до мурашек по телу всякий раз, когда я его вижу. Я решила подписать «Тайную Доктрину» каким-нибудь вымышленным именем из области несуществующего.

Между прочим, тетушка прислала мне длинный список прародителей и прародительниц, сочетавшихся браком с русскими *царями*. Лестно видеть их — я имею в виду бедных обитателей Дэвакхана — потомка столь высоко ценимым западным потомством. Надеюсь, что все они остались в Камалоке слепыми и глухими.

Так как я уезжаю из Вюрцбурга только 15 мая, а из Лондона прибывают несколько иезуитов, чтобы нанести мне дружеский визит, — то у меня будет уйма времени, если вы поторопитесь. В настоящее время я занята «Теогонией Семи», и так или иначе они не будут работать — или, может быть, не работают мои мозги. Я всё перепутала и *должна отдохнуть*, если не хочу оказаться на днях помещенной в приют для душевнобольных. Пошлю «Мемуары» во что бы то ни стало.

Мохини в Ирландии, чтобы *поговорить с членами*? Уж не хочет ли он *обратить* какую-нибудь ирландскую старую деву и вступить с ней в

переписку? Надеюсь, это *действительно* прошло совершенно серьезно. Зачем Бабаджи понадобился мой адрес? Я думала, что развязалась с ним. Я отослала ему (вернее, это сделала графиня) его сундук с одеждой и получила в качестве подтверждения почтовую карточку с выражением благодарности за то, что я оставила *у себя самые важные его бумаги*, — полагаю, это намек на то, что я их «украдала», дабы использовать против него. Он смертельно боится меня — это несомненно, и всё же этот дурак не знает, что мне *в действительности* известно.

А теперь относительно того, что вы сообщаете о двух челах. Позволю себе обратить ваше внимание на некоторые вещи, а затем предоставлю остальное вашему высшему суждению. Я говорю об авторитете, и если вы или, скорее, м-р Синнетт не поможет и не поддержит меня, я ничего не смогу сделать.

Французское отделение, пережившее Ходжсона, Куломба и даже личные усилия Майерсов, — теперь уничтожено при помощи Мохини. Оно погибло окончательно, ибо мадам де Морсье против него. Это — потому, что все это время меня *держали в неведении*. Знай я, что происходит в Париже и в каком она положении, — я бы *никогда* не написала ей того письма и никогда бы не вмешалась и не заставила ее сердиться на меня, на себя и т.д. Я ничего не знала. Мохини не сказал мне ни слова. Бабаджи, если и знал, то держал всё в тайне от меня. До сих пор я не знаю, как и почему это началось и во что она верит или не верит. Однако — *отделение мертво*, и Мохини не может отрицать этого. Она оттолкнет от нас всех членов, которых привлекла. Соловьев там, чтобы ей помочь.

Бабаджи совершенно выбил из колеи Гебхардов. Если ему позволят вернуться, попрощайтесь с Германским отделением и нашими общими друзьями. Пусть *это будет предсказанием* — вы предупреждены. Германское отделение мертво, *опять-таки благодаря ему*. Если бы он не расстроил Гебхардов так, как он это сделал, они бы никогда не позволили «Sphinx» выйти из Общества и не отнеслись бы к делу так безответственно.

И вот остается Лондонская ложа. Кто ее президент? И кто, кроме президента, *имеет право* делать авторитетные заявления? Если вы позволите этим двум мальчикам делать то, что они захотят, и не будете им препятствовать, Лондонская ложа умрет от нарушения этики. Собираетесь ли вы придерживаться своей политики *совершенно*

бездействия — или что? Почему бы не созвать совещание Совета, не вызвать этих двоих и не рассказать им, чт'о они наделали и продолжают делать, и не заявить прямо и честно, что вы не можете позволить этому продолжаться долее. Они должны либо *работать с вами*, либо выйти из Лондонской ложи и жить в Лондоне как два независимых члена, пока Генеральный совет или **кто-нибудь еще** не займется их делами. Непонятная политика. Вы ведете себя так, словно у вас нет никаких прав. Скажите им, что они должны принять решение или вы напишите *донесение* в Адъяр, Совету, и пусть там будет известно, что они разрушают последнее отделение в Европе. Если вы не последуете моему совету (*советовала* в свое время), именно ваше совершенное бездействие и погубит Общество, а не эти 2 челы. Это всё вина мисс Арундейл. Это она испортила их обоих и губит Общество.

Прилагаю письмо от Франца. «Иезуиты»? Я бы сказала так. Они собираются сделать мне предложение 20 апреля. Мы посмотрим и <...>

А теперь, леди и джентльмен, — я кончила. Что еще? Лучше теряйте-ка как можно меньше вашего времени, пока я с вами и жива. Через несколько дней я, возможно, буду с иезуитами и — **мертва**.

Ваша до счастливого события

Е.П.Б[лаватская].

Ну сообщите же мне, *пожалуйста*, как там [мисс] Леонард? Пришли ли мои деньги?

ПИСЬМО 85

Строго частное и конфиденциальное, не подлежит ни зачитыванию «Тифоном»⁵⁷ Бибицем, ни печатанию в «The Times», ни даже нашептыванию Фанни А[рундейл] — «теософско-этической урне с двумя ручками-челами».

Мой дорогой сэр Перси!

Жребий брошен, и мое каноэ снова спущено на воду Вечного Жида. Графиня [Вахтмайстер] уезжает отсюда 28-го числа сего месяца, пожертвовав Гебхардами, визитом ее родственника и т.д. ради меня, —

⁵⁷ *Тифон* — в греч. мифологии стоглавое огнедышащее чудовище.

да вознаградит ее карма. Перспектива остаться в одиночестве теперь меня не пугает и не волнует — за исключением того, что в случае моего быстрого ухода все мои бумаги достанутся врагам, а мое тело — кощунственному вмешательству какого-нибудь треклятого попа. Но я *не могу* и не останусь по другой причине. Единственная знакомая и (в большой мере) подруга, фрау Гофман, смертельно напугана — старческая, присущая старым девам боязливость — благодаря «любезным» стараниям Селлина. У этого *теософа* из Гамбурга есть здесь друг, некий санскритолог, переписывающийся с кем-то в Индии. И этот корреспондент, как я полагаю, написал ему обо мне все, что могли подсказать злоба и сплетни. Короче говоря, я в положении Гретхен после ее *оплошности* с Фаустом; все старые кумушки-сплетницы начали прогуливаться у меня под окнами и заглядывать в них (таинственность придает в их глазах очарование моему инкогнито); и если я останусь здесь, то очень скоро буду получать известия о «моих троих детях» через оконные стекла и свежайшую информацию о какой-либо подлости в виде *шпионажа* или преступного бизнеса, совершённой мною в Индии, Америке или на Северном полюсе. Мне всего этого хватает.

Ныне *жребий* действительно брошен. Даже фрау Гофман покинет меня, если я останусь, и поэтому я еду. Графиня перед отъездом упакует все мое имущество, книги и сковородки. Я заплачу здесь до 15 апреля и между 1 и 15 апреля совершу свой *исход* в Остенде с возможностью выбора между тремя-четырьмя старинными городками в округе на расстоянии часа-двух пути, если отыщу местечко, очень спокойное для меня. В Остенде, если только мне удастся найти удобное теплое жилье, я и обоснуюсь и останусь до тех пор, пока мы сможем осуществить мечту о «совместной жизни» в Англии. Остенде находится всего лишь в четырех-пяти часах пути от Лондона через Дувр. Если что-нибудь случится, Луиза всегда сможет телеграфировать вам, и один из вас придет мне на помощь. Всё в порядке? Не говорите «нет», если не можете предложить что-нибудь еще ближе и лучше. Я бы предпочла Францию, но там Тифон в женском обличье может приобрести власть надо мной и выставить нижнее белье для обозрения и еще раз отравить мой покой. Бельгия более спокойное место. А теперь, пожалуйста, ответьте на это быстро и не обмолвитесь никому ни словом, пока я не обоснуюсь. О прекрасная, тихая старость! Необходимость играть Вечного Жида, скрываться подобно преступнику, злодею, потому — ну, потому, что я выполнила свой долг.

Поклон домочадцам. Получили ли вы мой чек на 262 доллара? Можете ли оплатить его? Мне крайне необходимо получить по нему *наличные*. Если у миссис С[иннетт] есть какие-нибудь марки, пусть пришлет их и закроет счета, а если нет, то пусть сохранит их и точно также «закроет лавочку».

Ваша, с любовью, в смоле и дегте,

Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 86

12 августа

10, бульвар ван Изагхем, Остенде

Вилла «Нова»

Мой дорогой м-р Лейн-Фокс!

Мохини доставил мне Ваше любезное послание. Он утверждает: «М-р Л[ейн]-Ф[окс] говорит, что не питает к Вам неприязни. Напротив, он защищает Вас, как только предоставляется возможность. Но он, конечно, не считает Вас безупречной, потому что Вы *не* безупречны».

Три предложения в целом послании. Вы позволите мне, благодаря Вас за любезные выражения, сделать несколько замечаний?

1) Почему Вы, собственно, должны относиться ко мне враждебно? Я никогда не относилась к Вам неприязненно или даже *нечестно*. Люди сделали всё возможное, чтобы заставить меня поверить, что Вы относились ко мне и враждебно, и нечестно. Так это или нет, но думаю, Вы слишком *великодушны* и *неэгоистичны*, чтобы следовать аксиоме «Тот, кто причиняет зло другому, всегда будет первым, кто возненавидит его». Это **мое** мнение о Вас, я с самого начала знала Вас лучше, чем Вы меня. Осмелюсь сказать, что при всем огромном интеллекте Вы знали меня меньше, чем кто-либо еще. Ваши поступки показали, что дело обстоит именно так.

2) Вы защищаете меня? С таким же успехом Вы защищаете *труп*, по которому проехала Джаггернаутова колесница! Это *моя* карма, да и Ваша тоже — быть обреченными на провал во всем, что бы мы ни предпринимали, особенно *теперь*, потому что связь между нами была прервана *Вами*. Я пыталась делать всё, что бы Вы ни советовали, для

спасения Теософского Общества; я целиком и полностью предоставила себя в Ваше распоряжение. Вы больше верили в людей, не обладавших ни Вашими способностями, ни Вашей искренностью, и они заставили Вас *сбиться с пути*. У меня никогда не было ни личного честолюбия, ни желания власти, и я никогда не выставляла себя перед людьми в худшем свете. Будь я *актрисой* или лицемеркой, так никакой враг не смог бы меня сокрушить. Это моя действительная позиция, которая одна может *меня защитить*, если не теперь, то после смерти. Я нищая в полном смысле этого слова — и *горжусь этим*: я странница на этой Земле без крова и дома и без какой бы то ни было надежды вернуться в Индию, и я чувствую себя готовой даже на эту жертву при условии, что смогу принести пользу нашему Обществу своими физическими и душевными страданиями.

Всё это защитит и **оправдает** меня, когда меня не станет. От Христа до Гладстона, от Будды до бедного президента Теософского Общества, который в наивной искренности и преданности своей работе *преклонялся* перед Вами при Вашем появлении, думая, что Вы станете единственной надеждой на спасение для Т[еософского] О[бщества], — ни один из тех, кто работал *бескорыстно* (человеку свойственно ошибаться), не избежал того, чтобы быть оплеванным.

Вся структура так называемого основного Общества с начала и до конца была грубейшей ошибкой и заблуждением. Вы могли бы *спасти* его. Вы предпочли выйти из него, но если бы Вы верили в мою искренность так, как я *верила в Васу*, — то подождали бы еще несколько дней в Адьяре, и тогда все реформы были бы доведены до конца. Вы считали, что мне осталось прожить всего несколько дней, Вы прислушивались к другим людям, бывшим в то время моими врагами, и потеряли терпение с бедными индусами — всё *наша карма*.

3) Вы не считаете меня безупречной? Глупец тот или та, кто так считает! Будь я *безупречной*, я была бы *там*, куда не добраться никакой правительственной экспедиции, не в Европе — источнике вечных мук, где ни один истинный теософ не может просуществовать и 6 месяцев и остаться таковым, если еще будет жив.

Мой дорогой м-р Лейн-Фокс <...>.

ПИСЬМО 87

Воскресенье

Мой дорогой м-р Синнетт!

Спасибо за Ваше письмо в «Light» — ничего лучшего, а, возможно, даже и большего не требовалось. Я сказала Вам вчера то, что должна была сказать: я буду следовать указаниям Учителя. Вчера вечером мне принесли два письма, скорее, два с половиной. Первое, известное, — от Артура Гебхарда; второе, старое, — от Субба Роу и [третье] — *половинка* тоже от него, написанная в прошлом году в Париж.

Философия этих трех писем, отосланных Вам, заключается в следующем: 1) От Артура (оно как раз было прочитано в первый раз Махатмой К.Х. два дня назад), чтобы показать, как посредственно мое знание языка Шиллера — путем его прочтения; если бы я *прочла* его, то, по крайней мере, поняла бы, что в нем нет ни единой строчки, касающейся ссоры Артура с его отцом, — *как я и говорила Вам* в Вюрцбурге; и я поблагодарила Махатму за это. 2) Письмо Субба Роу от 1882 года, доказывающее, что уже в то время м-р Хьюм был нашим злейшим врагом или, скорее, врагом Махатм, которых, как Вы знаете, он ненавидел с упоением, без зазрения совести предавая за нашими спинами Их и всё Общество тайно и вероломно, оставаясь всё это время в Обществе, как он поступает и поныне. Пригодится ли это хоть как-нибудь в будущем или нет, сказать не могу, могу только повторить слова Д[жуал] К[ула]: «Велите м-ру Синнету сохранить среди его бумаг также и половину письма № 3, из которого явствует, что Субба Роу говорил об Учителе: «наш Учитель, *его* и *мой*», — думаю, я понимаю почему. При последней шумной ссоре между Ходжсоном, Хьюмом и Субба Роу последний сказал м-ру Хьюму (который, ухмыляясь, принес мне новости), что он знать не знает ни о каких Учителях, *ничего* не скажет ему относительно них и что он (Хьюм) должен был бы знать Учителей лучше него, так как писал нескольким членам Общества (сохранившим письма), будто несколько раз зрил Махатму К.Х. *в видении* йогического ясновидения и знал *всё* о Махатме М.

Д[жуал] К[ул] очень сердит на меня за то, что я так *неправильно* написала Вам о нем вчера, «обесчестив» его в Ваших глазах. Он утверждает, что *никогда не копировал* диаграмму Олькотта и Куломба, но именно они копировали *его* диаграмму (разве я говорила Вам по-другому?); что мне лучше прекратить свои «назойливые объяснения», так

как никто не причинил мне столько вреда, сколько я сама!!! А тут еще этот с трудом вообразимый *младенец*, не дающий мне житья! Что дальше? Не спрашивайте меня больше, пожалуйста. Так как я дура и неспособна говорить правду даже в свою пользу, а только всё запутываю, то я вообще прекращу всяческие «выяснения». И, пожалуйста, запомните, мой дорогой м-р Синнетт, что если эти духовные тупицы предложат вслед за Вами письмо в «Light», чтобы показать мне какие-нибудь «письма» или дать мне возможность взять слово и оправдаться, то я заранее отказываюсь сделать это. Я не стану иметь с ними никаких дел, даже если это приведет к полному моему оправданию. С меня довольно их, их *неджентльменских*, омерзительных *скотланд-ярдовских* тайных судебных разбирательств, и я не желаю, чтобы меня и дальше беспокоили чем бы то ни было, исходящим из Кембриджа, будь он *проклят*!

«Группа Арундейл» состоит вовсе не из гениев, насколько мне известно. Если бы все были такими же честными, как Вы, то было бы слишком хорошо жить в этом *подлом* мире. Я знаю, что думают оба Махатмы о Вас, я не забуду, как видела Вас в ту ночь, когда умирала.

Мне пришлось расстаться с половиной из моих 3 фунтов 16 шиллингов, чтобы отправить телеграмму. Олькотт на неделю приостановил выход «Theosophist», считая, со своим шутовством, что я готова прийти к соглашению с Лейном-Фоксом. Он оказался достаточно глупым, чтобы распорядиться этим без моего согласия, — ну и *что* же мне теперь делать? Я опасаюсь всего, *чего угодно*, со стороны адьярских мудрецов.

Прошлой ночью Дж[уал] К[ул] перешел в комнату Бабаджи — я слышала, как он рыдал всю ночь. Я пошла к нему и постучалась, но он не открыл. Новая тайна!!

Вечно Ваша

Е.П.Б[лаватская].

Поклон и сердечный привет дорогим миссис С[иннетт] и Дэнни.

ПИСЬМО 88

Понедельник

Мой дорогой м-р Синнетт!

Получила Ваше письмо с приложениями. Ну что же я могу сказать на предсказание м-ра Санджента, кроме того, что он прав. Если он знает это астрологически и интуитивно, то я вижу это *по ауре* всякий раз, когда думаю об Индии, Египте и других странах. Все отвратительные гоблины средних сфер; все дэвы бурь, духи ураганов, воды, огня и воздуха готовятся соразмерно и не отставая от приготовлений земных обитателей. Но что проку рассказывать Вам о том, что я вижу, чувствую, слышу и знаю? Вы *консерватор*, закоренелый тори, а мои соотечественники — простофили, болтуны и болваны. У них нет ни чувства собственного достоинства, ни понимания содеянного огромного зла. Представьте себе дочку вашей леди Изабеллы Стюарт Солсбери, принятую в Москве как королева, обедавшую с генерал-губернатором князем Долгоруким (старый ночной колпак!) и флиртовавшую с императорской гвардией, и Каткова, написавшего, что ее принимали еще лучше и с еще б'ольшим почетом, чтобы подчеркнуть разницу между русскими неотесанными медведями и ее изысканным «папой»⁵⁸ — который публично угощал Россию эпитетами «злостный мошенник» и «банкрот».

Итак, любезнейший, это факт, и, к моему прискорбию и печали, утаивать его бесполезно: Россия потемнела от сдерживаемой ненависти и надувается как — ну, не скажу, как лягушка на быка, но как вулкан, готовый взорваться; и провалиться мне на этом самом месте, если рано или поздно вам не достанется. А кто тем временем расплачивается за это? Ну конечно, Е.П.Б., Старая Леди, соратница не менее поносимого и оклеветанного Старого Джентльмена, — ибо здесь меня подозревают даже в том, что я участвовала в ограблении на железной дороге на «миллион франков» и не могу вернуться *домой*. О как же сильно я ненавижу вас обеих — Англия и Россия! Как бы я хотела, чтобы вы пооткусывали друг другу носы и хвосты, как килкенийские коты, и дали честным людям свободно разъезжать и общаться и умереть дома! Ну, вы недолго будете заигрывать с «папой» леди Изабеллы — он катится вниз, и вы, наверное, еще раз взвалите себе на спину своего старого ренегата Гладстона.

⁵⁸ Речь идет о Р.А.Т.Солсбери, премьер-министре Великобритании в 1885-92 гг.

Ничего не могу поделать. Я одна, почти полубезумная от одиночества. (Я держу молодого Фосетта на весьма почтительном расстоянии и вижу его только пять минут по вечерам, всё время держа свою дверь запертой. Просто чтобы отучить его от мысли, что раз он англичанин, а я русская, то я буду стоять перед ним на четырех лапах.) За последние несколько месяцев я прочла больше газет, чем за всю свою жизнь. Полагаю, что теперь, приблизившись к своему закату, я увлекусь политикой и просто обрушу маленькую *окультную* месть на ваш народ, который мучил и мучает меня ежедневно. **Я непременно сделаю это**, я не шучу. Однако я позабочусь о Вас; потому что каждая причиненная мне Вами неприятность не была преднамеренной и потому что Вы *почти без перерыва* были мне лучшим другом. Но в таком случае я никогда не пытаюсь думать о Вас как об англичанине, а как о — ну, как о том, кем Вы были две тысячи лет назад. Вы были славным малым, только слишком резвым в погоне за непристойными женщинами.

Прочли ли Вы в последнем (февральском) «Theosophist» лекцию Субба Роу о «Бхагавадгите»? Если нет, то прочтите стр. 301 целиком. Я только что ответила статьей, которая появится одновременно — если Купер-Оукли, *беззаветно преданная* Субба Роу, тайно ее не изымет. Но тогда Джадж не возрадуется, а Вы, я уверена, возрадуетесь в своей душе консерватора так, как никогда не радовались ничему до такой степени теософскому. Фосетт говорит, что это самый уничтожающий ответ: статья, в которой показная вежливость сочетается с «дружеским восторгом», — и что я заставила его взять свои слова обратно. У него наверняка будет расстройство пищеварения и несварение желудка.

Вы спрашиваете у меня совета в делах Лондонской ложи. Раз уж Вы задали мне вопрос, то, возможно, хотите услышать то, что Учитель несколько раз говорил о Лондонской ложе. Я не могу повторить Вам Его слова, но Вы можете обнаружить их истинный смысл в тексте *Откровения Иоанна Богослова*, 3: 15-16. Можете составить мнение, а я предоставляю Вам делать свои собственные выводы.

Итак, всё, что служит новым стимулом, лучше инертности. Если Вы пробудете еще какое-то время в своем теперешнем состоянии летаргии, то Лондонская ложа еще до следующего года скончается — покрытая мхом и илом, а Вы захлебнетесь в своих собственных продуктах (я имею в виду, *духовных*). Что толку спрашивать? Вы *должны* знать, что Учитель *не может* быть доволен. Вас **нельзя** ни осадить, ни *разгромить*, потому что Дон-Жуан уехал, а св. Тереза пребывает ныне в постоянном

религиозном *исступлении*, так как я очень скоро разобралась бы во всех *тонкостях* этого отвратительного заговора при помощи некоторых теософов, потому что у них нет тайн от меня, а затем расстроила бы все эти французские планы. Я хочу, чтобы Общество продолжало свою работу, развивалось и не приводилось в беспорядок никакими политическими осложнениями. Я готова стать пользующимся дурной славой *осведомителем* вашего английского правительства, **которое я ненавижу**, ради них, ради *моего* Общества и моих любимых индусов — да, любимых, хотя двое из них, М[охини] и Б[оваджи], каждодневно губят и подрывают мою честь, имя и славу своей *ложью*. Но из-за этих двух *неудач* я не перестану любить народ моего Учителя. Ах, если бы только Учитель указал мне путь! Если бы Он только сказал мне, что я должна сделать, чтобы спасти Индию от нового кровопролития, от сотен, а возможно, и тысяч невинных жертв, которые будут повешены за преступление немногих! Ибо я чувствую, что каким бы огромным ни стал причиненный вред, он закончится тем, что англичане возьмут верх; Учитель говорит, что час ухода вас, англичан, не пробил и не пробьет *до следующего столетия*, а произойдет это «достаточно поздно, когда даже Дэнни станет очень-очень старым человеком», как выразился К.Х. некоторое время назад. Следовательно, это подразумевает лишь временные беспорядки, потерю имущества повешенных людей — невинных, и других, возвеличенных, людей, являющихся подстрекателями. Мне это известно. И подумать только, что я здесь, а двери Индии захлопнуты *перед самым моим носом*! Это ваше правительство здесь и в Индии так по-дурацки недальновидно, чтобы не понять, что я не только не являюсь, но и вообще никогда не была *русской шпионкой*, но что истинное преуспевание, развитие и благополучие Т[еософского] О[бщества] зависит от того, чтобы в грядущие годы в Индии всё было спокойно.

Ну и какой же смысл писать Вам это письмо, если Вы не поверите? Я пишу его потому, что просила на это разрешение, и оно было мне дано при многозначительном пожимании плечами, которое я истолковала так: «Это не принесет ни вреда, ни пользы — он Вам не поверит». Но два месяца назад Учитель сказал мне, что это было серьезно. Сейчас Россия, слава Богу, ничего не знает об этом. Так, по крайней мере, сообщают мне мои корреспонденты. Но если она знала — то, клянусь, я выступлю за индусов даже против России. Я нежно люблю своих соотечественников и страну, но еще сильнее я люблю Индию и Учителя, а мое *презрение* к

тупости российского правительства и дипломатии не знает границ. Вот истинное положение дел, ясное, как кристалл.

Ах мой бедный м-р Синнетт, Вы, без сомнения, *патриот*, но в еще большей степени *консерватор*, если Вам понятно, что я имею в виду. Так и должно быть, если Вы не понимаете, что такие вечные *публичные оплеухи* России — «жуликоватый банкрот» и «*лживый* попрошайка», как открыто называл Россию Ваш Солсбери, и еще подобные же комплименты в Вашей газете в адрес Франции могут только вызвать в один прекрасный день страшную бурю и общеевропейский ливень, которые обрушатся на Вас. Смею Вас уверить, мой дорогой м-р Синнетт, что если Россию *ненавидят* потому, что боятся, то Англию *ненавидят* из общих принципов. Но это не имеет никакого отношения ко мне, и вы можете пооткусывать друг другу носы и хвосты в Европе, если только не ввергнете Индию в беду.

Теперь перед Вами два пути: один — сжечь это письмо и не думать о нем больше; второй — *воспользоваться* им только в том случае, если Вы уверены, что оно не попадет в газеты и мое имя останется не известным никому, кроме *того*, кто имеет право и кто может предупредить лорда Дафферина о необходимости быть осторожным, — короче говоря, того, кто может принять меры против ожидаемого. Но умоляю Вас, кому я доверяюсь как *джентльмену*, человеку чести и другу, не компрометировать меня без толку. Не потому, что я боюсь быть убитой неким французом, как меня предупредил один из наших теософов, ибо, совершив это, убийца мог бы только оказать мне услугу, но потому, что меня действительно сочли бы гнусным *доносчиком*, *шпионом-информатором*, — а этот позор хуже смерти.

Итак, что же Вы посоветуете мне сделать? Мне нужен Ваш ответ, а пока Вы не ответите, я не предприму ничего. Посоветовать ли мне м-ру <...> предупредить Олькотта или нет? Боюсь, что бедняга Олькотт до смерти перепугается, если узнает это. Как бы то ни было, непременно напишите и ответьте.

Видели ли Вы отчет по поводу последней *годовщины* в январском «Theosophist»? Наблюдается некая фатальность в том, что Общество не может быть учреждено. Но она прошла отлично. Сердечный привет миссис Синнетт.

Всегда преданная Вам, искренне Ваша

Е.П.Блаватская.

ПИСЬМО 89

1 мая

Мой дорогой м-р Синнетт!

Гебхарды здесь — бедная, милая фрау Гебхард! Многие недоразумения были улажены вчера вечером, еще больше будет улажено сегодня. Прилагается письмо в ответ на мою угрозу Б[оваджи] в моем письме к мисс А[рундейл]. Судите сами:

Соловьев оказался отъявленным подлецом и штрейкбрехером. Представьте, после того, что я Вам рассказала о его плане и предложении, он заявил герру Г[ебхарду], что я *предложила ему служить российскому правительству* в качестве шпиона!! Говорю Вам, кажется, сам дьявол стоит за всем этим заговором. Это подло! Он говорит, что он (С[оловьев]) лично видел барона Мейендорфа, который признался ему, что *так сильно любил меня(!)*, что даже настаивал, чтобы я развелась со стариком Блаватским и вышла замуж за него, барона Мейендорфа. Но что, к счастью, я отказалась, и он был очень рад, потому что впоследствии выяснил, какой *пользующейся дурной славой, безнравственной женщиной* я была и что ребенок **был его и моим!!!** А справка от врача, что я никогда не произвела на свет и горноста, не то что ребенка? Теперь он лжет, и я уверена, что такой трусливый и безвольный человек, каким я знаю Мейендорфа, никогда бы не сказал ему такого. Потом он заявил, что видел в Тайном отделении документы, в которых я предлагала себя в качестве *шпионки* российскому правительству. Вам понятна эта игра? Безусловно, это борьба между глиняным горшком и чугуном. Как я могу поехать и бороться с Соловьевым в *России*! Я могла бы бороться с ним *здесь*; но никто из вас не позволит мне этого. И что же теперь нужно сделать? А он пытался убедить герра Г[ебхарда], что феномен, отмеченный мадам де Морсье, Соловьевым, моей тетей, сестрой и Джаджем в Париже (который Вы описываете в «Мемуарах»), был трюком, проделанным при *помощи моей бедной тетушки*! Потом он рассказал ему, что феномен получения госпожой Глинкой письма Учителя в Эльберфельде, когда я лежала больная в постели, был осуществлен при *помощи моей тетушки, которая задерживала его в гостиной*, пока Олькотт бросал письмо на голову Глинке. Вот здесь-то он и попался! потому что моя тетя приехала с Цорном, когда Соловьев и Глинка уже покинули Эльберфельд, и они никогда не встречались. Фрау Г[ебхард] помнит это хорошо, и я знаю это

наверняка. Итак, это *ложь* для Вас. Он делает вид, что перевел мои письма к нему на русском *дословно*, и мадам де Морсье держит их в большом досье. Так вот, я написала ему только три письма из Вюрцбурга в ответ на его, и что говорит герр Г[ебхар]д о тексте, так это сплошная выдумка от начала до конца. Соловьев либо сумасшедший, либо ведет себя так потому, что, скомпрометировав себя предложением *шпионажа* мне, он теперь боится, что я заговорю и скомпрометирую его в Санкт-Петербурге. И я так и сделаю, клянусь! Я сделаю историю человека, который обвиняет *меня* в безнравственном поведении в молодости, известной всему миру, и докажу, что он живет с сестрой своей жены, которую он совратил и выдает за *законную* жену! Славная компания. И Вы нападаете на меня из-за *доверия* к Соловьеву! Почему я верила ему? Потому что не считала его подлецом? Ну не могу я относиться так к кому бы то ни было, пока этот человек ведет себя как друг и джентльмен.

Вы хотите опубликовать эти «Мемуары» и опустили самые веские доказательства, которые могли бы привести, а включили, например, парижский феномен, который наверняка вызовет новый протест и поношения со стороны С[оловьева] и мадам де М[орсье], когда они прочтут о нем. Вы упустили из виду в качестве доказательства то, что Учителя были известны теософам еще в 1877 году, забыв о письме князя Виттгенштейна, помещенном в «Theosophist», когда он рассказывает, как невидимое покровительство Учителя, обещавшего ему, что за всю войну ни одна пуля его не достанет, ощущалось князем всё время его пребывания на Балканах. Полагаю, что это достаточное доказательство того, что я не выдумала Учителей *только в Индии*? И потом Вы приводите этот феномен с рисунком факира и опускаете заключение двух экспертов, двух великих художников, которые не были ни теософами, ни даже спиритуалистами и чей критический разбор этой картины выявляет ее достоинства и доказывает, что она не могла быть написана мною. Я скопировала два письма от Леклера и О'Донована из «Записок об эзотерической теософии» № 1, стр. 82-86. Вы забыли, что герр Гебхард отметил самое важное из всего — *показание берлинского эксперта* относительно того, что почерки (Махатмы К.Х. и мой) были совершенно разными. Он заявил герру Г[ебхарду]: «К сожалению, вынужден сказать Вам, что если Вы думаете, что эти письма (мое и Махатмы) были написаны одним и тем же человеком, то *роковым образом* ошибаетесь». Сейчас герр Гебхард готов предоставить весь рассказ, имя и все остальное, и я считаю, это уже кое-что, так как один

эксперт в Лондоне говорит одно, а другой в Берлине — совершенно иное. Вообще «Мемуары» очень неполные. В них и слишком *много*, и слишком *мало*. Мы должны всё внимательно просмотреть.

Я поеду с мисс Кислингбери только до Кёльна, откуда она вернется в Лондон *через* Флиссинген. Я телеграфирую Вам, когда буду в Остенде по пути из Кёльна, где задержусь на день. Но если [Вам] нужно что-то сделать, не трудитесь приезжать и *встречать меня*. Вы можете приехать позднее. Думаю, я как-нибудь управлюсь вместе с Луизой.

Ваша, с сердечным приветом миссис С[иннетт] и полковнику и миссис Гордон, — вечно в затруднительном положении,

Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 90

Вторник

Мой дорогой м-р Синнетт!

Вы собираете материалы для моей биографии, а оказывается, в английской литературе уже есть одна, о которой я ничего не знала. Я узнала о ней из русских газет. В *подвале* «Нового времени» приведен отзыв о вышедшей в 1885 году в Лондоне английской книге под названием «Женщины эпохи: Биографический словарь выдающихся современниц Ф. Хейес», написанной некой миссис Франсис Хейес. В этом Словаре, в обществе миссис Бичер Стоу, Сары Бернар, миссис Вуд, мадам Жюльет Адам, Уйды, Анны-«небожительницы» д-ра Кингсфорд, д-ра Блэкуэлл, Флоренс Мэриэт (она забыла *Бибич*), читаю — сличите, пожалуйста, если сможете достать книгу, — следующее:

«Среди женщин, стяжавших славу благодаря *научным* исследованиям и путешествиям, одно из первых мест отдано нашей соотечественнице Елене Блаватской (псевдоним в русской литературе «Радда-Бай»). Она — дочь полковника российской артиллерии [П.А.]Гана, вышедшая замуж за генерала Блаватского, экс-губернатора Тифлиса, во время Крымской войны. Будучи еще совсем юной девушкой, госпожа Б[лаватская] изучала языки и *выучила не менее 40 европейских и азиатских языков и диалектов...* (Не нужен ли Вам флакон с нюхательной солью?) Она путешествовала по всей Европе и *более сорока лет прожила в Индии (!)*, где стала буддистом. Ее произведение

“[Разоблаченная] Изида”, изданное в 1877 году на английском языке, считается самым замечательным и глубоким научным исследованием буддизма (!!!). В 1878 году госпожа Б[лаватская] основала в Америке Теософское Общество, а в следующем году вернулась в Индию с целью распространения своего мистического Братства».

И вот так пишется история!! Скажите после этого, что если бы не буквальный перевод из Словаря, то никто не пророк в своем отечестве.

Посмотрите, пожалуйста, верны ли это сообщение и перевод; а потом можете разрекламировать меня как новое *воплощение* кардинала Меггофанти с еще двадцатью двумя языками в моей башке в дополнение к тем, которые он знал, так как, помнится, их было восемнадцать.

Я написала Ремнанту, Пули и Грабу слово в слово, как Вы хотели. Они должны быть какими-то жалкими *остатками* поверенных, *тянущимися* за жратвой по 6 с половиной пенсов⁵⁹. Но чего же они надеются добиться от Бибич?

Я не буду писать. Я подожду. Но, конечно, я делаю это только *ради Вас*. Меня тошнит от всего этого.

Ваша Е.П.Блаватская,
«сорокоязычица».

ПИСЬМО 91

20-е

Нога хуже, чем думали вначале. Боюсь, что так и прохромаю до конца жизни. Лежу в постели и благодарна, что Учитель, которого умолил Рудольф [Гебхард], мгновенно избавил меня от ужасной муки и боли. Сейчас единственное, что требуется, — это полный покой и терпение. Я едва могу писать, но буду стараться перемещаться в кресле. Изрядно понаписала для этих проклятуших «Мемуаров». Почему Вам понадобилось называть это «Мемуарами», это выше моего понимания и понимания других людей, которым это очень не нравится, как

⁵⁹ Е.П.Блаватская использует здесь игру слов: «Remnants», Ремнанты в переводе с английского — «остатки»; «Pulley», Пули — от глагола «pull» — «тянуться»; «Grub», Граб — букв. «жратва». Т.е. она обыгрывает дословный перевод фамилий своих адвокатов.

например, герру Гебхарду. «Воспоминания» — было бы гораздо правильней.

Конечно, Вы поступили бы намного лучше, если бы приехали сюда. Этот несчастный случай совсем сорвал меня с петель. Никаких писем, никаких газет, никаких платьев — всё в Остенде! Я приехала сюда на два-три дня и *прикована* здесь к *постели* уже десять дней! Не везет — определено. Остенде не мил моему сердцу. Но я предпочитаю его любому другому месту и в самом деле отказываюсь ехать в Англию. Я ни за что не стану торчать там две недели, потому что кто-нибудь непременно на меня набросится. Поверьте мне, в Остенде безопасно, так как это Бельгия. Я отправлюсь в Бланкенберг, в нескольких милях от Остенде, где дешевле, намного дешевле. Моя сестра и племянница будут со мной, когда бы я ни пожелала; а она хочет пройти в течение трех-четырех недель обычный курс лечения теплыми морскими ваннами. Она *единственная* может обрушиться на Соловьева и заставить его дрожать как осиновый лист, и она так и сделает, так как ее репутация безупречна, и ей нечего бояться. Ну что ж, бедная герцогиня оказалась возвышенной и по-настоящему *благородной* душой при всей своей невинной трескотне о Марии, королеве шотландцев, и т.д. Она не покидает меня до сих пор и защищает, как львица. Удастся ли ей это или нет, известно только небесам и карме. Но меня это на самом деле более не волнует. Итак, думаю, М.Гебхард пригласит Вас, а там мы всё уладим. Гораздо лучше, чем писать. Сердечный привет миссис С[иннетт] и друзьям.

Вечно Ваша

Е.П.Б[лаватская]

«бедолага».

Я решилась на написание бульварного романа «История маленького Бедолаги, который вырастает в *большого Бедолагу*», — сказочку в одиннадцати с лишним тысячах номеров А.С.А. Посмотрим, напишу ли. Это пойдет нарасхват за подписью «Е.П.Блаватская».

ПИСЬМО 92

Мой дорогой м-р Синнетт!

В прошлый январь принц прислал мне 537 рупий, которые он задолжал за нечто сверх программы, и письмо из Москвы во время коронации. Он утверждает, что с тех пор писал мне 3 раза, но ни одного из его писем, *ни даже денег* (на которые он посылает мне расписку в получении из российского представительства в Лондоне) я не получала. Он говорит, что уверен <...>, что деньги и письма были перехвачены *здесь*, так как он проследил деньги до Лондона. Так вот, прошу Вас сделать мне одолжение и послать прилагаемое письмо заказным ему из Лондона — тогда я буду уверена, что оно до него дойдет. Это стыд и срам — молва о России, где вскрываются письма другого народа! Это что, снова старая мания? Ведь в течение года я не получала никаких известий от него, а теперь получаю наконец письмо, в котором он объясняет этот факт. Он думал, что я не желаю писать ему, а я думала, что он забывает прислать мне деньги и вообще забыл меня. Отправьте это, пожалуйста, заказным в Тифлис и, сделайте одолжение, возьмите то, что это стоит, из денег, которые должен нам Кворидж, или попросите у миссис Синнетт на определенные расходы. *Свершилось!* Я почти парализована и вынуждена пользоваться костылем и колесить по дому. Лучше умереть. Я, «пишущая нежные и неискренние письма» миссис К[ингсфорд]? Ну и Вы поступаете точно так же — говорите с ней любезно и с улыбкой <...>, посылая ее, я уверена, вместе с ее крашеными волосами ко всем чертям, только меня *заставляет* вести себя так Хозяин, а Вас — «миссис Гранди». Который из двоих благороднейший Учитель?

Ваша обезноженная и доведенная до брызгливого отчаяния

Е.П.Б[лаватская].

Когда это я написала Эглинтону визитную карточку? Ума не приложу. Либо «мой почерк, либо очень хорошая подделка его»? Полагаю, какая-то написанная за меня фальшивка вроде письма, показанного м-ру Мэсси [м-с] Биллинг?

Ну что ж, валяйте, верьте этому. Мне надоело поправлять всех вас. Желаю вам всем поумнеть, когда меня не станет. Хорошенькая история между Вами и Кингсфорд. Лицемерная дьяволица! Учителя

приказывают нам послать ее письмо Вам, и всё же она будет у *Них* президентом!!

Это письмо к князю очень важно как из-за денежных дел, так и из-за помощи, за которой я обращаюсь ради моей несчастной сестры, лишенной пенсии. Отошлите его, пожалуйста, поскорее от своего имени.

ПИСЬМО 93

Мой дорогой м-р Синнетт!

Получила в высшей степени бесчеловечное письмо от Олькотта, новую пакость и обвинения — прочтите его. Я *никогда* ничего не писала о миссис О[укли] ни де Морсье, ни Соловьеву. Но Боваджи написал *Вам* и остальным (хотя и ничего в этом роде), а Мэри Флинн говорила с обоими так бурно, как только могла у св. Сергия. Вот почему я прогнала ее, перепуганную собственным вздором.

А теперь разберитесь в ситуации. Внимательно прочтите письмо Олькотта и поймите, что меня *в нем* тоже обвиняют в том, что я *написала те слова по-французски*, которые Соловьев сочинил обо мне в письме к мадам де М[орсье]. Я напишу мисс А[рундейл] письмо, которое Вы, пожалуйста, прочтите и потом отошлите ей запечатанным. Прочитайте и мое письмо миссис Оукли, и если на стр. 3, где я высказываюсь о незаконной жене Соловьева, есть пасквильные, хотя и правдивые строки, сотрите их, как я стерла раньше три строчки, где говорю, что он совратил свою нынешнюю любовницу, когда она была девочкой. Я должна попросить об одном одолжении Вас и миссис Синнетт, а именно, чтобы вы сами передали миссис О[укли] это письмо (возможно, у миссис С[иннетт] это получится лучше) и объяснили ей, что я ничего подобного не говорила. В моем письме к мисс А[рундейл] Вы найдете то, что я утверждаю.

Это, как говорит Олькотт, крах для «Theosophist» и Общества, если Оукли покинет Адьяр. С какой стати нужно заставлять меня страдать из-за того, что Боваджи писал и повторял месяцами? Он не может отрицать этого, и если не справится, то клянусь, я передам его в руки миссис О[укли], потому что у меня есть масса копий всех его писем разным людям, в которых он клеветает на нее, если это клевета. Хотя он никогда не говорил ничего подобного тому, что теперь выдумывают С[оловьев] и мадам де М[орсье], Вы знаете, что он писал Вам. Мэри Флинн не несет

ответственности. Итак, пока это дело не утрясется и миссис О[укли] не дадут понять, что она опять выслушала клевету и ложь, мы можем ожидать краха всего Т[еософского] О[бщества] даже в Адьяре. Это выглядит очень угрожающе, как Вы поймете из письма Олькотта. Этот дурак считает, что я всё это *говорила*. Ох, ну когда же я избавлюсь от всех этих малодушных, легковверных типов! Что поделать?

«Мемуары»? Конечно, я создавала угрозу С[оловьеву] своими *настоящими* воспоминаниями. Если человек клеветает на меня, как он, то почему бы мне не заявить ему: «Ну что ж, если Вы принудите меня, то я напишу всю правду и не пощажу ни себя, ни Вас, делающего гораздо более худшие вещи, чем то, в чем вечно обвиняли меня. Я действительно сказала ему так и говорила, что если меня не оставят в покое, то я кончу обнаружением колоссальной **лжи**; что я *в самом деле* выдумала Учителей и всё написала *сама*, и прибегну к этому как к последнему средству защиты Их имен от осквернения». И вот я написала Вам, а должна была бы сделать так лет пять или, по крайней мере, года три назад, если бы не была дурой. Больше мне нечего сказать. Два моих письма к мисс А[рундейл] и миссис О[укли] объясняют всё. Я делаю еще одну попытку. Если мне не поверят и на этот раз, ну что ж, уверяю Вас, я прибегну к отчаянному шагу и сожгу себя вместе со всем Обществом. Не могу больше это выносить! Хочу, чтобы Вы написали Олькотту и растолковали ему это. Числа 10-12-го собираюсь в Остенде, а там посмотрим. Я *не вернусь* в Индию раньше, чем всё уладится. Внимательно прочтите мое письмо к мисс А[рундейл] и обдумайте то, что я говорю в конце. Либо повиновение со стороны Б[оваджи], либо — я разнесу всё.

Ваша Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 94

Мой дорогой м-р Синнетт!

Конечно, я не имею права протестовать против Вашего решения, насколько бы оно ни шло вразрез с моими личными желаниями. У Вас, несомненно, есть свои собственные и весьма веские основания не приезжать сюда, как предполагалось до сих пор. Но и у меня тоже есть свои, поскольку Ваш отказ — это совершенно новый поворот событий (требовать и рассчитывать на Ваш приезд) — в противном случае я никогда бы не навязала своих сестру и племянницу милым Гебхардам, а

наметила бы их приезд прямо в Остенде. Тем не менее, если Вы со своей стороны не проявляете *упорства*, чтобы избежать встречи с моей сестрой, — что осталось бы непонятным для меня, — то ничего страшного не случилось, и Вы сможете увидеть ее с таким же успехом и в Остенде, где она пробудет со мной, проходя курс лечения в течение месяца или около того. Поэтому всё, что я хочу знать, это — *имеете ли Вы что-нибудь против встречи с ней?* Учитывая, что со всеми нашими разногласиями, возникшими из-за этого бесчестного Соловьева, теперь покончено и что, прочтя по-русски мое подлинное письмо к нему и не найдя в нем ни одного слова, соответствующего знаменитому переводу, хранящемуся в *досье* мадам де М[орсье], она теперь понимает всю глубину его подлости и гнусных клеветнических обвинений, — она для меня всё. Она прочла «Мемуары», не считает нужным ничего менять в них, за исключением какого-нибудь слова там-сям, и так как они ей очень понравились, она добавила самые интересные сведения о моем детстве, девичестве, семье и т.д. Прошу Вас как друга сообщить мне к тому же, ждать ли мне Вас в Остенде для принятия решения относительно «Мемуаров» и беседы с ней. Даже задержка с их публикацией — это, как Вы понимаете, счастье, а не неприятность. Если бы Вы побыли в моей шкуре, когда всю зиму семья бомбардировала меня письмами, предупреждая, что нельзя касаться того или иного семейного дела, нельзя поднимать святотатственную руку на ту или иную *могилу*, и т.д., и т.п., то поняли бы, как я издержалась из-за этих «Мемуаров». Обстановка была такова, что из-за одной фразы с упоминанием моих слезных просьб не выдавать меня замуж за старика Б[лаватского] посыпались бы протесты и опровержения от моих кузин, которые сочли бы своим долгом доказать, что не моих дедушку и бабушку или тетю, а моего отца и меня надо было винить в нелепом браке. Мне приходилось быть сверхосторожной. Теперь моя сестра прочла их, и никто не может сказать, что в них есть хоть слово неправды или кто-то из Фадеевых, Витте или Долгоруких скомпрометирован.

Не пугайтесь, пожалуйста, по поводу моего отъезда в Париж — я просто проеду по городу и побуду несколько дней в своей комнате. Я совсем без ног, чтобы разъезжать даже в экипажах, но мне необходимо повидать Драмарда, герцогиню, Тазмана и некоторых старых друзей. Что касается моей сестры, то она решила поехать к мадам де М[орсье] и потребовать от *него* (мужа), чтобы ей показали позорный перевод. Мой племянник, драгун, специально для этого приезжает из Санкт-

Петербурга, ибо честь всей семьи задета моим *так называемым* «признанием» (!!) Соловьеву в безнравственном поведении, изобретении Махатм, подложных письмах и т.д., и т.п. Это письмо или неправильно переведенный документ, который мадам де М[орсье] показывала сотням людей, *должен быть* выставлен наглым пасквилем и выдумкой. Соловьев сейчас смертельно испуган; он отказывается предоставить моей сестре подлинную заверенную копию моего написанного по-русски письма, и его отказ — это очевиднейшее признание. Оно равносильно признанию вины. Мадам де М[орсье] должна быть выставлена легковерной дурой, околпаченной Соловьевым, а последний — мерзавцем. Вчера моя сестра в последний раз написала С[оловьеву], сообщая ему, что если он не пришлет ей оригинал письма или его копию, то она будет вынуждена сделать достоянием гласности постыдный поступок и довести до сведения всех теософов тот факт, что его отказ выполнить ее просьбу, вне всякого сомнения, рисует его не как жертву простой галлюцинации, как она когда-то думала, а как соучастника гнусного заговора. Как только император услышит новость, связанную с заговором, — а именно, что он живет со своей золовкой (*преступление* в России), Соловьев пропадет — а я поклялась обнародовать все факты. К тому же он приплел имя барона М[ейендорфа] к своей лжи, и барон побожился отрезать ему нос, когда бы он его ни встретил, потому что *никогда* ничего не говорил С[оловьеву] обо мне, как утверждает Соловьев, и я написала барону. Так что не беспокойтесь. Думаю, что мое *так называемое* «признание» причинит и *причинило* в тысячу раз больше вреда Обществу, чем если бы оно оказалось *ложью* и заговором. Моя сестра спокойна и рассудительна и будет делать всё вместе с Драмардом и под его руководством — спокойно. Единственное, чего я хочу, это просто показать суть всего заговора, решимость наших врагов погубить Общество. Помните, что сейчас Майерс — закадычный друг Соловьева и переписывается с ним, и это подрежет ему крылья.

Наша милая герцогиня слегка хвастается. Она милая, добрая, честная душа, но не она спасла Общество, а Драмард. Однако пусть себе думает так, милая, добрая душа. Она *преданная* и *искренняя*.

Мой сердечный привет миссис Синнетт, до свидания. Я собираюсь уехать через неделю или около того.

Преданная Вам навеки

Е.П.Блаватская.

ПИСЬМО 95

5 августа 1886 г.

Остенде

Ноябрь 1869 года? Ну, может быть, насколько я знаю или помню. Мы не приставали к берегу. Насколько мне известно, это было в год открытия канала, вскоре после него, и когда там присутствовала французская императрица. Была ли она там где-то за месяц до этого или именно в то время — не могу сказать. Но мои воспоминания связаны с суматохой, поднявшейся вокруг этого на борту, и постоянными разговорами, и с тем, что либо *наш* пароход, либо тот, что плыл вместе с нашим, был *третьим* пересекавшим канал. Моя тетушка получила письмо от Учителя 11 ноября 1870 года. Я переправлялась, помнится, в декабре. Шли на Кипр, затем, кажется, в апреле, подорвались на «Евмонии»; отправились в Каир из Александрии в октябре 1871 года. Вернулись в Одессу в мае 1872 года. Через «восемнадцать лун» после получения моей тетушкой письма У[чителя]. Тогда, если она правильно указала год, то это был год после первого открытия канала, который я пересекала.

Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 96

18 августа [1886 г.]

Остенде

Мой дорогой м-р Синнетт!

Не сердитесь, не давайте мне определений, но я должна протестовать самым *решительным* и **окончательным** образом против книги под названием «Мемуары». Назовите ее «Госпожа Блаватская», как предлагала Л[ора] К[артер] Х[оллоуэй], и она будет продаваться еще лучше, так как люди могут подумать, что это сочинение направлено против меня. А в отношении «Мемуаров» этого быть не может. Итак, ничего не случилось, письма были получены, мой «внутренний голос», тот, что меня никогда не обманывает, вынес решение, что это произведение *не должно* и не будет называться «Мемуарами», если Вы не будете настаивать, — а в этом случае даю *честное слово*, что буду открыто протестовать против этого названия, как только книга выйдет из печати. То же самое я пишу Редвэю; пусть официально объявит заглавие на свой страх и риск. Ну, теперь, дорогой мой м-р Синнетт, Вы знаете, до какой степени я готова сделать всё, что Вы предлагаете, и постараюсь сделать всё возможное, чтобы угодить Вам, но это больше

того, что я могу, я говорила Вам об этом раньше, а Вы отделались от меня каким-то объяснением, которое я не могла понять.

Если Вы не вычеркнете «Мемуары» — люди должны назвать и назовут это **подделкой** и будут правы. Это и не автобиография, и не биография, а просто отдельные факты, собранные и связанные воедино. Полагаю, что многое в них будет неверным и создаст ложное впечатление в отношении хорошего ли или плохого, безразлично. Это ведь не Вас, указавшего на титульном листе «подготовлено к печати А.П.Синнеттом», а меня еще раз публично будут бичевать любезные и благосклонные читатели и критики. Я не перенесу этого, ибо пережила в этой жизни столько, сколько могла вынести, и больше своей доли. Я получаю письмо, в котором мне напоминают об обязательстве, *нерушимом обещании*, данном в 1864 году, никоим образом не издавать «Мемуары», пока жив хоть кто-нибудь из моей семьи. А я его забыла. Рада, что мне напомнили о нем, и сдержу свое обещание. Поэтому напишите, пожалуйста, немедленно Редвэю, чтобы он убрал это слово и поставил просто «Госпожа Блаватская», в противном случае мне придется протестовать, а это будет хуже. Вы же не хотите *повредить* мне, не так ли? Ведь Вы же совершенно явно навредите — и *погубите меня навеки*, если не сделаете так, как я велю. Если это слово будет изъято, то ни у кого не будет никаких оснований возражать. Если Вы оставите его, то мы будем завалены вопросами в печати. Почему Вы не привели и не объяснили филадельфийский «случай с замужеством», если это «Мемуары», которые писали Вы? Почему Вы не изложили эту и любую другую мерзкую сплетню или искаженную правду? Я не могу смириться с этим, и если Вы воспротивитесь, то я восприму это только как величайшую *недоброжелательность* и *враждебность* с Вашей стороны. Ну защитите же меня, ведь Вам это почти ничего не стоит!

Не подвергайте меня дополнительным оскорбительным нападкам, «которые непременно последуют, если м-р Синнетт не поступит правильно». Запомните эти пророческие слова и безотлагательно напишите Редвэю, чтобы подтвердить то, что пишу ему я.

Мой сердечный привет и поклон миссис Синнетт.

Пока еще всегда искренне Ваша

Е.П.Блаватская.

Вам **советуют** назвать ее: «Несколько эпизодов из жизни госпожи Блаватской», собранных из различных источников, — как-нибудь в этом роде.

ПИСЬМО 97

23 августа [1886 г.]

Остенде

Мой дорогой м-р Синнетт!

Я однажды уже просила, будьте добры, припомните, в самых нежных тонах «дать мне хлеба», или, в оккультном толковании, не называть это «Мемуарами». И получила на это *прямой отказ*.

Поэтому на Ваше сетование, что этот вопрос можно было бы предоставить Вашему «профессиональному суждению литератора», могу сказать лишь то, что сказали бы физиологу, который удивился бы, услышав, как оперируемый им человек, который отказался от операции, громко кричит: «Пожалуйста, не надо!» Вы можете быть и, безусловно, являетесь отличным физиологом и хирургом; но раз Вы не можете прочувствовать или понять то, что чувствую я, — то лучше остановитесь, пока не убили меня!

А книга, выходящая под названием «Мемуары», несомненно, доконает и погубит меня — морально.

1) Моя тетушка госпожа Витте поклялась перед иконой какой-то св. Чепуховины, что *проклянет меня* на своем смертном одре, если я позволю опубликовать какие бы то ни было «Мемуары», пока все мои родственники еще живы.

2) Это произведение, даже с устраненным названием «Мемуары», навлечет новый поток вулканической грязи и пепла на мою обреченную голову. Я **знаю** это, и Вы убедитесь, что это так. В некоторых вещах я не могу ни ошибиться, ни оказаться неспособной понять всё правильно. И тем не менее я иду на это при условии, что это будут *не* «Мемуары» и что лично я не имею к этому никакого отношения.

Мохини и Артур Гебхард здесь и гостят у меня, целыми днями изучая «Бхагавадгиту». Фон Бергены, оба, здесь — живут в комнате в некотором удалении и не дают мне ни минуты покоя! Мохини отказывается ехать в Америку, где разгорается ужасный скандал и война между Куэ и миссис Уотерс.

«Плакучая» канонисса, ваша посвященная, потеряла 1-й том моего «Theosophist» и теперь бомбардирует меня письмами, каждое из которых недооплачено и обходится мне в 50 центов, умоляя меня «у

моих ног» простить ее, целуя мои руки, — что не способствует ее прощению — и изводя меня потоками сентиментальных излияний и вздором.

Мохини никогда не говорил Бергену ничего подобного обо мне или Учителях. Берген признался, что неправильно понял его; а потом обвинил Артура, что тот говорил ему обо мне то же самое! *Я считаю*, что Мохини всё *такой же*; только *поднят на одну ступеньку выше*. И теперь он никогда больше не будет говорить открыто об Учителях. Он настроен в высшей степени против Боваджи, который творит массу зла, не упуская ни малейшей возможности.

Лейн-Фокс хочет приехать повидать меня и (пожалуйста, держите это в секрете) миссис **Анну Кингсфорд**!! Хочет приехать повидаться со мной и тут же просит меня, по крайней мере, устроить ей общение с Учителями!!!

Я не в состоянии должным образом оценить свои чувства!

Сердечный привет миссис С[иннетт].

Искренне Ваша

Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 98

26-е [августа 1886 г.]

Остенде

Мой дорогой м-р Синнетт!

1) Начинаю с конца Вашего письма. Название сидит, как перчатка: как раз то, что требовалось, — и никакой *ответственности*, падающей на меня, кроме всей тяжести, лежащей на родственников, друзей и редакторов, — да сопутствует всем вам счастье и процветание. Я умываю руки.

2) «Проклятье» — это *самое последнее* событие. Нет надобности притворяться в том, что Вы знали до случая с «проклятьем». Слово «мемуары» всегда было *ненавистно мне*. Я Вам это говорила, и друзья (притом *Ваши* друзья) в нескольких письмах решительно оспаривали это — и среди них Артур и Мохини! И всё же я примирилась бы с ним, но

письмо тетушки решило всё и стало последней каплей, переполнившей и т.д. Теперь *пусть покоится в мире*.

3) Я считала, что написала Редвэю вежливое и корректное письмо. Я показывала его, прежде чем написать (или переписать). Я начала «Дорогой сэръ», а мне сказали, что он будет удивлен, так как не знает меня лично для такой фамильярности, поэтому я заменила обращение просто на «Сэр». Я считаю его *джентльменом*, и все, от Олькотта до Бергена (и Вас в последнее время), говорили мне о нем как о джентльмене. Ну и что же такого я написала ему, что заставляет Вас пребывать в таком состоянии, словно у меня в мыслях было обращаться с ним как с «портным» или «сапожником»?!! Я не Олькотт и не была бы с портным более невежливой, чем с лордом или наследным принцем. Не в моем это характере. Если это не одна из фантазий вашего «благородного общества» и Редвэй неправильно понял истинный смысл моего письма, то *серьезно* прошу Вас успокоить его. Принесите *ему мои искренние извинения* и сошлитесь на мое незнание ваших дурацких английских условностей. Скажите ему, что я совершенно лишена изысканности манер английского общества и рада быть неприкрашенным русским дикарем во всех отношениях.

А между тем искренне и с любовью (как русская, которая называет свинью свиньей, а не как англичанин, который будет говорить, сияя растянутой на три ярда улыбкой: «О, здравствуйте! Так рад видеть Вас!» — думая всё это время: «Черт бы тебя побрал!»)

Е.П.Блаватская

P.S. Когда-нибудь Вы научитесь понимать разницу между моей грубой неизысканной правдой и утонченной ложью и **лицемерием** некоторых из Ваших мнимых лучших друзей. Но сейчас Вы слишком молоды. Фрау Гебхард взывала о помощи, и я откликнулась. А теперь она здесь со мной, милое, доброе создание; она так переменилась, как если бы проболела месяц и побывала на смертном одре. Скверные дела на Плятцхоф-штрассе. Но я защищу и постараюсь вылечить ее, даже если мне самой пришлось бы испустить дух. Не рассказывайте об этом никому.

Еще раз Ваша

Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 99

Милая моя миссис Синнетт!

Занятно отметить, что человек понят и оценен по достоинству даже своими лучшими друзьями навеки в этом мире «радости и блаженства». Мой любезнейший друг, как *Вы* можете считать меня такой непроходимой душой, чтобы попасться в качестве жертвы в расставленные миссис К[ингсфорд] и Мейтландом ловушки? Вы серьезно полагаете, что не укажи Вы точно «частное и конфиденциальное» в верхней части своего письма, так я и показала бы его или любое другое письмо от Вас или м-ра С[иннетта] ей или ее *alter ego* (второму «я»)? Это позволяет заподозрить во мне безнадежную идиотку, действительно заходящую слишком далеко. *Она* или *он* — мои друзья? Два месяца назад я получила от нее длинное письмо, в котором она благодарила меня за какие-то *доброжелательные* выражения, высказанные о ней герцогине, — среди которых я не помнила ни одного предательского замечания, и просила у меня разрешения приехать в октябре повидаться со мной по пути в Париж, когда *мне, вероятно, будет позволено* устроить ей общение с «одним из Учителей». Я ответила на это, что буду «чрезвычайно счастлива видеть ее», *не обратив внимания* на ее упоминание об Учителях ни единой запятой, и надеялась, что ответила так, что она поедет в Париж по другой дороге.

Но дня четыре или пять назад я была потревожена и отвлечена от своих «циклов и кальп» Луизой, принесшей две карточки. Ну, тут, конечно, начались поцелуи и нежные слова Мейтланда и т.д. И, конечно, я предложила им две комнаты наверху, и они пошли, и — *конечно*, я и рта перед ней не раскрыла насчет Учителя в связи с *ней* и *ее желанием*; ибо это мне устроила именно графиня и таким образом, что даже не упомянула Учителей и никоим образом не намекнула мне на Них. Это были первые 24 часа ее болезни, и она была в трансе от хлороформа, а затем поправилась. Мейтланд доверил мне всевозможные собственные сверхъестественные переживания, а я слушала и соглашалась со всем, что он говорил. В ответ на ее высокую похвалу Мохини я дала ей прочитывать его «Манифест», чтобы показать, насколько он был *предан Обществу* и как признателен Олькотту, — но она так и не поняла мой ответ. Мы не говорили о реформах, да и она не предлагала ничего, кроме той чепухи, о которой я Вам писала. Мысль о *группах* принадлежит мне, и графиня [Вахтмайстер] считает, что это лучше всего, и мы мимоходом

обменялись несколькими словами об этом, но не устраивали по этому поводу ни *совещаний*, ни предварительных переговоров. Я ни разу не осталась наедине с ней и на две минуты, и даже *на секунду*.

Графиня всегда была тут как тут. Я предоставила им все удобства, какие могла, но открою им свое сердце как только расцелую в обе щеки Майерса или Ходжсона. Если она переписывается с Бабаджи — то и пусть! у нее должно быть время, чтобы проиграть. Но она говорила (мне), что считала его глупцом и сумасшедшим и что каждый раз, когда встречалась с ним, не могла отделаться от ощущения, как если бы ожидала в любой момент увидеть, что он «поднимает занавес», — самое образное выражение, которое я слышала на протяжении долгого времени. Пробыв у нас три дня, они уехали, и мы расстались, по-видимому, очарованные более *полным* знакомством друг с другом. Вот и всё.

Само собой разумеется, я не имею в виду, что Олькотт издаст этот мой *панегирик* ему в прозе, но *действительно* хочу, чтобы он и Совет увидели послания Мохини, так как это разоблачит его перед ними. Я люблю Мохини и ничего не могу с этим поделать; но я порицаю его, хочу парализовать его тщеславие и сделать его безвредным для тех, кто, может быть, слишком склонен видеть в нем *будущего Махатму*. Поэтому пришлите, пожалуйста, обратно *его* послания ко мне, так как мне нужен *оригинал рукописи*. Теперь Вы можете напечатать и то и другое, как Вам заблагорассудится, и выжать максимум возможного из них. Но я хочу, чтобы Олькотт понял, что хотя он относится ко мне пренебрежительно и клянется, что Общество *никогда больше не будет волочиться за моим подолом*, — я защищаю его. Как раз в то время, как я писала это, пришли письма из Индии, из которых явствует, что все они считают, будто я оскорбляла Основателя и хотела *учредить другое Общество*, а Олькотт писал, что «будет бороться со мной не на жизнь, а на смерть», если бы я это сделала. О, Правда и Справедливость! Ну что ж, тогда напечатайте и обнародуйте это и пришлите мне послания обратно.

Вечно искренне преданная Вам

Е.П.Блаватская.

ПИСЬМО 100

21 сентября [1886 г.]

Мой дорогой м-р Синнетт!

Возможно, Ваши намерения и цель были именно таковы, как Вы утверждаете. Но есть фрау Г[ебхард], которая прочла это первой и, по ее словам, «*была возмущена*» этим ненужным оскорблением индийской нации, чья философия — это *наша философия*, — и которая поняла Ваши слова так же, как и я. И в Индии поймут то же самое. Мне всё же следует уразуметь, что «*первая из ряда субрас, из которых нынешняя европейская является седьмой*» означает, что эти *первые расы*, следовательно, *ниже* последней. В таком случае *Дхиан-Коганы*, из которых эманировала первая коренная раса, всё же как раса *ниже* нас или, скорее, еще *ниже*, чем была четвертая коренная раса магов Атлантиды. Это новый взгляд на вещи. Однако на этот раз я должна поговорить о более серьезных вещах.

Фрау Г[ебхард] уехала; я одна и воспользовалась своей изоляцией, чтобы хорошенько подумать. Вы заблуждаетесь, если думаете, что я, будучи столь близорука, не сумела заметить, что Мохини с каждым днем всё больше отдаляется от первоначальной программы и доктрины, — я *знаю* это. И тем не менее, так как он настоящий, искренний *теософ* в душе и в своих стремлениях, его необходимо оставить в покое при условии, что он, отдаляясь, не раздерет на кусочки основное Общество. А он, несомненно, так и сделал бы, если бы Вам пришлось провести в жизнь свои планы. Таково мнение Учителей, ибо я видела Их и беседовала с Ними вчера весь вечер и всю ночь.

Вам, если Вы будете действовать и работать ради основного Общества *Учителей*, надлежит сделать следующее. Объясните положение дел Олькотту и потребуйте у него и Совета то, что у вас в Лондонской ложе уже фактически есть: полной автономии для европейских отделений, стольких, сколько есть групп единомышленников. Теософия была создана как *ядро* Всеобщего Братства. Таково было и христианство. Последнее было полнейшим *провалом* и является обманом только потому, что Римско-католическая Церковь претендует на *непогрешимость*, абсолютную власть и любыми средствами обратит две другие Церкви в свою веру, заставив принять свой образ мыслей. Так же поступают и обе другие, но в меньшей степени. Сегодня христианство — это та же теософия, только в

маскарадных костюмах, этот наш цикл, представляющий собой карнавальный период большего цикла, нашей субрасы. Не позволяйте нам поступать как христианам. Наше Общество было создано, чтобы собрать вместе людей как искателей истины, независимых мыслителей, ни один из которых не имеет права навязывать свое мнение другому или вмешиваться в его религиозные убеждения. Следовательно, мы не можем заставить Мохини и *его компанию* придерживаться программы «Олькотта — Блаватской», или выгнать его из Общества как раскольника, поскольку он *настоящий теософ* в одном из аспектов *божественной Мудрости* — «тео-софии». А вот Бабаджи — совсем другая штучка. Он лжец, предатель, эгоистичный, честолюбивый негодяй, который сначала предал нас — Олькотта и меня, а теперь предаёт своих экс-Учителей. Против него должен восстать каждый истинный теософ или любой из тех, кто остается верным Учителю и первоначальной программе, а те, кто этого не делают, безусловно опасны и не могут оставаться в *вашем* Обществе. Это дело Олькотта исключить его из Общества, и можете передать ему, что если он этого не сделает, то Бабаджи погубит любое отделение, до которого доберется.

И вот что Вам необходимо сделать, если вы примете **наш** совет, предоставляя манипулирование деталями Вашей собственной дальновидности. Сзовите собрание Совета, закрытое или открытое (сначала первое), и объясните им, что м-р Бабаджи, насколько Вам известно, *лжец* и чрезвычайно злобный тип с сомнительной репутацией. Скажите им, что он *был* челой и не оправдал ожиданий. *Судя по всему*, он был послан к Вам (у Вас есть его письмо) и сказал Вам так, а теперь отрицает это; говорит (попросите Бергена написать Вам всё, что он говорил, и Артура), что это был не *он*, а *дугна*, его подобие, трюк колдуна и т.д., и т.п. И еще он настойчиво утверждает, что по-прежнему *остается* челой Махатмы К.Х., который суть Махатма и, следовательно, *не может* ни переписываться, ни мешать кому бы то ни было, — он фактически делает из Него *безликую тень* — что всё, что он делал и говорил насчет его Учителя и Учителей — в течение 4 и более лет, было его *кармой*, которая заставляла его впадать в ошибку, заблуждение и т.п. Теперь Вам остается только потребовать от него объяснений и в присутствии Совета заставить его всё объяснить и доказать, что это не он лжет, а я — когда говорю, что он, теперешний Бабаджи, никогда не видел Учителя, находящегося на расстоянии 10 тысяч миль, и не приближался к нему, и даже никогда не был в Тибете, как уверяет он.

Держу с Вами пари, что он уклонится от объяснений и либо уберется из Лондона, либо покинет Общество. До сих пор никто не ставил его в тупик, и он был хозяином положения. Но настаивайте как президент Лондонской ложи Общества, а у Вас *есть на это право*, — что ситуацию необходимо прояснить, чтобы либо он, либо я была оправдана, и — Вы увидите нечто забавное. А если Вы не сделаете ничего подобного, то заработаете карму, несущую возможность уничтожения Лондонской ложи этим маленьким *дугной*. Говорю Вам, он в тысячу раз опаснее Мохини и является орудием в руках наших врагов. И не теряйте времени.

Потом, когда Вы избавитесь от этого элемента, — предложите реформу. Группа или отделение, каким бы небольшим оно ни было, не может быть *Теософским Обществом*, если все его члены не связаны друг с другом магнетически одним и тем же образом мыслей, по крайней мере *в каком-то одном направлении*; поэтому раз Вы никогда не согласитесь с Мохини или он с Вами, предложите образовать два разных отделения; я буду в Вашем, и если Вы добьетесь успеха, Учитель снова начнет писать, чего *Он не будет делать* даже через меня, пока Общество представляет собой политическую Болгарию вместо Братства. Я послала в Адьяр 1-й том «Тайной Доктрины» и теперь корплю над 2-м томом — *архаикой*. Он один с содержащимися в нем новыми сведениями будет больше, чем Вы сможете переварить за 25 лет с *обещанными объяснениями*, если сумеете образовать свое собственное Общество, верное первоначальной программе и доктрине и Учителям или их учению.

Это единственные советы, которые мне позволено дать. Действие может спасти Общество; *бездействие* с Вашей стороны — погубит его, как и *выказывание враждебности по отношению к Мохини и его группе*. Посоветуйтесь с ними по-дружески. Дайте им создать их собственное отделение внутри или *вне* Т[еософского] О[бщества]. Если они сделают первое, то все правильно и хорошо; *если последнее* и без Учителей и их покровительства — то они лишь докажут, что их заставили отделиться именно личное честолюбие и тяга к эгоистичным идеям. Возможно, так будет лучше. Ответьте на это.

Вечно Ваша

Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 101

6 октября 1886 г.

Мои дорогие м-р и миссис Синнетт!

Пересылаю «Манифест» Мохини, который, если вы еще не читали, очень прошу внимательно прочесть. Доверяю вам его на несколько дней под вашу ответственность с просьбой прислать обратно *неповрежденным*, так как я должна послать его Олькотту и Совету.

Он *не может* и не останется незамеченным. Он [Мохини] адресовал его «всем теософам, заинтересованным в развитии *истинной* теософии», и он будет распространен по всей Америке, в напечатанном виде или нет, неважно. Он *не может* быть оставлен без ответа. Если вы изменили свои намерения и не ответите на него, как хотели, то я должна послать его в Адьяр, где воспользуются им и моим *ответом* так же. При условии, что ваша идея переработать его хороша и вы можете зачитать его в новой форме своему Обществу или сделать с ним всё, что вам заблагорассудится, — я также должна просить вас прислать его мне (мое **послание**) нетронутым и как есть; потому что у меня нет ни времени, ни желания переписывать его, а мне *приказано* переслать и «Манифест» и мой ответ в Адьяр, а оттуда — в Америку.

Конечно, вы можете поступить как пожелаете. Но теперь, когда Мохини высказался, для нас открыты только два пути: либо мирное разделение на группы в соответствии с гармоничным духом каждой из них, либо — оглушительное разделение и крах Лондонской ложи Т[еософского] О[бщества]. Первое может быть осуществлено вами спокойно после того, как вы обсудите это с Мохини и мисс А[рундейл]; второе разразится над вами как гром с ясного неба, ибо они готовятся к этому. Умы наших лучших членов отравлены инсинуациями и метафизическими и космистическими предположениями.

Даже Бертрам Кейтли уплыл по пути йоги. Не спасут ни астрология, ни месмеризм. Что нужно этим фанатикам, так это мрачный дух фанатизма, погрузившись в который, они упустили из виду тот факт, что Мохини спокойно увел у них из-под носа их живых Учителей и идеалы и — *взамен* — подсунул вместо них себя.

Меня лично это не волнует. Дни душевной боли, борьбы и битв лично для меня миновали. Я исполнила *свой долг*, как было приказано, и предпочитаю оставаться с Мохини в дипломатических дружественных

отношениях (в состоянии вооруженного мира подобно остальной Европе), а не в состоянии открытой вражды. Многие из того, что он говорит, правда, но если людей не **заставят** увидеть *оборотную сторону медали* его «святости» и его черную неблагодарность и черствость по отношению к Олькотту и всем, — Лондонская ложа будет скрыта в тумане майи, созданном этим молодым джентльменом. Он психологически обработал их всех, и все видят то, что нужно ему. Вы остаетесь индифферентными? Прекрасно; и я тоже. Миссис К[ингсфорд] и Мейтланд твердят мне, что единственным способом спасения Л[ондонской] л[ожи] является разбиение ее на группы или *лучше всего* мне поехать в Лондон и *провозгласить себя президентом группы оккультистов!* Они принимают меня за какого-то Баттенберга или Стамбулова из Болгарии — поистине. Итак, мне остается умыть руки во всем этом деле и еще раз попросить вас прислать мне обратно оба послания — неважно, переделаете ли вы мое или нет. Одно другому не мешает. Сделайте так и пришлите это мне прочесть и посмотреть.

Мой сердечный привет миссис С[иннетт].

Теософски Ваша

Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 102

Вторник

Мой дорогой м-р Синнетт!

Спасибо за Уилсона. Но я пошлю Вам 2 фунта за 3-4 других тома, с главы VI Книги IV по Книгу VI, заканчивающуюся главой VIII. Вы прислали мне только 3 тома, в которых я нахожу Книгу IV, заканчивающуюся главой V.

Спасибо за все любезности и «химические размышления» м-ра Крукса. Он милый человек, пользующийся всяческим моим уважением, восхищением и симпатией. Я им *горжусь*, несмотря на то, что он, возможно, гордится мной меньше. Я получила Вашу почтовую бандероль как раз перед обедом, а сейчас 5 часов, так что я не могла даже взглянуть на нее, не говоря уж о том, чтобы прочитать. А госпожа графиня прочла и говорит, что ничего не понимает. Да и я, *конечно*, не пойму; мы невежественные дуры, она и я, и если Вам придется

подождать, пока я разовьюсь в свое высшее «Я», чтобы прочесть эту колоссально научную речь и понять ее, то у Вас будет время приобрести новый жизненный опыт.

Да, у меня хватило ума понять, что Вы имели в виду в своем письме; и сразу же говорю: м-р Крукс, сэр, проповедует и преподает очень древнюю оккультную доктрину. Я, конечно, представлю его труд и *новое* открытие Учителю и Мах[атме] К.Х. и доведу до Вашего сведения Их мнение. Между тем меня *убеждают* послать Вам несколько страниц, которые я *отцепила* от своей Книги I (Архаический период), начало которой Вы видели, и я прошу Вас внимательно их прочитать. А если Вы не найдете в ней Вашего или его *prelix*'а — каково бы ни было ее название, — тогда я Баттенберг. Это было написано на вилле «Нова», когда Вы уехали, и графиня переписала все это давным-давно. Только, ради Бога, не потеряйте эти 8 страниц, или Вы погубите меня, с точки зрения потерянного *времени* и других вещей. Если Вы найдете, что это удачно, покажите, пожалуйста, м-ру Круксу; если нет — ответьте мне, что я, как обычно, дура, а потом пришлите обратно и эти 8 страниц, и «Манифест» Мохини. Я должна отослать это в Адьяр Олькотту. Графиня хочет знать, получили ли Вы ее послания по поводу феноменов — каковы бы они ни были.

Мой сердечный привет миссис Синнетт, если только она тоже не считает меня очень старой болтушкой.

Ваша, в скромности и лишениях,

Е.П. фон Блаватская.

ПИСЬМО 103

Воскресенье

Дорогой м-р Синнетт!

Не думаю, чтобы Вы или м-р Крукс нашли приятной новость, которую я должна сообщить Вам. Я слышала это от Учителя — и *Учителей*. Оказывается (как я и думала с самого начала), он стоит на *ортодоксальном оккультном* пути в своем общем методе. Мне сказано, что «никто не подошел к сфере *лайи* ближе чем он». *Лайя* — это *нирвана* всей органической (неорганической у нас нет) субстанции, нулевая точка, или «нейтральный центр», где прекращается всяческая

дифференциация. Но когда я попросила несколько строчек, написанных на языке, на котором я писать не могла, с использованием научных (химических?) терминов и символов, чтобы доказать м-ру Круксу, что Учителя а) не шутили и б) *знали*, о чем он рассуждал с помощью греческих букв и цифр и всех его H.'s & N.'s & N.C.'s — Учитель совершенно невозмутимо заявил мне, что Ему было бы очень огорчительно *обнаруживать свое невежество!!* Он ничего не знал о современных химических терминах, а м-р Крукс — об алхимическом жаргоне. Он заглянул в *ауру* (это принесет большую пользу м-ру Круксу!) и обнаружил в вышеупомянутой «ауре памфлета» лишь два отклонения и одну маленькую точку, полуточечку, указывавшую на ошибку. Я попросила указать ее, а Он рассмеялся, и больше я Их не видела.

Ну а сегодня появился Дж[уал] Кул, торопился и не стал ждать, и поэтому мне пришлось прогнать Луизу — своими полустертыми ногами, потому что она смотрела, как я слушаю, так — словно я спятила. Потом он сообщил мне то, что Учитель передал Вам на словах и велел мне сказать Вам: «Синнетт, очевидно, забыл то, что прочитал в Комментарий к Станцам VII (Книга II, Архаический период). Иначе он знал бы, что там ясно изложено, что м-р Крукс мог бы написать семь подобных памфлетов (как о *проти́ле*), если бы он только это знал. Никаких таких *общепринятых* научных терминов, использованных в “Тайной Доктрине”, кроме всех тех, которые могут быть обнародованы в *этом* веке, там нет, и в химии и физике не более чем где-либо еще. Если м-р Синнетт согласен прочесть эти выдержки м-ру Круксу или м-р Крукс хочет прочитать их сам, пошлите им послания любым способом. (Спасибо)... Все, что покажется туманным, непонятным или слишком *фантастическим*, я (Учитель) готов объяснить и *даже выслушать замечания*, если сделать этого не смогу».

В ответ на мой бурный протест против мысли отправить Вам послания, которые требуются мне всё время для справок (значит, о Господи! чтобы м-р Крукс увидел и *посмеялся* над этим!!!), — Дж[уал] Кул сказал, что если я хоть сколько-нибудь уважаю Вас и м-ра Крукса, то мне лучше сделать так или *никогда не просить Учителя снова помочь кому-нибудь*. А после он добавил, что один из *приятелей* Учителя (он узнал это слово от Олькотта), сириец, прослышав о Вашем письме ко мне относительно *проти́ла* (которое я переслала **Им**) и Вашем предложении, в высшей степени серьезно заметил, что *следовало бы что-нибудь*

сделать для м-ра Крукса; и Учитель согласился с ним; только вот Он (Мах[атма] К.Х.) посмеялся надо мной, советуя Учителю сделать *что-нибудь*, так как в противном случае в следующий раз я стану просить и надоедать Им, чтобы окрестить кого-нибудь из детей лондонских теософов.

Таким образом, тумачи получаю именно я. Ну так что же. Итак, Дж[уал] К[ул] сказал перед расставанием, что мне лучше написать и рассказать Вам всё, что это шанс для меня, что либо Вы, либо м-р Крукс откажетесь перечитать то, что Вы уже читали, а кое-что и м-р К[рукс], что он непременно найдет глупым, если не прочтет *Комментарий к Станцам VI* с величайшим вниманием. Ну что ж, я готова исполнить свой долг. Но надеюсь, что м-р Крукс откажется.

Надо признать, что с тех самых пор как Вы уехали, Учитель заставлял меня ежедневно кое-что добавлять к старому посланию, так что многое в нем *является* новым и гораздо больше такого, что я сама не понимаю. Так что с Божьей помощью Вы сможете обнаружить в нем что-нибудь, что привлечет внимание даже такого выдающегося человека, как м-р Крукс.

Никогда не думала, что он *обладает* такими глубокими знаниями, пока не услышала мнения Учителей о нем и его *ауре*. Учитель говорит, что выше него в химии нет никого ни в Англии, ни где бы то ни было еще, за исключением покойного Бутлерова. Но ведь Бутлеров портил свои мозги спиритуализмом и принимал всё это за Божью благодать и в конце отупел. Ну вот и всё.

Ваша — всегда жертва,

Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 104

10 января 1887 г.

17, рю д'Вест, Остенде

Мой дорогой м-р С[иннетт]!

Вы хотите знать, что я делаю? Искупаю свои грехи, заключающиеся в отправке Вам моей «*Архаической доктрины*» до того, как она была готова. Переписываю ее, добавляю кое-что к ней, расставляю и переставляю, что-то вычеркиваю и заменяю замечаниями,

полученными от моих **Авторитетов**. Мне было велено отправить Вам послание, но не сказано когда. Графиня, вечно пребывающая в поисках практических дел, желая извлечь пользу из возвращения Гамильтона в Лондон, заставила меня отправить послание с ним. Два дня спустя у меня его потребовали, а когда я сказала, что оно ушло, то получила ответ: «Тем хуже для Вас» — благодарствую! Оказывается, в черновом варианте оно не могло заставить м-ра Крукса упасть в обморок от восторга, и он должен был бы провозгласить его полнейшей чепухой.

По крайней мере, я предвижу и подозреваю, что так и будет, принимая во внимание произведенные в нем *химические* изменения, в которых ни раньше ни теперь я действительно ничегошеньки не понимаю. Да меня это и не волнует.

Год 1887-й, а Вам 47? Ну что ж, это хорошо. Перед Вами я вижу две дороги, и Ваша удача и неудача зависит от того, которую Вы выберете. Мы все несем довольно тяжкий груз дурной кармы вокруг нас, поэтому нам не стоит жаловаться. Но у Вас есть здоровье, то, чего у меня не будет никогда, — и для Вас это счастливый дар.

Вы ошибаетесь, приписывая отзыв о вашем «United» *моей нерадивости*. Со времени Вашего отъезда сделано две трети, но мне хотелось сделать это хорошо или уж не трогать. Две страницы *были продиктованы мне* — остальное предоставлено моему «блестящему» перу. В результате дисгармония — как между звездой и тусклой свечкой. Тем не менее я корплю над ним и на этот раз *кончу*. Ах, мой бедный хозяин, Вы неопытны, **очень-очень** неопытны в *делах оккультных* и весьма склонны судить всё и вся не по тому, по чему нужно, в соответствии со своими собственными житейскими представлениями. Вот в чем беда. Судите *меня* сколько угодно; только не судите других, в тысячу раз более великих, чем я когда-нибудь буду через десять Манвантар, с той же точки зрения; ведь тогда 1887-й год был бы хуже, чем славный минувший 1886-й.

21-го приезжает навестить меня Фосетт. Он будет первым человеческим существом, с которым я буду разговаривать после отъезда графини, потому что даже мой врач болен, и в этом месяце я видела его всего лишь раз. В течение трех недель я практикую пифагорейский «обет молчания» и с утра до ночи вижу только *астралов*.

Вы знаете, что теперь молодой Фосетт — мой большой друг? После нескольких удачных экспериментов он видит во мне «чародея»! Только

потому, что я увидела, о чем он думал одну-две ночи, и описала ему это. Ну что ж! Надеюсь, что его энтузиазм, равно как и энтузиазм остальных моих экс-учеников, не испарится. Кстати. Русские газеты опять поглощены мною. Оказывается, «моя рука» спасла от смертельной опасности джентльмена, пока тот был занят тем, что поносил меня и называл все мои произведения **ложью**. Это называется «таинственная рука» — видели и узнали *изящную материализовавшуюся форму* госпожи Блаватской, так же как и руку, *так же как и* голос. По этому случаю моя тетушка испытывает страх и религиозную дрожь. Пишет мне, чтобы выяснить, сделали ли это я или мой *Хозяин* (Учитель). Весь мистический Петербург в лихорадочном возбуждении; а Священный *Синод* размышляет, не следует ли послать мне в Остенде немножко святой водички. Тибетец, вернувшийся с экспедицией Пржевальского (или после нее), — его называют «травником», так как он готовит таинственные лекарства из составных частей, — оказывается, сказал Соловьеву и остальным, что все они были дураками, ослиами и слабоумными из Общества психических исследований, так как весь *образованный* Тибет и Китай знает о существовании «Братства в Снежных Горах», в выдумывании которого меня обвиняют, и что он сам знает нескольких Учителей лично. А в ответ на вопрос генерала Львова о том, что ему известно о лондонском Обществе психических исследований, раз он никогда раньше не бывал в Европе, тот рассмеялся и сказал генералу, «глядя тому прямо между бровей», что нет хоть сколько-нибудь значительной книги *за и против* Тибета и его *мудрецов*, оставшейся неизвестной в *Шигадзе*. Когда же генерал, «весьма пораженный», спросил его, не собирается ли Братство помогать России против Англии, «доктор» снова рассмеялся. Он ответил, что для «Мудрецов» Россия ли, Англия ли — всё едино; они предоставили обеих их *карме* (слово, которое генерал Львов принял за «сагр» (*фр.*) — «жалобу»!). Но что «англичане, по-видимому, “помогли” своей карме, будто творили ее нарочно ради собственной гибели; ибо делали в политике исключительно то, что теперь стало роковым». А затем идет целый абзац, где, говоря вкратце, сообщается, что Учитель написал еще одному генералу в Петербург, и то, что я Вам рассказывала, когда Вы были здесь.

Мой дорогой м-р Синнетт, говорю с Вами серьезно, так как Вы не принадлежите к числу тех психопатов, которые вечно принимают *меня* за русскую шпионку. Вы так же слепы в своей преданности и

восхищении вашей консервативной политикой, как муж к любимой жене, которая вызывает в нем *любовь*. Вы не видите ее недостатков, а Учителя видят; и хотя Им в равной степени наплевать и на вас, англичан, и на Россию, Турцию или Болгарию, Они пекутся о Т[еософском] О[бществе] в Индии. И если вы продолжите в том же духе, что и он (я имею в виду вашего старого идиота Солсбери), и *заткнете* Болгарию перед носом у России, то, уверяю Вас, она подложит вам свинью в Индии и через Афганистан. Я знаю от Учителей то, что неизвестно Вам. И если, по Вашему мнению, Они многого не понимают в политике, то, может быть, Вы позволите британскому чиновнику в Индии что-то знать? И вот что он пишет мне. Цитирую: «...я не могу понять эту бессмысленную ненависть английской прессы, направленную против России! Несомненно, у нее столько же прав вмешиваться от имени Болгарии, сколько у нас в Египте. К тому же это так глупо; ибо если мы начнем войну, от чего Боже упаси (?), то *будем совершенно раздавлены*. Если уж мы не можем покорить Бирму, то как можно рассчитывать одержать победу над Россией?» (Это *строго конфиденциально*. — Е.П.Б.)

И это факт. А если вас сокрушат в Индии, то и Т[еософское] О[бщество] будет уничтожено навеки. Аминь! Надеюсь, что смогу умереть раньше, чем окажусь в таком отчаянном положении, чтобы быть вынужденной желать крови и зла своей собственной стране против тех, кто ненавидит и навеки погубил меня в этой жизни, только потому, что Т[еософское] О[бщество] находится в Мадрасе и наши лучшие теософы-индусы пребывают под властью тех, кто так безжалостно причиняли и причиняют мне зло. Ах милый господин моего сердца! Если бы не Общество и Учителя, которым я каждодневно приношу в жертву свою кровь и честь, если бы те немногие, похожие на Вас англичане, которых я научилась любить как свою собственную плоть и кровь (метафорически, ибо свою плоть и кровь я ненавижу), — если бы не всё это, с какой бы колоссальной силой ненавидела я вас, англичан! В самом деле, поведение и политика вашего нынешнего кабинета министров *бесчестны, презренны, достойны Иуды* и в то же самое время восхитительно *глупы*! Один Черчилль ведет себя как разумный человек и удивляет меня. Я вижу, что он вовсе не глуп и у него неплохое чутье. То, что он бросил вашего Солсбери на произвол судьбы, возможно, спасло Англию от внезапного налета России на вас да еще и с союзниками, дорогой мой, — такими союзниками, о которых ваши

дипломаты никогда и не помышляли, — и даже не с вашей поганой Турцией. Будьте осторожны, если Вы в состоянии быть осторожным, когда пишете, то делайте это ради своей собственной страны, если не можете поступать так ради Т[еософского] О[бщества]. Между тем вот Вам, пожалуйста: меня зовут обратно в Индию, а я *не могу* ехать.

Мне хотелось ответить на все Ваши вопросы, но Ваше письмо куда-то задевалось — не могу его найти. Ну ладно, будет об этом. Мы *склонны* купить «монастырь» для теософов, чтобы жить дешево. Это идея Гартмана.

Масса сердечных приветов дорогой миссис Синнетт.

Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 105

<...> Если только Вы для своего собственного, личного удовольствия не раскопаете какую-нибудь новую [мисс] Леонард или если Крукс не сбежит с миссис Голиндо и ее париком, то впереди и не пахнет никакой новой пакостью в виде скандала. Как раз наоборот. Ибо над черными грозовыми тучами вашей грязной английской политической жизни — великой рыжей шлюхой и зверем с Папой Римским и Бисмарком, танцующим *лансье*, и Солсбери, совершающим вокруг них свой *большой круг*, я различаю ярко-голубой просвет, купол света над Вашей собственной теософской головой. Это никакое не *наитие*, а так написано в Книге Судьбы, раскрытой ныне передо мной, в которой, несмотря на молодого Фосетта, роняющего книги и опрокидывающего мебель позади меня, я читаю совершенно отчетливо.

Не воспринимайте это как *шутку*, так как это серьезно, я только что кончила читать Вашу «Голубую книгу» в «Pall Mall Gazette» и сыта ею — сытее, чем была бы, съев за обедом три фунта омаров с сырыми ядовитыми грибами. Но Вы — не могу не любить Вас. Только скажите на милость, что Вы писали Куэ? От этого письма в США очень большой вред. О Боже, Боже, — желаю, чтобы каждый из моих врагов написал *книгу!* каковая, согласно Иову (который, несмотря на то, что забыл родиться в нашей «высшей» расе и был всего лишь грязным, немытым арабом, всё же изрекал мудрость), была бы моей лучшей мезью. Ну и что же *Вы писали* Куэ? Попросите, пожалуйста, миссис Синнетт быть столь любезной, чтобы черкнуть мне несколько строчек; только

несколько, ее настоящее, искреннее, откровенное мнение о «ней». И если она напишет, то я отвечу и сообщу ей *мое* мнение.

Простите, пожалуйста, мою напыщенную речь, но я переполнена политикой, приближающейся европейской *пралайей* и пралайей вашей Лондонской ложи, если Вы не стряхнете с себя эту сонную одурь.

Между тем и несмотря ни на что, остаюсь искренне вечно Ваша

Е.П.Б[лаватская].

Рада, что Вы справились с «Буддой и вепрем». Желательно бы побольше. Я на четвертой расе. Покончила с третьей расой гермафродитов. М-р Мохини проповедует *вишишта-адвайту*⁶⁰, и Джадж пишет (это *конфиденциально*), что он, Мохини, старается *захватить* Т[еософское] О[бщество]. Он пытался совратить Джаджа, но наткнулся на твердый орешек, слишком твердый для него, ибо Джадж — **в курсе дела**. Кстати, Вы послали ему письмо мне от Бутона и мое Джаджу? Вы никогда ничего не говорили об этом.

ПИСЬМО 106

Сугубо доверительно

...Пожалуй, было бы хорошо, если бы иезуиты удовольствовались тем, что сделали франкмасонов жертвами обмана и противопоставили теософов и оккультистов, используя для этого в качестве послушного орудия протестантское духовенство. Но их интриги имеют гораздо более широкий размах и используют незначительность подробностей и внимание к ним, о чем мир в общем не имеет никакого представления. Ими сделано всё, чтобы привести большинство людей в состояние пассивного невежества, которое, как им хорошо известно, единственное может помочь им в окончательном достижении цели, заключающейся в мировом деспотизме.

Старая страница, которую не захотели вставить в историю Англии в XIX веке из-за слепоты ее государственных деятелей, будет добавлена к ней уже слишком поздно — в XX столетии.

Величайший государственный деятель в Европе, князь Бисмарк, — единственный, кто точно знает все их тайные интриги через *своего*

⁶⁰ *Вишишта-адвайта* — одна из школ веданты, индийской мистической философско-религиозной системы, основанной на толковании вед.

собственного, личного адепта из Шварцвальда. Ему известно, что целью интриг и козней иезуитского духовенства всегда было возбуждение недовольства и открытого неповиновения *во всех странах* для продвижения его собственных интересов. Отсюда мнимая дружба с Папой. Понаблюдайте за маневрами «честного маклера» и учитесь прозревать. Этот величайший и самый *дальновидный* из людей, обращаясь 5 декабря 1874 года к немецкому парламенту, заявил, что во время неофициальных переговоров, проходивших между вюртембергским посланником и папским нунцием, последний воскликнул вызывающе и надменно: «Римской Церкви *пришлось смотреть на революцию* как на единственное средство обеспечения принадлежащего ей по праву положения» («Times» от 7 декабря 1874 года).

После этого цинично-откровенного признания можно со всем основанием ожидать по всей Европе и *где бы то ни было еще* неудачных попыток революции в форме восстаний и разжигания страстей в народных массах под покровительством и при тайном содействии иезуитов. Обратимся таким образом к Британской империи в качестве примера: *старая Англия умирает, и дни ее сочтены*, «Times» от 11 августа 1885 года констатировала, что «почти все (римско-католические) прелаты заявили о своей приверженности Национальной лиге». Вслед за этим «Times» от 9 сентября сообщила, что «организация преступлений и насилия в Ирландии быстро развивалась под эгидой Национальной лиги и *с благословения духовных руководителей народа*».

По крайней мере, в прежние времена ни одна страна не противостояла посягательствам и коварным замыслам папизма лучше и успешнее, чем Англия. Следовательно, нет такой страны, которую иезуитам так хотелось бы разорвать на части и уничтожить. После приведенных выше открытых признаний мы можем обоснованно прийти к заключению, что заговор фениев⁶¹ в целом и все его социальные проявления были организованы и косвенно рекомендованы и присоветованы иезуитами. И происходило это по воле тех, кто скрупулезно им следует.

В старину в Англии были такие государственные мужи, как Питт и Каслри, преданные своей стране и без труда расстраивавшие и

⁶¹ *Фении* — ирландские революционеры, выступавшие за независимость своей республики.

подавлявшие иезуитские заговоры в Ирландии. Столкнувшись с этим, иезуиты с присущими им житейской ловкостью и упорством придумывали с тех пор, как встречать непоколебимость английских государственных деятелей. Они открыто признавались, что положат конец, по крайней мере, остановят вращение колес английской политической машины, *обратив в свою веру ее руководителей*. Всему миру известно, что они обеспечили безопасность нескольких людей из числа самых богатых аристократов. В течение многих лет в странах с римско-католическим вероисповеданием ходил слух, что У.Ю.Гладстон был *частным образом* обращен в римско-католическую веру самим Папой Римским. (См. «Ирландская Церковь, ее гонители и защитники, написано британским резидентом в Испании». Издательство Simpkin & Marshall, 1868 г.) Никто не хочет задаться вопросом, правдиво это утверждение или нет. Мы не осмелились бы причинить вред кому бы то ни было. Мы знаем, что У.Ю.Гладстон — автор «Ватиканизма», а для нас это служит лишь демонстрацией его близкого знакомства с папизмом. Мы интересуемся последним лишь до тех пор, пока он не только преграждает путь к теософии и оккультизму, но и грозит задушить обоих. Ньюмен и другие отступники в пользу папизма начинали с нападок на Церковь, членами которой они спустя некоторое время стали и сами. Что мы действительно утверждали, так это то, что если бы У.Ю.Г[ладстон] был настоящим иезуитом, то не мог бы сыграть им на руку лучше или эффективней, чем сыграл. Назначение Эрла Рипона, не только бывшего католиком, но и прославившегося как человек посредственных способностей, на должность генерал-губернатора Индии предоставило иезуитам отличную возможность; и поэтому иезуитский отец Кер всегда находился рядом с ним в резиденции губернатора в Калькутте и фактически был вице-королем Индии. Этот отец иезуит и был *подлинным автором* «Законопроекта Илберта», который в случае принятия стал бы для Англии большей катастрофой, чем восстание сипаев, а для индусов — и того хуже. Конечно, *в тех условиях* он был разработан для дискредитации английского правления в Индии. Он провалился кое из-за чего, о чем англичане до сих пор ничего не знают, а иезуиты, которые сильно рискуют и привыкли к провалам, — *знают*; и очень скоро они попробуют еще что-нибудь. Предполагаемый «договор Килменгэма» обнаружил стремление использовать любой удобный случай пойти на такую уступку папским пропагандистам, которая до сих пор была самой маловероятной

благодаря усилиям английских государственных деятелей-патриотов. Если мы упустим какой-нибудь из случаев, когда У.Ю.Г[ладстон] пытался нанести ущерб своей стране, то не из-за недостатка материалов. Этот пробел, бесспорно, можно заполнить.

Иезуиты в последние годы откровенно признавались, что надеются достигнуть цели, перетаскивая на свою сторону невежественных простых людей. Следовательно, У.Ю.Г[ладстон] в 1885 году играет в угождение простолюдинам, предоставляя право голоса двум миллионам сельскохозяйственных рабочих. Любой человек, знакомый с английским крестьянином, знает, что тот так мало смыслит в этом или так низко ценит свой голос, что его, вероятно, в любой момент можно было бы купить за пинту пива; но что если вы пообещаете любую невыполнимую вещь, которой бы он страстно домогался, то можете быть уверены в большинстве голосов за любую партию. Добившись этой (разумеется, совершенно случайно) имитации политики иезуитов, У.Ю.Г[ладстон] ускоряет свой временный уход с поста, чтобы на всеобщих выборах получить, как он рассчитывал, подавляющее большинство голосов только что освобожденных рабочих, а затем снова вступить в должность и принимать любые меры, какие ему заблагорассудится. Он обманулся в подавляющем большинстве — были допущены незначительные ошибки, — но всё еще думает, что, наверно, сможет ухитриться реализовать эффектный план дальнейшей передачи Ирландии в руки неразборчивых в средствах подстрекателей до такой степени, чтобы последующая агитация довершила разрыв и расчленила Британскую империю, что давно уже стало заветным планом иезуитов. Если У.Ю.Г[ладстон] и не был иезуитом, то мы думаем, что ему следовало бы им быть. За его новым приходом к власти быстро последовал митинг бунтарского толка на Трафальгарской площади, где произносились революционные речи, а в некоторых лучших местах Лондона в течение двух часов мародерствовали люди, кому У.Ю.Г[ладстон], без сомнения, с радостью предоставил бы избирательное право. Все это Вы знаете, как должны также знать, что с тех пор состоялся еще один подстрекательский митинг, на котором главный оратор заявил, что он бы сам, черт побери, перерезал, если б смог, глотки миллиона с четвертью людей, владеющих, как он считал, слишком многими благами мира. И слушатели громко аплодировали.

Иезуиты уже были разоблачены, когда открыто заявили о своем намерении вызвать революцию, чтобы добыть то, что они считают

своими правами. Теперь вот и в Англии есть уличные ораторы, подстрекающие к революции. Не следует ли Вам в таком случае прийти к заключению, что это эмиссары иезуитов? Эти подробности сообщаются, чтобы не только оккультисты, но и народы, сообщества и отдельные лица узнали и получили предостережение против тех, про кого мы можем совершенно определенно сказать, что они враги рода человеческого. Общеизвестно, что Коллегия иезуитов находится в Риме. Но не так хорошо известно, что фактически в течение нескольких лет в Лондоне существуют их штаб-квартиры и существовали даже и до того, как были изгнаны из республиканской Франции. Потом они повалили в Англию в еще больших количествах и получили разрешение приехать, притом, что англичане проявляли свое обычное равнодушие.

Изучающим оккультизм следует знать, что в то время как иезуиты ухитрялись с помощью своих уловок заставлять мир в целом и англичан в частности думать, что такой вещи, как магия, вообще не существует, и смеяться над *черной* магией, сами эти коварные и хитрые интриганы устраивают магнетические круги и создают магнетические цепи концентрацией *своей коллективной воли*, когда им надо достигнуть какой-то особой цели или оказать влияние на какую-нибудь особенную и важную персону. К тому же они еще и щедро используют свои богатства, чтобы помогать себе в осуществлении любых проектов. А богатства их несметны. Будучи недавно изгнанными из Франции, они прихватили с собой много денег, на немалую часть которых скупили английские государственные ценные бумаги, чтобы тотчас поднять их до паритета, на что указывала в свое время «Daily Telegraph». Может прийти такое время, когда их богатство насильственно отнимут у них в пользу бедных, а им самим безжалостно предоставят погибать среди проклятий всех наций и народов. Это Немезида, называемая кармой, хотя часто она позволяет злодеям успешно продолжать свое дело веками. Между тем имеющий уши — да слышит.

ПИСЬМО 107

Моя дражайшая миссис Синнетт!

Графиня — великая выдумщица и *фантазерка*. Несколько дней или пару недель тому назад она спросила, не хочу ли я поехать с ней на неделку в Лондон. Я отказалась, после чего она возобновила атаку. Я сказала, что подумаю; в конце концов она снова спросила меня об этом вчера, и я решительно ответила ей, что не имею ни времени, ни желания, ни денег, чтобы путешествовать даром. Я и не знала, что она писала об этом Вам. Конечно, мне придется поехать в Лондон, и я решилась на это, но через 2-3 месяца, когда буду достаточно готова и после того, как найду в Лондоне то, что нужно, в виде *квартиры* не выше второго этажа, если не удастся найти на первом. Мне придется либо взять мебель напрокат, либо купить и расплачиваться за нее ежемесячными взносами. Мне нужны две комнаты для себя и дополнительная спальня и кухня. Приезжает муж Луизы, некий Дэн, чтобы жить вместе с ней *без зарплаты*, и обещает делать по дому всё, что сможет, так как ей приходится содержать его, а он очень болезненный, — просто за стол и кров. Поэтому благодарю Вас, дорогая, за Ваше любезное приглашение — об этом не может быть и речи. Я слишком неприятный гость, чтобы навязываться своим друзьям больше чем на пару дней. Если Вы сможете помочь мне найти квартиру в Кенсингтоне (лучше в старом доме), и дешевую, — я была бы очень благодарна. Вам известны мои средства; я не могу платить за квартиру более 5-7 фунтов в месяц. Мне вряд ли удалось бы найти две меблированные комнаты за эту цену в неделю — следовательно, мне обязательно нужна квартира.

Теперь о Мохини. Будьте добры, не мешайте мне *исполнять свой долг*. Мне было велено сделать так, и я должна сделать это в той или иной форме. Вопрос не в том, читал ли он этот конкретный документ одному или двадцати собратьям, а в том, что это выражает мнение группы *недовольных*, таких как Артур, Гартман и Мохини, которые взаимно подогревают друг друга и вечно рассуждают о «реформах» и нетеософской деятельности в Адьяре со всяким встречным. Прочтите, пожалуйста, в последнем номере «Path» «Что такое Теософское Общество» Гартмана. Это повторение половины того, что можно найти в статье Мохини. Я *просила* Мохини изложить всё, что он говорил, на бумаге. Но он сделал это в форме памфлета, причем явно

предназначенного для публикации; а так как он отослал это Вам для прочтения и м-р Синнетт выразил негодование, то мне было приказано ответить и *опубликовать свой ответ*. Ну а теперь Вы изменили свои взгляды? Ничего не могу поделать — ибо не изменила свои. Бессмысленно ссылаться на имя Мохини, Артура или даже Гартмана; но *на главное* и *все* их недовольства, изложенные в печати и посланиях и распространенные среди теософов устно, — должна отвечать я, как мне и придется сделать. Если Вы не сможете сделать это равно как и м-р Синнетт, тогда верните мне, пожалуйста, оба послания (Мохини и мое), а я посмотрю, как ухитриться объединить и самой опубликовать их. Повторяю Вам, что я должна исполнить свой долг, если другие не исполнят свой. Я вижу результаты пренебрежения этим и, следовательно, предупреждением о будущей опасности *глазами Учителя* — Вы же не желаете видеть их только потому, что эта опасность не кажется скорой. Поступайте как Вам угодно — только не пытайтесь помешать мне исполнить то, что является моим **священным долгом**. Пожалуйста, пришлите мне обратно послания.

Как насчет восьми страниц из «Тайной Доктрины», посланных мною м-ру Синнету? Он, конечно, прочитал их и либо обнаружил там дух *протила* м-ра Крукса, либо нет. В любом случае пусть непременно перешлет мне их обратно. Скажите ему, что я не могу понять его намеков на мои «язвительные насмешки», я никогда не позволяла себе ничего подобного. Между тем всегда преданно и искренне Ваша

Е.П.Б[лаватская].

Герцогиня окончательно *разорилась* на издании французского «Theosophist». Хочет, чтоб я писала для него!!! Пусть попробует добиться этого.

ПИСЬМО 108

Среда

Мой дорогой м-р Синнетт!

Видимо, во всем, что Вы делаете для меня из самых лучших и самых дружеских побуждений, есть нечто роковое. *И я знала это с самого начала.* Это плод № 1 «Инцидентов»! Вчера я получила от сестры *три* вырезанные из «Нового времени» *колонки*, посвященные этим *проклятым* «Мемуарам», рецензию лондонского корреспондента этой газеты Молчанова на Вашу книгу. Среди прочей дребедени бросается в глаза сентенция в моем письме, которую Вы сами построили (для «Times», где ее бы и не поняли) и опубликовали в памфлете, что «каким бы плохим ни было англо-индийское правительство, российское оказалось бы в тысячу раз хуже». Я не протестую против ее появления в памфлете. Никто его не читал, кроме теософов; но ее публикация в «Инцидентах» — это публичная пощечина России, всем *русским* патриотам, среди которых первыми являются мои сестра и племянницы. Она *возмущена* и готова отречься от меня. Она утверждает, что читала корректуру и вообще *этого* не видела — полагаю, не видела, так как Вы добавили это позднее!

Ну, как бы то ни было, это моя вина, вина скорее из-за моего малодушия, чем из-за трусливого коварства Ходжсона и К° и его обвинения. Если я оставила или заставила его оставить нападки на феномены без внимания, то мне не следовало бы касаться этой грязной, низкой лжи и клеветы. Если бы ваше правительство в Индии *повесило* меня по ложным подозрениям, то я, по крайней мере, оставила бы в России добрую память о себе; а в теперешней ситуации я шпионка, свинья в глазах Англии и бессердечная, непатриотичная негодяйка в глазах всех русских, которых я почитаю и люблю, в том числе и мою собственную сестру — и Габорью, включившего перевод того самого письма в свой «Оккультный мир» на французском языке! Теперь его прочтет каждый русский. А это ложь; моя мерзкая, отвратительная трусливая ложь, за которую я буду краснеть до конца своих дней. Ибо каким бы скверным ни было правительство в России, как бы нетерпимо и деспотично ни относилось оно *к своим собственным подданным*, но даже в наших колониях вроде Кавказа ни одна англичанка и ни один англичанин не получил бы таких оскорблений, как я в Индии, и, уж конечно же, не был бы принят за *шпиона*. Эти простофили и добродушные дураки русские никак не могут выказывать достаточное

радушные, а их власти — достаточную учтивость по отношению к иностранцам, включая англичан, которые ненавидят их, как дьявол — святую воду.

Итак, мне придется признать *свою вину* перед Катковым, который после этого имеет право отказаться от моих статей и оставить меня со скудными 200 рупиями из Адьяра, и прежде всего перед Россией и моими родственниками. Жаль, что Вы не можете прочитать эту гадкую статью, — тогда Вы могли бы понять *мои* чувства. Он приводит в ней всю клевету и историю с отчетом Ходжсона и Обществом психических исследований и говорит, что Вы *достаточно благоразумны*, чтобы *выступить* не в качестве **моего защитника** в «Инцидентах», а просто в качестве рассказчика «забавных» вещей.

Извините меня, пожалуйста, за то, что Вы, конечно, снова назовете одним из «приступов гнева Старой Леди». Я не гневаюсь, но до предела глубоко оскорблена... Как только м-р Крукс покончит с этой архаикой и объявит ее сплошь чушью и вздором, пришлите, пожалуйста, ее обратно, так как мне нужно послать это Субба Роу, который, похоже, теряет терпение именно теперь, когда ему приказали ее просмотреть.

Вечно Ваша и всё та же

Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 109

М...р всё время диктует о каком-то Гроуве, Ч.К.О.⁶² (1855-56), который написал «Корреляции физических сил». Никогда раньше не слышала об этом человеке! Существовал ли вообще некий Ч.К.О. с такой фамилией? Написал ли он такой труд? *О не поддающихся точному определению* силах, которые «не могут существовать»? Он был кандидатом в аспиранты, тем не менее его оккультное прозрение удивительно, говорит он. Не поможете ли мне выяснить это?

Мы *на коне* — ибо «Theosophist» вышел с названием. Я предполагала, что так будет, но считая О[лькотта] способным на всё, — признавала это возможным.

Посылаю Вам почитать странное письмо от О[лькотта]. В общую сумму посланных *теперь* денег он включает 25 фунтов, переданных

⁶² Ч.К.О. — член Королевского общества, в Великобритании соответствует званию академика.

взаимы мисс А[рундейл] и те, что уже истрачены на Д.Н[атха] в Лондоне. Спасибо за всё — бумаги, и заметки, и т.д.

Мне не нужно сочинение Гроува, хочу только узнать, существовал ли он и какую репутацию имел среди людей науки. Знаю, что он был предан анафеме Королевским обществом.

Ваша Е.П.Блаватская.

ПИСЬМО 110

Гартман пишет и хотел бы получить разрешение написать Вам. Говорит, что его парализовали и мешают ему, отдавая должное и помогая мне, потому что он выставлен Олькоттом как *лжец* и черный маг и т.д. По его утверждению, ему сказали, что я *помешала* Вам увидаться с ним в Вюрцбурге, что я нарочно потрудились над тем, чтобы отослать Вас и не дать встретиться с ним. Ради Бога, напишите ему правду. Я хотела, чтобы Вы встретились с ним, и знаю, что будучи дурным и ненадежным, он часто бывает добрым и правдивым (медиум!), но Вы знаете, что *Вас это не интересовало*. Напишите ему, что спешно уезжали в Англию, не могли ждать, но что я не *строила козни*, чтобы помешать Вам встретиться с ним. Адрес: 28, Марц-штрассе, Мюнхен... Я знаю, что он может помочь Вам во многих вещах, хотя он и обозлен на Олькотта, который как всегда вел себя глупо.

ПИСЬМО 111

Мой дорогой м-р Синнетт!

Хотела написать вместе с Артуром — оказалась слишком ленивой отнюдь не из-за отсутствия времени. Теперь Вы, полагаю, уяснили, что не такой уж тот человек исключительный «сумасбродный» *гений*, как Вы любезно называете меня, кто время от времени начинает пороть несусветную чушь и ляпает ошибки. К счастью, я *была* ленива и не написала в тот момент бедняге Джаджу, чтобы отчитать его за *отказ* печатать Вашу статью. Несчастный — он послал Вам корректурный оттиск из чисто американской любезности, а Вы вообразили, что он вообще *отказался* печатать ее! Вам наверняка всё это привиделось во сне, когда Вы читали его пометки синим карандашом на полях; а я прочла только Ваше письмо и всё отослала Артуру, который читал и то и другое, понял Ваше заблуждение и улыбнулся вам обоим за наши тревобления. Ну как?

Спасибо за «Труды». Очень интересен этот Ваш месмеризм. Только почему же Вы никак не можете писать об Индии или индийцах, не позволяя своему перу поддаваться неискоренимым предрассудкам в ущерб истине и фактам? На днях Вы попадетесь, мой обидчивый друг, и раскаетесь. Вы хотите описывать *эзотерические* факты, а вместо этого передаете предвзятое мнение английской расы. Верьте мне, я говорю серьезно. Вы не можете переделывать эзотерическую историю в угоду своим мелким симпатиям и антипатиям. На стр. 20 (последние строчки) Вы утверждаете: «Точно так же, принимая во внимание расы, народ Индии как раса неизмеримо более чувствителен к месмеризму, чем европейцы; вероятно потому, что как раса они находятся на *несколько более низком уровне космической эволюции*». Ну, в самом деле? И Вы называете это эзотерической теософией и теософским учением? Сколько раз твердила я Вам, что если они как раса и ниже европейцев, то только *физически* и в том, что касается цивилизации или, скорее, того, что Вы сами условились считать цивилизацией, — чисто внешний, поверхностный лоск, или *гроб повапленный* из Евангелия с гнильем внутри.

Индусы духовно интеллектуальны, а мы физически духовны. Духовно они неизмеримо выше нас. Той физической стадии эволюции, которой мы достигли только теперь, они достигли, возможно, 100 тысяч лет тому назад. И то, что они представляют собой сейчас в *духовном плане*, вам не стоит и надеяться достичь в Европе раньше, чем еще через несколько тысячелетий. Они уже почти готовы к эволюции подразделений шестой расы, а Европа должна еще нестись за ними со свистом и благодарить свои звезды за эволюционирование, пусть даже случайное, *подобных индусам* духовных и прекрасных личностей.

И еще на стр. 21 Вы пишете: «Высшее совершенство восприимчивости, которое приносит способность к ясновидению... я склонен был бы считать отличительной чертой утонченно развитого и достигшего *более высокого уровня* организма» — последний, с Вашего разрешения, *подавляет* ясновидение и вообще восприимчивость. Чем слабее физические, тем сильнее духовные восприятия. Кроме того, Вы также заявляете, «что качество восприимчивости, проявляемой низшей расой или низшим классом, само по себе ниже качества, которое вновь проявляется в лицах, духовно развившихся выше максимума *физической интеллектуальности*». Если бы вместо физической Вы сказали психофизической, или *духовной*, — это было бы правильней. Должно

быть, Вы писали свой «Труд» в *дурном настроении*. Однако, возможно, мне, к сожалению, придется возразить Вам в «Тайной Доктрине». Я написала это уже давно и так, как было мне *продиктовано*, — и это диаметрально противоположно тому, что утверждаете Вы.

С совершенным почтением, всё та же

Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 112

Воскресенье, Божий день

Возлюбленная сестра!

Я сама ответила Эмили Ноулис, она друг. Но вот что произошло вчера вечером около шести часов. В то время как у меня была миссис Кук, доложили о приходе миссис Купер-Оукли! Так как мне известно, что Вы отказались дать ей мой адрес, я была неприятно удивлена, но <...>.

Итак, она вошла, улыбаясь, сияя счастьем, и даже сама ее шляпка вздымала свои усеянные цветами ветви к небесам в радости и веселии. «Берегись!» — слышала я свой внутренний голос и послушалась его. Затем, заметив миссис Кук, которую она ненавидит и с которой несколько месяцев тому назад у нее вышла крупная стычка, она вознамерилась пожать ей руку, — хотя ее лицо стало мрачным как ночь. Восхитительная атмосфера и аура, распространяемая этим *братски-теософским настроением*, была предостережением! Потом она попросила миссис К[ук] позволить ей поговорить со мной минутку или две *наедине*, и когда мы остались одни, резко спросила меня: «Зачем Вы заставляли меня приехать, Е.П.Б.?» Я робко возразила, что и не помышляла об этом. «Я видела Вас в видении три ночи подряд, — ответила она, — и *дуги* тоже. Вы сказали, что я Вам нужна!»

Я предположила, что, вероятно, это был дугпа, который выдал себя за меня, так как я вовсе не вызывала ее, да и сама ее не посещала. Однако она настаивала и сказала, что у Вас не было времени, чтобы ответить ей, а поэтому у нее не было моего адреса, и она *никоим образом не представляла, куда собирается ехать*, покупая железнодорожный билет. Позволила себе действовать *интуитивно*. Приехала в Верхний Норвуд, *не имея никакого представления, куда едет*. Вышла и пошла как во сне и остановилась перед дверью моего дома, и вот она здесь, «приведенная таинственной силой». Я смиренно выслушала всё это и ответила, что очарована таким развитием психизма в теософе, но что я по-прежнему

решительно не знаю, зачем это было нужно. После этого она сообщила мне, что Учитель передал чрезвычайно благосклонное и любезное послание «Эльфу» через Субба Роу и ей тоже, излагая это *таким образом*: «Передайте Изабель Купер-Оукли то-то и то-то» — текст, непонятный для моих непосвященных ушей, — и она чувствует себя очень счастливой после этого послания.

Я ответила, что счастлива узнать, что Субба Роу оставил свою обычную скрытность. «О, не говорите дурно о Субба Роу, умоляю Вас! — возопила она. — Я действительно очень люблю и уважаю его». Я тоже, сказала я, и у меня и в мыслях не было говорить о нем что-нибудь *плохое*, и т.д., и т.п. Итак, она продолжала заниматься психическим *надувательством* в течение получаса — и хотя едва войдя, она только обменялась со мной рукопожатием, теперь же нежно взяла меня за подбородок и с любовью заглядывала мне в глаза. И теперь я провижу какую-то новую подлость, затеваемую против меня в Адьяре. Уж будьте уверены. Сохраните это письмо, чтобы сравнить и взять на заметку в будущем. О моя пророческая душа! Она удалилась, и тут сошли вниз Берт [Бертрам Кейтли] и миссис Кук и принялись говорить о ней, а я сказала: «Берегитесь, она вернется». О нет, она пошла по улице, сообщили они, эти филистимляне. Мы разговаривали и вскоре слышали стук в дверь, это была **она**, и она подслушивала у дверей — можете не сомневаться. Она, видите ли, кое-что забыла.

Ну — мораль сей басни предоставляю Вашей личной сообразительности. Мои *предчувствия* говорят мне, что это разовьется в хорошенький ком грязи, который будет брошен и останется на стенах Т[еософского] О[бщества].

Ваш «Господь и Учитель», должно быть, лишился невозмутимого душевного состояния и спокойной безмятежности, подобающей его умственному статусу: он послал «Ответ» Субба Роу вместо требовавшихся «богов, монад и атомов». Если он таким же образом перепутает истца и ответчика в своем *деле о разводе*, то чья-нибудь карма пострадает от этого.

Боваджи, знаю, *скрывается* у Хюббе-Шляйдена в Мюнхене и цепляет на себя шиньон Т[еософского] О[бщества]. «Sphinx» улучшится, и наши шансы вместе с ним.

Ваша, в трясине братской любви и болоте теософии,

Старая Леди,
сиречь Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 113

*Письмо, полученное графией от друга
относительно И[ндийского] Б[ратства] Л[уксора].*

«...Вы удивитесь, узнав, что мое имя было поставлено под этим герметическим циркулярным письмом (покупка земельного участка для оккультистов в Америке за *20 тысяч фунтов*) без моего согласия и что я отказалась от этого и потребовала, чтобы мое имя было немедленно из него изъято. В течение некоторого времени я была уверена, что в И.Б.Л. что-то не так, и всячески старалась найти ключ к разгадке. Дело в том, что оккультизмом, существующим на заднем плане, воспользовался некий осужденный преступник. (?) Я раздобыла образчики почерка, а также фотографию, которая устанавливает тождество *движущей силы с преступником, живущим под вымышленным именем*. Он должен был открыть Лондонскую ложу, но я послала в нее друга с фотографией в кармане, чтобы опознать его. Он не появился, но все присутствовавшие узнали в нем человека, объявившего себя инициатором ее создания. Это была грубая попытка отъявленного негодяя и практика черной магии привить бредовый план колонизации на оккультизм» <...> и окончательно наложить на него опалу. Это дело рук иезуитов, о чем я Вам уже говорила. Теперь в этом замешаны Кингсфорд и многие другие. Если Вы не защитите Лондонскую ложу, вашу — настоящую, от присоединения к этой компании, что они, похоже, решили сделать всеми правдами и неправдами, то в случае возникновения какого-нибудь нового скандала общественность никак невозможно будет убедить, что ни *Вы*, ни *мы* в нем не замешаны.

Поэтому будьте осторожны. Пошлите Берта и Арча [Бертрам и Арчибальд Кейтли] за информацией. Разоблачите их во что бы то ни стало, и чем громче будет разоблачение, тем лучше. Предупредите всех теософов циркулярным письмом.

Вечно Ваша

Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 114

Мой дорогой м-р Синнетт!

Никогда не читала «Параниббану» Риса-Дэвидса и поэтому не знаю, насколько он ошибается. Но судя по тому, что я читала из написанного им, я бы сказала, что он ошибается во всем, и самое верное — определить всё это вообще как грубую ошибку.

Мясо вепря, съеденное Буддой, — это, конечно, очень прозрачная символика. Первым обличем, принятым Брахмой, когда он возник из первичного Хаоса (вод, в которых была сформирована Земля, — см. «Рамаяну»), и Ману было обличье вепря, который поднял Землю из этих вод.

Блюдо *из риса* и мяса *вепря* подразумевает брахманизм. В «Тайной Доктрине» толкуется легенда о том, что адепты *левого* пути (потомками которых в настоящее время являются *тантрики*) — брамины с помощью колдовства вынудили Будду съесть мясо вепря с рисом. Этот рис, называемый *pus tsale*, — синоним райского «запретного плода», или яблока. Утверждают, что первые тантрики являются потомками (как и *дугна*) тех браминов, которые, как повествует символическое предание, придя из мира *Дэвов*, жили на Земле и, отведав *pusa tsale*, лишались всех своих способностей и превращались из божественных Адептов в простых смертных в своих телах. Я объясняю этот символизм в «Тайной Доктрине» наряду с другими вещами.

Объяснение этого просто сводится к тому, что восторжествовал брахманизм *левой руки* (вместо *надлежащего божественного Знания*). Рис — это «запретный плод», а вепрь и *свинина* — брахманический экзотеризм — Будда, обреченный хранить тайну и пошедший на компромисс между всей правдой и символизмом настолько, насколько посмел, — эта истина душила его, и он умер от горя, будучи не в состоянии всё объяснить. Кунда (или *Цонда*, как его называют тибетцы и бирманцы), медник или, скорее, сын богатого ювелира, строитель монастыря Понтугон, просит разрешения приготовить еду для Будды и его Архатов. Он убивает молодого вепря или свинью (что строго запрещено буддийским законом) и готовит его с рисом, а *Дэвы* *наделяют* это самыми восхитительными ароматами; и из всего этого готовятся изысканнейшие блюда. Придя к *Цонде*, или Кунде, Будда выбрал свинину с рисом, и, *должно быть, не позволил своим ученикам отведать ее*, так как сказал, что *никто кроме него самого не сможет переварить такую пищу. Он приказал Цонде зарыть ее остатки в*

землю, чтобы никто не смог их съесть; и тут же занемог. Достаточно прозрачно, не правда ли?

После него — Будды — никто не мог проповедовать Закон Добра, строго придерживаясь сущности тайной, *истинной* доктрины и всё же не выдавая ее ни в какой мере, *вводя в заблуждение* публику, — следовательно, сообщив «суть», или «сердце», доктрины немногим избранным, он оставил миру только ее «замысел», или «око», проповедовать который после него было поручено Бодхидхарме и Ананде.

В основе этой смешной аллегии лежит необычайная и ужасная тайна, не известная никому, кроме посвященных. Если бы это были просто свинина и рис — то как же это Будда сравнивает «свинину с рисом» или приравнивает ее к очень вкусному *ногане*, который он ел утром того дня, когда достиг состояния Будды? И зачем бы ему понадобилось посылать Ананду благодарить сына ювелира за изысканную еду и обещать ему великое вознаграждение за нее в будущем в брахмалоке. Я разъясняю это, насколько мне позволено, в одной из глав «Тайной Доктрины», которая *растет, растет и растет*.

500 прекрасных одежд и 500 слоев <...>

ПИСЬМО 115

Согласно Рису-Дэвидсу, *Великая Колесница* устанавливает (или, скорее, говорит о) пять групп миров, в каждом из которых был и будет Будда (см. стр. 204 «Буддизм»): «эти пять Будд, соответствующих последним четырем Буддам, включая Гаутаму и будущего Майтрею Будду, — пять Будд, т.е. те, кто принадлежат к нынешней кальпе, периоду, отсчитываемому с тех пор как Космос был разрушен в последний раз». В написанных на пали и санскрите текстах Будда по имени Гаутама представлен как один из длинной череды Будд, появляющихся в мире через определенные промежутки времени и преподающих одну и ту же систему (тайную доктрину). «После смерти каждого Будды его религия в течение некоторого времени процветает, а затем приходит в упадок вплоть до наступающего в конце концов полного забвения, а на Земле воцаряются порок и насилие. И тут появляется новый Будда, снова проповедующий утраченную *Дхарму*, или Истину».

Опять же, у джайнов есть двадцать четыре Будды, называемых тиртанкарами, двадцать один из которых распределен по семи группам, состоящим из трех Будд, и трех мистических, а в некоторых книгах Гаутаме предшествуют четыре, а не три Будды. Это не противоречие и не расхождение, а незнание тайной доктрины. Гаутама был четвертым Буддой и двенадцатым *Бодхисаттвой* этой *юги* нашей Земли. Он был четвертым Буддой четвертого круга. А также четвертым Буддой завершающейся четвертой расы (между четвертой и пятой). Пятый, или Майтрейя Будда, придет после частичного исчезновения пятой расы и тогда, когда шестая раса уже утвердится на Земле в течение нескольких сотен тысячелетий, между полным завершением существования остатков пятой расы и шестой расой, и поэтому он называется пятым Буддой. Шестой появится в начале седьмой расы, а седьмой — в ее конце, возможно, за полмиллиона лет до ее завершения, когда будут раскрыты заключительные, самые последние тайны.

Учение о том, что «у каждого земного смертного Будды имеется совершенный двойник в мистическом мире, не испытывающий разлагающего влияния этой материальной жизни; или, скорее, что Будда в условиях материального мира — это всего лишь видимость, отражение, или эманация, или тип Дхиани-Будды...» правильное (см. с. 204). Число Дхиани-Будд, или Коганов, бесконечно, но только *пять* фактически признано в *экзотерическом* буддизме и *семь* — в эзотерических учениях.

Рис-Дэвидс заявляет, что «в X веке новое существо — на этот раз бесконечное, самосущее и всеведущее — было *изобретено* и названо *Ади-Буддой*, изначальным Буддой». Ошибка. «Ади-Будда» упоминается в древнейших санскритских книгах и представляет изначальную Мудрость, являясь названием коллективных Разумов Бодхисаттв и Будд, или Дхиан-Коганов. «Считается, что он выделил из себя пять Дхиани-Будд в процессе пяти медитаций; в то время как каждый из них, прибегнув к мудрости и созерцанию, выделил из себя соответствующих Ботхисаттв, и каждый из них снова выделил из своей невещественной сущности Космос, материальный мир. Предполагается, что наш нынешний мир — творение четвертого из них — Авалокитешвары» (стр. 207). Неправильно. Семь Дхиан-Коганов назначаются в начале каждого *круга* для воплощения в качестве Ботхисаттв — начиная с мира А, затем В и т.д. Первый соответствует Будде первой расы и, являясь ее покровителем, в нужный момент воплощается и становится таким образом Буддой. *Второй* становится Бодхисаттвой при второй расе и

проделывает то же самое на каждой планете. Третий и т.д. вновь появляется каждые семь раз. Таким образом:

Дхиани-Будда, т.е. Дхиан-Коган	Воплощенный как Бодхисаттва	Возвращение как Мануши (человеко-) Будды
1. Вайрачана	Саманта Бхадра (конец 1-й расы)	Краку-Чанду
2. Акшобья	Ваджрапани (конец 2-й расы)	Канаки Муни
3. Ратна	Ратнапани (конец 3-й расы)	Кашьяпа
4. Амитабха	Авалокитешвара (конец 4-й расы)	Гаутама
5. Амогасиддха	Висвапани	Майтрейя
6. ...	...	...
7. ...	Мистические имена	...

ПИСЬМО 116

Вюрцбург

Послала Мохини для исправления статью «Есть ли души у животных». Прошу его привезти ее Вам, чтобы Вы посмотрели страницы, которые ему велено Вам показать. Там у *Шиштов* (или остающихся)⁶³ Вы найдете подтверждение того, сколь близок к истине был наш общий друг А.П.С[иннетт] в своей «Теории Ноева ковчега». Я очень занята «Тайной Доктриной». Повторяется нью-йоркская история — только гораздо отчетливей и сильнее. Я начинаю думать, что это *реабilitирует* нас. При всем том такие картины, панорамы, сцены, *допотопные* драмы! Никогда не видела и не слышала ничего лучше. Ваши расчеты «лучшие и самые верные, какие могут быть приведены в этом конце 5000 года Кали-юги». *Следите за своими впечатлениями и отвернитесь от Общества психических исследований и его оголтелых идиотов.*

Е.П.Б[лаватская].

⁶³ *Шишты* — в индуизме великие избранные, или Мудрецы, остающиеся после каждой малой пралайи, чтобы после пробуждения стать семенем нового человечества.

ПИСЬМО 117

Числами групп Дхиан-Коганов вокруг кольца «Не преступи» являются 1, 3, 5, 1 и 4, а также 3, 1, 4, 1, 5; а при написании подряд без промежутков они читаются 13514 и 31415. В обоих случаях это *дважды семь*, ибо как бы ни читать, будет 14 (при сложении отдельных цифр). А с астрономической точки зрения, *как мне сказано*, — это численное значение длины окружности круга, диаметр которого равен *единице*, или значение «пи», что бы это ни значило! Выясните, пожалуйста, что это означает при использовании в астрономических таблицах? А также какой смысл имеет используемый астрономами *«постоянный коэффициент»*? Мне сообщаются вещи, о которых я имею не большее представление, чем о математической оценке количества моих «детей». Забавно, что АЛ'ХИМ (Элохим) должен давать точно то же самое число без нулей. Таким образом, **א** (а) — это 1; **ל** (л) — 3; **ה** (х) — 5; **י** (и или йод) — 1 (0) и **ד** (м) — 4 (или 40). Это дает точно 13514, или анаграмматически, с помощью метода *Темуры*, это может быть записано 31415 — проклятое «пи», о котором я ничего не знаю. А Вы, будучи ученым мужем? Ответьте, пожалуйста, понятно — а не то я снова окажусь в тупике.

Ваша 530550.

ПИСЬМО 118

Уважаемый сэр и союзник!

Вчера Франц Гебхард осчастливил меня своим приездом и порадовал мой слух следующей цитатой из письма, которое Вы, возможно, уже читали:

«Помимо того блока рода людского, к которому мы принадлежим, переходящего по кругу по цепи планет, — как правильно описано в “Эзотерическом буддизме”, — *существуют еще 6 подобных блоков, одновременно развивающихся на других частях цепи*».

Я выслушала это в безмолвном смятении и вечно хранила бы об этом молчание, если бы далекие звуки голоса Учителя не поразили меня как свящ <...> пощечина, раздаваясь с северо-запада (совершенно неожиданно! Он должен странствовать где-то в Европе, мой Хозяин) и

веща: «Не дайте теперь Синнету снова пойти по *ложному* пути. Объясните». Прямо-таки будто это я сознательно увлекла Вас на ложный путь, а не гнусная любознательность Вашей собственной *мадам Синеи Бороды!* Легко сказать «объясните». Сам бы попробовал; потому что если я объясню, а Вы меня не поймете, или — что вполне вероятно — я не смогу объяснить так, чтобы Вы поняли, отвечать за это буду я и, как обычно, буду единственной виноватой. Тем не менее слушайте, и, возможно, Вам удастся также понять, что *отвратило* даже Мохини от чисто механического пути и заставило его писать такую невыразимую чушь, какую он написал в «Человеке» — с точки зрения простого механического устройства Космоса, причем довольно-таки правильной, если понимать это применительно к «одновременной эволюции» *шести рас*, о которой Вы рассуждаете по-сократовски, притом, что Ваш *даймон* нашептывает это Вам на ухо. Ибо я не понимаю, *каким иным образом* Вы смогли бы до этого додуматься.

Помимо нашей собственной есть шесть рас, которые в итоге составляют, только представьте себе, семь рас. Семь высших и семь *более низких*, или низших, составляющих в итоге четырнадцать брахманических *лок*, о которых говорится в «Веданте». Вот эзотерический текст: «Из *пяти упятеренных элементов* (пяти упятеренных Будд Риса-Дэвидса и эзотерического буддизма) происходят, или появляются, один над другим, миры *Бхур, Бхувар, Свар, Махар, Джанас, Тапас и Сатья*; и один *под другим* — нижние миры, называемые *Атала, Витала, Сутала, Расатала, Талатала, Махатала и Патала*». Теперь все востоковеды устроили из этого еще худшую путаницу, чем напороли бы Вы, если бы мне не приказали великодушно прийти к Вам на помощь. Уилсон в «Вишну Пурана» (стр. 209, 225, том II) делает из этого обыкновенную *мешанину*. Да и от вашего великого математика Эллиота, которого Вы хотите использовать при исчислении *продолжительности*, никакого толку не будет, потому что он не знает основополагающего числа, не подлежащего разглашению. Так говорит Хозяин, а не я. И тем не менее.

То, что я сообщаю Вам сейчас, не используйте, пожалуйста, раньше, чем эти сведения появятся в «Тайной Доктрине», ибо они взяты оттуда в том виде, как их передал мне Учитель.

Эти семь миров вверху и семь *внизу* не могут рассматриваться Вами как «блоки» *рода человеческого* — и здесь Мохини совершенно

прав, утверждая, что «монады, признаваемые на Земле как нечто человеческое, не могут, строго говоря, так называться, если они развиваются на *других планетах*», — хотя и слово «планета» неверно, а более подходящим термином был бы «мир». Эти невидимые (для нас) миры, в которых «одновременно с нашим блоком рода человеческого» эволюционируют *другие человечества* или, скорее, наделенные чувствами и разумом *существа* (придумываю слово, ибо как же можно называть их «человечеством?»), не располагаются на других планетах, *так как у каждого из семи шаров, или планет, нашей цепи есть такой двойной семеричный цикл колец* — в данном случае Сатурн является всего лишь *полуоткровенной и искренней планетой*, — и именно это вначале привело Хьюма в ярость по отношению к Учителю К.Х., и это заставило Мохини возражать Вам *по внешнему виду*, ибо размышляя об *этом*, он так ничего и не узнал о физическом или механическом устройстве нашей цепи; и именно поэтому Мах[атма] К.Х. вечно твердил о вас обоих: «Оба правы, и оба ошибаются».

Ну а теперь я прошу Вас не *материализовать* эти миры на основе вашего *пятого* принципа. Они не имеют абсолютно никакого отношения ни к *пространству*, ни к *времени*, как уже поняли ваши величайшие математики, но пребывают всецело *вне пространства и времени* — в *кантианском* смысле, хотя и укладываются в концепции пространства и времени *Дхиан-Коганов* и даже *Дэвакхана*. Если Вы вообще поняли, что Цёльнер в действительности подразумевает под своим «четвертым измерением пространства», то можете продолжить следующим образом и поразмыслить об этих семи *высших* мирах и семи *низших* так:

1. Наш шар D — имеет три измерения *своего собственного* пространства (триаду); ибо *Бхур* — *во главе угла*. Но в действительности их у него *семь*, хотя в этом четвертом круге могут быть известны только четыре, а семь измерений пространства — это участь седьмой коренной расы шара D в седьмом круге.

(Но у него пять чувств в пятой коренной расе и будет семь *физических* чувств в седьмой коренной расе к концу этого круга; ибо чувства имеют отношение к эволюции первой коренной расы нашего четвертого круга, в которой *речь* также полностью развилась. Я имею в виду пять чувств, *известных психологии*. (Помните, что мы находимся как раз примерно в средней точке кругов (три с половиной круга) и

прошли половину из коренных рас, что касается духовных чувств, то счет...

2. Теперь *Бхувар*, относящийся к элементу (духу, а не материальной) Воде, — у него шесть измерений пространства и четыре чувства: звука, осязания, формы (или зрения) и вкуса.

3. *Свар* — пять измерений и три чувства: звука, осязания и формы (или зрения), ибо он принадлежит жару, или элементу Огню.

4. *Махар* (элемент Воздух) — четыре измерения и два чувства: звука и осязания.

5. *Джанас* (элемент Эфир) — три измерения и одно чувство: звука, включающее все остальные.

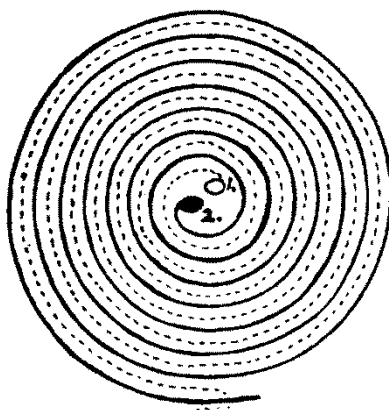
6. *Тапас* (Сверхэфир, ни один из известных здесь элементов) — два измерения, семь чисто духовных чувств.

7. *Сатья* — вся совокупность Бытия, или Существования, или одно духовное измерение, включающее всё; и одно чувство: **вселенское** чувство, или «Яйцо Браммы».

Наверху находится Сат (или Парабрахм), не имеющая подобной **реальность**.

Эти миры порождаются эволюцией, тогда как семь низших идут по пути инволюции в следующем порядке: Атала, Витала, Сутала, Расатала, Талатала, Махатала и Патала; измерения и чувства следуют в том же самом порядке — седьмой является *внутренним*, или «материальным Яйцом Браммы» на эзотерическом языке, в отличие от «Яйца Браммы» — вместилища и хранилища всех этих четырнадцати миров. Материалистические *экзотерические* религии усматривают в них семь царств небесных и семь преисподних. Посвященные *знают*, что они представляют собой четырнадцать *планов существования*, один внутри другого, — и если это можно представить с помощью какой-либо фигуры, то это выглядит таким образом, как центростремительная и центробежная силы — одна направо, другая налево. Синий карандаш означает *эволюцию*, красный — *инволюцию*⁶⁴.

⁶⁴ Синий карандаш означает эволюцию, красный — инволюцию. — На рисунке пунктирная линия представляет синий карандаш, а черная — красный.

1. Центральная точка. «Яйцо Брамы». **Единый Дух.**

2. Внутреннее «Яйцо Брамы» в центральной точке — **Материя**. Н.В. В данном случае материя чисто духовная. — «Духовное начало **Зла**, тогда как другое является *духовным началом Добра*».

Ни один из этих миров не может быть представлен материалистами этой Земли. Каждый находится на ином *плане* существования, *внутри* и вокруг нашего мира, являющегося *седьмым* с обоих концов — если вообще существует конец.

Поэтому витая раковина священна; раковина, оружие, — в левой руке Вишну *Спасителя* и *чакра*, или колесо, — в правой руке, символизирующие вечную циклическую эволюцию и инволюцию. Но эти четырнадцать миров или «шесть других *блоков* рода человеческого», как Вы их называете, не находятся ни *внутри*, ни *снаружи*, ни *вверху*, ни *внизу*. Они, как сказано выше, совершенно независимы от *местоположения*. Поэтому не *материализуйте* их, а читайте Канта или еще лучше «Философию бессознательного» т. II. Э. фон Гартмана, хотя мы полагаем, что это вызовет у Вас отвращение. По словам Х[юббе]-Шляйдена, он очень несовершенен, но всё же самый понятный из всех немецких философов относительно *начала индивидуальностей* и с помощью эзотерической философии окажется на верном пути.

Через день-два отошлю Вам «Человека» Мохини *с исправлениями* (разумеется, лишь неточных мест). Второе издание с учетом «Тайной Доктрины» совершенно необходимо.

И письмо, которое я послала Вам, — тоже нужное. Исправьте и отредактируйте его и перешлите мне, чтобы я переписала и послала его в «Theosophist».

А теперь до свидания. Попытайтесь *эфиризировать* Ваши мысли, мой благородный коллега и союзник, и да прольет на Вас Господь Бог Израиля немножко своей духовности, как пролил ее на *Осию*, образованного и сдержанного оратора.

Между прочим, рассуждая о Господе Боге, я сделала открытие: «*грош* цена» — исходит не от культурного Майерса. Я нахожу, что это стихийное творение ума лорда Веллингтона. «Так довольна»! ибо теперь я действительно на том же уровне культуры и поэтического искусства, что и английская аристократия. Сердечный привет милой хозяйке и домочадцам!

Ваша, в пространстве и во времени, как и вне оных,

Е.П.Б[лаватская].

ПИСЬМО 119

Вторник

6, Людвиг-шт[рассе], [Вюрцбург]

Мой дорогой союзник!

Полагаю, Вы сердитесь на меня за мою тревогу? Ну ничего *не могла поделать*. К тому же Боваджи и Хюббе-Шляйден только что говорили о «материалистических» взглядах, которых Вы придерживаетесь относительно всего в целом. Теперь я знаю, что поскольку физическая эволюция планет продолжается — Вы *совершенно* правы, и не *Ваша* вина, если Вам не было рассказано большего. Как бы то ни было, я вовсе не убеждена, что это «материалистично», а причина, по которой нас вынуждают *поэтизировать* истину и *факты*, — это больше того, чем я могу сообщить.

Я не утверждаю, что новая теория или перспектива «противоречит» Вашему представлению, ибо до сего дня я пребываю в неведении относительно этого «представления». Я говорю так непонятно, *так* путано и вообще так порчу всё сказанное, что вовсе неудивителен сделанный мной вывод: Вы совершенно неправильно меня поняли — и поэтому я стремилась загладить свою вину, принеся *публичное покаяние*. Но Вы-то почему испытывали раздражение, когда писали письмо? Ведь я *почувствовала это всем своим существом*, как только начала читать его.

Итак, Вы говорите, что такое «представление» сложилось у Вас во время чтения некоего материала из «Тайной Доктрины» (написанного почерком Дарбхаджири). Я внимательно просмотрела страницу за страницей и не обнаружила ничего написанного рукой Д.Н[атха], а только рукой Дамодара, в чем Вы, вероятно, и ошиблись. Это относительно того, что происходит с Землей (и другими планетами) во время затемнения? Это? Ибо если это так, то могу сообщить Вам, что Дамодар писал это *под диктовку*, но Вы не совсем правильно поняли смысл. Это *действительно* относится к «мирам», о которых я говорю, и звучит (восстановленное в своем *исчерпывающем* смысле) так:

«Она (планета) не может пребывать в покое так долго. Дело в том, что после нашего ухода отсюда планета готовится принять другую группу человечества, следующую за нами. На планетной цепи одновременно эволюционируют *семь групп* человечества; и каждая планета принимает *другую группу* после того, как предыдущая уйдет на следующую планету. Эти семь групп обособлены и не смешиваются друг с другом». (Но некоторые из них, как я покажу, смешиваются с нами или нашей планетой.) Затем он продолжает рассуждать о *естественных* и искусственных обитателях пятого круга. Это? Надо понимать, это то, что Вы нашли среди моих бумаг, и так как больше ничего нет, то я поговорю об этом.

Ни одна Ваша теория *не* противоречит фактам до такой степени. Но тогда надо представить их Вам в должном свете, а не в фантастическом, как в теории *колец* и *кругов* Мохини. Наш с Вами разговор, как я помню, касался только *избытка* человечества, или семейства, оставшегося при наступлении частичного затемнения, а не *природы* этого семейства. Насколько смогу, постараюсь объяснить. Кстати, Дарбхаджири уверяет, что никогда не имел в виду ничего, кроме четырнадцати брахмалок.

Это миры — для их обитателей такие же *осязаемые* и *реальные*, как наш собственный для нас. И всё же у каждого из них есть *свои собственные природа, законы, чувства*, не являющиеся *нашими* природой, законами или чувствами. Их нет *для нас* во времени или пространстве — так же, как и нас нет в пространстве или времени — для них; как трехмерный мир предполагает существование четырехмерного, так и последний предполагает существование нашего *низшего*. Но размышления об этих трех и четырех измерениях не должны привести Вас к убеждению, что теория Цёльнера применима к Махару, что «мир»,

следующий за нашим, — высший по отношению к нашему — расположен *внутри* нашего (из-за иной природы). В поправках, посланных мною Мохини, я даю правильные замечания о том же самом. Прочтите их, пожалуйста, и Вы лучше разберетесь в этом вопросе.

Учитель всегда смеялся, когда слышал об «узлах», завязанных на веревке со спаянными концами, или *прохождении материи сквозь материю*, упоминаемом как результат действия 4-мерного пространства, тогда как измерение не имеет к этому никакого отношения, и что подобное измерение есть способность *нашей* материи — как известно физикам и химикам, а не нечто, свойственное одному из миров⁶⁵. Они *не являются* «другими семействами на других планетах нашей цепи» и не имеют никакого отношения «к прошедшим межпланетным периодам». Здесь Вы неправы. Как я сказала, у каждой из семи планет нашей цепи есть двойная семеричная *последовательность колец*; но не *объективная* последовательность, как на Сатурне, ибо на Сатурне обстановка и *природа* опять же иные, и опять же это второстепенный вопрос.

Четырнадцать брахмалок являют собой семь миров *внутри* нашего, вот таких и семь *внутри* нашего в таком виде. Ну где мне взять *слова*, чтобы объяснить это Вам? Разумеется, если бы в этих мирах было хоть что-нибудь приближающееся к строению нашего земного шара, то было бы явным заблуждением, *нелепостью* утверждать, что они находятся *внутри* нашего мира и *внутри* друг друга (как они и *находятся*) и что всё же они «не смешиваются друг с другом». Ибо это было бы равносильно утверждению о том, что физический человек может сидеть внутри самого себя и болтать, не замечая этого, своими собственными ногами, свешивающимися из его же носа, и тем не менее я должна заявить, раз уж мне позволено говорить на эту тему, что хотя все эти миры и пребывают, несомненно, в различных *духовных* состояниях, они находятся также и в различных физических состояниях, но тем не менее столь же *физических* в представлении *их* обитателей, как наш собственный.

Ибо что такое измерение пространства? Таковое существует лишь в нашем понимании. Мы представляем пространство трехмерным,

⁶⁵ Согласно Е.П.Блаватской, «в настоящее время проявляется четвертое измерение, потому что мы находимся в четвертом круге, и по аналогии пятое, шестое и седьмое [измерения] в большой мере скрыты в нашем круге».

потому что пока четвертое измерение заявляет о себе только изредка, аномально. Но отсюда вовсе не следует, что раз мы говорим и думаем так, то трехмерная протяженность или пространство должно присутствовать или существовать *per se* [само по себе — (лат.)] в окружающих нас вещах. Это просто означает, что пространство, не зависящее от внутреннего или духовного ока мыслящего существа, — ничто. Представление о трех, четырех, пяти, шести и семимерных пространствах зависит от духовной, а не только от физической или умственной организации человека. Когда я говорю «существует», то подразумеваю существование в том смысле, в каком мы, земляне, понимаем этот термин. Эти измерения подобны *нирване*. Они *есть*, и они не «существуют».

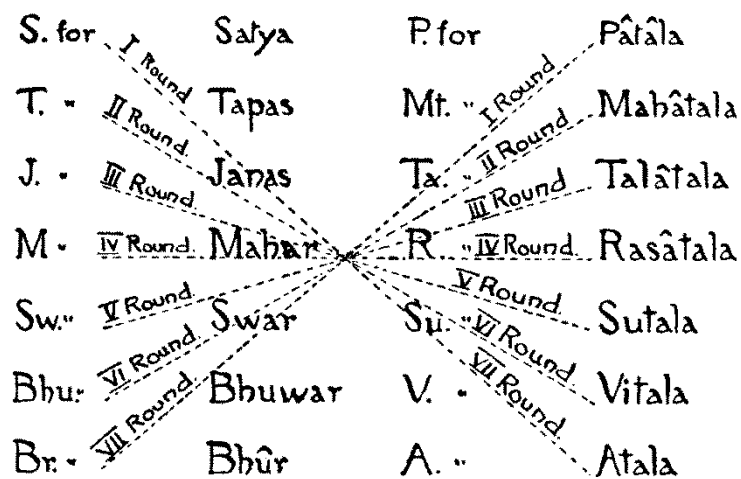
Возьмем существо из нашего трехмерного и существо из мира четырехмерного пространства. Оба созданы из живой материи, оба в некотором смысле материальны (т.е. с точки зрения соответственного состояния *их* «материи», или вещества). Конечно, этим двум совершенно по-разному устроенным существам вещи не могут казаться одинаковыми, и их понятия о них, их представления об одной и той же вещи должны быть различными. Но это различие не основано на, не зависит от и не проистекает из того факта, что вышеупомянутая вещь или предмет претерпевают превращение или действительно видоизменяются в своей природе, потому что одно пребывает в трехмерном, а другое в четырехмерном мире; а вызвано (различие) противоположным характером духовных призм, через которые эти два существа рассматривают проявления в своих мирах. Никакое погружение одной вещи в другую невозможно, поскольку ни одна такая вещь не создана для «погружения».

Чтобы стать оккультистом, необходимо отказаться, в известном смысле, и от материалистических, и от спиритуалистических взглядов на природу. На взгляд *истинного* оккультиста, современное *неокантианство* (апостериори) так же вызывает возражения, как и современный *антиматериализм* *априори*, — если Вы понимаете, что я хочу сказать. И с этой (оккультной) точки зрения, полное неприятие материализма *неизбежно* приведет к полному неприятию спиритуализма, а это совсем не так. Вы и Мохини — два противоположных полюса, совершенно не способные сблизиться друг с другом, если только не встретитесь на строго оккультном пути или, скорее, на путях оккультизма. Я *вынуждена* повторить Вам эти слова —

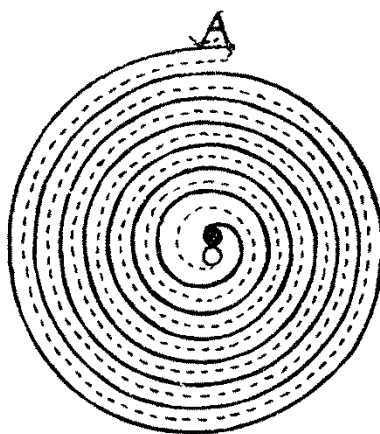
понимайте, как хотите. Он парит в пятимерном пространстве, которое в нашем трехмерном мире равносильно $2+2=5$ и сломанному зонтику в придачу; а Вы прочно пребываете в трехмерной сфере, пытаетесь заставить высшие измерения сползти вниз и приспособиться к вашей трехмерной сфере вместо того, чтобы самому подняться до их уровня.

С этой удвоенной «любезностью» я продолжаю. Это слово «измерение» чертовски обманчиво. Но что поделать! Утверждается, что семь или, вернее, четырнадцать миров, из которых верхние семь в своем *духовном развитии* постепенно выходят из материи один внутри другого, а другая группа духовно развивается, также *постепенно* погружаясь в материю, — эволюционируют одновременно, потому что таков порядок вещей; но так как Сатья начинает первым, а затем следует Тапас, а после него Джанас и т.д., и т.д., а наш мир имеет эзотерическое название «Махар-Расатала», то в результате Вам придется составить арифметическую прогрессию, ибо будь я проклята, если смогу это сделать. Я достаточно сильна в *окультичной* метагеометрии и метафизике, но совсем не разбираюсь в арифметике, не зная ничего о ее четырех правилах, кроме названий.

Положим, Махар-Расатала занимает такое положение, а точки ухода помечены красным и синим:

В то же самое время, хотя Сатья и начинает первым с Аталой = человечеству в первом круге, все остальные приходят в движение в том же самом круге — Сатья с Аталой (первая субраса), Тапас = Виталу (вторая субраса) и т.д. до Бхур-Патала — седьмой субрасы. Но в *субрасах* они постепенно развиваются от первой до седьмой степени сорок девятой части, а в *кругах* — от первой до седьмой степени седьмой части целого.

Красное⁶⁶ — это материя, или нижние семь миров. Материя эволюционирует *снаружи внутрь*.

Синее — это дух, или «верхние» миры. Дух эволюционирует *изнутри наружу*.

Эта двойная эволюция представляет наше человечество и мир и шесть одновременных с ним материальных миров и наше человечество и мир с шестью одновременными духовными, или *верхними*, мирами.

Предположим теперь, что при этой *двойной* семеричной эволюции каждый мир из двенадцать дополнительных является для нас *риторической фигурой*, и мы представляем для каждого из них в отдельности и коллективно именно такую *абстракцию*, и что в процессе эволюции через семь планет и семь кругов два из четырнадцати всегда должны, так сказать, перемешиваться друг с другом, развиваясь в направлении духа, или «Яйца Браммы», а также деградируя в направлении материи. «Яйцо Браммы» — как в своей конечной духовности в начале, так и в конце, т.е. на планете А — в первом круге и планете Z — в седьмом круге.

В этом двойном движении *наш мир* — единственный, о котором мы можем судить по объективной реальности, представляет собой вовсе не *единый* отдельный мир, а смесь двух на каждой планете, с которой исходят остальные, с которой изошел в свою очередь наш мир, или Земля. Таким образом в первом круге на планете А человечество принадлежит Сатье и Атале; во втором круге — на планете В оно представляет Тапас-Виталу; в третьем — Джанас-Суталу; в четвертом — Махар-Расаталу и т.д., и в процессе постепенных переходов в расы и субрасы оно отражает, в соответствии с восхождением и нисхождением,

⁶⁶ *Красное...* — на рисунке красный цвет представлен черной линией, а синий — пунктирной.

качества и атрибуты физические и духовные всех и каждого из них в отдельности. Итак, *наш* круг Махар-Расатала [4-й], а наша раса — Свар-Сутала, потому что пятая. Для нас, в нашем представлении, это всего лишь отражение качеств на духовном плане и отражение атрибутов на материальном или физическом — наложение на нас отпечатка или развитие в нас дополнительных чувств, способностей восприятия и т.д. Но фактически в мире Реальности (*Единой Реальности*) это совсем не так. Мы все в одном смысле *майя*; но мы нечто *реальное* в наших собственных глазах, в пространстве и времени и пока это продолжается на нашем плане. Махатма не стал бы говорить о них, поскольку представлялось бессмысленным ссылаться на них, когда вряд ли найдется хоть кто-нибудь, кто сможет разобраться в кольцах и кругах. Эти миры не получают *в наследство* нашу Землю, но так как у Сатья-Аталы шесть отправных точек в направлении Бхур-Паталы, который развивается или приходит в движение только в седьмой расе, — то у Адептов имеется, по-видимому, какой-то расчет (о котором мне ничего неизвестно), чтобы вместе со «сливками» рода человеческого в каждом круге и расе (начиная с четвертого круга, так как в предыдущих трех кругах не было никакого заслуживающего упоминания развитого человечества), вместе с Шиштами — семью Риши и одним **ВОИНОМ**, оставались те, кто в хвосте. В противном случае это не помогло бы нам справиться с затемнением и трудностями обитателей 5-го круга.

Так что Вы видите, что разумные существа этих *лок* не «допускают перемещения», но в каждом круге два из них — одно духовное и одно материальное — смешиваются с нами. И теперь в этом круге, к примеру, они берут у нас то, что отдали нам прежде, — наши пять чувств и наши измерения, и начинают отражать на нас свои чувства и измерения, но у них есть *вдобавок* — их собственные, которые возвращают им наши и являются причинами *феноменальных* явлений на нашем земном шаре и среди нас, и всегда всё в большей и большей степени по мере нашего продвижения вперед. Они не царства небесные и не преисподнии, ибо их *состояния* — это опять же нечто иное.

Как верно говорит веданта, *Вайсванара*, или дух человечества (Вираджд), ничуть не лучше тщеславия, которое *и есть* Вайсванара, или всё человечество.

* * *

Я сама не очень сведуща в этих вещах и, вероятно, что-то путаю и порождаю ошибки. Но Учитель сказал мне, что если «не случится ничего из ряда вон выходящего» (?), Он, а также Махатма помогут мне, так как Они теперь часто бывают здесь из-за «Тайной Доктрины». А теперь до свидания.

О, передайте, пожалуйста, миссис С[иннетт] — я забыла упомянуть об этом в своем письме, — если Учитель, как я слышала, что-то написал, то это показывает только, что *мои* страдания интересуют Его не более чем несчастья блохи, да и с какой стати Ему интересоваться? Какое для Него дело или развлечение в этом?

Но Он в самом деле обещал мне не поступать так — во всяком случае не так, чтобы подобные писания имели касательство ко мне. Ну что я *могу* сказать!

Вечно Ваша

Е.П.Б[лаватская].

ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Авалокитешвара: 487, 488.

Адам: 385.

Адвайта: 161.

Адвайтисты: 72.

Адепты: 8, 9, 31, 48, 55, 70, 75, 99, 129, 131, 138, 144, 145, 150, 174, 247, 272, 281, 483, 506.

Адепты левого пути: 483.

Ади-Будда: 487.

Айер Шундра: 68.

Акху (псевдоним махатмы Мории для А.Кингсфорд): 150.

Ал'хим: 490.

Ананда (любимый ученик Будды): 484, 485.

Арундейл Франческа (?-1924): 57, 111, 159, 160, 162, 185, 238, 283, 298, 321, 344, 345, 389, 397, 406.

Арья Самадж: 155.

Астральный свет: 23, 232, 385.

Атом: 199, 480.

Ашрам: 72, 327.

Бабула: 79, 170, 171, 220, 248, 272, 283.

Бак Д.Д.: 315, 316.

Бауэн — (миссионер): 222.

Берген Карл, д-р, фон: 333, 435, 436, 443.

Бессмертие: 9.

Бибич: 292, 295, 374, 375, 383, 398, 417, 418.

Биллинг, м-с: 49, 174, 422.

Бисмарк: 459, 461.

Битсон: 60, 61.

Бишен Лал: 320.

Блаватский Н.В. (1809-72?, первый муж Е.П.Блаватской): 171, 316, 317, 358, 356, 359.

Боваджи Дарбхаджири Натх: 160, 204, 205, 212, 223, 238, 272, 315, 320, 330, 341, 342, 344, 346, 355, 360, 363-365, 367, 369-371, 423, 424, 435, 480, 498.

Бог, боги: 8, 47, 50, 67, 70-72, 111, 126, 134, 162, 165, 167, 179, 180, 200, 385, 480, 496.

Бодхидхарма: 484.

Бодхисаттва: 47, 73, 486-488.

Брама: 494, 495, 505.

Братство Гималайское, или Тибетское: 9, 43, 47, 56, 58, 66, 72, 73, 456.

Браун У.Т., м-р (1857-?): 103, 118, 149.

Брахма: 483.

Брахманизм: 483.

Бригху (бог): 385.

Бриттен Хардинг, м-с: 127.

Бруно Джордано (1548-1600): 222.

Брэдлиу Чарльз (1833-91, лидер британского социалистического движения в конце XIX в., чьей сподвижницей была А.Безант в молодые годы): 137.

Будда Гаутама: 167, 486, 488.

Будда Майтрейя: 386, 486-488.

Буддизм: 27, 50, 93, 149, 161, 162, 170, 173, 260, 299, 341, 417, 418, 484, 486, 487, 492.

Бутлеров А.М. (1828-1886, выдающийся русский химик, убежденный спиритуалист): 453.

Бутон, м-р: 384, 392, 393, 460.

Бхавани Роу: 114, 272.

Бхола Шарма: 100.

Бэнон, капитан: 29, 53, 118.

Ватсон, м-р и м-с: 67.

Вахтмайстер Констанция, графиня (1838-1910): 312, 333, 351, 355, 439.

Вебстер Форстер: 97, 113.

Веданта: 492, 506.

Веллингтон, лорд: 496.

Визианаграма раджа: 100, 105.

Вильямс: 26, 27.

Виттгенштейн Эмиль: 293, 415.

Витте, г-жа (тетя Е.П.Блаватской): 434.

Витте (двоюродные братья Е.П.Блаватской): 289, 427.

Вишишта-адвайта: 460.

Вишну (инд. бог): 496.

Восьмая сфера: 110.

Вселенная: 6, 67, 72, 90, 200, 204, 283.

Габорьо Ф.К. (чела Махатмы Кут Хуми): 196, 197, 379, 471.

Гайквар Бароды: 105, 155.

Ган Густав Алексеевич (дядя Е.П.Блаватской): 306.

Ган Иван Алексеевич (дядя Е.П.Блаватской): 317.

Ган Николай Густавович

(двоюродный брат Е.П. Блаватской): 306.

Ган Петр Алексеевич (отец Е.П.Блаватской): 417.

Гарибальди (сыновья): 289.

Гартман Франц, др. (1838-1912): 212, 237, 240, 243, 249, 270, 282, 285, 292, 294, 313, 315, 370, 388, 458, 468, 474.

Гауф: 161, 167.

Гебхарды (семья): 119, 120, 121, 130, 148, 172, 176, 181, 236, 237, 290, 312, 321, 332-335, 341, 353, 355, 363-365, 370, 384, 396, 398, 404, 413-415, 419, 420, 426, 435, 437, 441, 491.

- Гелугпа** (течение в тибетском буддизме): 130.
- Гермес** (гр. бог): 58, 71.
- Герметизм**: 145, 174, 481.
- Глинка**, г-жа (подруга Е.П.Блаватской): 235, 414.
- Гладстон У.Ю.**, м-р (1809-98): 402, 408, 463-465.
- Гномы**: 50.
- Гордон**, м-с: 14, 15, 35, 38, 39, 72, 80, 140, 220, 416.
- Гордон**, полк.: 140, 220, 416.
- Гоуинг**, м-с: 159, 162.
- Гофман**, герр фон: 238.
- Гофман**, фрау: 398, 399.
- Гранди**, м-с (лит. персонаж): 43, 46, 96, 100, 422.
- Грандизм** (приверженность светским условностям): 96, 97.
- Греттон Гиери**: 116.
- Грин**, м-с: 61.
- Гроув**, м-р: 473.
- Дадли Д.**, д-р: 79, 86, 281.
- Дадли**, м-с: 281.
- Дамодар К. Маваланкар**: 27, 33, 34, 39, 40, 61, 65, 107-109, 111, 112, 120, 128, 134, 141, 149, 153, 204, 220, 231, 244, 261, 272, 295, 312, 323, 324, 365, 367, 499.
- Дафферин**, лорд: 411.
- Дафферин Г.**, м-с: 97, 98.
- Даянанда Сарасвати** (1825-88): 149.
- Деб Гуал К.** (Джуал Кул?): 35, 39, 48, 59, 61, 65.
- Джадж Уильям Куан**: 108, 175, 314, 384, 409, 414, 460, 475.
- Джайнизм**: 486.
- Джуал Кул** (чела Махатмы Кут Хуми): 48, 56, 58, 59, 65, 69, 97, 106, 108, 119, 138, 147, 163, 174, 175, 178, 183, 196, 197, 260, 261, 262, 324, 325, 404-406, 451-453.
- Дифференциация**: 451.
- Долгорукие**, князья: 170, 407, 427.
- Дондуков-Корсаков А.М.**, князь: 13.
- Драмард**, г-н: 427, 428, 429.
- Драммонд**, г-н: 229.
- Дугпа**: 76, 111, 130, 169, 234, 237, 238, 243, 264, 370, 443, 444, 478, 483.

- Дхарани Дхар Каутхуми** (чела Махатмы Кут Хуми): 134, 140.
- Дхиан-Коганы, или Дхиани-Будды**: 249, 441, 487, 488, 490, 493.
- Джут-Синг**: 93, 94, 134, 272.
- Дэвакхан**: 133, 223, 359, 395, 493.
- Дэвидсон П.**: 316.
- Дэвисон**: 72, 94.
- «Евмония»** (пароход): 430.
- Енох** (библ. патриарх): 385.
- Желиховская Вера Петровна** (родная сестра Е.П.Блаватской): 309, 316.
- Замужество** (Е.П.Блаватской): 312, 376, 378, 413, 417, 427, 432.
- Иегова** (иуд. Бог): 394.
- Иезуиты**: 288, 372, 395, 397, 461-466, 481.
- Иисус Христос**: 27, 31, 46, 52, 70, 125, 200, 341, 360, 402.
- Илларион** (греческий Адепт): 285, 304, 306, 375-377.
- «Император»** (спиритический дух): 126.
- Инволюция**: 494-496.
- Индивидуальность**: 66, 496.
- Индусы**: 17, 18, 25, 46, 65, 68, 83, 104, 105, 119-121, 123, 126, 156, 203, 226, 229, 244, 245, 254, 257, 258, 272, 320, 341, 344, 403, 410, 411, 458, 464, 476.
- Инцидент с сапфировым кольцом**: 97.
- Калиостро**, граф: 222, 223.
- Карагеоргиевич** (сербский господарь): 304, 305.
- Кармишель**, м-р и м-с: 97, 98, 100, 111, 113.
- Катинка** (сербская княжна): 303, 306.
- Катков М.Н.** (1818-87, известный русский публицист, издатель ж. «Русский вестник» и г. «Московские ведомости»): 225, 227, 382, 385, 407, 471.
- Католицизм**: 93, 118, 129, 130, 136, 145, 257, 375, 442, 462, 463.
- Кворидж**, м-р: 421.
- Кейтли Арчибальд** (1858-1930): 482.
- Кейтли Бертрам** (1860-1945): 447, 479, 482.
- Кенни Герберт**, м-р и м-с: 97, 100, 111.
- Кейтнис**, леди: 160, 168.
- Кер** (иезуит): 463.

Кингсфорд Анна (1846-88): 23, 49, 56, 58, 94, 103, 109, 110, 115, 122, 123, 130, 132, 134, 137, 138, 143, 147, 148, 151-153, 165, 166, 168, 174, 175, 179, 184, 185, 239, 315, 316, 358, 417, 421, 422, 435, 438, 447, 481.

Киселевы, граф и графиня: 306, 375.

Кислингбери Эмили, м-с: 118, 140, 416.

Климент Александрийский: 386.

Коган (Владыка Братства Махатм: 15, 24, 45, 51, 55, 93, 100, 106, 109, 130-132, 134, 167, 169, 174, 182-184, 223.

Кольцо «Не преступи»: 490.

Космогония: 17, 260, 261.

Коуген, генерал: 229.

Крукс Уильям (1832-1919): 449, 450-454, 459, 469, 472.

Кук, м-с: 478, 479.

Куломбы Алексис и Эмма: 7, 101, 103, 141, 156, 157, 191, 193, 199, 200, 213, 217, 221, 222, 229-232, 253, 256, 257, 260-263, 274-276, 280-283, 295, 324, 331, 363-365, 367, 374, 376, 377, 391, 395, 405.

Купер-Оукли Изабель (1854-1914): см. Оукли.

Куэ, проф.: 384, 435, 459, 460.

Кхандавала (судья): 62, 225, 314.

Лайя: 451.

Леви Элифас (1810-75): 72, 76, 119, 129.

Ледбитер Чарльз Уэбстер (1854-1939): 249, 258.

Лейн-Фокс, м-р: 239, 401, 403, 406, 435.

Леонард, мисс: 341, 367, 368, 373, 374, 397, 459.

Лилли У.С.: 167.

«Лишенный наследства»: 13, 27, 30, 31, 39.

Локи (сканд. бог): 492, 506.

Лукка, герцог: 288.

Луна: 110, 148, 178.

Лунатизм: 299.

Львов, генерал: 170, 456.

Магия: 76, 129, 386, 466.

Майерс Ф.В. (известный деятель Общества психических исследований): 99, 111, 125, 150, 157, 202, 219, 220, 227, 235, 236, 257, 258, 273, 297, 298, 350, 389, 395, 428, 439, 496.

Майтрейя: 386, 486-488.

Маха Сахиб: 131.

Махараджа Дурбонга: 105.

Мейендорф, барон: 287, 307, 358, 374, 413, 428.

Мейтланд Эдуард (1824-97): 23, 56, 58, 102, 123, 132, 134, 135, 144, 152, 153, 165, 166, 175, 179, 183, 358, 438, 439, 447.

Мерность пространства: 449-501.

Месмеризм: 18, 61, 447, 475, 476.

Миссионеры (христианские): 25, 157, 202, 214, 263, 295, 352, 372.

Мистерии: 386, 387.

Митрович Агарди: 287-289, 294, 295, 374, 375, 377, 378.

Мозес Уильям Стэйнтон (1839-92): 50-53, 67, 142.

Монада (6-й и 7-й принципы): 480, 492.

Монастырь Понтугон: 484.

Морганы, семья: 93, 98, 138.

Морсье Эмили, мадам де: 184, 229, 252-254, 348, 356, 365, 366, 368, 372, 396, 414, 415, 423, 424, 426-428.

Мохини Мохан Чаттерджи (1858-1936): 125, 135, 146, 154, 160, 161, 169, 175-179, 184, 187, 189, 190, 196, 217, 221, 232, 238, 240, 245-249, 252-255, 260, 264, 268-270, 272, 294, 298, 310, 316, 321, 330, 331, 334, 336, 341, 342, 347, 348, 354, 356-359, 361, 363-374, 379-381, 383, 395, 396, 401, 435, 436, 439, 440-442, 444, 446, 447, 450, 460, 468, 489, 491-493, 496, 499, 500, 502.

Мошелес: 300.

Муттасвами (судья): 106.

Мурад Али: 320, 327, 370.

Мэсси Чарльз Карлтон (1838-1905): 49-57, 67, 94, 103, 105, 138, 153, 161, 162, 165-167, 175, 340, 350, 422.

Нарендра Натх Сен: 140.

Неокантианство: 502.

Нирвана: 162, 451, 501.

Новикова О.А. (1840-1924, подруга Е.П.Блаватской): 309, 310.

Ной (библ. патриарх): 385.

Норендро Бабу: 113.

Ноулис Эмили: 478.

Обренович Михаил: 303, 304, 306.

Общество психических исследований: 7, 158, 191, 192, 202, 206, 207, 218, 220, 221, 227, 229, 235, 243, 260-262, 264, 271, 274, 278, 349, 383, 456, 471, 489.

Один (сканд. верховное божество): 392.

Оккультизм: 19, 158, 195, 197, 198, 200, 237, 290, 307, 315, 340, 347, 463, 466, 481, 502.

Оккультисты: 7, 129, 157, 184, 286, 290, 340, 369, 447, 461, 465, 481, 502.

О'Конор: 33-37, 39-41, 44.

Оксли Уильям: 23, 58, 76, 304.

Оппенгеймер, проф. (врач): 352, 353.

Ориген (ок.185-253/254, известный раннехристианский теолог): 386.

Оукли, м-р (?-1899) и м-с (1827-94): 156-159, 191, 192, 195, 203, 212, 230, 237, 239, 249, 270, 367, 409, 423-425, 478, 479.

Падшах Б.Дж.: 28, 85, 86, 240, 261, 262.

Палмер: 57.

Парабрахм: 494.

Парацельс (1493-1541, знаменитый немецкий врач, маг и алхимик): 222.

Паркер Сара: 117, 139.

Паттерсоны, м-р и м-с: 13, 29, 200, 217, 222, 225, 226, 229, 232.

Пелинги: 15, 43, 54, 152, 173.

Пирамида Хеопса (Великая пирамида): 73.

Пирсон Норман: 126.

Планетная цепь: 491, 493, 499, 500.

Помар, герцогиня де: 94.

Портреты Махатм: 23, 24, 53, 59, 69, 150, 323.

Праджна: 163.

Пралайя: 134, 372, 460.

Пржевальский Н.М. (1839-88, русский путешественник, исследователь Центральной Азии): 456.

Принципы (человека и вселенной): 72, 240, 493.

Протил: 452, 469.

Радда-Бай (псевдоним Е.П.Блаватской для публикаций в русских ж-х. и г-х): 19, 20, 417.

Рамасвами С. (?-1893, чела Махатмы Мории): 98, 122.

Распятие: 386.

Ратиган, м-р: 13.

Редвэй (издатель): 431-433, 436, 437.

Ремнант (адвокат, его имя Блаватская использует как нарицательное в отношении продажных адвокатов): 374, 377, 378, 383, 418.

Рис-Дэвидс Т.У. (1843-1922): 483, 484, 486, 487, 492.

Рише, д-р: 258.

Риши: 385, 506.

Саламандры: 50.

Санскрит (язык): 29, 123, 167, 177, 221, 342, 398, 486, 487.

Сат: 494.

Сатана: 94, 161, 165, 166, 263, 307.

Сатурн: 493, 500.

Сатъя: 492, 494, 503-506.

Свами из Альморе — гуру А.О.Хьюма: 93.

Селлин, проф.: 243, 271, 303, 304, 312, 315, 363, 364, 398.

Сен-Жермен, граф де: 222.

Сензар (язык Посвященных): 157.

Сет (егип. бог): 385.

Сиджвик, м-с: 272.

Сиджвик, проф.: 218, 219.

Скандинавская мифология: 392.

Скотт-Хьюм Минни, м-с: 40, 44, 94.

Скотт Росс: 26, 29, 31, 36-39, 42, 44, 51, 118, 305.

Соловьев Всеволод (1849-1903): 7, 219, 227, 234-236, 258, 287, 289, 297, 299, 347, 348, 356, 357, 359, 365, 366, 379, 381, 382, 396, 413-415, 420, 423, 424, 426-429, 456.

Солсбери, лорд: 411, 457-459.

Солсбери-Стюарт Изабелла: 407.

Спиритуализм: 153, 308, 453, 502.

Спиритуалисты: 7, 51, 52, 76, 77, 87, 89, 90, 93, 208, 316, 339, 349, 415, 502.

Страж Порога: 255, 315, 371.

Стронг, полк.: 111.

Субба Роу Т. (1856-90): 58, 65, 69, 79, 99, 106, 110, 132-134, 137, 138, 142, 146, 151-153, 157, 158, 161, 164, 165, 179, 183, 187, 195, 198, 206, 231, 232, 244, 270, 284, 392, 404, 405, 409, 472, 479, 480.

Тазман М.: 427.

Тантрики: 483.

Тапас: 492, 494, 503-505.

Телугу (один из языков в Индии): 152, 221, 245.

Теософское Движение: 76, 77, 150, 215, 228, 293, 346.

Тёрнер Чарльз: 136.

Толинг (монастырь): 30, 31.

Толмас Фр.: 115.

Томас, м-р (провидец): 57.

Тукарам Татъя: 30.

Уайльд: 50, 103, 110, 118, 125, 126, 139, 148, 149, 153, 216.

Уайльдер, проф.: 126.

Уимбридж, м-р: 260.

Универсальная Тайная Доктрина: 386.

Уорд С.: 107-109, 115.

Фадеев Р.А., генерал (1824-84, дядя Е.П.Блаватской): 160, 299.

Фадеева Надежда Андреевна (1829-1919, тетя Е.П.Блаватской): 297.

Фадеевы (семья): 427.

Факиры: 69, 415.

Феномены: 18, 20, 34, 42, 43, 65, 90, 141, 146, 155, 158, 191, 194, 197, 198, 200, 203, 208-210, 218-221, 224, 226, 228, 231, 238, 273, 274, 277, 280-283, 295, 298, 305, 308, 309, 312, 316, 333, 335, 341, 349, 389, 414, 415, 450, 470, 506.

Ферн И.Ф.: 18, 65, 70.

Фишер: 26.

Флауэр Сирил: 389.

Флинн Мэри: 205, 370, 423, 424.

Хаджи-Мора (псевдоним Е.П.Блаватской): 303, 305.

Хаммерл А., г-жа (из Одессы): 160.

Хаос: 483.

Харрисингджи: 320, 323-326, 328.

Харрисон: 142.

Ходжсон Ричард (1855-1905, эксперт Общества психических исследований): 7, 155-157, 162, 191, 193, 200, 202, 203, 217, 218, 220, 221, 223, 229, 230, 232, 236, 244, 245, 257, 258, 260, 264, 267, 271, 273-280, 282, 283, 287, 297, 298, 309, 313, 320, 321, 331, 340, 348, 357, 358, 363, 365, 371, 372, 388, 392, 395, 405, 439, 470, 471.

Холлоуэй-Картер Лора (1848-1930): 185-187, 232, 247, 255, 269, 431.

Храм Человечества (идея Г.С. Олькотта): 320, 324.

Христианство: 58, 95, 130, 134, 167, 442.

Христианство, эзотерическое: 134, 167.

Хьюм А.О. (1829-1912): 13, 15, 17, 18, 21, 23, 24, 27, 30, 33, 35, 37, 39, 40, 44, 47, 54, 55, 59, 61, 63-72, 74-77, 80, 84, 87, 88, 92, 94, 107, 119, 131, 140, 141, 155, 157, 158, 191, 202, 208, 239, 260, 272, 404, 405, 493.

Хюббе-Шляйден В.М., д-р (1846-1916): 187, 220, 229, 240, 243, 249, 270, 353, 364, 388, 480, 496, 498.

Царь, русский: 395.

Цорн: 229, 414.

Чакры: 496.

Чандра Кушо: 323, 334.

«Человечества» в других мирах: 493.

Черч, м-р и м-с: 29, 31.

Черчилль, лорд Р.: 458.

Чинтамон Харричанд: 155, 156, 258.

Читтьяры: 98.

Шанкарачарья (предп. 788-820): 161, 167.

Шарма Бхола, м-р: 100, 260, 361.

Шишты: 489, 506.

Шмихен Герман (художник, автор наиболее известных портретов Махатм Мории и Кут Хуми): 243, 310, 360.

Штайгер Изабель, де: 56, 162.

Эволюция: 81, 187, 476, 492-496, 498, 499, 503-505.

Эглинтон Уильям (1857-1933): 14, 35, 39, 47, 49, 51-54, 158, 173, 231, 422.

Эго: 338.

Эзотерическая теософия: 35, 415, 476.

Эзотерическая философия (доктрина, учение): 132, 133, 148, 346, 487, 496.

Элементалы: 50, 52, 53, 173, 180, 333.

Элементарии: 50, 180, 306.

Элохим: 490.

«Эрнест»: 35, 44.

Эфир: 494.

Яйцо Браммы: 494, 495, 505.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аллахабад: 17, 28, 29, 32, 35, 39, 141, 231, 305, 389.

Америка: 85, 118, 123, 140, 155, 185, 221, 225, 233, 300, 307, 370, 391, 399, 418, 435, 446, 481.

Англия: 14, 46, 54, 93, 116, 125, 135, 137, 144, 157, 160, 161, 166, 202, 221, 254, 265, 276, 277, 294, 348, 351, 354, 371, 374, 375, 378, 383, 384, 387, 388, 389, 392, 399, 408, 411, 419, 453, 456, 458, 461, 462, 464-466, 471, 474.

Афганистан: 457.

Барейли: 28, 32.

Болгария: 444, 447, 457.

Бомбей: 23, 28, 32-35, 37, 42, 48, 63, 64, 75, 79, 82, 84, 86, 153, 159, 200, 220, 222, 230, 231, 258, 260, 262, 284, 295, 335, 355, 389.

Венеция: 289.

Вюрцбург: 213, 215, 227, 233, 234, 236, 242, 257, 268, 328, 337, 365, 366, 395, 404, 414, 474, 489, 498.

Дарджилинг: 74, 82, 83, 100, 335, 338, 339, 370.

Дехра-Дун: 26.

Дъепп: 383, 384, 387.

Европа: 46, 68, 123, 132, 162, 179, 204, 213, 219, 225, 226, 228, 259, 266, 286, 318, 321, 322, 324, 327, 335, 348, 372, 381, 397, 403, 414, 417, 447, 456, 461, 462, 476, 491.

Египет: 60, 61, 290, 301, 306, 375, 377, 407, 457.

Ирландия: 395, 462, 463, 465.

Каир: 201, 236, 306, 375, 377, 430.

Кашмир: 61, 130.

Кипр: 430.

Китай: 73, 456.

Константинополь: 288, 303, 304, 306.

Лахор: 26, 29, 259, 301.

Лондон: 56, 59, 83, 93, 111, 112, 115, 118, 125, 129, 145, 153, 154, 158, 159, 161, 163, 166, 170, 175, 176, 177, 179, 181, 190, 196, 200, 204, 205, 213, 217, 220, 221, 227, 239, 245, 248, 254, 299, 300, 307, 321, 330, 335, 337, 342, 354, 355, 358, 361, 365, 368, 372, 378, 383, 385, 389, 395, 396, 399, 415, 417, 421, 443, 447, 454, 465, 466, 467, 473.

Лхаса: 15.

Мадрас: 14, 37, 39, 40, 63, 73, 79, 94, 98, 104, 136, 151, 154, 155, 159, 183, 230, 281, 284, 307, 335, 458.

Марсель: 153, 154, 159, 170, 171.

Ментана: 289, 302, 304, 306.

Мессалина: 251, 294.

Мирут: 28, 29, 31, 32.

Мултан: 26.

Нильгири (Голубые горы): 80, 92.

Ницца: 159, 160, 164, 170, 288.

Нью-Йорк: 108, 258, 284, 303, 306, 359, 392.

Остенде: 293, 378, 399, 401, 416, 419, 425, 426, 427, 431, 434, 436, 454, 456.

Пондишери: 117.

Россия: 116, 202, 213, 221, 257, 258, 277, 289, 295, 300, 308, 310, 317, 343, 347, 356, 358, 375, 377, 379, 382, 388, 407, 408, 411, 414, 421, 428, 456, 457, 458, 470, 471.

Саратов: 171, 299.

Сербия: 302, 304.

Сикким: 8, 82, 83, 100.

Тибет: 15, 48, 63, 76, 80, 83, 115, 170, 183, 201, 204, 290, 301, 313, 443, 456.

Тифлис: 289, 302, 375, 417, 421.

Утакамунд: 92.

Флоренция: 288, 289, 302, 304.

Цейлон: 73, 92, 93, 200, 370.

Цинциннати: 315.

Шигадзе: 456.

Ява: 302.

УКАЗАТЕЛЬ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ

Книги

«Апокалипсис» («Откровение» Иоанна): 409.

Чаттерджи М. «Апокалипсис»: 189.

Блаватская Е.П. «Разоблаченная Изида»: 50, 64, 133, 180, 181, 221, 226, 284, 393, 418.

Блаватская Е.П. «Тайная Доктрина»: 6, 9, 133, 172, 177, 179, 180, 263, 266, 267, 271, 312, 313, 317, 342, 355, 362, 383, 384, 385, 392-394, 444, 452, 469, 477, 483, 485, 489, 492, 496, 498, 507.

«Бхагавадгита»: 409, 435.

Гартман Э. «Философия бессознательного» — Hartmann E. «Philosophy of the Unconscious»: 496.

«Киу-те»: 133.

«Книга Дзиан»: 386.

«Пять лет теософии» — «Five Years of Theosophy» (юбилейный сборник Т.О.): 240, 269.

«Рамаяна»: 483.

Рис-Дэвидс Т.У. «Параниббана» — Rhys Davids T.W. «Paranibbana»: 483.

Синнетт А.П. «Карма» — Sinnett A.P. «Karma» (роман): 216, 217, 220, 223, 235, 252.

Синнетт А.П. «Оккультный мир» — Sinnett A.P. «Occult World»: 59, 206, 217, 301, 471.

Синнетт А.П. «Эзотерический буддизм»: 126, 133, 168, 178, 180, 189, 223.

Уилсон. «Вишну Пурана» — Wilson. «Vishnu Purana»: 392, 492.

Хьюм А.О. «Заметки об эзотерической теософии». — Hume A.O. «Hints on Esoteric Theosophy»: 35, 415.

Периодические издания

«Московские ведомости» — газ. (1756-?): 19.

«Ребус» — ж. (СПб., 1881-?): 308.

«Banner of Light» — газ. (Бостон, США, 1857-1907): 138.

«Bombay Gazette» — газ. (Бомбей, Индия, [1813-], 1826-96): 19, 59, 115.

«Bombay Guardian» — газ. (Бомбей, Индия, 1851-?): 222.

«Civil and Military Gazette» — газ. (Лахор, Индия): 13.

«Indian Mirror» — газ. (Калькутта, Индия, 1872-): 113.

«Light» — газ. (Лондон, Англия, 1881-): 50, 51, 56, 58, 87, 109, 110, 148, 404, 405.

«The Medium and Daybreak» — ж. (Лондон, Англия, 1870-95): 87.

«New York Times» — газ. (1851-): 31.

«The Path» — ж. Отделения Т.О. в США (Нью-Йорк, 1886-96): 468.

«Phoenix» — планировавшаяся Махатмой Кут Хуми, но не состоявшаяся общеиндийская газета: 120, 173.

«The Pioneer» — газ. (Аллахабад, Индия, 1865-): 16, 60, 120, 121, 276.

«Saturday Review» — газ. (Лондон, Англия, 1855-1917 [37]): 31.

«Sphinx» — газ. (Лейпциг, Германия, 1886-96): 364, 396, 480.

«The Spiritualist» — газ. (Лондон, 1869-82): 87.

«Spiritual Scientist»: 127.

«The Standard» — газ. (Лондон, Англия, 1827-): 144.

«The Theosophist» — журнал, основанный и редактировавшийся Е.П.Блаватской (Бомбей & Мадрас, Индия, 1879-): 33, 45, 48, 56, 58, 74, 76, 85, 94, 98, 99, 108, 120, 125, 131, 132, 137, 141, 148, 153, 180, 221, 226, 229, 239, 240, 242, 258, 263, 270, 279, 342, 350, 406, 409, 412, 415, 423, 435, 469, 473, 496.

«Times» — газ. (Лондон, Англия, 1788-): 104, 287, 313, 318, 349, 398, 462, 470.